3 1761 08106840 5

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 7,

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
S.4
NO.7-9

ц. 20 к.

Bülleteni literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

9.4
№ 7, 9

Декабрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

AP
50
B5+
9.4
no. 7, 9

СОДЕРЖАНІЕ

1) **Идея всеобщаго спасенія отъ смерти.**

2) **Мечниковъ о современныхъ теченіяхъ въ идеалистической философіи.** (Спиритизмъ. Прагматизмъ. Философія космическаго чувства. Метафизика Бергсона. Взгляды Метерлинка на смерть.)

3) **О Толстомъ.**

4) **Поэтъ-тайновидецъ.** (Полное собраніе сочиненій Ѳ. И. Тютчева.)

5) **Мать передъ казнью сына.**

6) **Новыя пьесы.** („Заложники жизни" О. Сологуба.—„Профессоръ Сторицынъ" Л. Андреева. — „Малый соблазнъ" Н. Мивскаго.— „Торговый домъ" И. Сургучева. — „Союзъ слабыхъ" Шоломъ-Аша. — „Свѣточи" Анри Батайля.)

7) **Новый споръ о бытовомъ театрѣ.**

8) **О погибшемъ произведеніи П. Ф. Якубовича,**

9) **Изъ области таинственнаго.**

10) **Мелочи прошлаго.** (Изъ мемуаровъ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I.—Изъ быта духовенства.—Изъ журвальнаго міра въ провинціи.—Изъ театральныхъ курьезовъ.)

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступ. въ редакцію.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. **„Трудъ".** **Тел. 34-54.** 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ **„Провинція".**

МОСКВА.

Отъ конторы: Гг. подписчиковъ, подписавшихся въ разсрочку, контора покорнѣйше проситъ,—во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, — поспѣшить съ очереднымъ взносомъ къ 1-му января 1913 г.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." „Рус. Вѣд.": „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... „Бирж. Вѣд.": „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" перелетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой. **Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.**

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. **1-е отд. конт.:** Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ" С. Скирмунта". **2-е отд. конт.:** С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Прованція".

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 7 — Декабрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора:
Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Идея всеобщаго спасенія отъ смерти.

Эта идея принадлежитъ Николаю Оедоровичу Оедорову, котораго уже теперь нѣтъ среди живущихъ. Онъ умеръ въ декабрѣ 1903 года восьмидесятилѣтнимъ старикомъ въ полной нищетѣ и неизвѣстности.

Оедоровъ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человѣкомъ, хотя и мало кто о немъ зналъ. Внѣшняя жизнь его сложилась крайне оригально.

Съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Н-лай Ѳ-чъ служилъ въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, занимая самую скромную должность, состоящую въ томъ, чтобы отыскивать по каталогамъ требуемыя читателями книги. И однако эта, повидимому, незначительная должность сдѣлала его, можно сказать, средоточіемъ Румянцевскаго музея, сдѣлала его извѣстнымъ многимъ серьезно занимавшимся въ книгохранилищахъ музея, и онъ изъ простого отыскивателя книгъ по каталогу обратился самъ въ драгоцѣнный справочный каталогъ, къ которому спеціалисты обращались за указаніемъ источниковъ по ихъ спеціальностямъ.

Самъ Н-лай Ѳ-чъ спеціалистомъ не былъ, но свѣдѣнія его были такъ обширны и глубоки по всѣмъ отраслямъ знанія, что не было ученаго, которому онъ не могъ бы сообщить что-либо интересное по его предмету; а Н-лая Ѳ-ча знали и обращались къ нему за указаніями такіе ученые-спеціалисты, какъ Буслаевъ, Ровинскій... За обширность и глубину знаній къ Н-лаю Ѳ-чу питали глубокое уваженіе всѣ его сослуживцы по музею, начиная съ директора,—при немъ ихъ было двое, Дашковъ и Веневитиновъ,—и до послѣдняго сторожа. Сторожа не могли, конечно, оцѣнить его знаній, но уважали, видя всеобщее къ нему почтеніе, несмотря на не значительность его должности и бѣдность его костюма, который назвать скромнымъ было бы недостаточно. Уваженіе сторожей усугублялось еще тѣмъ, что онъ отдавалъ имъ чуть ли не четверть своего жалованья ради того, чтобы они не ропгали на него, приходившаго въ музей раньше всѣхъ, за два часа до открытія, и уходившаго оттуда послѣ всѣхъ, спустя часъ и даже два послѣ закрытія музея, хотя сторожа жили при музеѣ и пребываніе Н-лая Ѳ-ча въ музеѣ излишнее время ихъ ничуть не безпокоило. Къ чести директоровъ музея надо сказать, что много разъ они предлагали Н-лаю Ѳ-чу занять высшую должность, но онъ всякій разъ упорно отказывался, предоставляя занимать предлагавшіяся ему должности другимъ, самъ же довольствовался жалованьемъ въ 498 рублей и особенно дорожилъ тѣмъ, что получалъ менѣе пятисотъ рублей, такъ какъ въ Москвѣ получающіе пятьсотъ и болѣе должны отбывать повинность присяжныхъ засѣдателей, а Н-лаю Ѳ-чу ни за что не хотѣлось быть въ роли судьи.

Въ Румянцевскомъ музеѣ Н-лай Ѳ-чъ прослужилъ до пенсіи, а затѣмъ вышелъ въ отставку, разсчитывая вполнѣ и безраздѣльно отдаться своему великому дѣлу,—разработкѣ вопроса о причинахъ небратскаго состоянія міра и способахъ, какими возможно устранить эти причины и объединить родъ человѣческій въ великомъ общемъ дѣлѣ спасенія. Но пенсія его была такъ мала, всего 17 руб. 51 коп. въ мѣсяцъ, что и ему, не баловавшему себя, было этого недостаточно, и послѣднее время онъ служилъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ былъ принятъ не только съ готовностью, но и съ радостью, потому что и тамъ его хорошо знали.

Н-лай Ѳ-чъ велъ самую строгую, суровую, подвижническую жизнь; обѣда большею частью

не имѣлъ, питался обыкновенно сухоядѣніемъ, только чай пилъ всегда хорошій и довольно крѣпкій, но совсѣмъ безъ сахара: постели никогда не имѣлъ, ложе его всегда было жестко, не имѣлъ даже подушки, которую ему замѣняли книги. Н-лай Ѳ-чъ спалъ очень мало, всего 4—5 часовъ въ сутки, но сонъ его даже въ старости былъ очень крѣпокъ и безъ всякихъ сновидѣній. Должно сказать, что Н-лай Ѳ-чъ не любилъ видѣть человѣка спящимъ; сонъ напоминалъ ему смерть, и онъ говорилъ, что ему всегда хочется разбудить спящаго.

Н-лай Ѳ-чъ былъ извѣстенъ Л. Толстому, Вл. Соловьеву и Достоевскому. Съ Толстымъ у него были принципіальныя разногласія, и онъ при всякомъ случаѣ и совершенно открыто высказывалъ Л-ву Н-чу свои осужденія. Не смотря, однако, на это, Толстой считалъ его за лучшаго и мудрѣйшаго изъ людей и не разъ говорилъ, что гордится тѣмъ, что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, каковъ Н-лай Ѳ-чъ, и что былъ бы послѣдователемъ его ученія, если бы не имѣлъ своего.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ (въ концѣ 1881 года) Толстой, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Есть и здѣсь (т.-е. въ Москвѣ) люди. И мнѣ далъ Богъ сойтись съ двумя. Орловъ одинъ, другой и главный Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ? Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресенья всѣхъ людей во плотн. Во 1-хъ, это не такъ безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствую себя въ силахъ защитить эти взгляды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль, во 2-хъ, и главное, благодаря этому вѣрованію, онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ исполненіи Христова ученія, онъ говоритъ: „Да, это разумѣется“ и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда веселъ и кротокъ“ *).

Вл. Соловьевъ, прочитавъ одну изъ рукописей Н-лая Ѳ-ча, писалъ ему, тотчасъ по прочтеніи, что читалъ всю ночь и часть утра и счелъ своимъ долгомъ выразить, что признаетъ его первымъ, который сдѣлалъ шагъ не къ распространенію ученія Христа, а къ осуществленію дѣла Христова, что его ученіе есть первое со времени явленія христіанства движеніе человѣческаго духа по пути Христову; писалъ затѣмъ, что готовъ признать себя его ученикомъ, но знаетъ, что этого признанія ему не нужно, и все же называетъ его своимъ учителемъ и говоритъ, что вполнѣ и во всемъ съ нимъ согласенъ и остается переговорить лишь о подробностяхъ осуществленія проекта.

Евг. Трубецкой въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей пишетъ: „какъ разъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ приходилось слышать отъ Соловьева о Ѳедоровѣ, какъ о мыслителѣ, у котораго необыкновенно глубокія и даже геніальныя мысли облекаются въ необыкновенно странную, чудаческую форму: глубокимъ и истиннымъ онъ считалъ „проектъ“ Ѳедорова, но онъ весьма скептически относился къ предлагаемымъ послѣднимъ *способамъ осуществленія* этого проекта“.(*)

Достоевскій тоже писалъ (въ мартѣ 1878 г.) Н-лаю Ѳ-чу по поводу его работъ, но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этого письма, и мы не знаемъ, какъ онъ отнесся къ идеѣ „всеобщаго спасенія“.

Н. Ѳ. Ѳедоровъ всю свою жизнь посвятилъ разрѣшенію вопроса о томъ, возможно ли и на какомъ именно дѣлѣ объединить весь родъ человѣческій въ цѣляхъ спасенія его отъ вѣковѣчнаго зла. У него на этотъ счетъ сложилась довольно стройная и крайне оригинальная система, которую онъ по частямъ изложилъ въ многочисленныхъ своихъ писаніяхъ. Однако, при жизни Н-лая Ѳ-ча ни одно изъ его писаній не было опубликовано. И только послѣ его смерти, спустя четыре года, друзья Н-лая Ѳ-ча собрали часть его статей и издали въ видѣ отдѣльнаго тома подъ общимъ заглавіемъ—„Философія общаго дѣла“. Книга эта, заключающая въ себѣ 730 страницъ, издана въ гор. Вѣрномъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступила. Издатели разсылаютъ ее даромъ, но съ условіемъ, чтобы получившій ее сообщилъ, какое она произвела на него дѣйствіе.

Съ содержаніемъ этой таинственной книги теперь насъ знакомитъ Н. П. Петерсонъ, другъ покойнаго Н-лая Ѳ-ча и извѣстный оппонентъ Л. Н. Толстого. Въ своей книгѣ, **) посвященной Н. Ѳ. Ѳедорову, Петерсонъ не касается деталей, а лишь въ общихъ чертахъ знакомитъ съ идеей или, скорѣе, съ проектомъ „всеобщаго

*) Взято изъ ст. Пругавина „О парадоксахъ Л. Н. Толстого“, напечатанной въ „Сборникѣ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ“.

*) См. стр. Евг. Трубецкого: „Жизненная задача Соловьева и всемірный кризисъ жизнепониманія“. „Вопр. Фил. и Псих .“. 1912 г. IX—X.

**) „Н. Ѳ. Ѳедоровъ и его книга „Философія общаго дѣла“ въ противоположность ученію Л. Н. Толстого „о непротивленіи“ и др. идеямъ нашего времени“. Статьи Н. П. Петерсона. Вѣрный, 1912. Ц. 1 р. 20 к.

спасенія", на разработку котораго покойный П-лай Ѳ-чъ положилъ всю свою жизнь.

„Проектъ", о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ высшей степени оригиналенъ, смѣлъ и грандіозенъ. Большинству читателей онъ, конечно, покажется фантастичнымъ. Но самъ авторъ глубоко вѣрилъ въ его осуществимость. Во всякомъ случаѣ проектъ этотъ свидѣтельствуетъ о неудержимомъ, прекрасномъ и смѣломъ полетѣ человѣческой мысли, не останавливающейся ни передъ какими, повидимому, даже самыми не преодолимыми преградами. Съ этой стороны онъ представляетъ несомнѣнный интересъ.

Слѣдующія мѣста, заимствованныя нами изъ книги П. П. Петерсона, даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе о „проектѣ" Н. Ѳ. Ѳедорова.

Богъ создалъ міръ, силы природы, создалъ и человѣка, существо разумное, одаренное сознаніемъ, а потому и способное управлять созданною Богомъ силою. И отдалъ Богъ созданную Имъ силу въ управленіе разумному существу, сказавъ: „Обладайте ею и владычествуйте". Но разумное существо ограничило себя созерцаніемъ и наслажденіемъ, и тогда сила, оставленная самой себѣ, безъ управленія, стала слѣпою, и по бездѣйствію разумной стала творить зло, созидая, стала разрушать созданное... Существо же разумное, признавъ себя лишь созерцающимъ и отождествивъ созерцательность съ разумностью, размножившись, не осталось единымъ и въ лицѣ наиболѣе отчудившихся отъ большинства, ставшихъ блудными сынами, въ лицѣ интеллигентовъ и философовъ (худшихъ изъ людей, возмнившихъ себя лучшими), убѣдило себя, что нужно каждому знать лишь самого себя. „*Познай себя*" было заповѣдью разъединенія и отрицаніемъ необходимости объединенія. Разъединеніе же и борьба сдѣлали людей слабыми, ограничивающими другъ друга. Выходя изъ этой же нечестивой заповѣди, повелѣвающей знать лишь себя, заботиться о своемъ лишь самоусовершенствованіи, и не призвавая послѣдствій разъединенія и борьбы, утратившіе цѣль и смыслъ жизни произнесли великое богохульство, сказавъ будто Богъ создалъ человѣка,— *свой образъ и подобіе*, — ограниченнымъ и конечнымъ.

Въ жизни, какова она теперь есть, для человѣка въ настоящемъ его состояніи существуютъ лишь вопросы, да и сама жизнь при наличности смерти есть вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ не мыслью, а дѣломъ, общимъ всѣхъ людей трудомъ; въ этомъ-то дѣлѣ и заключается и благо, и счастье, или блаженство человѣческаго рода. Безсмертія, т.-е. неотъемлемости жизни, не дано человѣку по праву рожденія (которое не бываетъ безгрѣшнымъ)—безсмертіе можетъ достаться человѣку только *по труду*, какъ слѣдствіе труда. Это вопросы не одного ума, но и чувства и воли. Мы сами для себя и другіе для насъ, какъ и мы для нихъ, представляемъ вопросъ, и весь міръ, несмотря на кажущуюся его необъятность, входитъ въ этотъ вопросъ... Смерть все обращаетъ въ вопросъ... Проживъ столько тысячелѣтій, родъ человѣческій не рѣшилъ еще, для чего онъ существуетъ и на что способенъ, въ чемъ должно состоять его дѣло, *общее дѣло*, дѣло всѣхъ людей въ ихъ совокупности. До сихъ поръ родъ человѣческій не разрѣшилъ вопроса о цѣли и смыслѣ своего существованія, не разрѣшилъ вопроса о томъ,—*„чего ради созданъ быть человѣкъ"*,—какъ это говорилось у насъ въ старину.

„Фил. общ. дѣла" не постановку только, но и предуказаніе разрѣшенія этого вопроса видитъ въ вѣрованіи нашихъ предковъ, въ вѣрованіи древней Руси, что—*„люди созданы быть небесными силами взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія міра въ то благолѣпіе нетлѣнія, въ которомъ онъ былъ до паденія"*... И прежде всего, конечно, предметомъ возстановленія должны быть падшіе, т.-е. умершіе, отцы и братья наши должны быть прежде всего воскрешены.

По воззрѣніямъ автора „Фил. общ. дѣла" требуется объединеніе всего рода человѣческаго, требуется, чтобы и жизнь каждаго человѣка была совершеннымъ единствомъ, чтобы и внутри человѣкъ не разбирался, не спорилъ самъ съ собою, чтобы человѣкъ вступилъ, наконецъ, въ область несомнѣннаго. Несомнѣнно же для насъ одно, что жизнь наша,—наше благо,—вовсе не наша, она отъемлема, смертна. Всѣ наши близкіе, тѣ отъ которыхъ мы получили жизнь, всѣ, которыхъ мы любимъ, безъ которыхъ сама жизнь теряетъ для насъ всякую цѣну,— всѣ они умираютъ, и мы сами, не зная, какъ произошла наша жизнь, не держа въ своихъ рукахъ нити нашей жизни, мы тоже, конечно, умремъ. И если жизнь есть благо, то несомнѣнное заключается въ томъ, чтобы взять въ свои руки нить нашей жизни, чтобы она отъ насъ только зависѣла, чтобы мы сами располагали ею, нашимъ благомъ, и тогда это благо будетъ прочнымъ, неотъемлемымъ. Къ этому всегда и стремился человѣкъ, всѣ его религі-

озныя построенія основаны на сознаніи смертности, на чувствѣ, которое возбуждаетъ въ насъ смерть нашихъ близкихъ, смерть тѣхъ, которыхъ мы любимъ, со смертью которыхъ примириться не можемъ, а если-бы примирились, то засвидѣтельствовали бы этимъ, что мы существа безнравственныя.

Къ тому же направляетъ человѣка и Самъ Создатель, создавъ міръ, т. е. силу, и человѣка, существо разумное. Богъ заповѣдалъ человѣку управлять міромъ, повторилъ эту заповѣдь въ словахъ — „шедше научите крестяще по имя Пресвятой Троицы", а также и въ словахъ,—„будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ". Это стремленіе человѣка, поддержанное божественною заповѣдью, и привело къ тому, что общее во всѣхъ религіяхъ, основа всѣхъ религій есть — поминовеніе умершихъ; культъ умершихъ, культъ предковъ и есть единая истинная религія. Смыслъ поминованія, или культъ умершихъ заключается въ дѣлѣ спасенія отъ смерти, въ дѣлѣ, требующемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способностей какъ каждаго, такъ и всѣхъ людей въ совокупности въ дѣлѣ, обнимающемъ всю жизнь, во всевозможныхъ ея проявленіяхъ; въ этомъ дѣлѣ объединятся и наука и искусство, и все, чѣмъ только красна жизнь человѣческая.

Христіанство есть объединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ, т. е. соединеніе въ любви ядущихъ и піющихъ для возвращенія къ трапезѣ любви отшедшихъ; затѣмъ и ѣдятъ и пьютъ, чтобы имѣть силу возратить къ жизни умершихъ. Христосъ, соединивъ при своемъ отшествіи поминовеніе или любовь къ себѣ (что значитъ ко всѣмъ отшедшимъ) съ питаніемъ, съ тѣмъ, что даетъ жизнь и силу на трудъ, заповѣдалъ собрать всѣхъ живущихъ къ этой вечери любви, любви къ Нему, какъ ко всѣмъ умершимъ, такой любви, которая отдаетъ всѣ силы жизни для того, чтобы увидѣть и услышать Его со всѣми отшедшими.

Избавить, освободить насъ отъ зла, въ которомъ весь міръ лежитъ, и приходилъ нашъ Спаситель; но какъ избавитъ,—безъ нашего ли въ томъ участія? Если безъ нашего участія, то зачѣмъ Онъ приходилъ? И безъ пришествія въ рабьемъ видѣ и безъ страданій Онъ могъ бы это совершить. А если при нашемъ участіи, то какъ говорить, что все уже предрѣшено? Какъ говорить, что Судъ неизбѣженъ, если мы сами должны принять участіе въ нашемъ спасеніи, и отъ насъ зависитъ принять или не принять участіе въ немъ? Какъ говорить, что Судъ неизбѣженъ, если въ томъ случаѣ, когда мы примемъ участіе въ нашемъ спасеніи, мы спасемся, а въ противномъ случаѣ—погибнемъ. Призывая же насъ къ спасенію, отъ нашего въ немъ участія зависящему, могъ ли Христосъ говорить, что мы непремѣнно спасемся; не долженъ ли Онъ былъ, напротивъ, указывать на то, что мы погибнемъ, если не примемъ участія въ нашемъ спасеніи, и указывать главнымъ образомъ именно на гибель нашу, въ случаѣ нашего упорства; отсюда и картина Страшнаго Суда.

Но значитъ ли это, что Судъ неизбѣженъ? Самое пришествіе Христа не свидѣтельствуетъ ли, что мы можемъ и избѣжать Суда, и на Судъ не пріидемъ, но отъ смерти въ животъ, какъ это говорится въ Евангеліи. Конечно, по Божественному всевѣдѣнію Христосъ знаетъ, спасемся мы или же нѣтъ, но объявить намъ, что мы несомнѣнно спасемся, когда спасеніе зависитъ и отъ нашего участія въ дѣлѣ спасенія, значило бы подорвать нашу энергію: для чего намъ особенно усиливаться, если будемъ знать, что во всякомъ случаѣ спасемся.

Ученіе Христа и до сихъ поръ еще служитъ причиною раздора, разрѣшаемаго нерѣдко мечемъ; но это не значитъ, что такъ будетъ и всегда. Такое состояніе свидѣтельствуетъ лишь о нашемъ полнѣйшемъ невѣжествѣ, и только при расширеніи нашего умственнаго кругозора познаніемъ силъ природы, дѣйствующихъ какъ внутри, такъ и внѣ насъ, дѣйствующихъ вопреки нашей волѣ, господствующихъ нынѣ надъ нами и гнетущихъ насъ, — только при познаніи этихъ силъ въ видахъ управленія ихъ дѣйствіями, при умѣньи не подчиняться имъ, а подчинять ихъ себѣ, при умѣніи направлять эти силы по нашимъ нуждамъ (что можетъ быть дано лишь общему согласію),—наступитъ на землѣ миръ, а между людьми водворится благоволеніе, т.-е. любовь, тогда лишь и мечи останутся безъ употребленія и перекуются на орала, т.-е. орудія разрушенія будутъ обращены въ орудія управленія силами природы, въ орудія спасенія. Но силы природы такъ громадны, а человѣкъ едва приступилъ къ изученію ихъ, и изучаются эти силы лишь немногими и не систематически, а каждымъ изъ изучающихъ—въ одиночку и какъ кому вздумается, поэтому не мудрено, что миръ и любовь не водворились еще на землѣ, хотя со времени пришествія Христа и прошло почти двѣ тысячи лѣтъ. Не настало ли однако время,— чтобы всѣхъ обратить въ познающихъ и все въ предметъ знанія; не настало ли время, когда наблюденія, дающія науку, должны производиться не кое-кѣмъ, кое-когда и кое-гдѣ, какъ это нынѣ есть, но всѣми, всегда и вездѣ по общему плану.

Когда христіанство будетъ дѣломъ спасенія

отъ смерти, дѣломъ воскрешенія,—что стало и цѣлью человѣка со смертью уже одного изъ насъ, съ первою жертвою, поглощенною смертію,—тогда и науки станутъ орудіями осуществленія этого дѣла, изысканіемъ путей, способовъ, а искусства самыми способами осуществленія дѣла воскрешенія. Призванная же къ несвойственной ей роли разрѣшенія вопроса о смыслѣ и цѣли—наука и даетъ единственно возможный для нея (въ особенности при настоящемъ, еще зачаточномъ, можно сказать, ея состояніи) отрицательный отвѣтъ,—что нѣтъ ни цѣли, ни смысла.

Согласно такому отрицательному выводу науки и все наше образованіе, наше просвѣщеніе ведетъ къ признанію, что жизнь не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, что весь міръ явился невѣдомо зачѣмъ, такъ же и исчезнетъ, какъ явился, и нѣтъ никакихъ средствъ, никакихъ способовъ предотвратить исчезновеніе, гибель міра; никогда такихъ средствъ и не будетъ, утверждаютъ тѣ, которые учатъ, будто весь міръ, все видимое, всѣ эти чудеса организаціи живыхъ существъ, словомъ все произошло само собою изъ безчувственной матеріи, путемъ развитія слѣпой эволюціи. Такимъ путемъ явился будто бы и самый разумъ, т.-е. новая сила, способная управлять, экономизировать всѣ остальныя силы, которыя съ появленіемъ разума остались всѣ налицо, такъ какъ ничто не теряется въ мірѣ.

И несмотря на это, несмотря на появленіе новой силы, разума, по ученію, основанному на научныхъ будто бы данныхъ, міръ въ концѣ-концовъ не достигнетъ прочнаго удовлетворяющаго всѣхъ устройства, а погибнетъ; по однимъ міръ погибнетъ отъ огня, сгоритъ, (огненнаго конца ожидаютъ и вѣрующіе), по другимъ же міръ замерзнетъ; и существо, надѣленное разумомъ, никогда не будетъ въ силахъ предотвратить гибель міра, спасти отъ гибели свое жилище, а съ нимъ и себя. Міръ погибнетъ, чтобы снова возродиться въ такомъ же несовершенномъ видѣ и чтобы опять создать столь же несовершеннаго носителя разума, этой величайшей силы, которая однако никакого значенія въ экономіи міровой жизни будто бы не имѣетъ и имѣть не будетъ.

Въ мірѣ ничто не теряется, ничто не пропадаетъ, и только разумъ ни на что міру не нуженъ!! Жизнь человѣческая, по научнымъ даннымъ, есть лишь смѣна поколѣній,—т.-е. родятся одни, большую часть своего недолгаго существованія страдаютъ сами, заставляютъ страдать своихъ близкихъ и умираютъ: на смѣну одихъ являются другіе, и также не на радость ни себѣ и никому, неизвѣстно зачѣмъ, проживутъ нѣкоторое время и погибнутъ. И такое понятіе, основанное будто бы на научныхъ данныхъ, у большинства нашей интеллигенціи обратилось не только въ непререкаемое, но даже въ торжествующее убѣжденіе.

Торжествовать, убѣдившись въ своемъ безсиліи, въ своемъ ничтожествѣ—естественно ли это? А между тѣмъ это убѣжденіе въ своемъ ничтожествѣ, въ безцѣльности и безсмысліи всего существующаго считаютъ верхомъ просвѣщенія, находятъ необходимымъ проповѣдывать, распространять его, возводятъ это убѣжденіе на степень истины, аксіомы, не требующей доказательствъ, и даже, какъ это уже сказано, торжествуютъ, придя къ такому убѣжденію, точно съ этимъ убѣжденіемъ одержана какая-то побѣда, а не предрѣшается всеобщая гибель!

Но возможно ли для существа мыслящаго, чувствующаго, для существа нравственнаго, если оно пришло къ полному и искреннему убѣжденію, что нѣтъ ни смысла, ни цѣли существованія, что оно, это существо, есть какая-то роковая ошибка творенія, неизвѣстно зачѣмъ надѣлившаго его сознаніемъ,—возможно ли не только торжествовать, а даже продолжать такое безотрадное, безсмысленное существованіе до того момента, когда почему-то оно будетъ прервано?!.. Если люди живутъ и живутъ сознательно, они не могутъ примириться съ такой безсмыслицей и,—чтобы остаться существами нравственными, продолжая жить,—*должны* употребить всѣ свои силы, всѣ свои способности на разрѣшеніе вопроса о цѣли, а, слѣдовательно, и о смыслѣ своего существованія.

Есть и другое убѣжденіе, по которому жизнь хотя и имѣетъ смыслъ и цѣль, но въ нашемъ участіи,—по крайней мѣрѣ въ сознательномъ участіи,—для осуществленія этого смысла не нуждается; по этому убѣжденію,—какъ это думалъ, между прочимъ, знаменитый Толстой.—мы только небольшіе винтики въ громадной машинѣ, претензія которыхъ сознательно участвовать въ работѣ этой машины, знать, въ чемъ смыслъ и цѣль ея, только смѣшна (но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же мы одарены сознаніемъ?); жизнь міра предрѣшена, предустановлена, и чтобы мы ни дѣлали, предотвратить, измѣнить предустановленную судьбу нашего рода и всего міра мы не можемъ.

Вотъ между этими двумя убѣжденіями и колеблется наша интеллигенція, а эти убѣжденія, какъ одно, такъ и другое, ведутъ послѣдовательно мыслящихъ къ тому, чтобы предаться влекущему насъ теченію, противиться которому

безполезно, да и не нужно,—чтобы предаться всѣмъ дрязгамъ жизни.

Но точно ли наша жизнь пустяки и только безобразіе? Точно ли остальному пространству, въ которомъ мы непосредственно не находимся, до насъ никакого дѣла нѣтъ, и наше существованіе должно ограничиться ничтожною лишь частицею времени, которое мы прожиевемъ отъ рожденія до смерти? Что такое человѣкъ, въ чемъ его отличительное свойство отъ всего существующаго, имѣетъ ли и можетъ ли имѣть какое-либо значеніе въ міровой жизни это особое свойство человѣка, въ чемъ и какъ должно оно проявиться въ жизни всего міра?—Человѣкъ есть, несомнѣнно, порожденіе природы, т.-е. новое сочетаніе ея силъ, новое проявленіе ея самой, и потому—можетъ ли человѣкъ быть чѣмъ-то безразличнымъ, чѣмъ-то ненужнымъ въ природѣ, въ мірозданіи? Отличительное свойство человѣка—не ощущеніе,—ощущеніемъ одарены и животныя,—а *разумъ*, способность познаванія, способность обобщенія, стремленіе обнять *все*. Въ зачаточномъ состояніи разумъ есть и у животныхъ, но разумъ животныхъ далекъ отъ всеобъемлемости, такого стремленія въ умѣ животныхъ и не зарождалось.

Стремленіе обнять *все* можетъ осуществиться лишь въ управленіи всѣми силами природы, въ дѣйствіи на самыя причины всего совершающагося, всего существующаго, т.-е. дѣло идетъ уже не объ общечеловѣческой лишь солидарности, о господствѣ разума, или головного мозга, не надъ явленіями лишь человѣческой жизни, а надъ явленіями жизни всего міра. Человѣкъ, если видѣть въ немъ произведеніе природы, человѣческая жизнь, если она есть проявленіе, сочетаніе тѣхъ же силъ природы, какъ и все въ мірѣ существующее, не можетъ и не должна быть выдѣляема изъ жизни всего міра, не можетъ не имѣть значенія въ экономіи природы и *разумъ*,—это отличительное свойство человѣка, стремленіе все обнять, понять, не почувствовать только или ощутить, но и сознать.

Въ человѣкѣ, или чрезъ человѣка, природа начинаетъ сознавать себя, сознавать свое несовершенство, начинаетъ сама себя видѣть; чрезъ человѣка природа видитъ, что жизнь попирается жизнью, что послѣдующее *вытѣсняетъ* предыдущее, что чувствующее отдано въ жертву безчувственному. видитъ всеобщее шествіе къ смерти, сопровождаемое всякаго рода страданіями. Но видѣть все это, созерцать страданія и смерть и не имѣть силъ, возможности помочь этому, было бы величайшимъ и безцѣльнымъ мученіемъ, а потому мы должны спросить себя, — *„знаніе объ ожидающей землю судьбѣ, объ ея неизбѣжномъ концѣ, обязываетъ ли насъ къ чему-либо, или нѣтъ: иначе сказать, такое знаніе естественно ли, т.-е. необходимо ли и нужно ли оно на что-нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ безполезный придатокъ?“*—Если знаніе на что-либо нужно, то знаніе, къ которому приходитъ чрезъ человѣка природа, заставитъ насъ постанить цѣлью не уменьшеніе лишь человѣческихъ страданій, а уничтоженіе самой причины страданій, т.-е. смерти, ибо всякое страданіе есть умаленіе жизни, приближеніе къ смерти; безболѣзненная смерть явленіе невозможное, и самое выраженіе это заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: для наступленія смерти надо, чтобы главнѣйшіе органы наши претерпѣли измѣненіе, испортились, сдѣлались бы негодными для жизненныхъ отправленій;—какъ возможно, чтобы такія измѣненія произошли безъ страданій, безболѣзненно?!...

Итакъ, устраненіе причины страданій будетъ уничтоженіемъ причины и самой смерти; но возможно ли это? Если мы станемъ на точку зрѣнія тѣхъ, кои думаютъ, что все существующее не есть разумное твореніе, а эволюція слѣпыхъ силъ природы, то *всѣ* силы, создавшія *все*, и теперь существуютъ, никуда вѣдь дѣться изъ міра онѣ не могли; но съ явленіемъ человѣка явилась въ мірѣ новая сила—*разумъ*, способность сужденія, способность предвидѣнія, которая безъ способности устранять все вредное, причиняющее страданіе, была бы безполезнымъ придаткомъ. Если же разумъ обладаетъ и этою способностью, если разумъ обладаетъ способностью управлять всѣми остальными силами, экономизировать ихъ, и если міръ безъ разума пришелъ въ то состояніе, въ которомъ мы его видимъ, то съ разумомъ тѣ же самыя силы, которыя создали все видимое, неужели будутъ безсильны избавить все живущее и чувствующее отъ страданій и смерти, неужели будутъ не въ состояніи предотвратить гибель земли, къ которой она, видимо, идетъ и идетъ для того, конечно, чтобы тотъ же матеріалъ употребить на созданіе новыхъ міровъ, которые также погибнутъ. Для чего это нужно, и почему землѣ не существовать вѣчно, почему не существовать вѣчно и всему живому, всему чувствующему и страдающему отъ умаленія жизни, при чемъ съ явленіемъ въ мірѣ разума, сознанія страданія только безполезно увеличиваются,—безполезно, если сознаніе не приведетъ къ способности, къ умѣнью, не укажетъ способа устранить самую причину страданій, а, слѣдовательно, и смерти.

„Не нужно думать", говорится на 287 стр. „Фил. общ. дѣла", „чтобы мы надѣялись" для упраздненія смерти „на открытіе какой-либо силы, спеціально для этого назначенной; мы полагаемъ, что обращеніе слѣпой силы въ сознательную и есть это средство". „Смерть", говорится дальше, „есть свойство, состояніе, обусловленное причинами, но не качество, безъ коего человѣкъ перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ долженъ быть". Съ человѣкомъ явилось въ мірѣ сознаніе, въ человѣкѣ природа пока еще только взглянула на себя; увидавши же неудовлетворительность всего содѣяннаго ею, природѣ предстоитъ обратить въ сознательное дѣйствіе всѣ силы свои, дѣйствовавшія до сихъ поръ слѣпо.

Силъ одного человѣка для этого недостаточно, конечно, недостаточно и силъ всѣхъ людей, но дѣйствующихъ врозь, по одиночкѣ, безъ общаго плана; чтобы обратить дѣйствія всѣхъ слѣпыхъ силъ природы въ сознательныя, нужны объединенныя силы всего рода человѣческаго, силы всѣхъ людей, дѣйствующихъ какъ одинъ, при чемъ индивидуальныя способности, способности каждаго не должны быть подавлены, напротивъ—должны получить полное развитіе, т.-е. при полной самостоятельности каждой личности всѣ личности должны составлять полное единство, имѣя одну общую цѣль,—превращеніе дѣйствій слѣпыхъ силъ въ сознательныя, чрезъ что только устранится самая причина страданій и смерти. Для устраненія причины страданій и смерти недостаточно и одного хотя бы и цѣлаго поколѣнія рода человѣческаго, хотя бы и дѣйствующаго въ полномъ согласіи всѣхъ индивидуумовъ и при полномъ развитіи всѣхъ силъ, всѣхъ способностей каждаго,—для этого требуется преемственная дѣятельность многихъ поколѣній.

Чтобы быть безсмертнымъ, чтобы устранить причину смерти, человѣкъ долженъ имѣть въ своихъ собственныхъ рукахъ причину своего существованія, долженъ самъ возсоздать себя изъ простѣйшихъ элементовъ; тогда только, т.-е. при умѣньи возсоздавать себя изъ простѣйшихъ элементовъ, и возможно будетъ устранить причину смерти, а, слѣдовательно, и причину страданій. Но умѣнье возсоздавать себя изъ простѣйшихъ элементовъ требуетъ обширнѣйшаго и глубочайшаго знанія, знанія всего мірозданія, а такое знаніе, умѣнье возсоздавать самихъ себя, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаніемъ и умѣньемъ собрать разсѣянный прахъ умершихъ, сложить его въ тѣла и вдунуть, вложить въ нихъ душу живу.

На что же обратятъ это умѣнье существа нравственныя, получившія жизнь отъ отцовъ своихъ, которые умерли, существа, достигшія собственнаго безсмертія, благодаря преемственнымъ трудамъ многихъ поколѣній?! Вопросъ этотъ не требуетъ, повидимому, отвѣта, — кто же усомнится, что существа нравственныя и достигшія собственнаго безсмертія обратятъ всѣ силы на то, чтобы возвратить жизнь своимъ отцамъ, всѣмъ, кому сами обязаны своимъ безсмертіемъ. Безсмертіе же живущихъ будетъ несомнѣннымъ доказательствомъ возможности воскрешенія умершихъ, вѣрнѣе же сказать, только воскрешеніе умершихъ будетъ дѣйствительнымъ удостовѣреніемъ и безсмертія живущихъ. На стр. 111-й „Фил. общ. дѣла" говорится: „Регуляція, въ смыслѣ способности управленія матеріальною природою, не требуетъ безконечнаго времени для своего осуществленія. Возвращеніе же праху, разрушеннымъ тѣламъ жизни, сознанія, души есть только высшая ступень, или степень способности, сознанія и воли, управленія и самоуправленія. Возвращеніе жизни умершимъ и создастъ существа безсмертныя, неразрушимыя; ибо только тогда, когда станетъ не возможнымъ только (что всегда было), но доказаннымъ, т.-е. дѣйствительнымъ воспроизведеніе изъ безжизненнаго вещества жизни, только тогда жизнь и получитъ высшую гарантію вѣчности, неразрушимости, тогда начнется и эстетическая жизнь,—въ смыслѣ творческой".

Къ дѣлу возстановленія всего разрушеннаго, къ дѣлу возсозданія, къ *дѣлу всеобщаго воскрешенія* и призываетъ книга—„Фил. общ. дѣла". И только дѣло всеобщаго воскрешенія можетъ быть общимъ всѣхъ людей дѣломъ, *общимъ*, а не *одинаковымъ* только дѣломъ. Разнообразіе занятій такъ раздѣлило людей, что они перестаютъ уже понимать другъ друга, какъ это—наша интеллигенція и простой народъ, занимающіеся исключительно умственнымъ трудомъ и занимающіеся исключительно трудомъ физическимъ; но и занятіе *одинаковымъ* дѣломъ не объединяетъ людей, не можетъ обратить ихъ въ единый родъ, если мы занимаемся такимъ дѣломъ для обезпеченія лишь собственнаго временнаго существованія, для уменьшенія лишь собственныхъ страданій и увеличенія лишь собственныхъ удовольствій, хотя бы подъ *собственнымъ* и понимали не себя лишь, но и людей намъ близкихъ, почему-либо намъ нужныхъ и дорогихъ. Только дѣло всеобщаго воскрешенія,—не терпящее никакихъ исключеній и потому истинно *общее*—сплотитъ воедино даже занимающихся разнообразною дѣятельностью, направляя все разнообразіе занятій къ единой цѣли, общей и одинаково необходимой для всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Стремленіе къ обез-

ченію лишь временнаго существованія, къ избавленію отъ страданій, которыя въ концѣ-концовъ неизбѣжны при неизбѣжности смерти, а также и къ увеличенію удовольствій временнаго существованія не можетъ быть *общимъ дѣломъ*, такъ какъ все въ этомъ направленіи пріобрѣтенное, служа лишь отчасти для настоящаго, будетъ служить, главнымъ образомъ, для будущаго, намъ неизвѣстнаго, которое и извѣстно намъ никогда не будетъ; служа, такимъ образомъ, не всѣмъ, а лишь нѣкоторымъ, это стремленіе не будетъ уже стремленіемъ къ *общему*, всѣмъ необходимому, а потому и не можетъ объединить и воодушевить всѣхъ въ достиженіи цѣли, для прошлаго—не существующей, для настоящаго—существующей лишь въ малой степени и для будущаго—призрачной.

Всеобщее воскрешеніе, для котораго необходимо знаніе всѣхъ силъ природы, проявляющихся во всемъ совершающемся, во всемъ существующемъ, требуетъ обращенія всякаго занятія въ изслѣдованіе и каждаго занимающагося чѣмъ бы то ни было въ изслѣдователя, требуетъ такой организаціи занятій, чтобы ничто узнанное при этомъ не пропадало, а дѣлалось бы достояніемъ всѣхъ, общимъ достояніемъ.

Такова идея Н. Ѳ. Ѳедорова, и онъ не называетъ ее утопіею, а *проектомъ*, призывомъ людей къ общему дѣл , которое приведетъ къ полному умиротворенію, создастъ изъ рода человѣческаго единое цѣлое, которое и противопоставитъ себя всему мірозданію, но не для того, чтобы бороться съ нимъ, а для того, чтобы стать душою, разумомъ вселенной, чтобы устранить все зло, которое совершается по слѣпотѣ тѣхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ нынѣ наша жизнь, *наше благо*, взявъ эти силы въ свое управленіе, а не дѣлая изъ нихъ, какъ нынѣ, законы природы, которымъ должны будто бы подчиняться даже существа разумныя. Разумныя существа безсильны,—безсильны вслѣдствіе розни и вражды, въ которой мы нынѣ находимся.

„Природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ“... Но этотъ работникъ долженъ же что-нибудь создать, и не можетъ работа его оставаться всегда безплодною, и природа не на вѣки же вѣчные должна остаться мастерскою?!.. И храмъ, пока онъ не созданъ, а лишь созидается, тоже еще не храмъ, а лишь мастерская; такъ и природа—мастерская, заключающая въ себѣ все, необходимое для созданія изъ нея храма, а человѣкъ—работникъ въ ней, созидающій храмъ...

И. И. Мечниковъ о современныхъ теченіяхъ въ идеалистической философіи.

Недавно вышла книга И. И. Мечникова „Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія“. Въ ней собрано нѣсколько популярныхъ статей автора, разсѣянныхъ за сорокъ лѣтъ въ различныхъ журналахъ и объединенныхъ теперь одною общей мыслью, направленной главнымъ образомъ къ установленію раціональнаго міропониманія.

Статьи эти, конечно, представляютъ выдающійся интересъ. Но мы въ данный моментъ остановимся на вступительной части книги, гдѣ И. И. Мечниковъ подвергаетъ бѣглому критическому разбору нѣкоторыя современныя теченія идеалистической философіи. Этотъ разборъ „строгаго позитивиста“ и „откровеннаго агностика“, какъ самъ себя называетъ Мечниковъ, заслуживаетъ, несомнѣнно, особаго вниманія.

„Не должно ли міровоззрѣніе, основанное на началахъ строгаго позитивизма и откровеннаго „агностицизма“,—спрашиваетъ И. И. Мечниковъ,—уступить одному изъ новыхъ теченій человѣческой мысли, стремящихся проникнуть за предѣлы опытнаго познанія?“

И, конечно, позитивистъ-агностикъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Спиритизмъ.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—пишетъ И. И. Мечниковъ,—что за послѣднее время все болѣе и болѣе сказывается потребность къ разрѣшенію вопросовъ, передъ которыми въ недоумѣніи останавливается положительное знаніе. Долгое время многіе надѣялись, что явленія спиритизма откроютъ новую область вѣдѣнія, которая съ успѣхомъ дополнитъ пробѣлы, оставляемые точной наукой, и докажетъ существованіе нематеріальнаго духовнаго міра. Но за послѣдніе годы акціи спиритовъ сильно пошатнулись.

Извѣстный мыслитель, Гюставъ ле-Бонъ, принялъ къ сердцу стремленіе спиритовъ доказать справедливость ихъ утвержденій. Онъ предложилъ премію тому, кто, при наличности надлежащаго контроля, покажетъ существованіе медіумическихъ явленій. Вызовъ однакоже остался безъ отвѣта. Продолжая интересоваться этимъ вопросомъ, ле-Бонъ собралъ нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ изъ главныхъ французскихъ спиритовъ. Несмотря на все усердіе послѣдняго, никто изъ присутствующихъ не могъ убѣдиться его доводами, между тѣмъ какъ рѣчь хозяина вызвала все-

общее одобреніе. Изъ разспросовъ, обращенныхъ къ гостямъ, оказалось, что никто изъ нихъ (кромѣ вышеупомянутаго спирита) никогда не былъ свидѣтелемъ явленій, подтверждающихъ существованіе медіумизма. Когда очередь дошла до меня, то и я присоединился къ общему мнѣнію. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать на спиритическихъ сеансахъ, но они всегда оканчивались неудачей. Въ моей личной жизни тоже никогда не приходилось встрѣчаться съ явленіями, сколько-нибудь похожими на спиритическія.

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи извѣстнаго англійскаго физика, сэра Оливера Лоджа, собрано все, что только можетъ утвердить вѣру въ существованіе безтѣлесныхъ духовъ, вступающихъ въ общеніе съ людьми чрезъ посредство медіумовъ, и, слѣдовательно, вѣру въ безсмертіе души. Авторъ не скрываетъ того, что онъ „инстинктивно“ раздѣляетъ эту вѣру и высказываетъ предвзятое мнѣніе въ этомъ смыслѣ. Но ему хотѣлось бы найти научное доказательство существованія души безъ тѣлесной оболочки и онъ выбивается изъ силъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Вотъ выводъ, къ которому въ концѣ-концовъ приходитъ нашъ авторъ. „Я принадлежу,— говоритъ онъ,— къ числу тѣхъ, которые думаютъ — требуя однакоже новыхъ доказательствъ, еще болѣе сильныхъ и болѣе послѣдовательныхъ,— что въ настоящее время наилучшая, хотя бы и провизорная, гипотеза состоитъ въ допущеніи возможности, въ случаяхъ наиболѣе ясныхъ, существованія ясновидящаго сношенія съ умершими. Эти явленія наблюдаются среди цѣлой суммы побочныхъ данныхъ, бо́льшая часть которыхъ обнаруживаетъ безсознательное происхожденіе и не имѣетъ доказательной силы“. Лоджъ надѣется даже, что когда-нибудь люди окажутся въ состояніи сообщаться съ существами, „находящимися въ отдаленномъ пространствѣ и, быть можетъ, даже внѣ его“, въ небесномъ эонрѣ. Онъ не признаетъ доказательными фотографіи привидѣній и вообще высказывается съ большими колебаніями относительно существованія духовъ, требуя болѣе убѣдительныхъ доводовъ. Но всѣ его симпатіи на сторонѣ спиритизма.

Авторъ предисловія къ книгѣ Лоджа, французскій спиритъ или спиритологъ Максуэль, настаиваетъ на томъ, что рекомендуемый имъ авторъ признаетъ лишь „возможнымъ“ общеніе медіумовъ съ духами. „Онъ допускаетъ, что собранныя наблюденія оправдываютъ принятіе, въ видѣ временной гипотезы, сношенія живыхъ съ мертвыми“. Но, прибавляетъ Максуэль отъ себя: „не подлежитъ сомнѣнію, что мнѣніе Лоджа само по себѣ не убѣдительно; опыты, на которыхъ онъ основываетъ свое сужденіе, могутъ быть объяснены иначе, чѣмъ онъ это дѣлаетъ“.

Итакъ, даже при наличности самаго благопріятнаго отношенія къ спиритизму двухъ приведенныхъ авторовъ, все же остается еще много мѣста для сомнѣнія въ явленіяхъ, которыя они считаютъ возможными, хотя и не достаточно доказанными. При такихъ условіяхъ понятно, что спиритизмъ не насчитываетъ много послѣдователей.

А между тѣмъ въ современномъ обществѣ существуетъ несомнѣнная потребность къ рѣшенію вопросовъ, относительно которыхъ наука безсильна. Въ только что вышедшей книжкѣ французскій философъ *ле-Роа* (Le Roy) довольно обстоятельно касается этого настроенія. По его мнѣнію, новое поколѣніе считаетъ, что если настоящій разумъ и „способенъ понимать очень различныя вещи, каждую по мѣрѣ ея особенности, то неразумно воображать, будто дѣйствительность можетъ быть сведена исключительно къ одному ея проявленію, а знаніе— къ одной его формѣ“. Это поколѣніе думаетъ, „что наука, даже расширенная и болѣе приспособленная, чѣмъ теперь, вѣдающая только то, что существуетъ въ наличности, то-есть одни факты, совершенно неспособна разрѣшить загадку человѣческой жизни. Наука нигдѣ не проникаетъ въ самую глубину вещей, да и на свѣтѣ существуютъ не только однѣ вещи“. Этимъ объясняется „тоска по вѣрѣ“ и „воскресеніе метафизики, то возрожденіе идеализма, которое составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ нашей эпохи“. Эта потребность нашла себѣ выраженіе въ многочисленныхъ попыткахъ создать идеалистическое міровоззрѣніе, способное повести къ возникновенію новой религіи.

Прагматизмъ.

Недавно скончавшійся американскій философъ *Джэмсъ* былъ столь убѣжденъ въ существованіи загробнаго міра, что обѣщалъ послѣ своей смерти найти способъ духовнаго общенія съ своими друзьями. Онъ однакоже до сихъ поръ не выполнилъ этого обѣщанія. Но послѣ него осталась попытка создать философію, входящую въ рамки „прагматизма“. Это—чисто практическое построеніе, очень напоминающее тѣ религіи, которыя проповѣдывались не ради ихъ соотвѣтствія съ истиной, а въ виду приносимой ими пользы людямъ. Внушалась, напримѣръ, „геена огненная“ не потому, что она существуетъ, а только какъ мѣра для предупрежденія дурныхъ поступковъ.

„Прагматизмъ допускаетъ все. Онъ допускаетъ логику, онъ допускаетъ чувства и готовъ считаться съ самыми ничтожными и частичными опытами. Если мистическіе опыты могутъ повести къ практическимъ послѣдствіямъ, то онъ согласится и съ ними. И если бы оказалось, что при этомъ могъ встрѣтиться Богъ, то прагматизмъ призналъ бы и Бога, живущаго среди мелкоты обыденныхъ событій". „За признакъ истинности прагматизмъ выбираетъ то, что всего болѣе можетъ послужить для руководства къ жизни..." Такъ какъ „потребность нравственнаго распорядка, который бы не ограничивался временемъ, составляетъ одно изъ глубочайшихъ вожделѣній нашего сердца", то прагматизмъ допускаетъ „идею Бога, несмотря на то, что она уступаетъ въ ясности математическимъ даннымъ... но потому что она представляетъ практическое преимущество, обезпечивая намъ идеальный строй, господство котораго не можетъ быть ничѣмъ нарушено". И вообще, „принципы прагматизма не позволяютъ намъ отбросить гипотезу, если она ведетъ къ слѣдствіямъ, полезнымъ въ жизни".

Нося чисто практическій характеръ, прагматизмъ не задается рѣшеніемъ общихъ вопросовъ бытія. *Джэмсъ* не считаетъ, „чтобы человѣческій опытъ представлялъ высшую форму опыта, существующаго на свѣтѣ". Онъ думаетъ, напротивъ, „что по отношенію къ міру въ его цѣломъ мы похожи на нашихъ любимцевъ собакъ и кошекъ, въ ихъ отношеніи къ совокупности человѣческой жизни. Онѣ живутъ въ нашихъ гостиныхъ и библіотекахъ и участвуютъ въ событіяхъ нашей жизни, значенія которыхъ онѣ и не подозрѣваютъ. Онѣ являются, такимъ образомъ, простыми касательными кривыхъ линій исторіи, концы которыхъ, равно какъ и ихъ формы, совершенно недоступны ихъ пониманію. Такъ и человѣкъ есть только касательная по отношенію къ широкой жизни міра. Но если не мало идеаловъ собаки и кошки совпадаютъ съ нашими, то и намъ позволительно думать, въ виду результатовъ, достигнутыхъ религіознымъ опытомъ, что существуютъ высшія силы, стремящіяся съ спасенію міра и имѣющія идеалы, подобные нашимъ. Прагматизмъ является, такимъ образомъ, религіознымъ ученіемъ". „Пусть каждый рѣшитъ, насколько онъ сможетъ приспособиться къ такой религіи. Прагматизму приходится отложить всякое догматическое рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ мы еще не увѣрены въ томъ, какой сортъ религіи можетъ въ концѣ-концовъ дать наилучшій результатъ".

Несмотря на все остроуміе построеній *Джэмса* и его сподвижниковъ по части прагматизма, это ученіе неспособно утолить тоски по вѣрѣ и неотступнаго желанія проникнуть въ высшія сферы, недоступныя положительному знанію. Чисто практическій характеръ его еще не даетъ всего, къ чему стремится человѣческая душа. Понятно поэтому, что современные философы напрягли всѣ усилія, чтобы удовлетворить этой потребности.

Философія космическаго чувства.

Въ этомъ отношеніи за послѣднее время особенно выдался іенскій профессоръ философіи *Эйкенъ*, который въ числѣ своихъ многочисленныхъ произведеній напечаталъ книгу объ основахъ новаго воззрѣнія на жизнь, другую— о смыслѣ и цѣнности жизни. Призванный успѣшнымъ проповѣдникомъ новаго міропониманія, онъ былъ за это награжденъ преміей *Нобеля*. По этому поводу онъ произнесъ публичную рѣчь на торжественномъ собраніи въ Стокгольмѣ, въ которой подъ заглавіемъ: „Натурализмъ или идеализмъ?", онъ представилъ въ сжатой формѣ свою теорію. Признавая прикладное значеніе натурализма въ дѣлѣ усовершенствованія матеріальной стороны жизни неподлежащимъ сомнѣнію, Эйкенъ возсталъ противъ проникновенія его въ болѣе внутреннюю область нашего существованія, такъ какъ „подчиненіе всѣхъ человѣческихъ стремленій цѣлямъ пользы представляется невыносимымъ униженіемъ и полнымъ отказомъ отъ всего, что составляетъ величіе и достоинство человѣка". „Если бы человѣкъ былъ не больше какъ частицей природы, каковой она представляется точной наукѣ, то его бытіе являлось бы простымъ рядомъ отдѣльныхъ явленій... при чемъ не оказывалось бы ни малѣйшаго мѣста для высшаго единства, для внутренней связи жизни". Такое единство однакоже должно быть признано, для чего мысль должна оторваться отъ чувственныхъ впечатлѣній и подняться на высшую ступень. „Жизнь оказывается не простой копіей или усвоеніемъ наличной дѣйствительности, но является возвышеніемъ надъ ней и созиданіемъ новаго. Она не находитъ міръ готовымъ, а должна его сама себѣ приготовить". Для достиженія этого „насъ долженъ обнять и понести живой потокъ, исходящій изъ цѣлаго. Онъ долженъ дать намъ силу, чтобы вести борьбу за новую ступень дѣйствительности... и чтобы принять участіе въ движеніи міроздавія. Безъ корней въ такой наличности всецѣлаго наши духовныя стремленія никогда не получили бы ни твердой опоры, ни вѣрнаго направленія. У насъ невозможна самостоятельная и самовозвышающаяся жизнь, если въ дѣйстви-

тельности не существуетъ самостоятельнаго и внутренно самодвижущагося всецѣлаго". Такимъ образомъ человѣкъ соединится интимно съ жизнью всего мірозданія. Разъ дойдя до этой ступени, человѣкъ уже не сможетъ болѣе снизойти до обыкновеннаго существованія. „Поднявшись до жизни съ всецѣлымъ въ его безконечности, человѣку не будетъ возможно вернуться къ ограниченному состоянію простого естественнаго существа". Такимъ образомъ открывается, по мнѣнію Эйкена, новый путь въ духовной жизни людей, который даетъ смыслъ и цѣнность жизни.

Въ другихъ, извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ іенскаго философа подробно развивается та же мысль о неспособности натурализма дать пищу высшимъ потребностямъ человѣчества и о томъ, что только сліяніе человѣка съ всецѣлымъ можетъ удовлетворить его. Я, однакоже, не думаю, чтобы люди, привыкшіе къ точному мышленію и неохотно запутывающіеся въ очень туманныхъ общихъ построеніяхъ, согласились бы слѣдовать Эйкену. Сліяніе съ всецѣлымъ, то-есть то проявленіе „космическаго чувства", о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время, слишкомъ несвойственно человѣку и черезчуръ оторвано отъ дѣйствительности, чтобы сдѣлаться руководствомъ въ жизненномъ пути. Вѣдь никто не имѣетъ никакого понятія о томъ, что̀ такое это всецѣлое и что̀ означаетъ сліяніе съ нимъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы вступить на его дорогу. Уже понятіе о человѣчествѣ слишкомъ обще и неопредѣленно, чтобы основывать на немъ поступки, разъ подъ человѣчествомъ разумѣется весь человѣческій родъ съ его дикими и цивилизованными народами, съ хорошими и дурными людьми. Во сколько же разъ туманнѣе то всецѣлое, къ которому насъ призываютъ.

Если прагматизмъ страдаетъ отъ черезчуръ грубой практичности, то философія космическаго чувства грѣшитъ отсутствіемъ связи съ практической дѣйствительностью.

Метафизика Бергсона.

Но въ настоящее время ни одно изъ этихъ двухъ направленій не насчитываетъ столько приверженцевъ, сколько „новая философія" *Бергсона*, которая заняла вполнѣ первенствующее мѣсто въ современной мысли. По мнѣнію послѣдователей французскаго философа, онъ долженъ быть поставленъ въ рядъ „съ самыми великими философами всѣхъ странъ и всѣхъ временъ и признанъ единственнымъ первостепеннымъ философомъ Франціи со временъ Декарта и первымъ въ Европѣ послѣ Канта". Подобное мнѣнія раздѣляется не только многочисленными учениками Бергсона, но и его товарищами по философіи. Публика видитъ въ его ученіи начало новаго откровенія и ломится въ двери аудиторіи, въ которой онъ читаетъ лекціи въ Collège de France.

Въ чемъ же заключается „новая философія" знаменитаго учителя? Онъ заявилъ себя ярымъ метафизикомъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія, по которому умъ человѣческій не способенъ проникнуть въ истинную сущность міра и долженъ удовлетворяться лишь познаваніемъ явленій, воспринимаемыхъ нашими чувствами. Міръ, по *Бергсону*, доступенъ нашему знанію при посредствѣ „интуиціи", то-есть нѣкотораго вдохновенія, наитія, чутья. Когда хотятъ въ самой краткой формѣ охарактеризовать новую философію, ее опредѣляютъ какъ „философію интуиціи и теченія, или длительности" (durée). Интуиція составляетъ методу *Бергсона*, а „длительность" главное содержаніе его ученія. „Существуетъ,— говоритъ ученикъ и большой приверженецъ *Бергсона—Жиллуенъ*,— другой родъ познанія, чѣмъ знаніе научное: это знаніе философское; существуетъ другой способъ познанія, кромѣ разума: это интуиція". Послѣдняя отличается способностью проникать въ самую глубь вещей. „Вокругъ нашего познавательнаго и логическаго мышленія остается неопредѣленная туманность, состоящая изъ той же основы, на счетъ которой образовался тотъ яркій центръ, который мы называемъ разумомъ. Въ этой туманности и заключаются тѣ дополнительныя силы познанія, о которыхъ мы имѣемъ лишь неясное ощущеніе, когда мы запираемся въ себѣ, но которыя получаютъ освѣщеніе и опредѣленность въ то время, когда о нихъ можно судить по послѣдствіямъ, такъ сказать, въ эволюціи природы". Интуиція имѣетъ общее съ слѣпымъ инстинктомъ, но выше его. Она служитъ для обогащенія разума и для поднятія послѣдняго до степени наивысшаго сознанія. Для того, чтобы понять богатство дѣйствительнаго міра, нужно, чтобы умъ сдѣлалъ надъ собою насиліе и разбудилъ скрытыя силы интуиціи.

Отдавая себя во власть инстинктивной интуиціи, *Бергсонъ* при помощи ея приходитъ къ представленію о вѣчномъ теченіи, постоянномъ и непрерывномъ измѣненіи, не поддающемся измѣренію, подобно времени, но ощущаемомъ подобно музыкальному сочетанію звуковъ, симфонически. Вѣчное теченіе, войдя въ человѣческое существо, выражается въ немъ въ видѣ жизни, души, свободы, которыя сами являются источниками творчества. *Бергсонъ* убѣжденъ въ существованіи души независимой

отъ мозга, хотя и находящейся съ нимъ въ извѣстномъ соотношеніи. Онъ пришелъ къ этому выводу послѣ очень подробнаго изслѣдованія памяти. „Память есть нѣчто иное, чѣмъ простое отправленіе мозга; между воспріятіемъ и воспоминаніемъ разница не въ степени, а въ самой природѣ. Память переноситъ насъ въ настоящую область духа“.

Душа, познаваемая посредствомъ интуиціи, составляетъ часть мірового теченія. Она постоянно творитъ и стремится къ творчеству, подобно тому какъ „созидательный духъ“ никогда не останавливается, а вѣчно мѣняетъ и переливаетъ одни состоянія въ другія. Я присутствовалъ на заключительной лекціи *Бергсона* въ Collège de France въ этомъ году, въ которой онъ далъ общій очеркъ своего ученія „о созидательной эволюціи“ (Evolution créatrice). По его „интуиціи“, міровой геній (онъ его не назвалъ Богомъ) представляется ему въ видѣ ненасытнаго художника, который творитъ исключительно ради удовлетворенія своей потребности къ творчеству и вѣчной перемѣнѣ. Онъ нисколько не заботится о людяхъ, о ихъ счастіи и бѣдствіяхъ. Онъ скорѣе подобенъ композитору, который сочиняетъ музыку, слѣдуя своему созидательному инстинкту, помимо всякаго интереса и независимо отъ житейскихъ дѣлъ. *Бергсонъ* сослался на пасторальную симфонію *Бетховена*, какъ на высшее выраженіе теченія души въ человѣческомъ творчествѣ. Такъ какъ „созидательная эволюція“ никогда не прекращается, то ясно, что она далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

Интуиція, составляющая исходную точку опоры новой философіи, есть тотъ самый процессъ, который иногда испытываютъ ученые во время ихъ творческой дѣятельности. Въ этомъ меня удостовѣрилъ *Бергсонъ* послѣ того, какъ я ему привелъ нѣкоторые, хорошо мнѣ извѣстные примѣры. Большею частью открытія дѣлаются вслѣдствіе логическаго обдумыванія интересующаго вопроса, идя шагъ за шагомъ за ходомъ мысли. Приходится перепробовать разные пути, прежде чѣмъ удастся вступить на надлежащій. Но гораздо рѣже случается, что умъ внезапно осѣняется новой мыслью, лишь отдаленно связанной съ предыдущими разсужденіями. Это является признакомъ геніальности и наблюдается въ видѣ исключенія. Нерѣдки теоріи, геніальныя по своему построенію и однакоже не соотвѣтствующія дѣйствительности. *Бергсонъ* указываетъ на родство интуиціи съ инстинктомъ. Но вѣдь и инстинкты бываютъ иногда вредными и нецѣлесообразными.

Зависимость интуиціи отъ матеріи не подлежитъ сомнѣнію. *Бергсонъ* ссылается на музыкальную композицію, какъ на высшее свободное проявленіе творческаго взмаха. Но и въ музыкѣ нельзя не видѣть вліянія матеріальныхъ факторовъ. У птицъ, какъ это всѣмъ извѣстно, пѣніе есть прямое проявленіе полового чувства. Поютъ самцы, притомъ въ періодъ половой дѣятельности. И у людей нельзя не видѣть роли того же фактора. Прежде всего замѣтимъ, что музыкальный геній (какъ и геніальность вообще) составляетъ вторичный половой признакъ, подобно физической силѣ, усамъ и бородѣ. Несмотря на то, что женщинъ, умѣющихъ играть, значительно больше, чѣмъ мужчинъ, тѣмъ не менѣе музыкальное творчество ихъ ограничивается вообще небольшими пьесами въ родѣ романсовъ. Чрезвычайно рѣдки болѣе крупныя музыкальныя произведенія, вышедшія изъ-подъ пера женщинъ, да и среди нихъ нѣтъ выдающихся. Во всякомъ случаѣ исключенія въ видѣ женщинъ съ усами и бородой несравненно многочисленнѣе, чѣмъ женщины-композиторши. Всѣ геніальныя музыкальныя творенія вышли изъ головы мужчинъ, подобно тому какъ пѣсни птицъ суть произведенія самцовъ. Вліяніе полового чувства на музыкальную дѣятельность мужчинъ легко усмотрѣть изъ исторіи творчества великихъ произведеній музыки. Возьмемъ для примѣра „Тристана и Изольду“ Вагнера, которая многими цѣнителями считается лучшей его оперой. Вагнеръ писалъ значительную часть ея въ то время, когда онъ былъ пламенно влюбленъ въ молодую замужнюю женщину, госпожу Везендонкъ.

Если бы сохранились подобныя данныя относительно другихъ великихъ музыкальныхъ произведеній, то я думаю, что и въ ихъ зарожденіи нашлась бы такая же романическая подкладка. Связь музыкальнаго генія съ половымъ чувствомъ не подлежитъ сомнѣнію. Труднѣе опредѣлить внутренній механизмъ этой связи, что неудивительно въ виду несовершенства нашихъ знаній. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ и соображеній я думаю, что тутъ играетъ роль сокъ предстательной железы (простаты). Будучи возбудителемъ сѣменныхъ тѣлецъ, онъ по всей вѣроятности способенъ возбуждать и мозговыя клѣтки.

Но допустимъ, что всѣ сдѣланныя возраженія несостоятельны и что новая философія вѣрна. Допустимъ, что истина можетъ быть познаваема посредствомъ одной интуиціи, что въ силу этого дѣйствительно существуетъ вѣчное симфоническое теченіе, творящее жизнь; что душа независима отъ тѣла и что творческій геній удовлетворяетъ себя постоянной

смѣной своихъ проявленій, не заботясь о радостяхъ и горестяхъ человѣчества, какъ это учитъ Бергсонъ. Объясняетъ ли подобная гипотеза то необыкновенное увлеченіе, которое она вызываетъ въ публикѣ? Видя, съ какой жадностью ловятъ послѣдняя всякое слово учителя, можно удивляться тому интересу, который она стала проявлять къ метафизикѣ. Многіе думаютъ, что это объясняется просто модой и нѣкоторымъ снобизмомъ, влекущимъ публику въ душную аудиторію Collège de France въ силу безотчетнаго стаднаго чувства. Я не раздѣляю этого мнѣнія и увѣренъ, что причина увлеченія кроется гораздо глубже. Потребность въ утѣшеніи противъ горестей человѣческой жизни несомнѣнно очень велика. Между тѣмъ профессіональныя религіи уже многихъ не удовлетворяютъ; наука же еще не дошла до этого удовлетворенія. При такихъ условіяхъ въ высшей степени желательно найти какой-нибудь исходъ изъ этого положенія. Если бы было доказано, что существуетъ душа, независимая отъ тѣла, то оказалось бы возможнымъ повѣрить въ ея безсмертіе, что было бы уже великимъ шагомъ къ утѣшенію въ горѣ. Когда сдѣлалось общепринятымъ, что Бергсонъ — геніальнѣйшій философъ нашего времени, что онъ возстановилъ метафизику и доказалъ существованіе независимой отъ тѣла души и наличность творческаго духа, то всѣ пошли слушать его, тѣмъ болѣе что онъ считается превосходнымъ ораторомъ. Многіе не утомляясь слѣдятъ за его лекціями, большею частью не понимая сказаннаго, но въ ожиданіи, что Бергсонъ, наконецъ, сообщитъ радостную вѣсть. Я спрашивалъ нѣсколькихъ лицъ изъ числа посѣтителей этого курса метафизики, достаточно ли они понимаютъ содержаніе лекціи. Всѣ безъ исключенія признались, что нѣтъ. Среди нихъ оказалась интеллигентная женщины, въ короткое время потерявшая единственную дочь и мужа. Первое время послѣ этого несчастья она не знала, какъ она сможетъ жить. Сначала она кинулась въ объятія спиритизма, но вскорѣ отшатнулась отъ него и сдѣлалась ревностной посѣтительницей Collège de France въ надеждѣ найти утѣшеніе. На одномъ многолюдномъ собраніи, на которомъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ Бергсономъ, многіе изъ присутствовавшихъ заинтересовались нашей бесѣдой. Одна изъ нихъ, извѣстная французская поэтесса, спросила его въ упоръ, признаетъ ли онъ безсмертіе души, такъ какъ и она, и многія другія слушательницы посѣщаютъ его лекціи въ надеждѣ найти доказательство этого. Со свойственной ему серьезностью, простотой и откровенностью Бергсонъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: „я увѣренъ въ существованіи души и думаю, что безсмертіе ея возможно и даже вѣроятно (possible et même probable), но дальше этого я не иду. Быть можетъ, со временемъ, когда я глубже проникну въ сущность вопроса, я буду въ состояніи дать болѣе опредѣленный отвѣтъ“. Сколько я знаю, Бергсонъ трудится теперь надъ вопросами объ эстетическомъ и моральномъ проявленіяхъ души.

Видя, что и посѣтители нашего собранія, и я въ томъ числѣ особенно заинтересованы мнѣніемъ Бергсона по вопросу о жизни и смерти, я заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ Бергсонъ сказалъ, что до сихъ поръ онъ очень мало думалъ о смерти, что со временемъ онъ займется этимъ вопросомъ и что считаетъ смерть „очень интереснымъ экспериментомъ“.

Взгляды Метерлинка на смерть.

Не успокоившись на этомъ, видя, что ни прагматизмъ Джемса, ни космизмъ Эйкена, ни метафизика Бергсона не высказываются опредѣленно о смерти, я сталъ искать дальше выраженія современныхъ взглядовъ на нее, чтобы составить себѣ понятіе о новѣйшемъ теченіи для разрѣшенія одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ человѣческой мысли. Больше литераторъ, чѣмъ философъ, признанный однимъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ писателей, Метерлинкъ подробно высказалъ свой взглядъ на смерть въ рядѣ статей, которыя вскорѣ должны быть собраны въ книгу. Писатель этотъ пользуется такой популярностью, что на него можно смотрѣть, какъ на выразителя мнѣнія, съ которымъ, навѣрно, многіе будутъ согласны.

Боязнь смерти Метерлинкъ приписываетъ, главнымъ образомъ, сознанію неизвѣстности о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ. „Остается лишь одна причина страха смерти, — говоритъ онъ, — боязнь неизвѣстности, въ которую она насъ повергаетъ“. Найдя неудовлетворительными всѣ попытки разрѣшить этотъ вопросъ, онъ самъ старается разгадать его и найти успокоительный отвѣтъ. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы послѣ смерти сохранилось сознаніе нашей личности, хотя онъ и признаетъ, что это составляетъ наше главное желаніе. „Мнѣ совершенно безразлично, говоритъ себѣ наше я, ограниченное и упорное въ своемъ непониманіи, чтобы самыя возвышенныя, самыя свободныя и самыя прекрасныя черты моего духа жили вѣчной жизнью и свѣтились въ высшемъ блаженствѣ; онѣ уже не мои, и я

ихъ поэтому не признаю. Смерть перерѣзала сплетеніе первовъ или воспоминаній, связанныхъ съ какимъ-то центромъ, въ которомъ находится точка, дающая ощущеніе моего цѣльнаго я. Будучи оторванными отъ меня и блуждающими въ пространствѣ и времени, судьба этихъ лучшихъ чертъ мнѣ такъ же чужда, какъ и судьба самыхъ отдаленныхъ звѣздъ".

Но если, съ одной стороны, невозможно допустить переживаніе за гробомъ сознанія нашей личности, то, съ другой стороны, немыслимо и полное уничтоженіе. „Мы — узники безконечности безъ выхода, гдѣ ничто не пропадаетъ, но гдѣ все разсѣивается, не уничтожаясь. Ни тѣло, ни мысль не могутъ затеряться внѣ міра, внѣ времени и пространства. Ни одинъ атомъ нашей плоти, ни одна вибрація нашихъ нервовъ не уйдутъ туда, гдѣ ихъ не будетъ, такъ какъ нѣтъ мѣста, гдѣ не было бы ничего". „Для того, чтобы истребить что-либо, т.-е. чтобы отбросить его въ ничто, нужно, чтобы это ничто могло существовать; но если оно существуетъ въ какой бы то ни было формѣ, то значитъ, что оно уже не есть ничто".

Итакъ, съ одной стороны, послѣ смерти сознаніе моего я не удерживается, но и не испытываетъ уничтоженія. Что же съ нимъ происходитъ тогда по мнѣнію Метерлинка? „Смерть,— говоритъ онъ,— есть форма жизни, которую мы еще не можемъ понять. Будемъ же смотрѣть на нее какъ на рожденіе и стараться, чтобы радостное ожиданіе, которымъ привѣтствуютъ послѣднее, сопровождало и нашу мысль на ступеняхъ гроба". Приготовленіе къ этому должно быть лучшимъ содержаніемъ нашей жизни. „Худшее изъ того, что насъ можетъ встрѣтить за гробомъ, это сонъ безъ сновидѣній, т.-е. то, что на землѣ относится къ числу величайшихъ благъ; но вѣроятнѣе, что мысль переживетъ, съ тѣмъ чтобы слиться съ міровой сущностью, т.-е. съ безконечностью. Если это послѣднее не есть море безразличія, то оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ океаномъ радости". Если кажется невѣроятнымъ, чтобы движеніе, вибрація, лученспусканіе остановились или исчезли, то почему бы исчезла мысль?" „И если мы пріобрѣли наше теперешнее сознаніе, то почему невозможно пріобрѣсти новое?" Если наше сознаніе зародилось и пышно развилось послѣ нашего рожденія, „то почему не допустить, что гораздо болѣе новая, болѣе невѣдомая, болѣе обширная и болѣе плодотворная среда, въ которую мы перейдемъ послѣ этой жизни, еще болѣе не видоизмѣнитъ насъ?" „Можно легко допустить, что нашъ духъ, освобожденный отъ тѣла, или сразу сольется съ безконечностью, или же постепенно разовьется, чтобы избрать себѣ новую субстанцію, и, не ограниченный пространствомъ и временемъ, будетъ постоянно возрастать. Очень возможно, что наши высшія теперешнія пожеланія станутъ закономъ нашего будущаго развитія". Во всякомъ случаѣ наше будущее существованіе можетъ быть только лучше настоящаго, такъ какъ оно совершится въ безконечности; оно „не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ блаженства". Хотя многіе изъ числа вопросовъ о будущей жизни не могутъ быть разрѣшены, но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы существованіе за гробомъ, въ видѣ ли полнаго сліянія съ безконечностью, или въ какомъ-либо иномъ, не было новой формой безконечнаго счастія.

Та часть соображеній Метерлинка, въ которой онъ признаетъ невозможность безсмертія сознанія нашей личности, не допускаетъ никакихъ возраженій. Это сознаніе, столь тѣсно связанное съ нашей нервной системой, не можетъ существовать не только, когда ея болѣе нѣтъ, когда она превращена въ какую-то кашу, но даже когда въ ней нарушено нормальное кровообращеніе, какъ это бываетъ въ глубокомъ снѣ, въ обморокѣ или подъ вліяніемъ хлороформа и другихъ наркотическихъ средствъ. Такъ же справедливо утвержденіе Метерлинка, что ничто не можетъ исчезнуть. Но совершенно недопустимо его мнѣніе, что послѣ смерти наше теперешнее сознаніе можетъ обратиться въ другую сознательную форму. До нашего рожденія и столь часто на пути нашей жизни сознаніе отсутствуетъ, не превращаясь ни во что другое, нами какимъ бы то ни было образомъ вѣдомое. Даже то видоизмѣненіе нашего сознанія, которое мы воспринимаемъ въ сновидѣніяхъ, намъ большею частью непріятно, такъ какъ оно обусловливается нарушеніемъ правильной дѣятельности мозга. Безъ послѣдняго же для насъ наступаетъ именно ничто, которое хотя и превращается въ природѣ въ нѣчто, но въ столь же отличное отъ сознанія, какъ нашъ мозгъ, нормально функціонирующій, отличается отъ мозга, превращеннаго въ культуру гнилостныхъ бактерій или въ содержимое кишечнаго канала трупныхъ насѣкомыхъ.

Люди, привыкшіе къ научному мышленію, не удовлетворятся вышеприведенными попытками рѣшенія основного вопроса жизни, т.-е. вопроса о смерти. Несмотря на то, что наука не беретъ на себя смѣлости теперь же окончательно разрѣшить эту задачу, она тѣмъ не менѣе позволяетъ себѣ строить гипотезы, спо-

собныя руководить ею въ преслѣдованіи ея цѣли. Къ тому же она собираетъ матеріалы, необходимые для этого. Въ этомъ отношеніи особенно важно подробное знакомство съ чувствами и ощущеніями, которыя испытываютъ люди въ продолженіе своей жизни и которыя касаются жизни и смерти. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть интересной исторія развитія міровоззрѣнія человѣка, задавшагося цѣлью найти ключъ къ раціональному пониманію жизни и къ рѣшенію столь полнаго противорѣчіями вопроса о смерти. Въ виду этого,—заключаетъ Мечниковъ, — я и рѣшаюсь предложить читателю рядъ статей, написанныхъ за долгій періодъ отъ 1870 по 1909 годъ.

Резюме этихъ статей сводится къ слѣдующему: „несмотря на нецѣлесообразное устройство человѣческаго организма, возможно счастливое существованіе и раціональная этика. Основная дисгармонія человѣческой природы можетъ быть устранена правилами раціональной гигіены, чѣмъ дается возможность человѣку прожить полный и счастливый циклъ жизни, заканчивающейся спокойной естественной смертью. Это и есть такъ называемый ортобіозъ, на который можно смотрѣть, какъ на цѣль раціональнаго человѣческаго существованія. Задача этики сводится къ тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цѣли ихъ жизни, т.-е. провести весь циклъ ихъ раціональнаго существованія вплоть до естественнаго конца“.

О Толстомъ.

„Толстовскій Ежегодникъ 1912 г.“ (изд. петерб. и моск. Толстовскихъ Обществъ), пріуроченный ко второй годовщинѣ смерти великаго писателя, содержитъ въ себѣ самый разнообразный и разноцѣнный матеріалъ: изъ дневника Толстого, записки, воспоминанія (гр. С. А. Толстой, А. А. Стаховича, Н. В. Давыдова, Г. А. Русанова, крестьянъ и др.), изслѣдованія, справки, документы, хронику, библіографію и проч. Болѣе значительны и новы слѣдующія данныя.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, чуть ли не въ первый разъ въ жизни, прочелъ семнадцатилѣтній Толстой Пушкина. Поѣхалъ Л. Н. въ сосѣднее имѣніе Серговщину князя С. С. Гагарина покупать тирольскихъ телятъ. Л. Н. остался ночевать у управляющаго и на сонъ грядущій взялъ книгу; оказался „Евгеній Онѣгинъ“. Толстой сталъ читать, прочелъ всего до конца и, окончивши, началъ вновь перечитывать сначала! И не заснулъ всю ночь, читая до утра.

На Кавказѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ отрядѣ, во время экспедиціи, разъ вечеромъ Л. Н. сталъ вспоминать со своимъ старшимъ братомъ Николаемъ ихъ дѣтство; они заговорились; воспоминаніямъ не было конца; вслѣдствіе этой ночной бесѣды былъ написанъ первый разсказъ Толстого „Дѣтство“.

О началѣ своей авторской дѣятельности Л. Н. разсказывалъ А. А. Стаховичу (старшему), что еще ребенкомъ ему казалось, что онъ можетъ сочинять. Разъ ему представилось, что Парашу Сибирячку (повѣсть Полевого) написалъ онъ, и онъ хотѣлъ написать ее вновь. Писалъ онъ подражаніе „Voyage sentimental“ Стерна. По словамъ гр. Софьи Андреевны, гувернеръ Л. Н., бывшій страстнымъ поклонникомъ Мольера, рано познакомилъ своего воспитанника съ его комедіями, и по дѣтскимъ литературнымъ опытамъ Л. Н., говоря о немъ съ его теткой П. И. Юшковой (у которой воспитывались сироты Толстые), гувернеръ всегда называлъ его notre petit Molière. Не отъ того ли остался у Л. Н. культъ къ Мольеру, котораго онъ, въ часы отверганія литературы и всего художественнаго, упорно ставитъ выше Шекспира?—дѣлаетъ догадку А. А. Стаховичъ.

Другъ и единомышленникъ Толстого, Г. А. Русановъ, при первомъ знакомствѣ съ Л. Н. передавалъ ему чье-то мнѣніе:

— Говорятъ, что вы очень жестоко поступили съ Анной Карениной, заставивъ ее умереть подъ вагономъ, что не могла же она всю жизнь сидѣть съ „этой кислятиной“, Алексѣемъ Александровичемъ.

Толстой улыбнулся.

— Это мнѣніе,—сказалъ онъ, напоминаетъ мнѣ случай, бывшій съ Пушкинымъ. Однажды онъ сказалъ кому-то изъ своихъ пріятелей: „Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она—замужъ вышла! Этого я никакъ не ожидать отъ нея“. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще, герои и героини мои дѣлаютъ иногда такія штуки, какихъ я не желалъ бы: они дѣлаютъ то, что должны дѣлать въ дѣйствительной жизни и, какъ бываетъ въ дѣйствительной жизни, а не то, что мнѣ хочется.

— Скажите, пожалуйста, Левъ Николаевичъ, взята ли ваша Наташа Ростова съ дѣйствительно существующаго лица или нѣтъ?

— Да, отчасти взята съ натуры.

— А князь Андрей?

— Онъ ни съ кого не списанъ... У меня есть лица, списанныя и не списанныя съ живыхъ людей. Первыя уступаютъ послѣднимъ,

хотя списываніе съ натуры и даетъ имъ эту несравненную яркость красокъ въ изображеніи. Но зато изображеніе страдаетъ односторонностью.

— Меня очень радуетъ,—сказалъ потомъ Толстой,—что мнѣ говорятъ, что мои прежнія сочиненія не противорѣчатъ моимъ теперешнимъ воззрѣніямъ.

— Когда вы писали „Анну Каренину“, вы уже перешли къ теперешнимъ воззрѣніямъ?

— Нѣтъ еще.

— Отчего въ произведеніяхъ перваго періода вашей дѣятельности, до „Войны и мира“, у васъ встрѣчается много лирическихъ мѣстъ, въ „Войнѣ и мирѣ“ ихъ мало, а въ „Аннѣ Карениной“ совсѣмъ нѣтъ?

— Да вѣдь пора же когда-нибудь мазурку бросить!—улыбнувшись, отвѣтилъ Толстой.

— Скажите, пожалуйста, Николинька Болконскій долженъ былъ выступить въ романѣ изъ эпохи декабристовъ?

— О, да! непремѣнно! —съ улыбкой, освѣтившей его лицо, сказалъ Толстой.

А Софья Андреевна про Наташу Ростову разсказывала Русанову:

— Мужъ, когда его спрашиваютъ, всегда говоритъ, что онъ писалъ Наташу съ двухъ—съ меня и съ моей сестры, но... Ну, да съ меня, если хотите, мужъ всѣхъ своихъ женщинъ писалъ, — прибавила она, шутливо улыбаясь, какъ бы по секрету сообщая объ этомъ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ С. А. сказала, что Стива Облонскій — лицо, ни съ кого въ отдѣльности не списанное.

Заходила рѣчь и о другихъ писателяхъ. Толстой говорилъ:

— „Записки изъ Мертваго дома“ — прекрасная вещь, но остальныя произведенія Достоевскаго я не ставлю высоко. Мнѣ указываютъ на отдѣльныя мѣста. Дѣйствительно, отдѣльныя мѣста прекрасны, но въ общемъ, въ общемъ — это ужасно! Какой-то выдѣланный слогъ, постоянная погоня за отысканіемъ новыхъ характеровъ, и характеры эти только намѣченные. Вообще, Достоевскій говоритъ, говоритъ и, въ концѣ-концовъ, остается какой-то туманъ надъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ доказать. У него какое-то странное смѣшеніе высокаго христіанскаго ученія съ проповѣдываніемъ войны и преклоненіемъ предъ государствомъ, правительствомъ и попами.

— „Братья Карамазовы“ вы читали?

— Не могъ дочитать.

— Недостатокъ этого романа, —сказалъ я,— тотъ, что всѣ дѣйствующія лица, начиная съ 15-лѣтней дѣвочки, говорятъ однимъ языкомъ, языкомъ самого автора.

— Мало того, что они говорятъ языкомъ автора, они говорятъ какимъ-то натянутымъ, дѣланнымъ языкомъ, высказываютъ мысли самого автора.

— Но „Преступленіе и наказаніе“? Это его лучшій романъ. Что вы о немъ скажете?

— „Преступленіе и наказаніе“? Да, лучшій. Но вы прочтите нѣсколько главъ сначала, и вы узнаете все послѣдующее, весь романъ. Дальше разсказывается и повторяется то, что вами было прочитано въ первыхъ главахъ... Михайловскій правду писалъ тогда о Достоевскомъ ..

О Лермонтовѣ Толстой замѣтилъ:

— Вотъ кого жаль, что рано такъ умеръ! Какія силы были у этого человѣка! Что бы сдѣлать онъ могъ! Онъ началъ сразу, какъ власть имѣющій. У него нѣтъ шуточекъ,—презрительно и съ удареніемъ сказалъ Толстой:— шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словомъ человѣка, власть имѣющаго.

— Тургеневъ - литераторъ,—далѣе говорилъ Толстой;—Пушкинъ былъ тоже имъ, Гончаровъ—еще больше литераторъ, чѣмъ Тургеневъ; Лермонтовъ и я—не литераторы.

Въ разговорѣ этомъ, между прочимъ, я замѣтилъ, что когда читаешь Пушкина, то какъ бы видишь передъ собою добродушнаго, умнаго, бодраго и иногда шутливаго человѣка.

— Вотъ это правда,—сказалъ Толстой.

— Когда читаешь Тургенева,—прибавилъ я,—видишь мягкаго, гуманнаго человѣка, бросается въ глаза въ высшей степени вѣжливое, деликатное отношеніе къ читателю (Толстой усмѣхнулся при этихъ словахъ), а когда читаешь васъ,—сказалъ я,—то чувствуется, что какіе бы ни были герои вашего произведенія, какая бы драма ни совершалась между ними, авторъ стоитъ выше ихъ, спокойный, величавый.

Толстой опять усмѣхнулся.

— А читали вы Гаршина?—вдругъ съ большимъ оживленіемъ спросилъ Толстой.

— Да, читалъ.

— Это прелесть, прелесть! Тургеневъ первый указалъ мнѣ на него. Вотъ прочтите,— сказалъ онъ мнѣ, увидавъ у меня книжку журнала.— И дѣйствительно, прелесть. Странно, право! Видишь книжку „Устоевъ“ просматриваешь оглавленіе—и тамъ, вмѣстѣ съ другими, какими-нибудь Ѳедоровыми, Сидоровыми, Кароминными и пр. и пр., значится наравнѣ и Гаршинъ съ своимъ разсказомъ. Такъ и чуется,—оживленно говорилъ Толстой,— что редакція и не подозрѣваетъ, что Гаршинъ и эти другіе—совсѣмъ не одно и то же...

У А. А. Стаховича, въ письмѣ его къ гр. Толстой, мы находимъ подробное описаніе того,

какъ онъ въ январѣ 1876 г. читалъ „Власть тьмы“ по рукописи у графа Воронцова-Дашкова въ присутствіи государя и другихъ высочайшихъ особъ.

Александръ III особое вниманіе удѣлилъ Митричу. По поводу этой роли онъ выразился: „Солдатъ всегда во всѣхъ твореніяхъ Толстого поразительно хорошъ“.

Послѣ сцены Митрича съ Анюткой, вел. кн. Владиміръ Александровичъ сказалъ мнѣ (пишетъ Стаховичъ):

— И въ солнцѣ есть пятна, только на основаніи этого я позволю себѣ указать на невѣрность этой сцены. Всѣ разсужденія Митрича о бабахъ справедливы, но говоритъ ихъ не николаевскій солдатъ... а самъ графъ Толстой. Это не разговоръ старика съ крестьянской дѣвочкой, а длинные философскіе монологи.

— Ты не правъ, — замѣтилъ на это государь,—всѣ разсужденія Митрича не монологи, вложенные авторомъ въ уста солдату, а естественный разговоръ; невольно на эту тему навела Митрича Аннушка, и подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ этой ночи и всего, что дѣлается за сценой, Митричъ *„думаетъ вслухъ“*, какъ часто дѣлаютъ это старые люди, передавая словами всѣ свои тяжелыя думы о бабахъ и ихъ печальной судьбѣ... не обращая никакого вниманія на свою десятилѣтнюю слушательницу.

Сильное впечатлѣніе произвелъ 4-й актъ: видно было, что онъ захватилъ всѣхъ, что выразилось въ антрактахъ въ разнообразныхъ, но общихъ похвалахъ. Послѣ конца 5-го дѣйствія всѣ долго молчали, пока не раздался голосъ государя: „Чудная вещь“.

И эти два слова разверзли уста *всѣмъ*. Восторженные возгласы: чудо, чудо, раздавались со всѣхъ сторонъ...

Стали распредѣлять роли. Государь полагалъ, что одна петербургская труппа не въ состояніи хорошо сыграть „Власть тьмы“; что соединивъ обѣ, петербургскую и московскую, и то еще вопросъ, удастся ли сыграть „Власть тьмы“ какъ слѣдуетъ. Государь рѣшилъ, что самъ будетъ на послѣдней репетиціи, увидитъ достаточно ли хорошо исполненіе, чтобъ поставить драму Толстого на Императорскомъ театрѣ.

Государь изволилъ спросить меня:

— Правда ли, что Толстой пишетъ романъ?

— Точно такъ, Ваше Величество, уже написалъ двѣ главы.

— Изъ какого быта?

— Если не ошибаюсь, изъ II-го и III-го вѣка христіанства.

— Вы давно знакомы съ нимъ?

— Около 30-ти лѣтъ имѣю это счастье.

— Я очень радъ, что онъ вернулся на прежнюю дорогу. Я не сочувствую его философскимъ статьямъ, но долженъ сознаться, что онѣ написаны съ такимъ огромнымъ талантомъ, что увлекаютъ... и не одну молодежь.

Несмотря на успѣхъ, какой имѣло чтеніе драмы по рукописи въ Петербургѣ, пришлось ей, однако, много пережить, прежде чѣмъ добралась она до широкихъ читательскихъ круговъ и сцены. Въ январѣ и февралѣ 1887 г. графинѣ С. А. писали изъ Петербурга, что пьеса пропущена, что пьеса уже репетируется, что государь будетъ на генеральной репетиціи. А 22-го марта Потѣхинъ сообщалъ, что „Власть тьмы“ срепетована, декораціи, костюмы всѣ готовы, и вдругъ запретили ее играть черезъ министерство Двора... Всѣ актеры ужасно огорчены“. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя съ нея былъ снятъ запретъ, и она была сыграна въ театрѣ. Первый публичный спектакль относится уже къ октябрю 1895 года.

Курьезна подробность, какъ Стаховичъ и Чертковъ добились напечатанія „Власти тьмы“. Ѳеоктистовъ, начальникъ Глав. упр. по дѣламъ печати, объявилъ Черткову, что не можетъ разрѣшить напечатать въ „Посредникѣ“ эту пьесу. Чтобы доказать, что напечатать ее можно потому, что народъ не пойметъ такой серьезной вещи и что „Власть тьмы“ вообще выше пониманія массъ, которымъ только еще доступны народные разсказы и поученія Л. Н.,—я (вспоминаетъ первый) во многихъ домахъ разсказывалъ о чтеніи въ Ясной Поляпѣ „Власти тьмы“ крестьянамъ и какъ они не поняли и не оцѣнили ея. То же самое передалъ Чертковъ Ѳеоктистову, и наша хитрость удалась: „Власть тьмы“ была пропущена для „Посредника“, т. е. для народнаго чтенія...

Еще характерно одно указаніе гр. Софьи Андреевны. Во время работы надъ „Авной Карениной“ Л. Н. покупалъ и прочитывалъ много англійскихъ романовъ. Есть свѣдѣнія, что онъ сочувственно отмѣчалъ привычку англійскихъ романистовъ изображать интимную семейную жизнь, а также ихъ умѣнье интересно вести разсказъ и сочетать событія.

Среди воспоминаній о Толстомъ есть въ „Ежегодникѣ“ и разсказы яснополянскихъ крестьянъ. Болѣе интересныя сообщенія этого рода даютъ намъ, однако, напечатанныя въ „Рус. Сл.“ воспоминанія Вас. Морозова (съ которыми уже

познакомились читатели „Бюллетеней“) и очеркъ А. Панкратова. Напр., со словъ крест. Рѣзунова, когда-то тоже учившагося въ яснополянской школѣ, г. Панкратовъ передаетъ, какъ Толстой устроилъ на масленицѣ для своихъ школьниковъ и ихъ родителей „театры“.

— Бабой меня нарядили, — разсказываетъ Рѣзуновъ,—у меня будто мужъ и дѣти. Бумажные фонарики вносѣли въ комнатѣ. Письмоводитель графскій на гуслях игралъ, а Левъ Николаевичъ—на фортепьянѣ. Когда они проиграли, началось представленіе. Я сижу у люльки, качаю ребенка и пою:

Баю-баюшки-баю,
Живетъ мужикъ на краю.
Онъ ни бѣденъ ни богатъ.
У него семь ребятъ.
Всѣ соломку ѣдятъ,
Все оржаненькую...

Мужъ мой — тоже ученикъ, борода изъ конопли, говоритъ мнѣ: „Баба! Ребята у насъ рожаются. Надо отдать ихъ въ ученье“.—„Что жъ,—говорю я,—дураками нельзя жить, сведемъ ихъ къ дьякону“. Приходимъ мы къ дьякону. Онъ ходитъ съ плетью, два мальчика сидятъ, книжку читаютъ. „Что вамъ надо?“—спрашиваетъ онъ, щелкаетъ плетью и кричитъ на ребятъ: „Читайте!“ „Мальчика хотимъ отдать въ ученье. Дорого возьмешь?“—„Возьму съ васъ фунтъ коровьяго масла, мѣру крупъ, два мѣшка картофеля, одинъ мѣшокъ гороху, да рубль деньгами въ мѣсяцъ... Что вы, сукины сыны, не читаете?“ — кричитъ онъ на учениковъ. Мы говоримъ: „Дорого“. А онъ: „Зато хорошо, плетью буду учить“. И сѣлъ дьяконъ на стулъ. Да какъ вскочитъ. Ребята ему булавку въ стулъ забили. Онъ началъ ругаться. Кричитъ: „Сходи за бабкой, она высосетъ булавку“. А ученикамъ говоритъ: „Погодите!“. Приходила бабка и отыскивала булавку. Публика наша смѣялась и хлопала въ ладоши: „Браво, браво!“.

Тамъ же, въ „Рус. Сл.“, помѣщены воспоминанія бывшаго помощника Л. Н—ча по школѣ, учителя П. В. Морозова. Вотъ его первыя яснополянскія впечатлѣнія.

„Оглядѣвшись, я сталъ присматриваться къ занятіямъ. Ничего похожаго на школу, въ какой я самъ учился и какія видѣлъ, не было. Ребята сидѣли, большею частью, парами, рѣдко тройками или большими группами, человѣкъ въ пять. Одна пара читаетъ, другая пишетъ буквы или слова, третья пишетъ цифры, четвертая рисуетъ и т. д. Однимъ словомъ, всякій дѣлаетъ, что ему сподручнѣй. Только слышны возгласы:

— Левъ Николаевичъ! Подойди къ намъ посмотри: такъ ли мы читаемъ?

Графъ подходилъ.

Въ этотъ день графъ уѣхалъ къ брату гр. Сергѣю Николаевичу, въ Пирогово. Я остался одинъ въ школѣ. Пришелъ конторщикъ и закричалъ на ребятъ:

— Убирайтесь по домамъ! Дайте Петру Васильевичу отдохнуть съ дороги, а завтра приходите!

Ребята съ большой неохотой ушли. Подъ вечеръ они опять пришли, но сторожъ прогналъ ихъ.

Оставшись одинъ, я недоумѣвалъ: что мнѣ съ такой школой дѣлать? А конторщикъ мнѣ говоритъ:

— Да плюньте на это дѣло. Затѣя нашего барина долго не просуществуетъ; у него такой характеръ: какъ скоро что начнетъ, такъ скоро его и броситъ, не доведя до конца.

Но я сталъ заниматься съ ребятами, какъ умѣлъ.

Встанешь утромъ часовъ въ шесть или семь, никакъ не позднѣе, а ребята уже тутъ какъ тутъ. Нѣкоторые на дворѣ играютъ въ снѣжки или въ коридорѣ упражняются въ гимнастикѣ, другіе въ школѣ занимаются. Приходилось итти въ школу, иногда не напившись чаю. Часовъ въ восемь, а иногда и ранѣе, приходитъ самъ графъ. Занимаемся весь день. Вы спросите: когда же ребята обѣдаютъ? Они свободно располагаютъ своимъ временемъ, не стѣсняясь никакими часами для своихъ занятій. Одни уходятъ, другіе приходятъ, и такъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Развѣ самому графу бываетъ не время заниматься вечеромъ,—тогда, что называется, прогоняли ребятъ изъ школы. И то не мы съ графомъ, а сторожъ. У насъ же не хватало духа прогонять ихъ, развѣ всѣ уснутъ подъ столомъ. Тогда, разбудивъ уснувшихъ, мы съ графомъ идемъ провожать ребятъ на деревню. Частенько приходилось намъ слышать ворчанье матерей. Стучимъ, напримѣръ, къ Матренѣ Козловой.

— Кто тамъ?—спроситъ Матрена.

— Отопри, Матрена! Это мы. Возьми ребятъ своихъ.

— Эхъ, вы, шатуны полуношные! Видно, вамъ дѣлать-то нечего? Ребятъ только балуете, да добрыхъ людей безпокоите!

Школа не утомляла меня, благодаря отсутствію казенщины. Никто здѣсь никого не обязывалъ быть на-вытяжку. Всякій чувствовалъ себя какъ дома, попросту, и это вовсе не указывало на отсутствіе порядка: напротивъ, таковъ былъ именно порядокъ школьныхъ заня-

тій. Кажущіеся безпорядки были здѣсь принципіальны, ибо графъ велъ занятія не по учебникамъ дидактики, а по тому плану, который выработала его геніальная голова, желавшая школу превратить въ семью. Ребята приходятъ, уходятъ, не спрашиваясь ни у кого, сами берутся за дѣло, безъ всякаго принужденія, по своей волѣ, и притомъ за дѣло, какое хочетъ каждый дѣлать.

Объ яснополянской школѣ на этомъ основаніи составилось неправильное мнѣніе, будто школа Льва Николаевича была похожа на цыганскій таборъ или на сельскую сходку. Все это ложь: особыхъ шалостей въ школѣ никогда не замѣчалось, — развѣ уже явится какой-нибудь безпардонный шалунъ и начинаетъ въ школѣ затѣвать уличныя игры; такъ такого шалуна сами ребята сейчасъ же проводятъ изъ школы безъ церемоніи. Былъ у насъ такой шалунъ — Ѳедька Рѣзунъ, несказанный мастеръ на шалости. Но лишь только онъ забалуется, какъ ребята начинаютъ его урезонивать:

— Ну, Ѳедюха, если хочется тебѣ играть, ступай на улицу, а намъ не мѣшай. Тебѣ, небось, не понравится, если ты будешь молотить на гумнѣ, а мы придемъ къ тебѣ да будемъ играть на току?

Впрочемъ, бывали случаи, что на такихъ, какъ Ѳедька Рѣзунъ, никакіе доводы товарищей не дѣйствовали. Тогда начиналась товарищеская потасовка. Графъ въ такихъ случаяхъ уходилъ изъ школы, въ дѣла ребятъ не вступался. Но, повторяю, все это было весьма рѣдко".

Поэтъ-тайновидецъ.

(Полное собраніе сочиненій Ѳ. И. Тютчева).

До послѣдняго времени чувствовался одинъ существенный, очень досадный пробѣлъ въ русской литературѣ: мы не имѣли *полнаго* Тютчева. Тѣ же изданія, какія были — далеко не удовлетворительныя — давно уже стали библіографическою рѣдкостью. Нынѣшнею осенью, въ изданіи т-ва Марксъ, вышло наконецъ полное собраніе соч. этого оригинальнѣйшаго нашего поэта-философа, со вступительнымъ критико-біографическимъ очеркомъ другого поэта— Валерія Брюсова. Надо привѣтствовать и то, что помимо указаннаго дорогого изданія—для любителей и цѣнителей поэзіи—издательство Марксъ открываетъ дорогу тютчевской поэзіи и въ широкія читательскія массы: въ наступающемъ году Тютчевъ будетъ однимъ изъ приложеній къ „Нивѣ".

Это издательское вниманіе къ Ѳ. Тютчеву возбудило интересъ къ творчеству и личности его также и въ текущей печати: одна за другой появляются статьи и замѣтки о немъ. Кстати подоспѣлъ и „Толстовскій Ежегодникъ", гдѣ мы между прочимъ матеріаломъ находимъ сдѣланныя Толстымъ при чтеніи Тютчева любопытныя „помѣтки на поляхъ". Въ этомъ отношеніи точно такъ же ко времени—первый томъ критическихъ статей А. Горнфельда „О русскихъ писателяхъ": въ числѣ разсмотрѣнныхъ здѣсь писателей читатель встрѣтитъ и Тютчева.

Въ біографіи поэта выдѣляется исторія его „послѣдней" любви. Въ 1850 г. Тютчевъ, имѣя уже взрослыхъ дѣтей, сблизился съ г-жей Д., бывшей классной дамой въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ воспитывались его дочери. Любовь Тютчева была не мимолетной вспышкой: этой могущественной привязанности онъ остался вѣренъ до самой своей кончины. Можно даже сказать,—замѣчаетъ его новый біографъ, В. Брюсовъ:—то было самое яркое страстное чувство, испытанное имъ въ жизни.

Но любовь эта принесла поэту больше терній, чѣмъ розъ. Прежде всего она нарушила строй его семейной жизни, создавъ длинный рядъ крайне мучительныхъ условій, осложнявшихся еще денежными затрудненіями... Въ то же время противъ Тютчева оказалось общественное мнѣніе Петербурга и явно выраженное неудовольствіе Двора. Послѣднее повело къ тому, что движеніе Тютчева по службѣ остановилось, и отъ „блестящаго" служебнаго будущаго ему пришлось отказаться. При всемъ томъ Тютчевъ не въ силахъ былъ создать для любимой женщины сколько-нибудь достойныхъ условій жизни—оградить ее отъ „незаслуженнаго позора" въ глазахъ свѣта.

Отъ ея лица поэтъ дѣлаетъ самому себѣ такіе упреки:

Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любитъ,
Какъ прежде, мною дорожитъ...
О, нѣтъ! онъ жизнь мою безчеловѣчно губитъ,
Хоть, вижу, ножъ въ рукѣ его дрожитъ.
То въ гнѣвѣ, то въ слезахъ, тоскуя, негодуя,
Увлечена, въ душѣ унизлена,
Я стражду, не живу... имъ, имъ однимъ живу я,
Но эта жизнь... о, какъ горька она!
Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно
Не мѣрятъ такъ и лютому врагу...
Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
Могу дышать, но жить ужъ не могу.

А вотъ какъ онъ распинаетъ себя за свое чувство въ другомъ стихотвореніи:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!
Давно ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя...
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что уцѣлѣло отъ нея?
Куда ланитъ дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи
И смѣхъ младенчески-живой?
И что жъ теперь? И гдѣ все это?
И долговѣченъ ли былъ сонъ?
Увы, какъ сѣверное лѣто,
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!
Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья
Въ ея душевной глубинѣ...
Ей оставались вспоминанья,
Но измѣнили и онѣ.
И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло...
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.
И что жъ отъ долгаго мученья,
Какъ пепелъ, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль, безъ отрады и безъ слезъ!
О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

„Какъ захваченный водоворотомъ,—разсказываетъ одно лицо, бывшее близкимъ свидѣтелемъ страданій Тютчева, — онъ безцѣльно метался въ заколдованномъ положеніи, являясь въ одно и то же время и палачомъ и жертвой“. Эти метанія продолжались четырнадцать лѣтъ, до самой смерти г-жи Д... А какъ проходили остальныя девять лѣтъ жизни Тютчева, показываютъ слѣдующія стихотворенія его:

Вотъ бреду я вдоль большой дороги
Въ тихомъ свѣтѣ гаснущаго дня,
Тяжело мнѣ, замираютъ ноги!
Другъ мой милый, видишь ли меня?
Все темнѣй, темнѣе надъ землею...
Улетѣлъ послѣдній отблескъ дня...
Вотъ тотъ міръ, гдѣ жили мы съ тобою,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня;
Ангелъ мой, гдѣ бъ души ни витали,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

*
* *

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы и дни ужаснѣе другихъ..
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ бремя роковое
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.
Вдругъ все замретъ. Слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа, все пусто и темно,
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей, какъ трупъ, лежитъ оно.
Ахъ, и надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней.
И я одинъ съ моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу—
Разбитый челнъ, заброшенный волною,
На безымянномъ дикомъ берегу.
О, Господи, дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй—
Ты взялъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней,—
По ней, по ней, свой подвигъ совершившей
Весь до конца въ отчаянной борьбѣ,
Такъ пламенно, такъ горячо любившей
Наперекоръ и людямъ и судьбѣ.
По ней, по ней, судьбы не одолѣвшей,
Но и себя не давшей побѣдить;
По ней, по ней, такъ до конца умѣвшей
Страдать, молиться, вѣрить и любить.

Подъ вліяніемъ сильныхъ переживаній, Тютчевъ вернулся къ поэтическому творчеству. Но именно въ тѣ годы, когда писатели начинаютъ подводить итоги всему, имъ сдѣланному, Тютчевъ,— говоритъ В. Брюсовъ,— отнесся съ величайшимъ равнодушіемъ къ своей возраставшей извѣстности. Онъ довольствовался тѣмъ, что отдавалъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ печать, предоставляя другія ихъ случайной судьбѣ. И когда въ 60-хъ годахъ выяснилось, что первое изданіе его стиховъ разошлось, онъ не могъ принудить себя заняться подготовкой къ печати второго, которое и было напечатано (въ 1868 г.) безъ всякаго его содѣйствія.

Съ такимъ же равнодушіемъ относился Тютчевъ и къ своей служебной дѣятельности. Но, отказавшись отъ успѣховъ литературныхъ и служебныхъ, Тютчевъ не могъ подавить въ себѣ энергію мысли и дѣятельности, которая искала себѣ примѣненія. Рѣшительно каждый день появлялся онъ или въ великосвѣтскомъ салонѣ, или въ гостиной писателя, или въ кружкѣ молодежи, не стѣсняясь разностью воззрѣній, всегда готовый отстаивать свои убѣжденія въ свободномъ, рыцарски-благородномъ спорѣ.

Старый другъ Тютчева, М. П. Погодинъ, оставилъ намъ его живое изображеніе въ свѣтскомъ собраніи: „Низенькій, худенькій старичокъ, съ длинными, оставшимися отъ висковъ посѣдѣлыми волосами, которые никогда не приглаживались, одѣтый небрежно, ни на одну пуговицу не застегнутый, какъ надо, вотъ онъ входитъ въ ярко освѣщенную залу. Музыка гремитъ, балъ кружится въ полномъ разгарѣ...

Старичокъ пробирается нетвердою поступью вдоль стѣны, держа шляпу, которая сейчасъ, кажется, упадетъ изъ его рукъ. Изъ угла прищуренными глазами окидываетъ все собраніе... Къ нему подходитъ кто-то и заводитъ разговоръ... слово за слово, его что-то задѣло, онъ оживился, и потекла потокомъ рѣчь увлекательная, блистательная, настоящая импровизація... ее надо бы записать... Вотъ онъ роняетъ, самъ того не примѣчая, нѣсколько выраженій, запечатлѣнныхъ особой силой ума, нѣсколько остротъ, которыя тутъ же подслушиваются сосѣдями и передаются шопотомъ по всѣмъ гостинымъ".

Запасъ этихъ остротъ, необыкновенно удачныхъ изреченій и сравненій, по общему признанію современниковъ, былъ у Тютчева неистощимъ. Его вдохновенное, граціозное остроуміе било ключомъ, сверкало фейерверкомъ. „Когда бы не бояться изысканности,—писалъ князь П. А. Вяземскій,— то можно сказать о немъ, что если онъ и не *златоустъ*, то жемчужноустъ. Какую драгоцѣнную нить можно нанизать изъ словъ, какъ бы безсознательно спадавшихъ съ языка его! Надо составить по нимъ „Тютченіану", прелестную, свѣжую, живую, современную антологію".

Къ сожалѣнію, великое большинство тютчевскихъ мѣткихъ изреченій забылось, погибло, но кое-что уцѣлѣло, и обломки „Тютчевіаны" старательно собраны въ концѣ книги. Вотъ нѣкоторыя изъ острыхъ словъ поэта.

Про князя Горчакова, знаменитаго канцлера, Тютчевъ сказалъ: „Нарциссъ чернильницы!" Про одно высокопоставленное лицо: „Наружность (façade) у него, какъ у великаго человѣка". Когда кн. Черкасскому, москов. городскому головѣ, московская дума подала всеподданѣйшій адресъ политическаго содержанія и тому послѣ этого пришлось выйти въ отставку, Тютчевъ уронилъ фразу: „Не знаешь, гдѣ кончается адресъ (adresse) и гдѣ начинается неловкость (maladresse)"... Объ одномъ любознательномъ и методичномъ пріятелѣ: „Подумаешь, что Господь Богъ поручилъ ему составить инвентарь мірозданія!" Русскихъ ученыхъ Тютчевъ сравнивалъ съ дикими, которые бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ...

За полгода до смерти Тютчева постигъ апоплексическій ударъ. „Первымъ дѣломъ его,— разсказываетъ И. С. Аксаковъ,—по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ приходить въ сознаніе, было— ощупать свой умъ. Жить—значило для него мыслить, и съ первымъ, еще слабымъ возвратомъ силъ, его мысль задвигалась, заиграла и засверкала, какъ бы тѣшась своей живучестью. Прикованный къ постели, съ ноющей и сверлящей болью въ мозгу, не имѣя возможности ни приподняться, ни перевернуться безъ чужой помощи, съ голосомъ едва внятнымъ, онъ истинно дивилъ и врачей и посѣтителей блескомъ своего остроумія и живостью участія къ отвлеченнымъ интересамъ... „Это лишь возбужденіе, это ненормальное явленіе,—увѣряли доктора:—засимъ несомнѣнно послѣдуетъ постепенное ослабленіе умственныхъ силъ"... Доктора обманулись въ своихъ научныхъ расчетахъ... Мыслительность была въ Тютчевѣ природною, существеннѣйшею жизненною стихіей,— могла угаснуть и угасла только послѣднею".

Тютчевская поэзія, несмотря на всю свою мистическую глубину, такъ опредѣленна по самобытности ея творца и такъ рельефна по строю его мысли, что оцѣнка ея не даетъ критикамъ повода расходиться во мнѣніяхъ, развѣ только въ отношеніи частностей.

Сущность и силу поэтической мысли Тютчева, этой изумительной философской лирики, В. Брюсовъ раскрываетъ въ слѣдующихъ словахъ.

„И. С. Аксаковъ указалъ, что для Тютчева „жить—значило мыслить". Неудивительно поэтому, что его стихи всегда полны мысли. Въ каждомъ его стихотвореніи чувствуется не только острый глазъ и чуткій слухъ художника, но и умъ мыслителя. Однако, какъ ни интересны, какъ ни замѣчательны тѣ мысли, которыя Тютчевъ прямо высказываетъ въ своихъ стихахъ, мысли, продуманныя имъ, осознанныя,— гораздо замѣчательнѣе то сокровенное содержаніе его поэзіи, которое вложено имъ въ стихи „безсознательно", т.-е. въ силу тайной творческой интуиціи. Это, такъ сказать, тѣ подземные ключи, которыми питается его поэзія, которые ей даютъ ея несокрушимую силу и ея несравненную красоту. Тютчевъ въ своихъ статьяхъ, въ своихъ разсудочныхъ стихотвореніяхъ—остроумный, хотя немного парадоксальный діалектикъ; въ метафизической основѣ своей поэзіи Тютчевъ—глубокій мыслитель, самостоятельно, подъ своимъ угломъ зрѣнія, освѣщающій тайны міра.

Исходную точку міровоззрѣнія Тютчева, кажется намъ, можно найти въ его знаменательныхъ стихахъ, написанныхъ „По дорогѣ во Вщижъ":

Природа знать не знаетъ о быломъ,
Ей чужды наши призрачные годы,
И передъ ней мы смутно сознаемъ
Себя самихъ—лишь грезою природы.
Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Свершающихъ свой подвигъ безполезный,
Она равно привѣтствуетъ своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Подлинное бытіе имѣетъ лишь природа въ ея цѣломъ. Человѣкъ—лишь „греза природы". Его жизнь, его дѣятельность— лишь „подвигъ безполезный". Вотъ философія Тютчева, его сокровенное міросозерцаніе. Этимъ широкимъ пантеизмомъ объясняется едва ли не вся его поэзія.

Предугадывая ученіе индійской мудрости,— въ тѣ годы еще мало распространенное въ Европѣ,— Тютчевъ признавалъ истинное бытіе лишь у міровой души и отрицалъ его у индивидуальныхъ „я". Онъ вѣрилъ, что бытіе индивидуальное есть призракъ, заблужденіе, отъ котораго освобождаетъ смерть, возвращая насъ въ великое „все".

Другой критикъ, А. Горнфельдъ, говоритъ: „Одна исходная мысль охватываетъ все разнообразіе философскихъ идей и настроеній, вдохновлявшихъ его: мысль объ ограниченности человѣческой личности. Человѣкъ безсиленъ въ природѣ, безконечно одинокъ въ обществѣ и преходящъ въ видѣ личности; онъ отдается жизни и земнымъ цѣлямъ, но все это—ненастоящее, ненужное, призрачное; реально только непознаваемое: необъятное море мрака, въ которомъ затерялся утлый челнъ нашего бытія. Жизнь—„удушливо-земное", ею можно наслаждаться, но истинное наслажденіе—уйти отъ нея. Куда?

Прежде всего въ одиночество. И поэтъ находитъ рядъ убѣжищъ: природа, ночь, молчаніе—потъ что можетъ отдѣлить насъ отъ жизни и дать самодовлѣющее и удовлетворяющее существованіе.

Едва ли у какого поэта всеохватывающее желаніе слиться съ природой, раствориться въ ней до потери личности, до небытія получало болѣе яркое и настойчивое выраженіе, чѣмъ у Тютчева".

Мѣсто, которое отводится критикой Тютчеву въ нашей поэзіи, одно изъ самыхъ почетныхъ. Горнфельдъ называетъ его „учителемъ жизни для читателя, учителемъ поэзіи для поэтовъ". У Брюсова мы читаемъ: „Рядомъ съ Пушкинымъ, создателемъ у насъ истинно классической поэзіи, Тютчевъ стоитъ, какъ великій мастеръ и родоначальникъ поэзіи намековъ. У Тютчева не было настоящихъ преемниковъ, можно назвать лишь одного Фета, который, впрочемъ, развился безъ его непосредственнаго вліянія. Только въ концѣ XIX вѣка нашлись у Тютчева истинные послѣдователи, которые восприняли его завѣты и попытались приблизиться къ совершенству имъ созданныхъ образцовъ".

А г-жа Колтоновская въ „Рѣчи" пишетъ: „Несмотря на внѣвременный характеръ тютчевскаго творчества, есть въ немъ нѣчто, особенно близкое современной душѣ, нашему поколѣнію. И когда же, если не теперь, въ годы всякихъ исканій, углубленій и провѣрокъ, можетъ быть больше поводовъ для заглядыванія въ сокровищницу наслѣдства, оставленнаго Тютчевымъ?..

Тютчевъ первый проникъ въ глубину человѣческаго разлада съ природой. Впослѣдствіи этотъ разладъ ярко окрасилъ всю нашу литературу и особенно даетъ о себѣ знать теперь у новыхъ писателей, въ разныхъ формахъ взывающихъ: „Къ жизни!"

По яркости проникновенія, Тютчева можно сравнить только съ другимъ поэтомъ ночи, Достоевскимъ. Но между этими глубокими психологами есть не только сходство, но и существенное различіе—и въ степени „разлада", и въ его сущности. Страдающій отъ „двойственности бытія" тютчевскій человѣкъ—все же родной сынъ природы, связанный съ нею множествомъ нитей, несмотря на разладъ. У Достоевскаго же и его послѣдователей „разладъ" постепенно превращается въ открытый разрывъ. Человѣкъ все больше замыкается въ себѣ и теряетъ связь съ міромъ, чуткость къ нему. Для больныхъ, уродливыхъ героевъ Достоевскаго весь смыслъ существованія свелся къ вопросамъ: есть ли Богъ, есть ли индивидуальное безсмертіе? Если они приходятъ къ выводу, что безсмертія нѣтъ, вся жизнь превращается въ кошмаръ—въ ожиданіе казни, уничтоженія своей личности; и выходъ изъ этого кошмара одинъ: самоубійство. Тютчевъ стоялъ лишь на первой ступени этого трагическаго разлада человѣка съ міровымъ цѣлымъ".

Возьмемъ изъ оставленной Тютчевымъ сокровищницы нѣсколько перловъ, болѣе полно, болѣе цѣльно выражающихъ душу и геній этого поэта,—изъ той категоріи его стихотвореній, которыя у Толстого отмѣчаются буквой Т (что должно было означать: только Тютчевъ могъ сказать *то*, что сказано, и *такъ* это сказать). Толстой, выдѣляя стихотворенія Тютчева, какія онъ считалъ наилучшими, поясняетъ свой выборъ еще буквами Г (глубина) и К (красота).

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ элототканный,
Высокой волею боговъ.
День—сей блистательный покровъ,
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!
Но меркнетъ день, настала ночь;

Пришла—и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

Впечатлѣніе Толстого: Т. Г. К. При этомъ все стихотвореніе имъ отчеркнуто.

Святая ночь на небосклонъ взошла,
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой коверъ, она свила,—
Коверъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое...

Помѣтка Толстого: Т. Г!! Все отчеркнуто.

О чемъ ты поешь, нѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ страшный голосъ твой
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И поешь, и взрываешь въ немъ
Порой нечистые звуки!
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!..

Т. Г. К. Все отчеркнуто.

СУМЕРКИ.

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...
Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ,—и я во всемъ...
Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край!..
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

Толстой этого стихотворенія ничѣмъ не отмѣтилъ, но въ устной бесѣдѣ онъ говорилъ, что ни у кого, кромѣ Тютчева, нельзя найти такія образныя выраженія, какъ, напр.: „Тѣни сизыя смѣсились“.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ,
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Толстымъ помѣчено: Т.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ.
На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью въ поздней темнотѣ,
Но всѣ, неизбѣжимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной мечтѣ.
Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ безразличны, какъ стихіи,
Сольются съ бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты—человѣческое я!
Не таково-ль твое значенье.
Не такова-ль судьба твоя?

Помѣтка Толстого: Т. Г.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Сверкаетъ въ брызгахъ съ высоты.

SILENTIUM.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Оба послѣднія стихотворенія помѣчены коротко: Г.

А. Горнфельдъ обратилъ вниманіе на одну замѣчательную особенность въ Тютчевѣ. Дарованіе Тютчева,—говоритъ онъ,—столь охотно обращавшееся къ стихійнымъ основамъ бытія, само имѣло нѣчто стихійное; въ высшей степени характерно, что поэтъ, по его собственному признанію, выражавшій свою мысль тверже по-французски, чѣмъ по-русски, всѣ свои письма и статьи писавшій только на французскомъ языкѣ и всю свою жизнь говорившій почти исключительно по-французски, самымъ сокровеннымъ порывамъ своей творческой мысли могъ давать выраженіе только въ русскомъ стихѣ; нѣсколько французскихъ стихотвореній его совершенно незначительны.

Мать передъ казнью сына.

Е. Милицына въ одномъ изъ своихъ разсказовъ *) очень просто, тепло и трогательно описываетъ муки материнскаго сердца, раненаго самыми жестокими ранами, на какія только способна жизнь въ моменты, когда обращаетъ она въ сторону несчастнаго человѣка свой злой и безпощадный ликъ.

Крестьянка Федосья пришла на свиданіе, *послѣднее* свиданіе съ осужденнымъ на смерть сыномъ. Долго, мучительно долго пришлось ей ждать своей очереди. Но вотъ, наконецъ, ее повели къ „милому сыночку“.

Она шла, высоко, невѣрно поднимая ноги, не чувствуя пола, шла, пока не уперлась головою въ рѣшетку.

За другою, напротивъ, показался неясный, шатающійся обликъ, съ трудомъ передвигавшій гремящія кандалами ноги.

— Неужто сынъ! Какъ ввалились его щеки, блестятъ глаза!

Федосья видѣла, какъ безсильно запрокинулась его голова, когда онъ поднялъ ногу на приступочку, съ какой полагается разговаривать съ пришедшими на свиданье.

— Сыночка!—вскрикнула пораженная мать.

— Здравствуй, мамочка,— послышался хриплый, неживой отвѣтъ.

— Ты ли это?

Она не могла вспомнить ни одного слова приготовленной рѣчи и молчала. Молчалъ и сынъ, опустивъ голову.

За обоими стояли тюремные надзиратели, за сыномъ и самъ смотритель тюрьмы — чтобы слушать ихъ разговоръ, а молчаніе длилось... Казалось, ему не будетъ конца.

— Какъ твое здоровье, сыночка?

— Теперь ничего не болитъ.

— Какъ тебя кормятъ?

— Обѣдъ стали хорошій давать за послѣдніе дни, только я его не ѣмъ... ничего не хочется.

Мать поняла, что передъ ней былъ покойникъ, что сынъ двигался и говорилъ лишь по привычкѣ.

— Сыночка,— возвысила она голосъ,—кланяются тебѣ рѣпьевцы, и суходольцы, и погорѣловцы, помнятъ и любятъ тебя, и всѣ тебя жалѣютъ.

Слова были изъ тѣхъ, какія должны были остаться спрятанными гдѣ-то глубоко, глубоко, но они вырвались сами собою.

Яркія пятна выступили на щекахъ сына, грудь стала высоко, неровно вздыматься. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но слова топили переливающимся хлипомъ, руки дрожали, тѣло тряслось въ лихорадкѣ, бившей его приступами съ самаго утра.

— И я всѣмъ кланяюсь,—уловила мать.— Пусть живутъ за меня.

Онъ отдышался и вытеръ рукавомъ кровавую пѣну съ губъ.

— Сестру мою крестовую не кидай, воспитай ее, выдай замужъ, она всегда будетъ до тебя пригортаться и ты не останешься одна. Передай ей мой привѣтъ братскій, и отцу названному, и всѣмъ, всѣмъ.

Голосъ его былъ грустенъ, на глазахъ блестѣли слезы.

— Самоваръ сестрѣ отдай, поддевку отцу... а картузъ новый себѣ на память спрячь... Письмо мое тутъ, въ конторѣ, тебѣ приготовлено... береги его; карточку тоже спроси... А вербу на огородѣ, что я посадилъ, не руби— пусть растетъ.

Мать поняла, что сынъ боялся затеряться и хотѣлъ на всемъ оставить свой слѣдъ на землѣ; а ей хотѣлось какъ можно ближе подойти къ ожидавшей его смерти, разсмотрѣть ее, припасть къ сыну невидимкою въ его страшную минуту. Утромъ для этого она была у тюремнаго священника и просила его сказать сыну на казни, что была его мать и цѣловала тотъ самый крестъ, который теперь онъ дастъ ему. Была у начальника тюрьмы и умоляла его обойтись съ сыномъ на казни ласково и не пугать его.

— А я, сыночка, ты ужъ прости... я свое сердце жалѣю... Тебѣ, можетъ, все равно, а для матери...

*) Е. Милицына. Разсказы. Т. III. „Въ ожиданіи приговора“.

Она крѣпко сжала зубы, чтобы не разрыдаться.

— Ты ужъ крестъ прими.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ еще грустнѣе.

— Какая на тебѣ рубаха грязная, сыночка,— якъ свята земля. Я привезла тебѣ новую, тонкую, и подштанники. Ваше благородіе,—обернулась она къ смотрителю тюрьмы,— нельзя ли моему сыну надѣть на смерть ту рубаху?

— Нельзя.

— Хороша, мамочка, будетъ и эта; я ее недавно одѣлъ.

Мать видѣла полосы пота не ней. Воротъ былъ разстегнутъ, и сынъ нѣсколько разъ поднималъ скованныя руки и почесывалъ худую, тонкую шею.

— Отдай ее; пусть другой кто-нибудь за меня поноситъ... Мнѣ теперь ничего не нужно... Доживаю послѣдніе дни... Помираю... и казнь мнѣ назначили.

— Ващенко, кончай свиданіе, не разстраивай мать!

— Ваше благородіе, минуточку еще!— взмолилась Федосья.

Выбирать словъ уже не приходилось. Надо было торопиться, боясь перерыва свиданія, а сказать было такъ много, словно ничего еще не было сказано.

— Дорогое мое чадочко, сознайся мнѣ: можетъ черезъ меня ты теперь такую смерть принимаешь, потому что вышла я во второй бракъ. Говорилъ же ты мнѣ: „Вынела ты меня на чужую сторону, въ чистое поле, на буйный вѣтеръ, промѣняла на мужа своего“.

— Ну, что теперь объ этомъ поминать.

— Ничего, ничего, сыночка. Ты меня не жалѣй, говори правду, потому — я на волѣ, бѣлый свѣтъ вижу, а тебѣ сырую землю приготовили.

— Ващенкова, не разстраивай сына!

— Томитъ меня невзносимая бѣда, тянетъ мое сердце. Простишь ли ты мнѣ?

Она ухватилась руками за рѣшотку, чтобы не упасть.

— Ващенкова, кончай! Пора!

— Сыночка, благословляю тебя, — словно защищаясь, заметалась мать,— не бойся. Будетъ еще судъ праведный,— испомнились слова изъ приготовленнаго вступленія, и опять пропали.—А только постыди, постыди ты передъ смертью палача.

— Вывесть ее!

Она впилась въ рѣшотку, не чувствовала, какъ ее брали подъ руки, отрывали отъ желѣзныхъ прутьевъ.

— Прощай! Про-о-щай! Про-о-ща-й! Цѣлую тебя въ послѣдній разъ,— прильнула она губами къ рѣшеткѣ.

Сынъ сдѣлалъ то же.— Прощай, прощай, мамочка.

— Сыночка! Сыночка! Сыночка! — вскрикивая все громче и громче, билась мать. Ей хотѣлось рвать на себѣ волосы, упасть на полъ, умереть, но смутная мысль, что она можетъ обозлить начальство и этимъ повредить сыну на казни, вязала ей сердце.

Ее довели до воротъ. Переступая ихъ, она услышала кандальный звонъ и бросилась назадъ.

— Куда!—загородилъ ей дорогу стражникъ.

— Дай, дай еще разъ взглянуть на сына! Это на немъ кандалы гремятъ! Я знаю!

— Вонъ! Больно много знаешь! Умрешь раньше времени!

Ворота захлопнулись. Что-то послѣднее оборвалось въ сердцѣ... Мать долго стояла на мѣстѣ... обернулась, взглянула еще разъ на ворота, мутнымъ взглядомъ обвела тюрьму, черные совки надъ окнами, и опять пошла на кладбище.

Оно было возлѣ, почти за оградою тюрьмы. Густыми, сомкнутыми рядами стояли на немъ, сбитые по одному образцу—изъ двухъ заостренныхъ кольевъ, некрашенные кресты, съ намазанными на нихъ черными номерами. Подъ каждымъ номеромъ значилось два покойника. Смерть собирала обильную жатву съ переполненной тюрьмы и губернской больницы, и изъ экономіи мѣста въ каждую могилу ставили по два гроба; когда же ихъ не хватало на четное число, послѣдній опущенный въ могилу только слегка присыпался землею, иногда по нѣсколько дней дожидаясь товарища.

Ямы заготовлялись съ осени, а чтобы земля въ нихъ не замерзала, до краевъ набивались навозомъ. Длинными рядами тянулись онѣ передъ окнами тюрьмы. Весною могилы проваливались; солнце пригрѣвало мелко зарытые трупы, и вѣтеръ несъ на тюрьму удушливый смрадъ разложенія.

Словно кости самихъ мертвецовъ, сѣрѣли издали наклонившіеся во всѣ стороны тонкіе, крипые кресты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они слегка разступались, оставляя нешпрокія полосы, совершенно незамѣтныя со стороны: они были видны только изъ оконъ верхняго яруса тюрьмы.

Черная, тучная, перемѣшанная съ навозомъ земля на нихъ была сплошь взрыта и сливалась въ какой-то безобразный нарывъ, образуя вспухшія, неровныя поверхности. То были наскоро забросанныя по ночамъ безкрестныя могилы казненныхъ.

Не было ни ограды вокругъ кладбища, ни кустика на немъ — ничего, за что бы зацѣпиться теплому, живому чувству. Ужасомъ заброшенности вѣяло отъ него, грязнаго, неряшливаго, ютившагося за задворками какихъ-то притоновъ, лѣпившихся около тюрьмы.

Мать шла по одной изъ вспухшихъ полосъ, проваливаясь и увязая въ рыхлой землѣ. Сердце ея дрожало; ноги подламывались. Она только что видѣла сына, говорила съ нимъ; онъ остался тамъ, но былъ уже и здѣсь — частью этой гнойной земли.

Освященная вѣками, омытая слезами смерть, сливавшаяся съ жизнью въ вѣчномъ царствѣ, въ сіяніи и красотѣ, какую такъ зналъ и любилъ народъ, она была тутъ другою, полною безмолвнаго ужаса, передъ которымъ безсильно билась и холодѣла мысль, и гасли вѣковыя слова молитвъ и жалобъ.

Вотъ и три свѣже вырытыя ямы.

— О-о-о-о! — завопила мать, падая на насыпь одной изъ нихъ и словно измѣряя своимъ крикомъ всю глубину своего горя. Изъ хаоса сбитыхъ, неправныхъ представленій съ трудомъ вырывались мысли, которыхъ нельзя было ни поймать, ни запомнить—такъ быстро являлись онѣ и безслѣдно исчезали. Сознаніе то терялось, то возвращалось. Холодная земля липла къ лицу, груди...

Когда Федосья сѣла, то долго, внимательно разсматривала комочки земли, приставшіе къ рукамъ, кресты, тюрьму, потомъ неувѣренно поднялась, какъ поднимается человѣкъ, котораго сбросила понесшая лошадь, и онъ не знаетъ— переломаны у него ноги, или нѣтъ. Подошла къ ямамъ, увидѣла на днѣ одной навозъ; спустилась въ нее, выгребла и выкидала комья. Одна изъ ямъ показалась мелка. Пришла мысль: положатъ въ нее сына, просочится къ нему вешняя вода и будетъ ему мокро и холодно лежать въ ней.

Захотѣлось вдругъ вырвать могилу сына изъ ужаса этого мѣста, отгородить ее своею лаской, слезами. И мысли, взлелѣянныя вѣками народнаго горя, запросились сами собою. Мать черпала ихъ, какъ воду изъ глубокой криницы, и онѣ являлись по первому зову — сильныя, красивыя, чеканныя.

— Не ты ль, ямочка, будешь моего сына спасать?

закричала она надъ могилою.

— Ты ль будешь его какъ я примовлять?
— Нѣтъ у тебя ни одного окна, ни двери;
— Не заходитъ къ тебѣ солнце,
— Не завѣваетъ вѣтеръ.

Она перешла къ другой могилѣ:

— Можетъ ты, ямочка, будешь его пригрѣвать,
— Какъ я пригрѣвала, какъ я привѣчала?
. . . . . .
. . . . . .
— Скажи мнѣ, могилка свята, не ты ли?

Спрашивала она у третьей.

— Сегодня я пришла къ вамъ, могилочки,
— И солнце вамъ свѣтитъ, и вѣтеръ вѣетъ;
— А завтра приду—ужъ будете вы закрыты;
— Положатъ моего сына, засыпятъ сырою землею,
— Навалятъ на грудь ему и на голову,
— И не будетъ ему слышно никакого шума,
— Ни голоса товарищей,
— Ни звона колокола христіанскаго...

Ей казалось, что она уже говоритъ съ сыномъ тѣмъ загробнымъ языкомъ, который былъ теперь всего ближе и понятнѣе ей.

— Теперь мнѣ своя—чужа сторона,
— Всѣ люди чужіе.
— Не придешь ты ко мнѣ,
— Не выглянешь изъ-за угла,
— Ни пробѣжишь нигдѣ, нигдѣ...

Смеркалось, когда она шатаясь шла съ кладбища.

— Нынѣшнюю ночь будутъ моего сына казнить,— сказала она хозяйкѣ грязнаго, постоялаго двора, стоявшаго черезъ дорогу, напротивъ тюрьмы.—Нѣтъ ли у тебя елею, лампадку засвѣтить?

Растрепанная, отекшая отъ пьянства, женщина оправила лампадку.

— Господи! —молилась мать,— будетъ мой сынъ въ эту ночь смерть принимать свою страшную, будетъ смотрѣть въ очи палачу... Пошли ему кончину легкую...

Другихъ словъ не было и она только „била поклоны“.

— Господи, да развали-жъ Ты тюрьму и выпусти моего сына! — вырвался вопль. — Иль бы онъ умеръ до этой страшной ночи!

И опять „била поклоны“. И опять не было словъ...

Вышла на улицу. Черезъ дорогу какъ въ туманѣ мерещилась тюрьма. Надъ краями толстой ограды ложился слабымъ заревомъ свѣтъ съ тюремнаго двора. Какъ гнѣзда высились надъ ней со всѣхъ сторонъ деревянныя будки на столбахъ. На этотъ разъ онѣ были пусты: даже часовые не должны были видѣть того, что дѣлается на дворѣ.

Мать продолжала стоять на дорогѣ, съ невѣроятною силою напрягая слухъ, чтобы уловить, что дѣлается „тамъ“... Но ни единый звукъ не долеталъ до нея... Мелькнула мысль прокрасться къ будкѣ, влѣзть, взглянуть оттуда, броситься внизъ, помѣшать... и исчезла: ужасъ творившагося на дворѣ словно переселился и въ нее, сковалъ члены... Кругомъ все спало. Въ домахъ погасли огни. Около тюрем-

ной ограды словно ѣздила какая-то невидимая, призрачная стража...

По спинѣ, казалось, водилъ кто-то холодною рукою: она сокращалась и дрожала бѣгающею дрожью. Испуганно бился животъ и подтягивался къ спинѣ. Рубаха была мокра, а руки и ноги окоченѣли. Мозгъ, казалось, тоже окоченѣлъ и остановился на одной мысли: казнятъ.

Чтобы не потерять расудокъ, Федосья входила въ домъ, смотрѣла на спавшихъ, окна, образа, свѣтъ лампады... Молиться она уже не могла...

И она опять выходила на дорогу, боясь переступить черезъ нее, какъ черезъ какую-то грань, изъ-за которой уже нѣтъ возврата...

Когда она вышла въ третій разъ изъ дома, уже смутно свѣтало. Она осмѣлилась подойти ближе къ тюрьмѣ и увидѣла свѣжій санный слѣдъ отъ воротъ на кладбище, всплеснула руками и закричала:

— Вотъ ужъ и санный слѣдочекъ,
— Вотъ ужъ проѣхалъ мой сыночекъ,
— Вотъ ужь и люди прошли.

А дальше что кричала—не помнила, и шла по этому слѣдочку. Когда увидѣла заброшенныя могилы, закричала еще громче:

— Матынька ты моя, святая земля,
— Рано-жъ ты моего сына къ себѣ приняла.
— И заря тебѣ еще не свѣтила,
— А ты ужъ его собою прикрыла...
. . . . . .
. . . . . .
— На то-ль я его собѣ породила,
— На то-ли вскормила, вспоила,
— На то-ли во слезахъ купала,
— Чтобъ ему доля такая припала?
— Другія-то матери убираютъ своихъ дѣтей цвѣтами,
— А тебя убрали тяжлыми цѣпями...

Кричала, пока не выбилась изъ силъ. Сколько времени пробыла на кладбищѣ — не знала. Оттуда опять пошла къ тюрьмѣ, долго кружилась вокругъ нея, проходила туда, куда никого не пускаютъ; узнавала тамъ, гдѣ озлобленно хранятъ страшныя тайны и нельзя вырвать слова. Останавливала жандармовъ, стражниковъ, тюремныхъ дядекъ, конвойныхъ, и изъ ихъ словъ, часто испуганныхъ, мимолетныхъ, передъ нею создавалась картина казни. Она узнала, что сына не переставала бить смертная лихорадка и его повѣсили въ эту ночь только потому, что, по свидѣтельству больничнаго врача, ему оставалось жить всего день, два, и боялись, какъ бы онъ не умеръ до казни. Когда пришли его брать, онъ со страха весь обмочился и не могъ говорить. Его вели подъ руки и онъ шатался: и только что „засмырнули“ веревкою, какъ онъ испустилъ духъ, не висѣлъ и пяти минутъ. Когда же сняли, „совсѣмъ, совсѣмъ“ походилъ на обыкновенныхъ покойниковъ, такъ что начальство даже сказало: „Ай да Ващенко, изо всѣхъ казненныхъ одинъ такой красивый“.

— „Побиливъ, якъ крейда, и глазки закрывъ, и губочки стулывъ“,— думала мать, находя въ томъ утѣшеніе, что сывъ „почти, почти“ своею смерью умеръ...

Но въ какую изъ трехъ могилъ положили ея сына,—никто ей сказать не могъ...

I.

Новыя пьесы.

„Заложники жизни“ Ѳ. Сологуба.

Пьеса эта почти одновременно появилась въ альманахѣ „Шиповника“ и на сценѣ Александрийскаго театра. Вотъ содержаніе ея:

На фонѣ поэтической усадебной жизни завязывается идиллическій романъ шестнадцатилѣтней Кати, дочери разорившагося помѣщика Рогачева, съ юнымъ Михаиломъ Черепцовымъ, сыномъ сосѣдняго земскаго врача. Влюбленные, со всѣмъ пыломъ юнаго идеализма, мечтаютъ о совмѣстной жизни: Михаилъ—о своемъ будущемъ свободномъ и радостномъ „строительствѣ“, Катя—о бракѣ съ любимымъ, прекраснымъ и чистымъ юношей. Но родители Кати разорены и мечтаютъ бракомъ дочери поправить запутанныя дѣла, спасти задолженное имѣніе; смѣясь надъ юной парой, бѣдностью и фантазерствомъ Михаила, они всячески стараются обратить вниманіе Кати на притязанія ухаживающаго за ней молодого, преуспѣвающаго карьериста Сухова, утверждающаго, въ противоположность мечтателю Михаилу, консервативныя основы жизни. Взамѣнъ туманныхъ мечтаній юнаго „строителя“, у Сухова уже есть положеніе; онъ упорно ухаживаетъ за Катей, игнорируя ея „дѣтскій“ романъ, увѣренный въ конечномъ торжествѣ своихъ практическихъ идеаловъ.

Въ свою очередь Михаила любитъ дочь сосѣдей, художница и мечтательница — Лиличка Лунагорская (Лилитъ), олицетворяющая идеальное начало жизни—Мечту. Но любовь ея идеальная, безъ всякихъ земныхъ притязаній, и приходитъ она къ людямъ лишь въ часъ мучительной тоски и одиночества.

Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ четыре года. Катя, измученная жалобами родителей и не желая стать помѣхой Михаилу

въ его творческихъ достиженіяхъ, рѣшается, наконецъ, выйти за Сухова. Катя не обманываетъ его относительно своихъ чувствъ, говоритъ, что все еще любитъ Михаила, но Суховъ надѣется, что жизнь съ нимъ окончательно заглушитъ въ сердцѣ Кати послѣдніе ростки этой дѣтской любви и трезвая дѣйствительность побѣдитъ наивныя мечты. Въ драматической сценѣ конца второго акта Катя и Михаилъ разстаются, съ болью и тоской, рѣшая временно подчиниться суровому „оброку“ жизни,—отдать себя ей въ „заложники“. Катя умоляетъ Михаила „стать сильнымъ“, забыть пока о ней, вѣря, что „измѣны нѣтъ, любовь одна“. Михаилъ, безумно страдая, обѣщаетъ ей преодолѣть жестокую дѣйствительность, побѣдить жизнь неустаннымъ трудомъ.

Въ часъ его безумной печали приходитъ къ нему „свѣтлая и тихая, лунная Лилитъ“,—Мечта-Утѣшительница всѣхъ тоскующихъ, покинутыхъ Жизнью. Лилитъ, утѣшая Михаила, предлагаемъ ему „итти вмѣстѣ“, хочетъ помочь ему осіяніемъ мечты преодолѣть тяжкіе годы труда и печали. Для Кати и Михаила наступаютъ тяжелые годы плѣна, „оброкъ“ неумолимой жизни.

Восемь лѣтъ проходитъ. Катя живетъ съ Суховымъ, подъ маскою покорной жены и матери затаивъ глубокое страданіе и неумолкающую любовь свою къ свѣтлому образу Михаила. Михаилъ—извѣстный строитель; онъ завоевалъ жизнь творческимъ трудомъ; тихая, свѣтлая Мечта-Лилитъ вдохновляла его въ его одинокой борьбѣ.

Снова Михаилъ встрѣтился съ Катей, снова вспыхнула въ нихъ любовь; Михаилъ требуетъ отъ нея разрыва съ Суховымъ, находя, что искусъ ихъ жизни кончился; преодолѣвъ разлуку, жертву и трудъ, должны они сойтись уже навѣки.

Въ четвертомъ актѣ мужъ Кати, самоувѣренный преуспѣвающій Суховъ узнаетъ о рѣшеніи Кати уйти къ Михаилу, съ соперничествомъ котораго онъ уже давно пересталъ считаться. Финалъ—Катя и Михаилъ, наконецъ, вмѣстѣ; свѣтлая Мечта-Лилитъ оставляетъ ихъ: законченъ ея подвигъ вдохновенія. Дѣти Кати, дѣти Сухова—не дѣти любви, но дѣти скучнаго плѣна жизни—приходятъ къ матери. Суховъ врывается, хочетъ стрѣлять въ Михаила, но не рѣшается, ошеломленный всѣми этими неожиданными событіями. Катя и Михаилъ счастливы, но годы „заложничества“ оставили на нихъ свою тѣнь утомленія и печали. Лилитъ уходитъ—снова звать людей къ „новымъ подвигамъ“, къ „новымъ достиженіямъ“,

Пьеса Сологуба вызвала изрядный шумъ, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. Одни просто расточаютъ восторги автору, не желая или не умѣя разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ („Вѣдь вотъ,—кажется, все это ерунда, а мнѣ нравится—хорошо“, какъ передаютъ замѣчаніе кого-то изъ зрителей). Другіе, отдавая должное талантливости „Заложниковъ жизни“, негодуютъ на допущенную въ пьесѣ крикливую фальшь, спутанность и двусмысленность. Третьи безъ дальнихъ словъ объявили новую пьесу Сологуба продуктомъ недомыслія и безвкусія, пошлости и цинизма — самодовольной обывательщины. Страстность отношенія къ „Заложникамъ жизни“ дошла до того, что на рефератѣ о „новой морали“ Сологуба (въ петербургскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ) оказалось невозможнымъ вести пренія послѣ доклада, такъ какъ противники въ запальчивости не давали говорить другъ другу.

Изъ критиковъ наиболѣе опредѣленно и ярко по поводу пьесы высказался М. Невѣдомскій въ „Запрос. Жизни“:

„Съ появленіемъ „Заложниковъ жизни“ Сологуба,—пишетъ онъ,—никакой новой эры для нашей несчастной драмы не наступило. Произведеніе это, если вообще, что нибудь означаетъ, то не начало чего либо, а скорѣе нѣкій *конецъ*...

Всѣ фигуры—сплошныя повторенія уже неоднократно повтореннаго. Всѣ онѣ лишены всякихъ признаковъ живой психологіи, какъ лишены ея маріонетки изъ „Павьихъ чаръ“!..

Безконечно пошлы эти два юнца въ своей необычайной практичности... Не имѣя средствъ, чтобы, сочетавшись бракомъ, завести „приличную“ обстановку, они очень просто и симметрично выходятъ изъ затрудненія: она—поступаетъ временно на содержаніе, выходя замужъ за нелюбимаго человѣка. Онъ—временно пользуясь услугами нелюбимой имъ, но влюбленной въ него полу-нормальной и — это особенно удобно, — безплодной Лилитъ. Эти годы—называются въ пьесѣ годами „заложничества“ у жизни...

Трудно не поддаться искушенію замѣнить здѣсь букву *з* буквой *н*; трудно не назвать сугубой пошлостью и тотъ *контрактъ* (чуть ли не засвидѣтельствованный у нотаріуса), которымъ оба заложника гарантируютъ себѣ право освободиться отъ временнаго „заложничества“; пожалуй, еще отвратительнѣе то самодовольство и та тупость, въ силу которой оба эти героя Сологуба искренно мнятъ себя именно героями, — „побѣдившими жизнь“, какъ они и провозглашаютъ въ драмѣ...

Какъ всегда—неумно, и какъ всегда... „сгло-

дана роза",—вотъ резюме новаго произведенія г. Сологуба по его содержанію...

Изъ-за чего же шумъ? По какому поводу столько споровъ, рефератовъ, статей?

Право, единственное, на мой взглядъ объясненіе этому въ томъ, что кончается длительное и довольно непріятное недоразумѣніе.

Драма ставитъ всѣ точки надъ і, окончательно выясняетъ подлинный ликъ (стиль г. Сологуба) — этого „корифея" нашего художества.

„Далай-Лама изъ Сапожка" — такъ на семейномъ жаргонѣ покойныхъ „Вѣсовъ" опредѣлилъ Сологуба Андрей Бѣлый. Я не берусь утверждать, что вполнѣ уразумѣлъ смыслъ этого загадочнаго опредѣленія. Но нѣчто очень мѣткое я въ немъ чувствую.

„Далай-Лама", вѣроятно, намекаетъ на нѣкоторую способность къ самоудовлетворенію и въ то же время на таинственную запрятанность въ клубахъ нѣкоего мистическаго тумана. А „Сапожокъ" — это нѣчто очень захолустное, житейское и, пожалуй, даже тривіальное.

Новая пьеса очаровательной ясностью своей разсѣяла клубы мистическаго тумана, и передъ нами, во всей своей немногосложности, предсталъ одинъ—„Сапожокъ"...

Одинъ изъ „корифеевъ" нашей современной литературы въ своемъ послѣдвемъ опусѣ—окончательно *разъяснилъ* себя, — въ томъ родѣ, какъ „разъясняетъ" сенатъ и губернаторы...

Люди, провозглашавшіе этотъ „Сапожокъ" „Далай-Ламою" нашей литературы — естественно обезпокоены и — шумятъ"...

А вотъ отзывы и другихъ критиковъ.

„Лунная сказка", мечта, большеглазая Лилитъ ушла не изъ дома трезваго архитектора Михаила, сдѣлавшаго карьеру. Мечта ушла изъ творчества Ѳ. Сологуба... А та жизнь, которую онъ показалъ вамъ, вмѣсто мечты, вызываетъ гадливое чувство". (В. Львовъ-Рогачевскій. „Лучъ").

„Фактъ, который Сологубъ изобразилъ въ своей драмѣ, психологически невозможенъ и нелѣпъ; оттого теряетъ свой смыслъ и цѣну также и символъ. Нѣтъ обаянія въ мечтѣ Сологуба, потому что безсмысленна его реальность. Сонъ его потому не вѣщій, что онъ мнимо и непрочно связанъ съ явью. Въ оболочку символа нечего было автору одѣть.

Глубокая неправда—уже въ томъ, что, по Сологубу, жизнь будто бы возвращаетъ свои залоги, выпускаетъ изъ плѣна своихъ заложниковъ. На самомъ дѣлѣ, одно изъ проявленій ея трагизма именно въ томъ и состоитъ, что она несетъ дары запоздалые и искаженные. Въ этомъ — ея насмѣшливость, отъ которой горько приходится людямъ...

Психологическая невѣроятность и незначительность прямолинейной фабулы сказываются и въ томъ, что у подвига Кати отнятъ элементъ жертвы,—а безъ жертвы какой же подвигъ? Правда, о своемъ жертвоприношеніи говоритъ Катя, но вѣрить ея праздным словамъ нельзя. Она отдаетъ свою первую любовь, свою молодость, jus primae noctis, jus juventutis,— но это ей стоитъ немногаго. Она не хочетъ итти въ бѣдность, на чердакъ или въ конуру Васильевскаго острова, а предпочитаетъ богато жить съ Суховымъ: это производитъ возмутительное впечатлѣніе пошлости, но не производитъ впечатлѣнія жертвы. Сама Катя понимаетъ, что ея рѣшеніе дѣлаетъ изъ нея проститутку — но не въ духѣ и правдѣ Сони Мармеладовой. А еще серьезнѣе то, что если Катя такъ настойчиво декламируетъ стихи Зинаиды Гиппіусъ: „Измѣны нѣтъ, любовь одна", то, значитъ, любимый Михаилъ и нелюбимый Суховъ сливаются для нея въ одинъ образъ и ей рѣшительно все равно, отдаться ли объятіямъ Сухова или объятіямъ Михаила: измѣны нѣтъ, любовь одна... Наконецъ, тѣмъ легче ей отдать себя жизни въ залогъ, въ закладъ, то есть отдать себя Сухову, что ее, какъ „слѣпую бабочку", „увлекаетъ что-то темное, чувственное". И не на Пескахъ или Васильевскомъ островѣ будетъ она жить, и утоленіе чувственности произойдетъ („пламя, горящее въ ея тѣлѣ, зажжено Михаиломъ, но потушитъ это пламя другой), и даже измѣны при всемъ этомъ не окажется,—не слишкомъ ли это комфортабельно для души и тѣла и не слишкомъ ли наивна или, напротивъ, зрача эта „слѣпая бабочка"? Безъ страданія, безъ жертвы, безъ подвига, но съ пошлостью, безъ дѣтей и души, Катя не имѣетъ права быть героиней драмы". (Ю. Айхенвальдъ. „Рѣчь").

„Надо созваться, отдать невѣсту на содержаніе богатому человѣку для того, чтобы построить жизнь свѣтлую, чистую и свободную— замыселъ не совсѣмъ банальный. Теперь для насъ ясно, насколько правъ авторъ, опредѣляя Катю, какъ дѣвушку, у которой всѣ впечатлѣнія бытія свѣжи и первоначальны! Безспорно, такой же свѣжестью отличаются нѣмецкія проститутки, покидающія женихов съ сентиментальными вздохами для того, чтобы заработать на улицѣ маленькій капиталъ и затѣмъ, обезпечивъ себя рентой, начать жизнь съ любимымъ человѣкомъ.

Проституцію, какъ вынужденный обстоятельствами и самый крайній способъ заработка, можно, конечно, простить безъ усилій, даже

безъ всякихъ оговорокъ, но накопленіе приданаго такимъ путемъ или, вообще, обезпеченіе будущаго семейнаго *комфорта* цѣной своего тѣла—это даже не паденіе въ темную бездну (въ безднѣ—величіе!), а пресмыканіе въ грязноватой лужѣ. И если „жизнь нужно строить, какъ *храмъ*“, то теперь мы увидѣли новую идеологію жизни,—свѣтлой, свободной и чистой. Надо отдать любимую дѣвушку „арендатору“, и затѣмъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ—спокойно стричь купоны. А молодой „строитель Сольнесъ“ можетъ пережить это время съ „лунной сказкой“ и отпустить ее въ пространство, когда „пробьетъ часъ“ и придетъ къ нему любимая женщина, отгулявшаяся,—къ сожалѣнію, я не могу придумать еще болѣе отвратительнаго опредѣленія,—на хлѣбахъ одного изъ представителей высшаго общества, столь ненавистнаго молодому строителю. Впрочемъ, этотъ „строитель Сольнесъ“ на обыкновенномъ языкѣ называется просто сутенеромъ...

Идутъ новые апостолы и возвѣщаютъ, что „жизнь нужно строить, какъ храмъ“, а вмѣсто этого устраиваютъ будуаръ, гдѣ продается тѣло...

Неужели жизнь въ ея таинственныхъ граняхъ стала вдругъ такой простой и понятной, что можно безъ всякой опаски управлять съ помощью ариѳмометра самыми глубокими душевными движеніями? Неужели власть человѣка такъ безгранична, что вода можетъ не потушить огня, и обѣ эти стихіи могутъ соприкоснуться, не уничтожая другъ друга?

Конечно, нѣтъ! Нельзя безнаказанно сомкнуть мечту и аферу. И если „заложники жизни“ дали уродливый символъ, значитъ, они клевещутъ на поколѣніе; если же дѣйствительно таково современное поколѣніе, значитъ—оно оклеветало человѣчество. Но клевету нужно найти, непремѣнно нужно, иначе нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать.

Неужели надъ всей землей встаютъ гнилые туманы? (Арктуръ. „Утро Рос.“).

„Слѣдуетъ ломать житейскую мораль во имя чего-нибудь высшаго, но ежели Сологубъ, можетъ быть, и знаетъ это выспее, то его геронъ, навѣрное, не знаютъ. Не только остающаяся въ жизни Катя, но и уходящая отъ жизни Лилитъ не знаетъ. Обыкновенная житейская мораль — почтеннѣе, святѣе, благороднѣе неопредѣленной, безсильной, отъ жизни уходящей мечты. Старая, добрая житейская мораль—гораздо меньшій другъ мѣщанства и большій врагъ пошлости, нежели такая мечта, которая нуждается въ проституціи и въ благопріобрѣтенномъ капитальцѣ для своего воплощенія.

Житейская мораль къ подлинной мечтѣ-вѣрѣ, воплощающей, революціонно ломающей жизнь, — ближе, чѣмъ безплодная, стародѣвическая мечта однихъ отшельниковъ-романтиковъ. Тутъ опасность провала для Сологуба и для всего вообще модернизма; тутъ его безоружность, беззащитность предъ наступающей житейской пошлостью, передъ жующимъ розы ослинымъ ртомъ. Мечта Лилитъ безсильно и покорно уходитъ отъ жизни; отрицаетъ и проклинаетъ жизнь; не хочетъ борьбы, смиряется и отрекается. Это, въ сущности, не новая, а все та же древняя, монашеская, затворническая, уединяющая, христіанская мечта, хотя и на-изнанку, въ манихейство вывернутая; ничего не зачинаетъ она и не рождаетъ, не хочетъ родить; вѣчно юная, вѣчно старая дѣва, пораженная нѣчнымъ безплодіемъ. Я думаю,—мы думаемъ, что есть въ мірѣ сейчасъ и другая мечта-вѣра, входящая въ жизнь и не покорная жизни, зачинающая и рождающая.

Великая правда Сологуба, какъ и всѣхъ романтиковъ,—что онъ хочетъ не только того, что есть, но большаго, лучшаго („Я хочу того, чего нѣтъ на свѣтѣ“); великая ложь Сологуба и, опять-таки, всей вообще романтики—то, что во имя этого большаго, лучшаго проклинается послѣднимъ проклятьемъ данное, сущее,—весь міръ, вся жизнь, каковы они сейчасъ, такъ что нѣтъ путей отъ даннаго къ должному, отъ настоящаго къ будущему.

Когда Лилитъ уходитъ, то напрасно соединенные любовники говорятъ о какой-то новой лучшей жизни; это ложь, это риторика и романтика того же непобѣжденнаго мѣщанства, непобѣжденной пошлости. Нѣтъ, ничего лучшаго не будетъ, а будетъ все то же, что было: у новой парочки, новаго Адама и Евы, родятся новыя дѣти; и къ нимъ вернется старая, вѣчная, первая жена Адама, Лилитъ, еще болѣе старая, безплодная; и дѣтей, такъ же какъ отцовъ, обманетъ мечтой своей и, обманувъ, опять уйдетъ. И дѣти, и внуки, и правнуки, всѣ погибнутъ въ пошлости. И этому не будетъ конца. Хотя и безплодная дѣва — во времени, Лилитъ—въ вѣчности — мать пошлости, проклятая мать.

Сологубъ намъ очень близокъ, болѣе чѣмъ близокъ, онъ почти весь родной,—и очень далекъ, непзмѣримо чуждъ.

Пусть эта „побѣда“ Сологуба (разумѣется, побѣда все еще въ кавычкахъ) будетъ урокомъ и ему, и намъ всѣмъ, „модернистамъ“. Пусть наступитъ конецъ вѣчнымъ повтореньямъ, вѣчнымъ возвращеньямъ безсильной, отъ жизни уходящей и жизнь проклинающей мечты; пусть придетъ на смѣну безплодной дѣвы Ли-

литъ „съ козьими ножками“ Дѣва-Мать рождающая; пусть вырастутъ на нашей розѣ такіе острые шипы, чтобы никакой оселъ не могъ ее сжевать, а если бы попробовалъ, то изранилъ бы себѣ губы до крови и выплюнулъ бы съ ужасомъ“. (Д. Мережковскій. „Рѣчь“).

Съ отвѣтомъ послѣднему выступила за Сологуба Ан. Чеботаревская („День“).

„Лилитъ—пишетъ она,—играетъ далеко не безплодную роль: восемь лѣтъ Михайлова плѣна она утѣшала его, конечно, не въ томъ вульгарномъ смыслѣ, какъ, хихикая, объясняютъ обывательскія кумушки; вдохновляла и воодушевляла его къ Борьбѣ, Труду и Строительству жизни, учила его строить „высокіе, свѣтлые, прекрасные дома“ и, свершивъ подвигъ свой, уходитъ, когда приходитъ вторая, „законная жена“, но уходитъ Лилитъ не въ монастырь своего уединенія, а къ новымъ подвигамъ, „къ новымъ достиженіямъ“, т.-е. къ тѣмъ же людямъ, снова завершать тотъ же вѣчный циклъ ея земныхъ свершеній. Оружіе Лилитъ, конечно, не воинствующій мечъ, не рукопашная битва,—а лира поэта, греза Творца,—Идеалъ, Мечта, Искусство, все то, чѣмъ движется Человѣчество въ поступательномъ своемъ шествіи по ступенямъ той бѣлой лѣстницы, которую почему-то въ апофеозѣ Лилитъ на сценѣ намъ не показали. Большою ошибкой было бы думать, что Лилитъ удаляется на землю Ойле, на острова успокоенія и блаженства: она уходитъ, но человѣкъ идетъ за нею, и такъ было, такъ будетъ вѣчно, — въ этомъ залогъ движенія человѣчества по пути къ совершенству. Вѣчно зовущая дальше, вверхъ, впередъ. Мечта-Лилитъ не терпитъ успокоительнаго застоя жизни, она будитъ коснѣющаго въ смертной сладкой истомѣ человѣка. Она зоветъ его къ новымъ достиженіямъ, къ творчеству искусства и жизни, къ созиданію жизни, не сравнительно только высокой, но и абсолютно прекрасной и оправданно высокой,—оправданной потому, что только уходящій отъ сегодня къ инымъ достиженіямъ, исполняетъ долгъ человѣка на землѣ.

Когда поэтъ не ограничиваетъ своей задачи восхваленіемъ обычности, когда свой творческій подвигъ онъ хочетъ сочетать съ повелѣніями единой міродержавной Воли, то нѣтъ и не можетъ быть у него иной вдохновительницы, кромѣ вѣчно мечтающей, вѣчно зовущей человѣка Лилитъ. Въ этомъ ея подвижническая роль, которой, какъ намъ кажется, не захотѣлъ понять Д. С. Мережковскій. Лилитъ, какъ и всю пьесу Сологуба, какъ и всего этого яичнаго и своеобразнаго поэта, можно только *почувствовать*, сердцемъ, душою, чувствомъ, но никакъ не „ума холоднымъ измышленіемъ“.

2.

„Профессоръ Сторицынъ“ Л. Андреева.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ послѣдней андреевской драмы, уже идущей на провинціальной сценѣ, является неисправимый идеалистъ, популярный профессоръ, отдавшій всѣ свои силы исканію красоты въ жизни и искусствѣ, исканіямъ „нетлѣннаго“. Къ сорока пяти годамъ его сердце устало, работаетъ вяло. Его другъ, профессоръ Телемаховъ, врачъ по спеціальности, выслушиваетъ его и предостерегаетъ семью. Жена Сторицына, Елена Петровна, молодящаяся, пустая женщина, съ тревогой выслушиваетъ діагнозъ Телемахова. Но у нея свои заботы: ея любовникъ Саввичъ, грубый, наглый и пошлый человѣкъ, вовлекъ се въ какія-то темныя денежныя аферы, и теперь ей предстоятъ большія непріятности.

Сторицынъ не нашелъ дома той красоты и правды, которую всю жизнь страстно ищетъ. Очень далека отъ него его жена, но едва-ли не дальше сынъ—Сережа—узколобый эгоистъ, пьющій водку съ восемнадцати лѣтъ, звѣроподобное существо. Саввичъ, любовникъ Елены Петровны, расположился въ домѣ профессора, какъ у себя. Всѣ знаютъ о позорной связи, даже дѣти, но самъ профессоръ ничего не замѣчаетъ, занятый книгами.

Старшій сынъ, Володя, авіаторъ, не выдержавъ подобной атмосферы ушелъ изъ дома. Профессоръ въ своей семьѣ одинокъ: „Я точно въ аравійской пустынѣ“, съ горечью говоритъ онъ... Только одинъ мягкосердечный и безвольный Модестъ Петровичъ, братъ его жены, архитекторъ, чьи дома постоянно заваливаются, любитъ и цѣнитъ Сторицына.

Но есть еще одно существо, внѣ дома, которое краситъ сѣрую жизнь одинокаго профессора: это его ученица, княжна Людмила Павловна, гордое и незавидное сердце, идеально влюбленная въ своего учителя.

Сторицынъ отдается своему чувству къ княжнѣ, но и изъ этихъ отношеній хочетъ создать что-то особенное и неземное, говоритъ ей о какомъ-то непорочномъ, нетлѣнномъ зачатіи.

Авторъ поднимаетъ занавѣсъ въ тотъ моментъ, когда событія уже назрѣли и катастрофа близка.

Елена Петровна, занимающаяся отъ скуки благотворительностью, направляемая своимъ любовникомъ Саввичемъ, растратила комитетскія деньги. Предстоитъ скандалъ. Профессоръ Телемаховъ сообщаетъ объ этомъ Сторицыну.

У него открываются глаза. Онъ теперь только понялъ, что означаетъ постоянное присутствіе въ домѣ хама-Саввича. Происходитъ рѣзкая сцена между нимъ и женой:

С. Что съ тобою сдѣлалось, Елена? Отчего ты истлѣла такъ быстро и такъ страшно? Я помню тебя еще дѣвушкой, невѣстой; тогда ты была чиста, достойна пламенной любви и уваженія. Я помню тебя женой въ тѣ первые годы: ты жила одной жизнью со мною, ты была чиста, ты какъ другъ не разъ поддерживала меня въ тяжелыя минуты. Я до сихъ поръ не могу произнести тебѣ слова полнаго осужденія—только за тѣ два года моей ссылки, когда ты... какъ мужественный другъ, какъ товарищъ... Не могу! (Молчаніе). Что ты нашла въ Саввичѣ?

Е. П. Не знаю. Онъ подлецъ. Прости меня.

С. А... Такъ значитъ это правда. Это правда! Это правда. А... Вотъ что. Вотъ что... Такъ.

Е. П. (со страхомъ). Тебѣ дать воды?

С. Нѣтъ.—Еще сегодня профессоръ Телемаховъ упрекнулъ меня въ нечестности или глупости, въ томъ, что я нарочно закрывалъ глаза... но развѣ онъ, развѣ вы всѣ можете понять, что я честно не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ всѣхъ гнусностей вашихъ? Развѣ вы всѣ можете понять, что я честно отрицалъ самые факты. Фактъ! Что такое фактъ, думалъ я, со всею иллюзорностью его движеній и словъ, когда передо мною такой незыблемый камень, какъ твоя клятва, мое достоинство, достоинство всей жизни! О, дуракъ, дуракъ!

Е. П. Не говори такъ про себя. Ты не смѣешь такъ говорить про себя.

С. О дуракъ, дуракъ! Однажды я ясно видѣлъ какъ Саввичъ сжалъ... подъ столомъ твою ногу,—и у меня хватило силы, упрямства честнаго безумца принять это за обманъ моего зрѣнія, а не за вашъ обманъ. О, гнусненцы! Значитъ, все правда. Значитъ, все, что я отрицалъ, — весь этотъ міръ предательства, гнусности и лжи—правда? А клятва передъ Богомъ—ложь? И достоинство—ложь! Значитъ, по ночамъ, когда, хватаясь за голову, я казнилъ себя, какъ мелкаго жулика, смѣющаго подозрѣвать, теръ кулакомъ свои подлые глаза—я былъ просто глупъ, а мудрость въ томъ, чтобы даже дома держаться за карманъ! Все правда. И то, что Сергѣй ворусъ и продаетъ мои книги...

Е. П. Ты знаешь это?

С. И то, что кругомъ—все разорвано, и то... и то, что ты... съ Саввичемъ! Еще кто, говори! У насъ бываютъ студенты, трубочисты, полотеры—кого же больше любишь, студентовъ или полотеровъ? Говори! Чей сынъ Сережка?

Е. П. Твой, твой! Клянусь!

С. И что Бога распяли, тоже правда? Говори: распяли Бога или нѣтъ? (Молчаніе). Говори.

Е. П. Ты можешь... ты можешь убить меня, но это неправда, что Сережа не твой сынъ. Клянусь тебѣ... Я знаю, что я клятвопреступница, и мнѣ нельзя вѣрить, но вѣрь только въ послѣдній разъ: клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что Сережа твой... твой сынъ! Да, я преступница, но зачѣмъ ты оставилъ меня, не жалѣлъ меня, зачѣмъ ты...

С. Я? Я не жалѣлъ тебя? Что же ты считаешь жалостью тогда?

Е. П. Да, ты требовалъ отъ меня слишкомъ много, а я не могла, ты никогда не хотѣлъ простить моихъ слабостей... Я не могу быть такой умной, какъ ты, я не могу, а ты хотѣлъ, чтобы я тоже...

С. Это неправда, Елена! Вспомни, сколько я говорилъ съ тобой, сколько здоровья, сколько самой свѣжей силы я истратилъ на тебя. За эти часы безконечной работы я могъ бы воспитать цѣлое поколѣніе людей, я могъ бы бросить въ міръ десятки книгъ... Но развѣ хоть въ одной моей книгѣ я говорю съ такой страстью, съ такимъ желаніемъ убѣдить, съ такимъ напряженіемъ всей моей воли, какъ я говорилъ съ тобой? Ахъ, если бы я такъ писалъ, какъ я говорю съ тобой, когда мнѣ нужно добыть хоть маленькій, самый маленькій кусочекъ твоего сердца! Что же осталось отъ всѣхъ моихъ словъ, что ты поняла, Елена?

Е. П. Я не виновата, что не могу понять, какъ будто я не старалась. Ты страдалъ, я это знаю, у тебя больное сердце, и я твой убійца, но ты хоть радовался въ жизни, а я? Ты, бывало, читаешь книгу, и я подсматриваю, вижу, какъ ты отъ нея счастливъ, а я? Пойду, бывало, и сяду на твое мѣсто, разверну книгу на той же страницѣ—ну и что же, ничего, ничего. А ты все дальше отъ меня уходишь, все дальше, пока я совсѣмъ не осталась одна. Саввичъ подлецъ, это правда, но только онъ одинъ и жалѣлъ меня, понималъ, что я тоже человѣкъ... Къ тебѣ прійдешь съ непріятностями или насчетъ прислуги, а ты гонишь... а ты гонишь, я и сама понимаю, что тебѣ не до того, а Гавріилъ Гавриловичъ... Или въ прошломъ году, когда Сережа дифтеритомъ заболѣлъ, а у тебя въ университетѣ безпорядки, такъ кто за докторомъ ѣздилъ, парадное кто ночью въ аптекѣ ломалъ? Все Гавріилъ Гавриловичъ. А кто теперь первый о твоемъ здоровьѣ заботится...

С. Но ты дѣйствительно съ ума сошла, Елена! Опомнись, что ты говоришь!

Е. П. А если и сошла, такъ кто виноватъ? Сколько разъ я умоляла тебя: обрати вниманіе на Сережу, накажи его, а ты что? Ты хоть бы крикнулъ... а на слова твои никто и вниманія не обращаетъ. Ты въ Бога не вѣришь, а я вѣрю, такъ подумай, пожалуйста, сообрази, какое мое счастье! Ты умрешь,—въ рай пойдешь, а я куда? А я куда? Безъ тебя я, можетъ быть, была бы счастлива, меня бы уважали, какъ другихъ женщинъ уважаютъ, а рядомъ съ тобой чего я стою, развѣ я сама не понимаю этого?

С. Зачѣмъ же ты клялась?

Е. П. А ты зачѣмъ требовалъ, чтобы я клялась?

С. Я не требовалъ, это неправда!

Е. П. Но ты все равно хотѣлъ, вотъ я и клялась. Для тебя же, чтобы тебѣ легче было, а ужъ что со мной... (Громко плачетъ). До этого тебѣ никогда дѣла не было! Никогда!

С. Но это дважды обманъ, ты дважды обманула Бога! Елева, Елена! Какими же словами я разсѣю мракъ твоей совѣсти—ихъ нѣтъ! Теперь я клянусь: если бы существовало на свѣтѣ одно такое слово, которое могло бы раскрыть тебѣ глаза, я жизнью заплатилъ бы за это слово! За одно только слово! За одну вспышку свѣта въ этой ужасной темнотѣ! Очнись, Елена! Боже мой, какъ темно, какъ темно... кажется, я начинаю умирать?

Е. П. Я дамъ тебѣ воды. Тебѣ нехорошо, Валентинъ?

С. Воды? Не надо.—О, нѣжный мой палачъ, цѣлую твою руку... (Быстро подходитъ и цѣлуетъ руку у Елены Петровны,—затѣмъ рѣзко отбрасываетъ руку). Ты вѣдь творишь только волю пославшаго тебя! Но кто же послалъ тебя въ міръ, эту затянутую въ корсетъ даму, съ пудрой на свекольномъ лицѣ, съ грудью, которая могла бы вскормить тысячи младенцевъ, тысячи Іоанновъ и Христовъ, а питаетъ только — Саввича. Кто ты, ужасная? Страшный сонъ всей моей жизни, или ты дѣйствительно живешь, плачешь, сморкаешься, жалуешься и ждешь, чтобы я подошелъ и ударилъ тебя—какъ бьетъ тебя Саввичъ?

Е. П. Это неправда! Саввичъ никогда не билъ меня. Если бы ты жалѣлъ меня такъ, какъ онъ меня жалѣетъ, то я была бы другой. Я вѣдь ничего не говорю про твоихъ курсистокъ, про дѣвченокъ, которыхъ ты...

С. Что?

Е. П. Это не я одна, это тебѣ и Саввичъ скажетъ, хоть ты его и презираешь.

С. Молчать!

Е. П. Ты не смѣешь на меня такъ кричать, я не горничная тебѣ, я мать твоихъ дѣтей. Мнѣ все равно, завтра я руки на себя наложу, а ты не смѣешь, ты не смѣешь, у меня тоже больное сердце, я, можетъ быть, скорѣй твоего умру—ты не смѣешь на меня кричать. На дѣвченокъ твоихъ кричи, а я мать, я въ мукахъ дѣтей твоихъ рожала, пока ты книги читалъ. У насъ трое дѣтей умерло—кто ихъ хоронилъ, кто гробики покупалъ, кто—ты?.. А что мнѣ каждый гробикъ стоилъ, ты это знаешь?..

Далѣе еще болѣе жуткое объясненіе съ сыномъ. Оказывается, что Сережа ворустъ книги изъ библіотеки отца и продаетъ ихъ.

— Боже мой!—восклицаетъ профессоръ:— Я впервые вижу твой узкій лобъ, твои оловянные глаза. И это мой сынъ!

Онъ столкнулся здѣсь со стихійной несокрушимой силой мертвечины, вѣковѣчной тупости, безсмысленности матеріи, которая оказалась сильнѣе его грезы о нетлѣнной красотѣ.

Ужасъ, близкій къ отчаянію, охватываетъ профессора. Въ бурную осеннюю вѣтренную ночь онъ уходитъ изъ дома, уходитъ, чтобы больше никогда не возвращаться.

Въ четвертомъ дѣйствіи—развязка. Сторицынъ, озябшій, несчастный, разбитый, приходитъ къ своему другу профессору Телемахову. Здѣсь въ горячемъ діалогѣ высказывается Телемаховъ. Горестное глубокое разочарованіе сквозитъ въ каждомъ его словѣ. И онъ когда-то искалъ правды и красоты. Но теперь онъ понялъ, что „человѣкъ человѣку не братъ, а волкъ“.

— Я научился говорить прислугѣ „ты“, кричать своему денщику „болванъ“. Это труднѣе, но я научился. И ты придешь къ этому.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Я спряталъ свое „ветлѣнное“ сюда въ сердце. Ово никому не нужно—не нужно низкимъ лбамъ. Стрѣлять въ низкій лобъ! Стрѣлять! Вѣшать!

Сюда же является и княжна. Она порвала со своей семьей и ушла. Вмѣстѣ съ профессоромъ она готова начать новую жизнь.

— Мы пойдемъ далеко. Слышишь вѣтеръ изгнанниковъ? Слышишь, какъ онъ воетъ? — говоритъ профессоръ, почти бредя.

Старая жизнь еще цѣпляется за него: является Саввичъ, но его не пускаютъ.

Измученный всѣми неожиданными переживаніями, разбитый въ спорахъ многолѣтнихъ вѣровавіяхъ, Сторицынъ видитъ иное будущее и новое существованіе. Но усталое и надтресну-

тое сердце не выдерживаетъ: онъ умираетъ тутъ же на порогѣ. Вѣтеръ—извѣчный вѣтеръ пзгнанниковъ—вѣетъ надъ его трупомъ.

——

И вокругъ новой пьесы Андреева поднялся шумъ, но въ другомъ родѣ — шумъ скандала. Три кіевскихъ театральныхъ критика своими отзывами о „Профессорѣ Сторицынѣ“ вынудили автора пьесы напечатать по адресу ихъ такое „открытое письмо“:

Милостивые государи! Въ моей пьесѣ „Профессоръ Сторицынъ“, трактующей тему „о неблагородствѣ нашей русской жизни“ и въ лицѣ нѣкоего Саввича, стремящейся дать типъ хама-моралиста, вы нашли грубыя преувеличенія, фальшь, отсутствіе жизненной правды, какъ она вамъ представляется. Казалось бы, что въ предѣлахъ этихъ общелитературныхъ сужденій вы и должны были остаться, но, къ сожалѣнію, этого не случилось, а случилось нѣчто совсѣмъ странное, прямо противоположное вашимъ благороднымъ задачамъ. Вы до неузнаваемости исказили сцену Сторицына съ сыномъ-гимназистомъ въ вашей вольной передачѣ, и эту искаженную передачу положили въ основаніе вашихъ очень рѣзкихъ, но естественно несправедливыхъ выводовъ. Не ограничиваясь этимъ, вы допустили по отношенію ко мнѣ лично такой тонъ, такое заглядываніе въ мои намѣренія и мою совѣсть, до какого не можетъ, пожалуй, подняться даже фантазія драматурга. Приведу лишь нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, свидѣтельствующія объ общемъ характерѣ вашихъ рецензій, но далеко не исчерпывающія всего.

Андреевъ въ пьесѣ... „не уберегъ себя отъ вліянія безгранично царящаго на Руси хамства“. „Пошлая, претенціозная и отвратительная андреевщина“. „Сколько мнѣ помнится, Андреевъ недавно далъ клятву не писать ничего въ теченіе трехъ лѣтъ! Неужели время такъ быстро бѣжитъ, а срокъ уже истекъ?“... „авторамъ—наплевать... авторы распродаютъ свое творчество...“ и т. д. (Г. Чаговецъ изъ „Кіевской Мысли“). „Дутый въ своей славѣ Л. Андреевъ всегда страдалъ бредовыми идеями и, какъ у всякаго маніака, такъ и у этого литературнаго маніака мѣстами прорываются здоровые моменты и связныя рѣчи. Но такія мѣста носятъ характеръ случайностей“. „Рекламированное имя Андреева...“ (г. Бикманъ въ „Новостяхъ“). „Я лично никогда не былъ особенно высокого мнѣнія о литературныхъ талантахъ г. Л. Андреева. Его искусственно взвинченная репутація... такъ замѣтно отзывала рекламой, что...“ „Почти всѣ его произведенія, усердно рекламируемыя дружески услужливыми...“ „Человѣкъ съ болѣзненно гипертрофированнымъ воображеніемъ... онъ всегда и во всемъ доводитъ изображеніе до предѣловъ яваго неправдоподобія...“ „Вредовой характеръ...“ „Онъ, словно разлагающійся трупъ, заражаетъ своимъ ядомъ все, къ чему прикасается...“ „Только самодовольная тупость писателя, органически лишеннаго чувства жизненной правды, все вниманіе котораго безъ остатка занято побрякушками личнаго успѣха...“ и т. д. (г. Николаевъ изъ „Кіевлянина“).

Такъ пишете вы, гг. рецензенты, упрекая меня въ грубости, сгущенности красокъ и отсутствіи жизненной правды. Но самыя слова ваши не служатъ ли печальнымъ доказательствомъ, что я, къ несчастью, правъ совершенно въ оцѣнкѣ „неблагородства русской жизни“ и что краски отнюдь не сгущены? Я не позволилъ бы себѣ утомлять вниманіе читателя бесѣдой съ вами, если бы самый фактъ не былъ такъ изумительно характеренъ.

Года два назадъ по поводу инцидента съ пьесой „Гаудеамусъ“, ставшей предметомъ конфликта между двумя кіевскими театрами — столь чувствительныя къ грубости кіевскія газеты писали обо мнѣ, что я—„коммерціи художникъ“ „сутенеръ собственнаго таланта“ (?) и многое другое въ томъ же родѣ, чего я не помню. И тогда же, раскрывая въ журналѣ „Театръ и Искусство“ суть инцидента, я съ извѣстной рѣзкостью, хотя и сдержанно, отозвался о кіевской, посвященной театру, печати. Не правда ли, вотъ и еще маленькая полуисторическая справка, не лишенная интереса, и при оцѣнкѣ настоящаго случая?

Леонидъ Андреевъ.

3.

„Малый соблазнъ“ Н. Минскаго.

„Малый соблазнъ“ — новинка сезона, но не литературы: напечатана она нѣсколько лѣтъ назадъ (въ альм. „Шиповн.“) Теперь ее захотѣлъ показать театръ, московскій театръ Корша — и вотъ оригинальное драматическое произведеніе Н. Минскаго какъ бы снова родилось на свѣтъ, при огняхъ рампы, и заставило, наконецъ, говорить о себѣ.

„Минскій,—читаемъ мы въ фельетонѣ г. Бэна („Моск. Вѣд.“),—пережилъ тезисъ—крайній, замкнутый индивидуализмъ, пережилъ и антитезисъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“. Теперь, послѣ 1905 года, онъ хочетъ перейти къ синтезу. Явился „Малый соблазнъ“.

Люди на землѣ дѣлятся на три категоріи.

На первомъ мѣстѣ стоятъ „сыны Прометея“, люди генія, пролагающіе новые пути въ области мысли, знанія и искусства. Слѣдомъ за ними идутъ „сыны Вулкана“—люди труда, воплощающіе своей работой все то, что сдѣлано сынами Прометея. Если бы на землѣ были только двѣ эти категоріи мыслителей и труженниковъ, то на землѣ давно воцарился бы земной рай. Появились паразиты человѣчества, которые хитростью овладѣли плодами трудовъ и сыновъ Прометея, и сыновъ Вулкана. Это—мѣщане, коварные колдуны, захватившіе власть на землѣ въ свои руки. Въ основу ихъ міровоззрѣнія ложится презрѣніе къ людямъ: съ ихъ точки зрѣнія, человѣкъ — это плохо прикрытый сосудъ съ нечистотами; люди это обстоятельство прекрасно знаютъ и стараются закрыть свою отталкивающую сущность разными предметами, которыми они скрашиваютъ себя, пытаются придать себѣ красоту. Вотъ этими-то предметами мѣщане властвуютъ надъ человѣчествомъ, завороженнымъ ихъ колдовскими, коварными чарами. Мѣщане все опошлили, все осквернили, все втоптали въ грязь.

Особенно эта оскверняющая ихъ власть проявляется надъ женщинами. Женщина слишкомъ сильно отдается своей страсти нравиться во что бы то ни стало. Для нихъ мѣщанство создало моды. Женщина теперь всецѣло отдается стадному чувству моды. Для нея нѣтъ большаго страданія и униженія, какъ отстать въ модѣ, какъ отличиться отъ другихъ своимъ нарядомъ. Въ стремленіи нравиться и быть наравнѣ со всѣми женщина всегда падка на искушеніе. Она можетъ пасть ради самаго малаго соблазна и запачкать грязью все самое лучшее и свѣтлое къ своей душѣ.

Вотъ смыслъ пьесы.

Создатель „малаго соблазна“— это фабрикантъ дамскихъ шляпъ. Онъ не заурядный купецъ — это создатель моды: онъ даетъ новыя модели шляпъ, и всѣ дамы, покорныя капризу воображенія его и его присныхъ, періодически собирающихся для созданія новой формы шляпъ, облекаются въ ихъ шляпы, неся ему огромные доходы. Фабрикантъ на очередномъ собраніи объясняетъ своему сыну, какое огромное вліяніе, какую власть доставляетъ ему ремесло.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ на дѣлѣ, къ какимъ трагическимъ послѣдствіямъ можетъ привести такой ничтожный предметъ, какъ дамская шляпа. Передъ нами два „сына Прометея“—художникъ Владиміръ, мечтающій о созданіи новаго храма, и доцентъ философіи Александръ, написавшій блестящее сочиненіе „объ оправданіи женщины“. Оба они любятъ и любимы взаимно, ихъ подруги преклоняются передъ ихъ геніальностью и счастливы вмѣстѣ съ ними. Однако, это счастье разрушено такимъ „малымъ соблазномъ“, какъ модная дамская шляпа.

Къ художнику Владиміру приходитъ одна изъ агентшъ шляпнаго фабриканта и предлагаетъ поступить къ нему на службу, чтобы давать своимъ талантомъ „послѣдній штрихъ“ моделямъ ихъ шляпъ. Владиміръ гордо отказывается, и на его мѣсто поступаетъ его товарищъ художникъ Викторъ, но подруга Владиміра, Елена, прельщенная богатствомъ и внѣшнимъ блескомъ моды, бросается за Викторомъ и становится его сожительницей только потому, что онъ можетъ ей доставить этотъ блескъ. Владиміръ впадаетъ въ полное отчаяніе, его жизнь разбита, его призваніе сломано навсегда и погибло вмѣстѣ съ его былою вѣрой въ себя.

Аналогичная исторія происходитъ и съ доцентомъ философіи. Онъ вмѣстѣ со своей женой Маріей получилъ приглашеніе на „файфъ о клокъ“ къ шляпному фабриканту. Марія, явившись на приглашеніе, по бѣдности одѣлась не по модѣ и пережила горькія минуты униженія, видя себя среди шикарно разодѣтыхъ женщинъ, чувствуя на себѣ ихъ презрительно-насмѣшливые взгляды. Ея самолюбіе задѣто до такой степени, что она готова пойти на все, лишь бы стать въ уровень съ этими дамами. За ней ухаживаетъ сынъ шляпнаго фабриканта. Онъ видитъ ея стыдъ и отчаяніе и приходитъ къ ней на помощь, предлагая ей по своему чеку пользоваться шляпами изъ ихъ магазина. Марія не можетъ устоять противъ такого „малаго соблазна“: желаніе блистать и нравиться доходитъ до того, что она соглашается на предложеніе соблазнителя. Мало этого, ради нарядовъ она готова стать любовницей своего богатаго ухаживателя.

Обо всемъ узнаетъ ея мужъ, до тѣхъ поръ вѣрившій въ Марію, преклонявшійся передъ нею, какъ передъ своимъ божествомъ. Этотъ ударъ дѣйствуетъ на него такъ сильно, что онъ тяжело заболѣваетъ и нѣкоторое время находится между жизнью и смертью. Марія, не переставшая ни на минуту его любить и лишь на короткое время отдавшаяся власти соблазна, приходитъ въ себя, горько раскаивается въ случившемся и готова цѣною всей своей жизни искупить свое падавіе. Но Александръ, выздоровѣвъ, становится совершенно другимъ человѣкомъ: изъ прежняго оптимиста и идеалиста онъ становится озлобленнымъ, почти безумнымъ человѣкомъ. Онъ приписываетъ вину своего разочарованія въ жизни, паденіе

своей жены, крушеніе всѣхъ своихъ идеаловъ торжествующему мѣщанству, этимъ „колдунамъ“ вродѣ шляпнаго фабриканта. Теперь онъ обрекаетъ себя одному только—дѣлу мести и борьбы.

Александръ избираетъ своею жертою... шляпнаго фабриканта. Онъ идетъ къ нему и заявляетъ, что пришелъ его убить, какъ злѣйшаго своего врага. Фабрикантъ пытается оправдаться и говоритъ цѣлую рѣчь въ защиту мѣщанства, но она только еще болѣе утверждаетъ Александра въ его рѣшеніи, и онъ застрѣливаетъ несчастнаго фабриканта.

Мало этого, представъ передъ судомъ, онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ передъ присяжными зоветъ „сыновъ Прометея“ объединиться для безпощаднаго истребленія злыхъ колдуновъ-мѣщанъ, „властителей земли“.

4.

„Торговый домъ“ Ив. Сургучева.

Сюжетъ этой пьесы, принятой къ постановкѣ въ Императорскихъ театрахъ, по словамъ Ѳ. Батюшкова въ „Рѣчи“—разлагающее вліяніе власти денегъ на цѣлую семью, живущую исключительно интересами наживы, подъ гнетомъ тиранніи фирмы „Торговаго дома“.

Въ центрѣ картины—образъ „старухи“ Костяниной, владѣтельницы „Торговаго дома“, властной, энергической, умной женщины; „не старуха, а министръ иностранныхъ дѣлъ“, какъ величаетъ ее старшій ея сынъ Петръ. Личность принесена въ жертву быту въ суровой обстановкѣ торговыхъ интересовъ, но она стремилась вырваться, искала выхода, и тамъ, гдѣ закрыты всѣ ставни и дыры, прорывалась въ скважины, измельчала, опошлилась, замѣняя цѣлостные запросы человѣческаго чувства—блудомъ, потайными „грѣшками“. Не легко дались и старухѣ ея теперешняя суровость и непреклонное служеніе только интересамъ „Торговаго дома“. Было время—и она знала влеченія сердца, и она мучилась любовной тоскою, билась въ судорогахъ о полъ, принужденная жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, разлученная съ другомъ сердца. И она „согрѣшила“. Младшій сынъ ея Митя рожденъ отъ „друга сердца“, но скрыла она свою тайну отъ мужа, который умеръ, ничего не подозрѣвая, завѣщавъ ей все свое состояніе. Итакъ, старуха—съ темпераментомъ, со страстями, даже съ непреодолимыми влеченіями къ похоти, и только возрастъ да желѣзная воля заставили ее взять себя въ руки и зорко слѣдить за всѣмъ домомъ. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ: въ какомъ бы подчиненіи ни находились у матери всѣ трое ея сыновей, они всѣ по природѣ блудливы и похотливы. Не удержалась и старшая внучка—Авдотья (Душа), которая еще въ дѣвицахъ сошлась съ какимъ-то парнемъ. Приходится ея „грѣхъ“ покрывать. За деньги—пятьдесятъ тысячъ — покупаютъ ей мужа, какого-то адвоката, очевидно, не изъ очень щепетильныхъ. Второй сынъ, Василій, хромой и некрасивый, съ злобнымъ характеромъ, выискалъ себѣ въ какомъ-то монастырѣ красавицу Ксенію въ жены. Конечно, Ксенія его не любитъ и любить не можетъ. Она обрадовалась случаю выйти изъ монастыря и попасть въ богатыя купчихи. Хочется ей пожить себѣ въ удовольствіе, а тутъ—хромой уродъ мужъ, да старшій братъ-вдовецъ пристаетъ, склоняя къ тайной связи. Полюбился ей меньшой—Митя, да не обращаетъ онъ на нее никакого вниманія. Митя любитъ чужую жену, сошелся онъ съ ней и души въ ней не чаетъ. Онъ одинъ въ семьѣ умѣетъ любить по-настоящему, цѣльнымъ, нераздѣльнымъ чувствомъ и все готовъ отдать, чтобы соединиться со своей возлюбленной.

Ея мужъ—податной инспекторъ—типъ пошлаго обывателя, который знаетъ о связи своей жены и все-таки надѣется силой и властью мужа удержать ее при себѣ. Старуху безпокоитъ чрезмѣрная страсть Мити къ его „сударушкѣ“. Надо этому конецъ положить. Она призываетъ его къ себѣ и старается сперва лаской уговорить, потомъ пускается на хитрость: сообщаетъ текстъ заговора, будто бы для того, чтобы удержать навсегда любовь, но лукаво вставляетъ въ текстъ другія слова, которыя придадутъ заговору обратное значеніе. Митя попадаетъ на удочку, но не совсѣмъ: онъ что-то подозрѣваетъ, чувствуетъ неладное, видитъ усилія матери все-таки разлучить его съ той, которая ему дороже жизни, женить на другой. Онъ бунтуетъ, возражаетъ матери, бросаетъ ей упрекъ въ блудливости, наконецъ, грозится задушить. Старуха не выдержала: она поняла, что сынъ никогда не подчинится ея волѣ, не будетъ покорнымъ слугой „Торговаго дома“. Этотъ ударъ ее сразилъ. Она умираетъ отъ разрыва сердца, успѣвъ, однако, составить завѣщаніе, по которому Митя лишенъ наслѣдства и оставленъ въ домѣ только на положеніи какого-то прихлебателя.

Служатъ панихиду у гроба скончавшейся старухи Костяниной. Съ другими посѣтителями приходитъ и возлюбленная Мити. Она думаетъ, что онъ теперь свободенъ, богатъ; она можетъ бросить мужа, уѣхать съ нимъ въ Италію, куда угодно. Подъ скорбный напѣвъ, слышный изъ другой комнаты, происходитъ страстное-

объясненіе между любящими. Митя не говоритъ, что онъ лишенъ наслѣдства. Онъ вѣритъ той, которую любитъ—развѣ они могутъ быть разлучены. Но правда открывается. Пошлякъ-мужъ торжествующе уводитъ свою жену. Митя безмощенъ.

Мы возвращаемся затѣмъ къ положенію обрисованному въ первомъ дѣйствіи. Душа замужемъ, но продолжаетъ видѣться съ прежнимъ возлюбленнымъ.

Ея мужъ находитъ въ этомъ только предлогъ для новыхъ вымогательствъ отъ „Торговаго дома“. Митя все такъ же печаленъ и безпомощенъ. Ксенія теперь надѣется привлечь его. Вѣдь у нея есть деньги, и она можетъ ихъ еще больше получить: стоитъ ей только отравить двухъ братьевъ, мужа и ухаживающаго за ней Петра. Она сдѣлаетъ это и будетъ свободна, отвергнетъ Петра и возьметъ Митю. На минуту Митя вспыхнулъ отъ этой возможности стать богатымъ и независимымъ. Но Ксенія поняла, что не ради ея. Онъ ее не любитъ, онъ вернется къ той, съ которой сердцемъ связанъ навѣки. Этой правды не скрыть, и Ксенія впадаетъ въ истерику. На шумъ сбѣгаются. Душа уводитъ Ксенію въ ея комнату, обѣщая съ ней остаться. Сцена пустѣетъ. Остается лишь одинокій Митя, который шепчетъ опять слова рокового заговора, не понимая и теперь намѣшки надъ нимъ матери, и горько рыдаетъ.

5.

„Союзъ слабыхъ“ Шоломъ-Аша.

Это—семейная драма, которую авторъ развиваетъ не совсѣмъ обычнымъ путемъ. Фабулу ея газеты передаютъ въ такомъ видѣ. Ядвига, зажиточная польская мѣщанка, разошлась со Стефаномъ. Съ разрѣшенія церкви, они не живутъ больше вмѣстѣ, хотя и не развелись. Ядвига разрѣшаетъ Стефану, фабричному надзирателю, пріѣзжать домой только по воскреснымъ днямъ.

Живетъ же она съ художникомъ Андреемъ, въ которомъ когда-то теплилась Божья искра, но который постепенно опустился до малярнаго ремесла. Ея подачками и у нея же въ домѣ живетъ семья Андрея — несчастная Елена съ дѣтьми. Въ недавней молодости своей Елена была красива. Тогда Андрей рисовалъ съ нея Мадонну, находящуюся въ мѣстной церкви. Все это было...

Стефанъ пріѣзжаетъ къ Ядвигѣ въ неурочный день, въ майскій праздникъ. На него повѣяло весной, его потянуло въ родной домъ. Но Ядвига встрѣчаетъ его грубо, хочетъ прогнать и разрѣшаетъ ему остаться только по просьбѣ Андрея, на котораго со свѣжимъ дыханіемъ весны тоже нашло вдохновеніе: онъ мечтаетъ уѣхать въ Парижъ, во Флоренцію, рисовать, развивать свой талантъ. А пока что и онъ и Стефанъ пьютъ горькую...

Ночь... По обычному, Андрей остался съ Ядвигой. А полупьянаго Стефана выталкиваютъ въ „собачью конуру“, гдѣ живетъ, въ голодѣ и холодѣ, Елена съ дѣтьми. Нѣсколько „подъ градусомъ“, но еще болѣе увлекаемый природнымъ инстинктомъ семьянина, ужасно тоскующаго въ своемъ одиночествѣ, Стефанъ начинаетъ здѣсь разыгрывать роль отца. Втайнѣ, въ своей воображаемой жизни, онъ всегда мнилъ себя отцомъ, покупалъ подарки несуществующимъ дѣтямъ, накопилъ ихъ цѣлую массу. Онъ даритъ ихъ дѣтямъ Елены, которымъ говоритъ, что онъ — „отецъ, вернувшійся изъ далекихъ странъ“. Онъ все болѣе увлекается своей ролью, называетъ Елену своей „женушкой“, подноситъ ей подарокъ, который купилъ было для Ядвиги. „Собачья конура“ наполняется дѣтскимъ смѣхомъ, радостью.

Сбитая съ толку, Елена тоже поддается чарамъ этой игры. Къ тому же она, по настоянію Стефана, выпила нѣсколько рюмокъ. Безсмысленно, но во власти своей мечты, она играетъ въ тонъ Стефану, даетъ уговорить себя покинуть этотъ постылый домъ, гдѣ она живетъ на горькихъ хлѣбахъ у любовницы своего мужа.

Стефанъ, Елена и дѣти покидаютъ „собачью конуру“. Покидаютъ, какъ-будто играючи, но никто изъ нихъ уже больше туда не вернется.

Для Стефана игра была, оказывается, въ серьезъ. Онъ обзавелся домомъ, гдѣ хозяйничаетъ Елена. Онъ осуществилъ свою мечту о семейной жизни. И онъ, и Елена, и дѣти счастливы. Они—„союзъ слабыхъ“.

Но Ядвига съ Андреемъ не ладятъ больше другъ съ другомъ. Ихъ былое счастье отравлено новымъ счастьемъ тѣхъ, надъ которыми они раньше властвовали и издѣвались. Наступаетъ день, когда каждый изъ нихъ приходитъ „за своимъ“: Андрей за своей семьей, Ядвига за Стефаномъ. Но они находятъ новую, дружную семью, для которой они — чужіе, враги.

Въ своемъ союзѣ „слабые“ обрѣли силу...

6.

„Свѣточи“ Анри Батайля.

Среди парижскихъ театральныхъ новинокъ болѣе серьезнымъ успѣхомъ сейчасъ пользуется

пьеса Батайля. Отмѣчаютъ глубокую, захватывающую тему ея, разработанную интересно, но съ обычной для современныхъ французскихъ драматурговъ легковѣсностью.

Знакомимъ съ содержаніемъ „Свѣточей“ со словъ корреспондента „Нов. Вр.“.

Свѣточи—это люди, которые идутъ впереди человѣчества, освѣщая его путь, новые Прометеи, которые сосредоточили всѣ свои силы, всѣ свои помыслы, чтобы вырвать у природы ревниво охраняемыя ею тайны, и въ видѣ новыхъ, великихъ истинъ повѣдать человѣчеству для блага и радостей его. Это — сверхъ-люди, потому что они полагаютъ свое счастье не въ личной любви, не въ накопленіи богатства, и даже не въ славѣ, а въ благѣ и счастьи всего людского рода. Сами—люди, они иногда спотыкаются и падаютъ. Природа мститъ имъ, какъ мстила ихъ сказочному прототипу, за дерзкое пренебреженіе къ ея правамъ. Но они вновь вскакиваютъ на ноги, поднимаютъ выпавшій на мгновеніе изъ рукъ факелъ, и идутъ впередъ, бодро зовя за собой людей. А когда силы оставляютъ ихъ, они передаютъ свой свѣточъ слѣдующимъ позади, и умираютъ съ вѣрой, что путь будетъ продолжаться, и что свѣтъ не погаснетъ.

Лоранъ Буге, знаменитый бактеріологъ, послѣ многолѣтнихъ исканій, въ которомъ ему дѣятельно помогали его жена Жанна, и Блондель, его помощникъ, открылъ и изолировалъ микробъ рака. Прививки его обезьянамъ удались блестяще. Еще одинъ шагъ, и страшная болѣзнь, которая уноситъ ежегодно сотни тысячи людей, будетъ побѣждена. И даже этотъ шагъ уже почти сдѣланъ. Объ этомъ своемъ открытіи Буге готовитъ для академіи мемуаръ. Но прежде чѣмъ его обнародовать, онъ собралъ у себя за завтракомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ наиболѣе знаменитыхъ коллегъ, и послѣ завтрака, въ своей лабораторіи, демонстрируетъ свои микроскопическіе апараты. Всѣ поражены и восхищены, всѣ поздравляютъ его и его сотрудницу-жену, а также его добродушнаго помощника Блонделя, который молится на своего друга и директора и отказывается отъ всякихъ заслугъ въ этомъ геніальномъ открытіи. „Все, молъ, сдѣлалъ онъ, великій Лоранъ; я и т-те Буге только исполняли его указанія“. Въ числѣ другихъ въ лабораторіи находится дочь супруговъ Буге—студентка, и молоденькая Гедвига, которая исполняетъ обязанности секретаря директора и лаборанта. И вотъ въ этой атмосферѣ чистой и торжествующей науки вдругъ, какъ громъ въ безоблачномъ небѣ, разражается очень простая и очень человѣчная драма. Въ то время, какъ Буге со своими посѣтителями переходятъ въ отдѣленіе, гдѣ хранятся обезьяны, которымъ привили ракъ, и Марсель, дочь Буге, остается одна съ матерью, она съ негодованіемъ разсказываетъ то, что она сейчасъ подслушала въ разговорѣ двухъ молодыхъ врачей: Гедвига, — говорили они,— любовница патрона, и это будто бы всѣмъ извѣстно.

Мать не хочетъ слушать „сплетенъ“. Она-де въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтней совмѣстной жизни съ великимъ человѣкомъ, который для нея не просто мужъ, но и другъ и учитель, научилась цѣнить его благородную, не отъ міра сего натуру. Онъ не способенъ и притворяться. Но уже она ранена прямо въ сердце. Ревность ядовитой змѣей уже вползла туда и отравила его. Входитъ мужъ. Жанна привыкла ничего не скрывать отъ него. И она прямо передаетъ ему, что говорятъ. Буге только пожимаетъ плечами. Это такой вздоръ, на которомъ не стоитъ и останавливаться. Мало ли что говорятъ люди, которымъ нечего дѣлать! Тогда жена предлагаетъ выходъ, чтобы разъ навсегда закрыть ротъ сплетникамъ: Блондель, она знаетъ, любитъ Гедвигу; надо устроить этотъ бракъ. Этотъ выходъ однако вовсе не нравится Буге. Онъ видимо смущенъ. Блондель любитъ! Надо еще знать, любитъ ли его Гедвига...— „Хорошо, такъ ты съ нею поговори и убѣди ее. Этотъ бракъ ее отлично устраиваетъ“.— Она велитъ позвать молодую дѣвушку, и оставляетъ ее со своимъ мужемъ.

Но едва Гедвига поняла, чего отъ нея хотятъ, какъ трепетъ негодованія и возмущенія овладѣваетъ всѣмъ существомъ ея.

„Я отдалась вамъ сознательно, душой и тѣломъ, и навсегда,—говоритъ она Буге,—я люблю, и горжусь этой любовью. Я не могу стать женою другого. И вы не можете толкать меня въ объятія вашего друга, который готовъ отдать свою жизнь за васъ,—меня, вашу любовницу“...

Онъ ставитъ ей дилемму: или выйти за Блонделя, или совсѣмъ оставитъ домъ, разъ навсегда. Но она не можетъ лишиться „солнца“; чтобы хоть издали грѣться его лучами, она соглашается стать женою нелюбимаго Блонделя.

Гедвига вышла за Блонделя. Но чувства ея къ великому человѣку не только не ослабѣли, но еще болѣе обострились. Она жаждетъ его ласки, и умоляетъ его придти къ ней на свиданіе разъ, одинъ единственный разъ. И то, что можно было предвидѣть, дѣйствительно случилось: Блондель узнаетъ сразу то, чего ему не слѣдовало бы знать, и этотъ добродушный, довѣрчивый человѣкъ приходитъ

въ дикую, неистовую ярость. Его любовь къ Буге превращается въ звѣрскую жестокость. Онъ уничтожаетъ рукопись многолѣтняго труда своего друга, наноситъ ему публичное оскорбленіе дѣйствіемъ, т.-е., попросту говоря, избиваетъ его кулаками въ самомъ зданіи академіи, вызываетъ на дуэль, и смертельно ранитъ его.

Третій актъ. Великій человѣкъ умираетъ. Всѣ его близкіе и друзья проклинаютъ Блонделя, который лишилъ человѣчество генія, принесшаго міру столько надеждъ, увеличившаго сумму людскихъ радостей. Но, умирая, Буге думаетъ только о своемъ недоконченномъ открытіи. Только два человѣка на свѣтѣ знаютъ его мысли, его планы и методы: это—его жена и Блондель. И онъ убѣждаетъ жену забыть всѣ свои дурныя чувства по отношенію къ его убійцѣ, вспомнить о бѣдныхъ страждущихъ и гибнущихъ отъ болѣзни сотняхъ тысячахъ людей, и во имя ихъ умоляетъ ее работать вмѣстѣ съ Блонделемъ. Буге соединяетъ руки жены и рыдающаго отъ раскаянія своего товарища въ знакъ мира, и умираетъ.

Новый споръ о бытовомъ театрѣ.

Самый больной вопросъ современнаго театра—нѣтъ пьесъ, выдающихся пьесъ—въ связи съ поднятымъ въ столичной печати вопросомъ объ отсталости, „окаменѣлости“ такъ назыв. литературно-театральныхъ комитетовъ при Императорской сценѣ, дали поводъ Ѳ. Сологубу высказаться въ жур. „Театръ и Иск.“ о причинахъ переживаемаго нами упадка драматической литературы. Онъ доказываетъ, что сами театры, главнымъ образомъ казенные, обезцѣниваютъ репертуаръ своими „заказами“ (хотя бы и не прямо выраженными) и именно заказомъ на бытовыя пьесы.

„Можетъ быть,— пишетъ онъ,— это иногда бываетъ и не плохо, этотъ заказъ на бытовыя пьесы. Можетъ быть, и случаются въ исторіи театра такіе періоды, когда театръ долженъ быть бытовымъ, когда обращеніе къ быту составляетъ прогрессъ театральнаго дѣла. Вѣдь не даромъ же первыя пьесы Островскаго вызывали протесты иныхъ театральныхъ людей: очевидно, эти бытовыя пьесы нарушали чей-то покой, возмущали какую-то застоявшуюся рутину. Но бываетъ быть и быть.

Есть два типа быта, прямо противоположныхъ одинъ другому, хотя одинъ изъ нихъ и рождается изъ другого, какъ его неизбѣжное послѣдствіе: есть бытъ устоявшійся, культурный, и есть бытъ застоявшійся, реакціонный; бытъ нивы, и бытъ болота. Когда устоявшійся, культурный бытъ исчерпываетъ все свое живое содержаніе, изживаетъ всю свою культурную цѣнность, тогда онъ начинаетъ разлагаться и переходитъ въ свою противоположность, въ свое рѣзкое отрицаніе.

То, что было разумно, необходимо, прекрасно въ бытѣ культурномъ, что въ немъ было благо и почти свято, что возвышалось почти до степени почитаемаго культа, — все это въ періоды упадка бытовой жизни, въ періоды болѣзни обществъ и ихъ переустройствъ становится нелѣпо, ненужно, безобразно, становится тягостно, какъ кошмаръ, и омерзительно, какъ самая гнусная гнусность. Всѣ тѣ страданія отдѣльной личности, которыя прежде находили себѣ оправданіе въ прочности всего жизненнаго уклада, теперь являютъ ужасный видъ напрасной и ничѣмъ не оправданной жестокости. Все, въ чемъ видѣлъ человѣкъ смыслъ жизни, становится вдругъ двусмысленнымъ; весь нравственный міръ поколебленъ, и при такомъ настроеніи присутствовать на зрѣлищѣ бытовыхъ картинъ представляется человѣку, охваченному этою болѣзнью времени, этою лихорадкою перемѣны, такъ же странно и дико, какъ странно и дико было Гамлету присутствовать на вѣнчальныхъ торжествахъ своей матери.

Свадьба—очень бытовое явленіе, и довольно занятное, но...

— И башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла за гробомъ!—горестно восклицаетъ Гамлетъ.

Для него бытовой театръ невозможенъ не потому, что онъ плохъ, а просто потому, что онъ не ко времени.

Всѣ мы каждый день обѣдаемъ, но вѣдь вотъ воскликнулъ же однажды Бѣлинскій:

— Мы еще не рѣшили вопроса о томъ, есть ли Богъ, а ты говоришь объ обѣдѣ!

Въ тѣ острые моменты нашей жизни, когда не разрѣшены волнующіе насъ всѣхъ вопросы, все бытовое становятся неумѣстнымъ и несвоевременнымъ, потому что и самый бытъ, оставивъ свои устойчивыя формы и перейдя къ застойнымъ формамъ разложенія и гніенія, умираетъ, для того, чтобы дать мѣсто творенію новыхъ формъ жизни и быта. Когда вся жизнь въ движеніи, когда въ ней явно и недвусмысленно преобладаютъ динамическіе моменты надъ статическими, бытовой театръ для насъ просто-на-просто скученъ. Вся наша психологія — психологія ежеминутныхъ взрывовъ, постояннаго и неустаннаго устремленія впередъ

въ высшей степени динамическая психологія. Если же въ наши насыщенные грозами и предгрозьями дни театръ хочетъ отдать преимущество элементамъ статическимъ, то понятна мечта о „нашатырномъ спиртѣ“.

Въ такія времена, когда въ обществѣ преобладаютъ элементы устойчиваго, культурнаго быта, и на бытовомъ репертуарѣ и на исполнителяхъ его лежитъ печать возвышенной ясности и благородства. Изображая спокойно и достойно, и успокоенность жизни и ея мятежные элементы, эти первые предвѣстники готовящейся грозы, театръ выполняетъ свою высокую задачу просвѣтленія души чарами прекраснаго искусства. Онъ творитъ судъ, и приговоры его незыблемы. Пошлое, ничтожное и безумное восходитъ на сцену, чтобы на ней искупительно умирать, потому что воплощающій на сценѣ банальное и злое выше зла и банальности, изображаемыхъ имъ; тогда игра актера становится сужденіемъ правымъ.

Въ такіе моменты исторіи театра ему, быть можетъ, и естественно стать бытовымъ, и тогда его „заказъ“ на бытовые пьесы правъ. Но вотъ застойный бытъ умираетъ, корчась подъ неотвратимыми, карающими ударами судьбы, а театръ все еще упорствуетъ въ своемъ заказѣ, и уже онъ не правъ. И уже самъ театръ отъ этого страдаетъ.

Изображеніе банальное нехорошо хотя бы уже потому, что оно ничего толкомъ не изображаетъ. При этомъ все на сценѣ смѣшивается въ какой-то сумбурный клубокъ тошной скуки и обыденщины, и въ туманѣ безвкусія тонутъ искры талантливости, живой наблюдательности, прилежной работы. Впотьмахъ всѣ кошки сѣры“.

Съ такими мыслями не согласился Homo novus. Въ слѣдующемъ, 46-мъ, номерѣ журнала онъ такъ возражаетъ Сологубу:

„Совершенно вѣрно, что тотъ бытъ, которымъ насъ угощаютъ со сцены, застоенъ, скученъ и однообразенъ. Но почему же, вообще, бытъ застоенъ? Бытъ есть жизнь. Жизнь есть движеніе. Жизнь никогда не знаетъ покоя, и потому не можетъ быть „статической“. Наоборотъ, какъ мнѣ кажется, статичность, неподвижность есть свойство схематическихъ общихъ идей, символическихъ предначертаній, стилизаціи, пребыванія въ сферахъ безконечно дальнихъ. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ сфера мысли и чувства, тѣмъ она неподвижнѣе—вотъ какъ неподвижными въ бездонной темной дали являются звѣзды. Тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, гдѣ, слѣдовательно, господствуетъ безконечно великое — царство покоя. Что дальше, мудрѣе, отдаленнѣе, мистичнѣе смерти? А смерть—покой. Нирвана абсолютъ покоя, и не даромъ философія Нирваны совпадаетъ съ философіею Лаодзи и недѣланія...

Ну, хорошо, это отвлеченныя разсужденія. Но развѣ именно не „новый театръ“, къ которому у насъ относятъ Чехова и Метерлинка, есть театръ статическій? Развѣ „Чайка“, наиболѣе символическое, такъ сказать, изъ произведеній Чехова, не является въ то же время наиболѣе неподвижнымъ? Метерлинкъ неподвижность возводитъ въ принципъ, какъ и отрицаніе быта. Но театръ Метерлинка — замороженъ неподвижностью. И точно, если діалогъ ведется въ Судьбой, куда, собственно, спѣшитъ и зачѣмъ торопиться? Судьба не уйдетъ. Она—вѣчная; она—Вѣчность.

Нѣтъ, не бытъ застоялся и прискучилъ, не бытъ скрываетъ въ себѣ, какъ трясное болото, опасность неподвижности, а наше отношеніе къ быту—вотъ что старо, скучно и шаблонно. Авторы лишены идеологіи. Они приступаютъ къ быту, не возносясь надъ нимъ, но ползая сами на брюхѣ, какъ пресмыкающіяся пошлой жизни. Съ этой поправкой я готовъ принять положеніе О. К. Сологуба.

И затѣмъ—идеологія можетъ быть двоякая: одна, старающаяся озарить жизнь идеями; другая, собирающаяся покинуть жизнь ради идей. Одна идеологія „демократична“, потому что говоритъ: „прахъ есмь и въ прахъ обращусь“, и, слѣдовательно, я до конца долженъ работать во прахѣ и идеями праха улучшать прахъ. Другая — идеологія аристократическая. Гдѣ-то, далеко-далеко, за моремъ-океаномъ, растутъ, подобно чуднымъ ліанамъ, извилистыя сказки, гуляютъ прелестныя феи, добро и зло бродятъ обнаженныя, какъ до грѣхопаденія, и въ эту страну несбыточности и небытія обращаю я взоръ свой. А вы—ползайте во прахѣ. Это и есть настоящее отрицаніе быта, къ которому влечетъ О. К. Сологуба. Не въ томъ дѣло, что бытъ застоялся. Наоборотъ, дѣло въ томъ, что бытъ весь движеніе, и потому онъ потенъ, грязенъ, безобразенъ, физіологиченъ, и стало быть, отвратителенъ. Истинное же счастье въ томъ, чтобы, забывъ о копошащемся мірѣ, пребывать на возвышенности, вдыхая чистый горный воздухъ, не отравленный міазмами и испареніями бытовой физіологіи.

Таковъ источникъ этого пристрастія къ внѣбытовому и отвращенія къ быту, а совсѣмъ не тѣ, можно сказать, утилитарныя соображенія, которыя приводитъ въ своей статьѣ О. К. Сологубъ. Мечта, вообще, предпочтительнѣе жизни. Несбыточное, вообще, лучше сбыточнаго. Искусство, вообще, прекраснѣе дѣйствительности. Это эстетизмъ въ чистомъ видѣ,

всегда болѣе или менѣе, сопредѣльный съ эготизмомъ. И въ творчествѣ своемъ эстето-эготисты не довольствуются тѣмъ, что украшаютъ жизнь, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ художники, но строютъ надъ жизнью сказочныя палаты, какъ бы второй этажъ надъ тусклымъ и грязнымъ жильемъ".

И оппонентъ Сологуба ссылается на его новую пьесу „Заложники жизни", которая представляется Homo novus'у именно въ видѣ такихъ „двухъ этажей".

О погибшемъ произведеніи П. Ф. Якубовича.

А. Прибылева въ октябрской книжкѣ „Р. Б." даетъ весьма интересныя воспоминанія о Петрѣ Филипповичѣ Якубовичъ въ годы отбыванія имъ карійской карторги. Между прочимъ, авторъ останавливается на судьбѣ „Воспоминаній" П. Ф. Якубовича, которымъ не суждено было увидѣть свѣтъ.

Наиболѣе плодотворный періодъ литературной работы для Петра Филипповича наступилъ, когда, въ концѣ 1892 года, въ Акатуй прибыли такъ называемые „Вилюйцы", т.-е. осужденные въ катаргу якутскимъ судомъ послѣ обстрѣла политическихъ административно-ссыльныхъ въ Якутскѣ въ 1889 году. Между прибывшими были Мих. Петровичъ Орловъ, Мих. Раф. Гоцъ, Ос. Солом. Миноръ, Алекс. Сам. Гуревичъ, Терешковичъ, Уфляндъ, Брамсонъ, и другіе. Около трехъ лѣтъ осужденные провели въ Вилюйскѣ, въ той самой тюрьмѣ, гдѣ содержался Чернышевскій. Потомъ ихъ перевели въ Акатуй, гдѣ они пробыли до 1896 г., когда дѣло ихъ было пересмотрѣно, всѣ они были освобождены отъ каторги, и имъ было разрѣшено вернуться въ Россію черезъ большіе промежутки времени.

Въ разговорѣ съ „Вилюйцами" П. Ф. упомянулъ, что давно уже у него являлось желаніе передать въ беллетристической формѣ кое-что изъ пережитаго въ Акатуѣ. Новые товарищи стали убѣждать его писать свои „записки изъ мертваго дома". Онъ отнѣкивался, ссылаясь на невозможность пересылки рукописи, но они брались все устроить, лишь бы онъ писалъ. Они съ любовью и вниманіемъ охраняли его покой, а ему этихъ условій было достаточно, чтобы работать съ поразительной быстротой. Такъ въ короткое время была создана I часть книги „Въ мірѣ отверженныхъ".

Писалъ ее Якубовичъ на клочкахъ бумаги карандашомъ, а потомъ имъ же все было переписано на почтовой бумагѣ чернилами, почти безъ измѣненія текста. П. Ф. обладалъ рѣдкимъ даромъ писать безъ помарокъ.

Когда этотъ трудъ былъ оконченъ, и Якубовичъ нѣсколько отдохнулъ отъ него, товарищи начали упрашивать, чтобы онъ описалъ въ видѣ личныхъ воспоминаній все, имъ самимъ и первыми политическими заключенными видѣнное въ Акатуѣ въ 1890—1892 годахъ. П. Ф. согласился и въ короткое время окончилъ эту вторую большую акатуйскую работу свою. Когда онъ прочелъ „Воспоминанія" товарищамъ, они поняли, что передъ ними поразительное по красотѣ и силѣ литературное произведеніе.

М. П. Орловъ, который былъ свидѣтелемъ всего сейчасъ описаннаго, говоритъ, что въ то время, какъ П. Ф. читалъ товарищамъ „Въ мірѣ отверженныхъ", несмотря на то, что эта книга содержитъ много чудныхъ и выдающихся по драматизму страницъ, чтеніе довольно часто прерывалось замѣчаніями и поправками, иногда даже не совсѣмъ умѣстными. Не то было при чтеніи новой книги Петра Филипповича... Тутъ стояла полная тишина, слушатели сидѣли, потрясенные и очарованные. Иногда раздавались громкія рыданія.

Вручая свое дѣтище отъѣзжавшему Г., онъ сказалъ ему: „Берегите эту вещь и помните, что второй разъ мнѣ не написать ее".

Въ виду впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей чтеніемъ рукописи и отзыва самого П. Ф., высказаннаго имъ Г—у, можно съ большою вѣроятностью допустить, что „Воспоминанія" были однимъ изъ лучшихъ твореній Якубовича. „Въ мірѣ отверженныхъ" было написано два раза, а воспроизвести свои личныя воспоминанія объ Акатуѣ П. Ф. не могъ; онъ вложилъ въ нихъ всю силу своей прекрасной, чуткой души. Такія вещи не повторяются. И все же этому произведенію суждено было погибнуть. Но погибло, благодаря нелѣпой случайности, обидной и горькой.

Это случилось въ Читѣ. Одинъ изъ нашихъ товарищей Х. взялъ рукопись къ себѣ на нѣсколько часовъ. Вечеромъ, когда онъ читалъ ее, постучался къ нему мѣстный житель Л., предупреждая о томъ, что идетъ полиція съ обыскомъ. У Х. тотчасъ явилась мысль, какъ бы не увеличить еще страданій Петра Филипповича и его товарищей, если „Воспоминанія" попадутъ въ руки полиціи. Онъ бросилъ листки въ печку и поднесъ къ нимъ зажженную спичку. Листки сгорѣли въ одно мгновеніе. А между тѣмъ оказалось, что Л. только пошутилъ. Говорили, что, когда онъ понялъ, какія

послѣдствія имѣла его шутка, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Долго и тяжко горевалъ также Х. Для Петра Филипповича вѣсть о случившемся была настоящимъ ударомъ. Немало перестрадалъ и покойный теперь Г., выдававшій рукопись для прочтенія. Глубоко огорчались всѣ, кто слышалъ объ этомъ несчастіи. Но прошлаго не воротишь, и одно изъ прекраснѣйшихъ и задушевнѣйшихъ твореній Якубовича погибло безвозвратно. Случилось это весной 1895 года.

Изъ области таинственнаго.

С. Львовъ въ „Гол. Москвы“ излагетъ нѣкоторыя свои соображенія и мысли о таинственныхъ явленіяхъ, до сихъ поръ еще не объяснимыхъ современною наукою, но, безспорно, наблюдаемыхъ въ жизни человѣка.

Есть цѣлая область явленій, — пишетъ указанный авторъ,— только недавно сдѣлавшаяся достояніемъ научной мысли, которая и тутъ медленно, но уже увѣренно начинаетъ пробивать себѣ дорогу. Мы говоримъ о явленіяхъ, которыя принято объединять подъ общимъ, мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности, названіемъ „спиритическихъ“; о тѣхъ таинственныхъ феноменахъ, которые стоятъ, какъ кажется на границѣ физическихъ и психическихъ явленій и большая часть которыхъ до послѣдняго времени считалась относящимися къ области сказокъ и фантазій.

Въ вѣкъ наибольшого расцвѣта научной мысли, въ эпоху господства матеріализма, къ нимъ относились съ полнымъ презрѣніемъ; разъ навсегда ученые-матеріалисты рѣшили, что всѣ эти вещи — „бабьи сказки“, частью шарлатанскія выдумки, частью продуктъ разстроенной фантазіи и больного воображенія.

Только немногіе ученые рѣшили отнестись къ дѣлу не съ предвзятымъ скептицизмомъ, а съ научной добросовѣстностью и, не взирая на насмѣшки, произвести изслѣдованіе. Къ числу первыхъ піонеровъ изслѣдованія этой темной области явленій слѣдуетъ отнести знаменитаго Крукса и членовъ извѣстной „аксаковской“ комиссіи, работавшей надъ выясненіемъ реальности всѣхъ этихъ явленій, самое существованіе которыхъ оспаривалось вѣскими доводами.

Теперь можно считать рядъ фактовъ въ этой области окончательно и фактически установленнымъ. Это—самый общій контуръ всѣхъ этихъ явленій, которыя съ перваго взгляда невольно всякій сочтетъ „сверхъестественными“, ибо они дико противорѣчатъ всѣмъ тѣмъ нормамъ, къ которымъ мы привыкли и съ которыми сжились вслѣдствіе ежедневнаго опыта. Но для научнаго изслѣдователя никакой „сверхъестественности“ въ природѣ не существуетъ, и если наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ уклоненіе отъ того, что принято считать обычнымъ, то это доказываетъ только то, насколько мало до сихъ поръ молодая европейская наука знаетъ свойства человѣческаго организма, какъ мало знакома она съ явленіями, которыя, въ сущности, давно уже были извѣстны народой практикѣ и которыя по свойствамъ своимъ занимаютъ мѣсто промежуточное между физическими и психическими.

Классическое явленіе „спиритизма“, столь часто и съ разнымъ успѣхомъ воспроизводимое разными лицами, заключается въ томъ, что въ присутствіи лица, именуемаго „медіумомъ“, и находящагося въ особомъ характерномъ состояніи „транса“, который называется соотвѣтствующими, въ настоящее время уже вполнѣ установленными пріемамы, происходятъ явленія очень оригинальныя и на первый взглядъ совершенно необъяснимыя.

Реальность всѣхъ этихъ явленій была впервые засвидѣтельствована комиссіей Крукса и затѣмъ комиссіей Аксакова еще въ восьмидесятыхъ годахъ.

Но это было только простое констатированіе факта безъ малѣйшей надежды на его объясненіе, первый взглядъ въ огромную таинственную и совершенно не изслѣдованную область. Явленія спиритизма ждали своихъ теоретиковъ, ждутъ ихъ и сейчасъ.

Тотъ трансъ, въ которомъ, находится одно изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ „спиритическаго“ эксперимента—медіумъ, есть ни что иное, какъ особое гипнотическое состояніе, т.-е. то состояніе, при кототоромъ является парализованною воля субъекта и въ то же время особенно сильно обострены нѣкоторые воспринимательные психическіе центры.

Гипнотическихъ состояній современная медицинская школа, основанная Шарко, насчитываетъ три, соотвѣтственно именуемыхъ летаргіей, каталепсіей и сомнамбулизмомъ. Каждое изъ нихъ характеризуется особыми признаками: летаргія — ослабленіемъ волевыхъ центровъ и внѣшними симптомами сна; каталепсія— полной неподвижностью, даже окаменѣлостью членовъ; наконецъ, сомнамбулизмъ — такъ называемая внушаемость, т.-е. способность воспринимать волевые импульсы гипнотизера.

Впослѣдствіи г. де-Роша, занимавшійся прак-

тикой и теоріей гипноза, нашелъ, что при дальнѣйшемъ повтореніи гипнотическихъ „пассовъ“,—тѣхъ пріемовъ, которые вызываютъ и поддерживаютъ гипнотическое состояніе, гипнотизированный впадаетъ въ еще болѣе глубокія стадіи гипноза.

Де-Роша первый замѣтилъ при этомъ, что психическое существо загипнотизированнаго какъ бы выступаетъ изъ обычныхъ границъ, проявляется за предѣлами его тѣла. Первое, бросающееся въ глаза явленіе состоитъ въ томъ, что чувствительность медіума (или загипнотизированнаго, что одно и тоже) уже не ограничивается поверхностью его кожи, какъ въ обыкновенномъ состояніи; она проявляется на нѣкоторомъ разстояніи отъ границы его тѣла. Въ то же время сама поверхность утрачиваетъ чувствительность (стадія каталепсіи). Чувствительные слои, тѣ слои, гдѣ загипнотизированный субъектъ обладаетъ чувствомъ осязанія и которые находятся внѣ его тѣла, какъ оказывается, находятся въ правильно расположенныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, словно человѣкъ окруженъ рядомъ чувствительныхъ оболочекъ. Когда касаться такого чувствительнаго слоя, то субъектъ испытываетъ осязательное ощущеніе, часто достигающее размѣровъ болевого.

Эти опыты показываютъ, что при гипнотическомъ состояніи изъ человѣческаго организма выдѣляется нѣкоторая субстанція, обладающая чувствительностью. На первыхъ порахъ эта чувствительность—кожная, чисто осязательная; въ дальнѣйшемъ оказывается, что она обладаетъ и всѣми прочими чувствами. При болѣе глубокихъ стадіяхъ гипноза эта субстанція цѣликомъ выдѣляется изъ испытуемаго субъекта, она вполнѣ покидаетъ физическую оболочку тѣла и, повинуясь волевому импульсу гипнотизера, можетъ удаляться очень далеко.

Энергія, скрытая въ этой субстанціи, очень велика. Въ настоящее время рядъ фактовъ подтверждаетъ гипотезу, что именно этой неизвѣстной субстанціи, выдѣляемой медіумомъ, обязаны своимъ существованіемъ различныя явленія безпорядочнаго передвиженія тѣлъ, столь обычныя при спиритическихъ сеансахъ. Всѣ эти дикія и примитивныя шалости „духовъ“, которыя способны были бы въ концѣ скомпрометтировать эту породу существъ, всѣ эти стучащіе и говорящіе столы и вертящаяся мебель—все это явленія той же категоріи, и причина ихъ, видимо, въ тѣхъ непроизвольныхъ и неожиданныхъ реакціяхъ, которыя производитъ освободившаяся отъ контроля волевого аппарата, вырвавшаяся на свободу таинственная выдѣляемая человѣкомъ субстанція.

Опыты кружка изслѣдователей эзотерическихъ явленій показали съ еще большей убѣдительностью реальность этого выдѣленія. Оказалось, что при глубокихъ состояніяхъ гипноза субъектъ теряетъ, и довольно сильно, въ вѣсѣ. При возвращеніи въ нормальное состояніе этотъ вѣсъ возвращается полностью. Еще болѣе поразительны были опыты, произведенные въ Англіи надъ такъ называемой „матеріализаціей“, надъ однимъ изъ самыхъ странныхъ и наиболѣе поражавшихъ воображеніе явленій спиритизма. Дѣло въ томъ, что при достаточной „силѣ“ медіума часто происходитъ появленіе своеобразныхъ фантомовъ, или призраковъ, имѣющихъ вполнѣ реальный обликъ. Чаще всего это отдѣльныя части человѣческаго тѣла — руки, ноги, — которыя присутствующіе могутъ осязать, видѣть, совершенно какъ реальныя. Прикосновеніе къ нимъ со стороны участниковъ сеанса всегда вызываетъ страшное потрясеніе медіума, часто сопровождающееся даже психическимъ заболѣваніемъ. Нерѣдко фантомъ имѣетъ видъ „тумбы“ съ слабо выраженными, грубо обозначенными человѣческими очертаніями, такъ называемой „куклы“. При внимательномъ наблюденіи можно замѣтить, что фантомъ связанъ съ медіумомъ и „втягивается“ въ него по окончаніи явленія.

Все это доказываетъ, что фантомъ есть выдѣленіе организма медіума. Рядъ фактовъ доказываетъ, что эта испускаемая медіумомъ субстанція, о которой мы раньше говорили, только вслѣдствіе большой интенсивности выдѣленія ставшая видимой. Воля присутствующихъ и самого медіума творитъ изъ нея разнообразныя формы, но не всегда сознательно, чаще безъ всякаго участія контролирующаго психическаго аппарата.

Для демонстраціи реальности фантома англійскіе изслѣдователи производили опытъ при полномъ свѣтѣ: медіумъ, спящій только въ темнотѣ, былъ помѣщенъ въ непрозрачный мѣшокъ, фотографическій аппаратъ все время производилъ контрольные снимки, чтобы избѣжать возможности коллективной галлюцинаціи. Фантомъ, котораго заставили помѣститься на чашку вѣсовъ, обнаружилъ очень замѣтный вѣсъ, казалось бы столь неумѣстный у „духа“. Но что особенно поучительно, такъ это то, что медіумъ потерялъ во время опыта ровно столько въ вѣсѣ, сколько вытянулъ взвѣшенный „духъ“. Такимъ образомъ, сразу была доказана реальность фантома, его до извѣстной степени матеріальная природа и, наконецъ, не-

оспоримое происхожденіе его изъ организма медіума, какъ рода психофизическаго выдѣленія.

Послѣ всего сказаннаго эскизъ теоріи спиритизма рисуется въ такомъ видѣ. Къ великому сожалѣнію спиритуалистовъ можно и на этотъ разъ обойтись безъ духовъ и безъ загробнаго міра. Все дѣло пока происходитъ въ чисто земной обстановкѣ. При трансѣ изъ организма медіума выдѣляется въ большей или меньшей степени нѣкоторая субстанція, пока мало изслѣдованная, но видимо, если и не матеріальная, то стоящая на самой границѣ матеріальнаго. Эта субстанція составляетъ часть существа медіума, она частью, а иногда и полностью воспринимаетъ его чувствительность, повинуется волевымъ импульсамъ самого медіума или черезъ него сообщеннымъ тѣми лицами, которыя въ настоящее время владѣютъ его волей. Обычно въ спиритическомъ сеансѣ такимъ лицомъ является нѣкоторая равнодѣйствующая воли всѣхъ присутствующихъ. Эта воля творитъ фантомы и явленія изъ выдѣленной медіумомъ субстанціи. Оттого постоянно на сеансахъ „духи“ являются удивительно единомышленными всѣмъ присутствующимъ. Въ случаѣ очень сильной воли творческой фантазіи присутствующихъ фантомъ можетъ стать вполнѣ реальнымъ. Если этого нѣтъ, то безпорядочная энергія, заключенная въ выдѣленіи и лишенная руководителя, проявляется въ безпорядочныхъ чисто физическихъ явленіяхъ, вродѣ перенесенія предметовъ и разныхъ нелѣпыхъ штукъ, такъ часто приписывавшихся „духамъ“. Въ свѣтѣ научнаго знанія эта область оказывается, какъ и всегда, гораздо болѣе интересной и грандіозной, нежели въ свѣтѣ любительскихъ суевѣрій: еще лишній разъ сама природа оказывается гораздо значительнѣе, чѣмъ то представленіе о ней, которое создавалось безъ достаточнаго основанія и изслѣдованія. Мы лишаемся въ этой области миража общенія съ духами и съ загробнымъ міромъ, который, впрочемъ, въ томъ видѣ, какъ онъ являлся на сеансахъ, способенъ былъ разочаровать всякаго сколько-нибудь глубокаго наблюдателя; но зато передъ нами раскрывается огромная и совершенно неизслѣдованная область явленій, которая еще ждетъ своего теоретика, и которая, Богъ знаетъ, хранитъ въ себѣ разгадки одной изъ величайшихъ тайнъ природы — тайны человѣческаго существа.

Мелочи прошлаго.

1.

Изъ мемуаровъ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I.

Одесское библіогр. общество въ 9-мъ вып. своихъ „Извѣстій“ помѣстило въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ мемуаровъ маркграфини Байрейтской Вильгельмины (сестры Фридриха Великаго), опубликованныхъ впервые сто лѣтъ назадъ и теперь перепзданныхъ одной мюнхенской фирмой для широкаго круга читателей.

Эти записки имѣютъ интересъ и для русскихъ читателей. Ярко запечатлѣлось въ памяти маркграфини посѣщеніе Берлина русской императорской четой, вмѣстѣ съ многочисленной свитой, въ 1718 г., когда Вильгельминѣ— въ то время прусской принцессѣ — было всего девять лѣтъ.

Для пріема гостей былъ назначенъ дворецъ Monbijou (теперь Hohenzollernmuseum). Такъ какъ, по словамъ Вильгельмины, уже заранѣе о гостяхъ шла слава, что они не отличаются любовью къ порядку и аккуратности, то задолго до ихъ пріѣзда изъ дворца вынесли все цѣнное. Императоръ и императрица прибыли въ Берлинъ по рѣкѣ, гдѣ на берегу ихъ встрѣтили король съ королевой. „Царь приблизился къ королевѣ и хотѣлъ обнять ее, но она оттолкнула его. Царина начала съ того, что стала цѣловать у королевы руку, при чемъ она повторила это много разъ“. Вильгельмина отмѣчаетъ, что королева обращалась съ Екатериной со свойственнымъ ей высокомѣріемъ, особенно подчеркивая его на сей разъ, ибо ей, какъ и всѣмъ, было извѣстно, что Екатерина была незнатнаго происхожденія.

Вильгельмина, увидѣвшая гостей лишь тогда, когда они посѣтили королеву въ ея пріемныхъ залахъ, вспоминаетъ, какое комическое впечатлѣніе производила внѣшность Екатерины. „Царица была мала ростомъ, толста и черна. Стоило на нее взглянуть, чтобы сейчасъ замѣтить ея низкое происхожденіе. Платье ея, по всей вѣроятности, было куплено въ лавкѣ на рынкѣ; оно было старомодное, все обшитое серебромъ и блестками. По ея наряду можно было подумать, что она нѣмецкая странствующая артистка. На ней былъ поясъ, украшенный вышивкой изъ драгоцѣнныхъ камней очень оригинальнаго рисунка въ видѣ двуглаваго орла, крылья котораго были усѣяны маленькими драгоцѣнными камнями въ скверной оправѣ. На царицѣ было навѣшено около дюжины орденовъ и столько же образковъ и амулетовъ, и когда она шла, все

это звенѣло, какъ будто прошелъ наряженный мулъ. Напротивъ, царь человѣкъ высокаго роста, красивой наружности; черты его лица носили печать суровости и внушали страхъ. На немъ было простое матросское платье. Его супруга, которая плохо говорила по-нѣмецки и едва-едва понимала, что королева говорила ей, подозвала къ себѣ свою шутиху, княгиню Голицыну, чтобы поболтать съ ней по-русски".

Вильгельмина описываетъ парадный обѣдъ, данный гостямъ. „Царь сидѣлъ подлѣ королевы. Какъ извѣстно, онъ былъ отравленъ въ дѣтствѣ, вслѣдствіе чего его нервная система отличалась крайней раздражительностью и возбудимостью; онъ былъ подверженъ частымъ припадкамъ коннульсій, которыя онъ не могъ преодолѣть. За столомъ съ нимъ приключился одинъ изъ такихъ припадковъ, а такъ какъ какъ-разъ въ этотъ моментъ онъ держалъ въ рукахъ ножъ, то такъ усиленно началъ размахивать имъ передъ королевой, что послѣдняя перепугалась и вскочила съ мѣста. Царь старался успокоить ее, увѣряя, что не причинитъ ей вреда: при этомъ онъ взялъ ее за руку и такъ крѣпко пожалъ ее, что королева взмолилась о пощадѣ. На это Петръ, громко смѣясь, замѣтилъ, что „ея кости нѣжнѣй, чѣмъ у его Катерины". „Черезъ два дня", пишетъ далѣе Вильгельмина, „весь этотъ варварскій дворъ покинулъ Берлинъ. Королева послѣшила въ Monbijou, гдѣ все выглядѣло, словно послѣ разрушенія Іерусалима. Никогда ничего подобнаго не было видано! Все до того было испорчено, что королева была принуждена вновь перестроить весь дворецъ".

2.

Изъ быта духовенства.

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ олонецкой епархіей управлялъ архіепископъ Аркадій. Дѣятельность этого владыки считалась настолько выдающейся, что онъ — изъ простыхъ семинаристовъ — награжденъ былъ саномъ архіепископа и высочайше пожалованъ брилліантовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ, что въ то время было чрезвычайной рѣдкостью и для лицъ съ академическимъ образованіемъ и высокими учеными степенями. Въ ноябрьской кн. „Ист. Вѣст." Х. Толшемскій даетъ о немъ цѣлый рядъ „анекдотовъ" и легендъ, заслужившихъ арх. Аркадію славу „владыки-сфинкса". Авторъ очерка старается разгадать этого сфинкса — вскрыть передъ читателемъ истинную сущность замѣчательнаго архіерея.

„Лишь только теперь, — говоритъ онъ, — когда улеглись страсти, нерѣдко возбуждавшіяся дѣйствіями владыки Аркадія, можно съ достовѣрностью опредѣлить, что странность и неодобрительность многихъ его дѣйствій обусловливались исключительно горячимъ желаніемъ владыки — сдѣлать всѣхъ такими же дѣятельными, до забвенія личной жизни, какъ и онъ самъ". И прибавляетъ: „Анекдотическое" прошлое жизни духовенства не является безынтереснымъ. Оно даетъ тоже много очень хорошихъ уроковъ, небезполезныхъ при началѣ новаго строительства".

Вотъ, наприм., какимъ способомъ владыка „вразумлялъ" подвѣдомственныхъ ему дѣятелей духовно-учебныхъ заведеній. Во время экзаменовъ онъ особенно изощрялся, чтобы „перехитрить" учащихъ и ярко отмѣтить тѣ или другіе недочеты въ ихъ учебной дѣятельности. Въ день, назначенный для экзамена въ выпускномъ классѣ по нравственному богословію, которое преподавалъ ректоръ семинаріи, владыка явился въ семинарію ровно въ пять часовъ утра, когда все еще спало крѣпкимъ сномъ. Въ легкой рясѣ, съ палочкой въ рукѣ, въ скуфьѣ вмѣсто клобука, вошелъ онъ на семинарскій дворъ. Только что вставшій швейцаръ вышелъ въ это время со шваброй, чтобы подмести соръ на парадной лѣстницѣ. Увидавъ владыку, онъ бросился было бѣжать — доложить начальству.

— Эй, слышь ты! — закричалъ владыка: — не валяй дурака! Слушай хорошенько... Ступай въ спальню богословскаго класса и тихонько всѣхъ перебуди. Скажи, чтобы сейчасъ же въ классъ, по одному безъ шума шли... Архіерей, молъ, стоитъ у дверей. Да помни — чтобы никакого шуму! А самъ тамъ и стой — ни шагу! Если же вздумаешь улизнуть и разбудить начальство или хоть кого-нибудь — будетъ плохо!..

Десяти минутъ не прошло, какъ весь богословскій классъ былъ за партами, а дрожащій отъ страха швейцаръ стоялъ въ коридорѣ у дверей, не смѣя сдѣлать шага въ ту или другую сторону. Во всей семинаріи — гробовая тишина...

Владыка вынулъ изъ портфеля списокъ учениковъ и началъ экзаменъ.

— Ну, скажи, juvenis (юноша),—обращается онъ къ одному изъ учениковъ:—что есть нравственность?

— Нравственность или этика, — отъ греческаго эфосъ — нравъ, обычай, — есть отличительный признакъ духовно-нравственныхъ существъ отъ всѣхъ земныхъ твореній,—скороговоркой затараторилъ семинаристъ, — и настолько возвышаетъ его надъ всѣми земнородными живыми тварями, что это духовно-нравственное существо — человѣкъ — малымъ чѣмъ

умаленъ отъ ангеловъ и славою и честію вѣнчанъ отъ Бога, но такъ какъ...

— Постой, постой,— замахалъ руками владыка.— Все это, можетъ быть, и очень хорошо... А вотъ скажи-ка мнѣ: скверными словами ругаешься?

— Бываетъ...—смущенно и какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ семинаристъ.

— Ну, такъ вотъ, это и есть нравственность твоя,—поучаетъ владыка:—стыдно—это значитъ, что совѣсть твоя признала твой поступокъ сквернымъ, да еще и подсказала тебѣ, что этимъ ты унижаешь свое человѣческое достоинство и самъ себя топчешь въ грязь. А вотъ и въ лекціяхъ-то у тебя говорится, что Господь малымъ чѣмъ умалилъ человѣка, сравнительно съ ангелами... А ты, вопреки Божію милосердію, позоришь самого себя, когда произносишь скверныя слова! Противникомъ Божіимъ являешься...

— О, всемилосердный Господи! Прости ты этихъ неразумныхъ юношей, готовящихся служить Тебѣ и вести къ Себѣ людей, какихъ Ты поручишь имъ... Просвѣти Ты ихъ, Свѣтъ истинный!...

Долго такъ молитвенно восклицалъ владыка. Любилъ вездѣ воодушевленіе... Каждаго семинариста спросилъ, съ каждымъ поговорилъ, какъ и съ первымъ, поставилъ всѣмъ баллы и, благословивъ каждаго, пошелъ домой. А на прощанье сказалъ:

— Экзаменъ у васъ кончился и больше не будетъ! Никому не говорите, что я былъ тутъ... Смотрите, узнаю—бѣда!

Утромъ, въ половинѣ девятаго, ректоръ торжественно, при орденахъ, отправился къ владыкѣ съ приглашеніемъ на свой экзаменъ.

— Ну, что, любезнѣйшій pater rector, чѣмъ порадуете? — весело встрѣтилъ ректора владыка.

— А благодать-то на улицѣ какая!..—благословляя его, продолжалъ онъ: — жаворонки поютъ. Всякая птичка Божія... О, Господи, какъ Ты милостивъ къ намъ, грѣшнымъ! Хорошо-о! Садитесь-ка да выкладывайте, съ чѣмъ пожаловали?

— Покорнѣйше прошу на экзаменъ, ваше высокопреосвященство!—съ низкимъ поклономъ произнесъ ректоръ.—Сегодня по нравственному богословію... мой экзаменъ...

— Хе-хе, любезнѣйшій о. архимандритъ! Это ужъ кого другого приглашайте, а не меня! Экзаменъ уже давно кончился и больше не будетъ!

Съ этими словами владыка всталъ, подошелъ къ столу и, взявъ экзаменаціонный списокъ, съ выставленными имъ баллами, и уже имъ подписанный, подалъ его оторопѣвшему ректору.

Ректоръ посмотрѣлъ на списокъ и, совершенно обезкураженный, заговорилъ:

— Да какъ же это, владыко! Что же теперь дѣлать? Вѣдь профессора придутъ на экзаменъ!

— Э, добрѣйшій о. ректоръ! Спать намъ некогда и дважды экзаменъ производить совсѣмъ неразумно. Помните-ка, что Петръ-то Великій въ это время уже обѣдать садился, наработавшись вволю, а мы только съ постели встаемъ и на экзаменъ собираемся. Работайте, работайте-с, дондеже день есть...

Чтобы пріучить духовенство къ тщательности въ исполненіи служебнаго долга и особенно къ смиренію, главному, по его мнѣнію, качеству священнослужителя, владыка Аркадій былъ особенно строгъ и чрезмѣрно требователенъ. Еще при опредѣленіи на мѣста онъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы „испытать терпѣніе“ желающаго получить священный санъ или занять мѣсто причетника.

Наканунѣ посвященія владыка призываетъ къ себѣ ставленника и говоритъ:

— Завтра въ это время благодать діаконства уже будетъ почивать на главѣ твоей! Готовься усердно къ сему великому дару, къ воспріятію божественной благодати! Туне пріясте—туне дадите...

На другой день — для ставленника великій день — приходитъ онъ въ крестовую церковь, гдѣ назначено архіерейское служеніе,— приходитъ ровно въ девять часовъ, когда только что долженъ начаться звонъ къ обѣднѣ... И— о, ужасъ! Обѣдня уже началась... Читаютъ Апостолъ... Несчастный ставленникъ чуть въ обморокъ не падаетъ... Дрожащій, весь въ холодномъ поту, онъ падаетъ на колѣни и въ изнеможеніи прислоняется къ стѣнѣ, тутъ же, у дверей церковныхъ. Народу въ церкви почти никого нѣтъ; день будній. Старушекъ десятокъ— вотъ и всѣ богомольцы.

А владыка служитъ, какъ всегда—воодушевленный, сіяющій, изрѣдка посматривая на ставленника.

Кончается служба... Владыка торжественно идетъ домой... Ставленникъ въ ноги...

— Надо въ свое время приходить, голубчикъ!— говоритъ владыка.— Я вотъ для тебя нарочно служилъ! Думаешь, у меня дѣла нѣтъ, отъ нечего дѣлать служу?.. А я думалъ: вотъ посвящу тебя поскорѣй—поскорѣе и въ приходъ пріѣдешь... Тамъ тоже давно ждутъ... А ты, вотъ видишь — не торопишься; знать, въ городѣ пожить хочется подольше... А я все-таки постараюсь тебя поскорѣе отсюда отпра-

вить на приходъ, жаль прихожанъ... Приходи послѣзавтра, въ субботу. Ужъ отслужу для тебя другой разъ на недѣлѣ...

Въ субботу ставленникъ приходитъ въ церковь въ восемь часовъ — по обыкновенному расчету за часъ до звона къ обѣднѣ. Увы! Уже поютъ „Херувимскую“...

Ставленникъ и не входитъ въ церковь, ибо его бьетъ лихорадка.

Послѣ обѣдни та же сцена съ владыкой.

— О, вы лѣнивіи, о, нерадивіи! — восклицаетъ онъ.— Что же мнѣ дѣлать то-о? Второй разъ на недѣлѣ служу, чтобы поскорѣе пастыря послать на приходъ, а пастырь не радитъ, не торопится! О, Іисусе сладчайшій, вразуми Ты неразумны-ы-ыхъ!..

— Ну, завтра въ соборъ приходи ужъ, — обращается владыка къ ставленнику: — звонъ въ девять часовъ.

Въ соборѣ время службы мѣнять было неудобно, и владыка туда прибываетъ всегда аккуратно, въ половинѣ десятаго. Наконецъ-то ставленникъ получалъ благодать діаконства. Тутъ же владыка послѣ обѣдни объявлялъ ему день для посвященія въ священники, въ крестовой церкви, на предстоящей же недѣлѣ.

И начиналась опять „исторія“. Въ семь часовъ иногда придетъ ставленникъ въ церковь, а уже обѣдня къ концу! Въ половинѣ пятаго часа утра иногда владыка начиналъ литургію.

Если же ставленникъ приходилъ къ обѣднѣ рано, когда владыка еще не выходилъ изъ своихъ покоевъ, то, узнавши отъ келейника, что ставленникъ уже тутъ, владыка иногда объявлялъ, что ему что-то нездоровится и что служить поэтому онъ не можетъ...

Бывали случаи, что ставленники тутъ гдѣ-нибудь и ночевали у слугъ архіерейскихъ. Въ такихъ случаяхъ владыка обыкновенно былъ милостивъ, ибо любилъ „бдительныхъ“...

Любилъ учить смиренію владыка Аркадій и высшее епархіальное духовенство, особенно ученыхъ, т.-е. лицъ съ академическимъ образованіемъ. Вотъ случай.

Въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ назначено торжественное служеніе литургіи въ крестовой, архіерейской церкви. Въ числѣ сослужащихъ владыкѣ за богослуженіемъ—и ректоръ семинаріи, архимандритъ.

Всѣ священнослужители выходятъ для встрѣчи владыки къ дверямъ его покоевъ. Стоятъ пять минутъ, десять... Нѣтъ и нѣтъ владыки... Наконецъ отворяется дверь, и келейникъ объявляетъ:

— Владыка служить не будетъ, а проситъ о. ректора облачиться и начинать литургію.

Священнослужители уходятъ къ царскимъ дверямъ, читаютъ входныя молитвы, уходятъ въ алтарь и облачаются въ ризы. А владыка въ это время зорко слѣдитъ изъ своихъ комнатъ черезъ щель двери, ведущей въ церковь. И — только бы начинать литургію,— какъ въ алтарѣ появляется келейникъ:

— Владыка надумалъ самъ служить!—объявляетъ онъ.

Всѣ въ смущеніи разоблачаются и снова идутъ къ дверямъ архіерейскихъ комнатъ, встрѣчать — по чину — владыку.

Стоятъ и ждутъ. И опять вмѣсто владыки появляется келейникъ и говоритъ:

— Нѣтъ, владыка не осмѣливается служить! Вѣрно, что ли, нездоровится... Просилъ служить безъ него.

Всѣ опять съ конфузомъ удаляются въ алтарь, въ высшей степени дивятся поведенію владыки, но облачаются къ служенію... и только бы начинать литургію, какъ снова является келейникъ:

— Владыка проситъ обождать... Рѣшилъ служить...

Снова идетъ разоблаченіе служащихъ, снова ожиданіе архіерея у дверей и та же исторія: келейникъ заявляетъ, что владыка извиняется и проситъ служить безъ него.

Почти до слезъ разобиженные служащіе входятъ въ алтарь, облачаются и готовы начать литургію, а келейникъ опять тутъ, какъ тутъ:

— Владыка будетъ служить...

Опять всѣ разоблачаются и идутъ встрѣчать владыку. Но первенствующій изъ служащихъ, архимандритъ, ректоръ семинаріи, одѣваетъ шубу и идетъ, вмѣсто встрѣчи архіерея, къ выходу.

Видя это, разгнѣванный владыка отворяетъ дверь и кричитъ:

— Куда ты? Куда ты, ослушникъ? Какъ осмѣлился отъ службы уйти! Я вотъ тебя!

Но ректоръ ушелъ. Владыка же вышелъ и служилъ литургію. А на ослушника онъ донесъ въ синодъ. Вскорѣ ректоръ семинаріи „за ослушаніе епископа“ былъ переведенъ въ число братіи одного изъ захолустныхъ монастырей.

Насколько владыка Аркадій строгъ и суровъ былъ къ неисправнымъ, нерадивымъ и провинившимся, настолько онъ былъ ласковъ и снисходителенъ къ людямъ усернымъ и выдающимся какою-либо дѣятельностью. Особенно любилъ онъ и всегда отличалъ заботящихся о просвѣщеніи народа черезъ обученіе его грамотѣ.

Узнаетъ, напримѣръ, владыка, что попамарь какого-нибудь захолустнаго села учитъ въ своей избѣ по зимамъ деревенскихъ ребятъ грамотѣ,

и пишетъ ему собственноручное письмо, въ родѣ слѣдующаго:

„Достойнѣйшій Платонъ Петровичъ! Какъ сердце мое взыгралось радостію, когда мнѣ довелось узнать, что у тебя школа... О, какое великое дѣло ты дѣлаешь! Ты научишь читать десятокъ дѣтей, а они своимъ чтеніемъ доставятъ радость сотнямъ безграмотныхъ. Ты выучишь другой десятокъ дѣтей, а они будутъ утѣшать новыя сотни... За всю-то жизнь ты сколькимъ тысячамъ безграмотныхъ людей доставишь духовную радость черезъ выученныхъ тобою грамотѣ! А самъ ты, безвѣстный труженикъ, даже и не догадываешься о своемъ удивительно великомъ дѣлѣ...

„О, святая простота! Трудись, и помогай тебѣ Богъ! Благословеніе Божіе да почіетъ на твоемъ домѣ! Какъ-нибудь пріѣзжай ко мнѣ. Хочется тебя видѣть и расцѣловать. Молись и за меня, грѣшника, а я тебя въ молитвахъ поминаю“...

Захолустный понамарь, получивши такое письмо, вставляетъ его въ рамку, за стекло, и привѣшиваетъ на стѣнѣ около божницы. И каждый день, какъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ, обливаясь слезами умиленія, „милостиваго владыку“... А надъ обученіемъ ребятъ трудится онъ послѣ этого съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Если кто-нибудь изъ такихъ педагоговъ являлся къ владыкѣ по какому-нибудь дѣлу, тотъ былъ очень радъ и всегда угощалъ явившагося обѣдомъ.

Сидитъ гдѣ-нибудь въ углу владычной пріемной какой-нибудь понамарь и жмется. У него и дѣла никакого нѣтъ до владыки. Онъ просто привезъ батюшкина сына въ семинарію: батюшкѣ некого больше было послать въ городъ съ лошадью... И домой бы сразу надо, да не посмѣлъ не явиться, потому—въ письмѣ ему, понамарю, десницею самого владыки написано: „Будешь въ городѣ—смотри, зайди ко мнѣ“. Какъ же можно не зайти? Вотъ и зашелъ, и сидитъ въ темномъ углу, точно для того, чтобы никто его не увидѣлъ...

— Понамарь изъ Заозерья... Платонъ Свистуновъ...—точно нехотя роняетъ, между прочимъ, келейникъ, переставляя стулья и обтирая съ нихъ пыль.

— Какой Свистуновъ? гдѣ онъ?..— сердито спрашиваетъ владыка.

— Давно ужъ сидитъ въ пріемной... Что приросъ къ мѣсту... не шевельнется...—ухмыляясь, отвѣчаетъ келейникъ.

— Свистуновъ? Платонъ Свистуновъ...

Минуты двѣ-три владыка стоитъ въ раздумьи.

— Ахъ, ты, бестія!—наконецъ, въ гнѣвѣ набрасывается владыка на опѣшившаго келейника.—Что ты дѣлаешь, закоснѣлый нерадивецъ? Да вѣдь это—Платонъ Петровичъ, котораго пальца ты не стоишь! Вотъ кто тамъ у тебя сидитъ...

И владыка бросается въ пріемную встрѣчать понамаря Свистунова, точно мать родную, съ которою лѣтъ десять не видался...

— Ужели я удостоился такой милости Божіей, что Платонъ Петровичъ навѣстить меня, убогаго, вздумалъ? — неподдѣльно радостнымъ голосомъ кричитъ онъ.—Да за что же это мнѣ счастье такое, милосердный Господи-и?..

А Платонъ Петровичъ, поклонившись по обычаю того времени въ ноги, такъ и лежитъ на полу, вздрагивая отъ рыданій всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ. Владыка наклонился надъ нимъ и, похлопывая его по широкой спинѣ, говоритъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да встань же, Платонъ Петровичъ! Полно! Этакъ, пожалуй, мы съ тобой ничего и не поговоримъ...

Поднимается понамарь весь заплаканный. Силится онъ засунуть руку въ карманъ подрясника, чтобы вынуть оттуда бумажный платокъ и утереть носъ, и не можетъ.

А владыка уже цѣлуетъ его, со смѣхомъ приговаривая:

— Вонъ ты какой, Платонъ Петровичъ! Я думалъ, что ты въ родѣ меня, сухой старикашка, а ты Голіафъ! Ну, пойдемъ-ка, дорогой, побесѣдуемъ! У меня, братъ, такіе дорогіе гости не часто бываютъ.

— Ты, Карпушка, обѣдъ торопи! Сегодня мы пораньше обѣдать будемъ съ гостемъ...— скажетъ владыка келейнику, а понамаря посадитъ на диванъ, самъ сядетъ рядомъ, и начнется бесѣда. Да еще какая! При простотѣ и ласкѣ владыки понамарь скоро увлекается и, забывая, что съ нимъ разговариваетъ архіерей, начинаетъ спорить, доказывать что-нибудь и утверждать, что онъ лучше это знаетъ, чѣмъ тотъ, кто самъ не учитъ ребятъ.

Вотъ еще примѣръ простого, дружелюбнаго отношенія владыки Аркадія къ „работающему“ духовенству.

3.

Изъ журнальнаго міра въ провинціи.

А. Е. Кауфманъ, продолжающій печатать въ „Ист. Вѣст.“ свои „журнальныя воспоминанія“, набрасываетъ портретъ одного изъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ газетныхъ издателей недавняго прошлаго,—крупнѣйшихъ не только по успѣхамъ своего издательства, но главнымъ образомъ по личнымъ качествамъ.

Скончавшійся два года назадъ редакторъ-

издатель „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкій,—читаемъ мы здѣсь,—былъ самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Онъ никогда ничему не учился, не умѣлъ почти писать, но это не помѣшало ему около сорока лѣтъ издавать газету и быть ея руководителемъ и вдохновителемъ.

— Если бы вы, Василій Васильевичъ, — сказалъ ему на одномъ чествованіи покойный адвокатъ-публицистъ Кунерникъ,—родились въ Америкѣ, то, при вашихъ талантахъ, непремѣнно достигли бы наивысшаго въ государствѣ поста — президентскаго.

И надо отдать справедливость Навроцкому: если онъ сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ Одессѣ, если весь городъ его зналъ, цѣнилъ, избиралъ на почетныя должности гласнаго и другія, если онъ съ дырявымъ двугривеннымъ въ карманѣ нажилъ крупное состояніе на созданной имъ газетѣ, то всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей необычайной энергіи и издательской сноровкѣ.

Навроцкій прибылъ въ Одессу изъ Полтавской губерніи, служилъ мальчикомъ въ типографіи, былъ развозчикомъ сельтерской воды фирмы „Водолей“, а во время франко-прусской войны продавалъ на улицѣ телеграммы о прусскихъ побѣдахъ.

— Базенъ взятъ въ плѣнъ!— выкрикивалъ будущій издатель, собирая пятачки.

Для увеличенія своихъ заработковъ Навроцкій, какъ онъ самъ мнѣ потомъ разсказывалъ, купилъ гдѣ-то мышеловку, въ которой сидѣла фигурка, изображавшая Наполеона III, заказалъ фотографическій снимокъ и пустилъ его въ продажу.

Въ своей газетѣ Навроцкій интересовался преимущественно злобами дня, театральной хроникой и городскими происшествіями. Незнаніе грамоты не мѣшало ему вдохновлять своихъ сотрудниковъ, давать имъ темы и находиться постоянно на стражѣ интересовъ газеты. Работая самъ съ пяти часовъ утра до поздней ночи, онъ требовалъ и отъ сотрудниковъ преданности его дѣлу.

Когда онъ находилъ въ газетѣ невѣрное сообщеніе, то дѣлалъ на ней свои собственноручныя отмѣтки: „чепуха и юрунда, штрафъ въ три рубля“.

Навроцкій былъ самый усердный читатель своей газеты, которая явилась для него и школой грамоты.

Одинъ изъ вновь назначенныхъ въ Одессу генералъ-губернаторовъ, кажется, графъ Тотлебенъ, полюбопытствовалъ, гдѣ кто изъ представлявшихся ему редакторовъ одесскихъ газетъ учился.

Редакторъ „Одесскаго Вѣстника“ П. А. Зеленой заявилъ, что онъ питомецъ университета, Озмидовъ кончилъ строительное училище.

— А вы?—обратился генералъ-губернаторъ къ Навроцкому,—гдѣ кончили?

— Въ Полтавской губерніи!—былъ отвѣтъ.

Питомецъ Полтавской губерніи поразилъ однажды своею начитанностью одну даму. Газета была пріостановлена, и Навроцкій отправился въ Петербургъ хлопотать о снятіи съ него кары. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство, чтобы умилостивить начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Феоктистова. Онъ отправился къ нему на квартиру и вступилъ въ переговоры со швейцаромъ, которому сунулъ на чай пять рублей. Разсказываю объ этомъ со словъ самого Навроцкаго.

— А скажи-ка, любезный, что больше всего любитъ твоя барыня?—спросилъ издатель.

— Кажись, цвѣты, потому давеча ей все цвѣты приносили... (повидимому, Феоктистова была именинница).

Навроцкій отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ роскошный букетъ и предсталъ предъ свѣтлыя очи Феоктистовой.

— Ваше превосходительство,—обратился къ ней Навроцкій, — разрѣшите поднести вамъ въ знакъ моего глубочайшаго почтенія...

— Очень вамъ благодарна, но чему я обязана такимъ вашимъ вниманіемъ и чѣмъ я могу быть полезна?—недоумѣвала супруга начальника печати.

— Вы все можете, ваше превосходительство. „О, женщины!“ сказалъ Шекспиръ...

Цитируя великаго классика по фельетонамъ своего фельетониста барона Икса, Навроцкій упустилъ изъ виду конецъ шекспировской фразы: „ничтожество — вамъ имя“. Если супруга начальника печати была знакома съ Шекспиромъ, то эффектъ цитаты издателя долженъ былъ быть большой.

Какъ бы то ни было, супруга начальника сумѣла, по словамъ Навроцкаго, убѣдить мужа переложить гнѣвъ на милость...

Насколько Навроцкій былъ малосвѣдущъ, свидѣтельствуютъ, напр., слѣдующій фактъ.

Одному изъ своихъ фельетонистовъ, подписывавшемуся „Осой“, онъ рекомендовалъ однажды отмѣтить въ своей бесѣдѣ заслуги старѣйшаго присяжнаго повѣреннаго Ш—ва, баллотировавшагося на должность первоприсутствующаго сиротскаго суда.

— Вы такъ и пишите: онъ былъ „ветеринаромъ“ сословія присяжныхъ повѣренныхъ (читай: ветераномъ)...

Разрѣшалъ онъ раздѣлывать подъ-орѣхъ

мѣстныхъ городскихъ дѣятелей и даже подбадривалъ въ такихъ случаяхъ сотрудниковъ. Чѣмъ больше „раздѣлывали“, тѣмъ больше было шансовъ на хорошую розницу, по мнѣнію Навроцкаго.

Въ первый день моего пріѣзда въ Одессу, подписавъ договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ мнѣ фактическое редактированіе газеты, Навроцкій заявилъ мнѣ:

— Раздѣлывайте въ газетѣ, кого хотите, даже меня, пощадите мнѣ одного только человѣка: моего доктора Вдовиковскаго. Касперовской иконѣ Божіей Матери да Вдовиковскому я обязанъ тѣмъ, что, будучи приговоренъ уже къ близкой смерти всѣми врачами и причастившись, я ожилъ снова.

4.

Изъ театральныхъ курьезовъ.

Г. Пальмъ въ „Ист. Вѣст.“ (ноябрь) вспоминаетъ нашъ провинціальный театръ шестидесятыхъ годовъ. Тогда на югѣ Россіи громадной популярностью пользовался актеръ Выходцевъ, каждую роль, будь то проза или стихи, говорившій своими словами и уснащавшій ее глупыми добавленіями и пошлыми остротами на потѣху райка. Каждое свое появленіе на сценѣ Выходцевъ неизмѣнно сопровождалъ отчаянно-громкими возгласами за кулисами, напримѣръ: „Хо-хо-хо!“ или „Вотъ и я иду“, или: „А ну-ка, нажаривай!“ Раекъ узнавалъ голосъ своего любимца и встрѣчалъ Выходцева громовыми рукоплесканіями и криками „браво! браво!“

Вотъ образчики выходцевскихъ добавленій и измѣненій. Въ мольеровскомъ „Донъ-Жуанѣ“, шедшемъ въ какой-то невозможной передѣлкѣ, Выходцевъ, играя Ленорелло, называвшагося почему-то Педрилло, въ концѣ пьесы, когда донъ-Жуанъ проваливался съ командоромъ и на сценѣ нѣсколько статистовъ въ костюмахъ балаганныхъ чертей гонялись за Педрилло,— обращался къ публикѣ, грозя пальцемъ, съ такими словами:

— И всѣмъ такъ будетъ, кто не хочетъ къ намъ въ театръ ходить!

Въ сценѣ съ донъ-Жуаномъ, передъ появленіемъ статуи командора, Выходцевъ произносилъ такую фразу... на малороссійскомъ языкѣ:

— Въ (у) Педрилло усе горло сгорило,— добавляя по-русски:—Дайте, господинъ баринъ, стаканчикъ запекавки (наливки).

Играя Фамусова, въ первой сценѣ съ Лизой Выходцевъ такъ „передѣлалъ“ Грибоѣдова:

— Я баринъ, а ты, паршивая дѣвчонка, на всю улицу гремишь и симфоніи разводишь. Брысь!

Публика гоготала, а интеллигенція смотрѣла на Выходцева, какъ на балаганнаго шута, и незлобиво смѣялась, прощая чудаку его нелѣпыя выходки.

Въ финалѣ второй картины „Орфея въ аду“, когда Купидонъ, сидя на табуретѣ у ногъ Юпитера, вертится, Выходцевъ, подымая бутафорскую молнію и замахиваясь ею, кричалъ:

— Не вертись, какъ дзыга (волчокъ), а то я тебѣ всю морду сейчасъ разобью!

Въ той же картинѣ, когда Геба читаетъ стихотвореніе на модную въ тѣ времена тему о свободѣ женщинъ, Выходцевъ послѣ декламаціи, обращался къ Гебѣ со словами:

— Геба! Иды собѣ съ нэба, намъ тобѣ не треба,—пищи себѣ хлѣба у другихъ антрепренеровъ, а Выходцевъ не такой дуракъ!

Не желали подчиняться „мертвому автоматизму“ и сами зрители. Полтавскій губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы при представленіи оперетки „Птички пѣвчія“ каждый разъ, когда говорится слово „губернаторъ“, непремѣнно добавлялось (вопреки цензурованному экземпляру пьесы): „города Лимы въ Перу“, „дабы не подумала публика, — разъяснялъ антрепренеру Дюкову полицеймейстеръ, — что рѣчь идетъ о мѣстномъ начальникѣ губерніи“. Приказаніе, конечно, исполнялось въ точности. Публика, узнавшая объ „инцидентѣ“, много смѣялась и когда на одномъ изъ представленій актеръ, игравшій роль Панателлы, забылъ сдѣлать добавленіе и сказалъ просто „губернаторъ“, то изъ райка послышались дружные голоса:

— Губернаторъ города Лимы въ Перу, не забывай, а то посидишь за рѣшеткой.

Партеръ встрѣтилъ „райскіе“ голоса дружными аплодисментами и смѣхомъ.

Въ другой разъ, когда жена Выходцева, толстѣйшая немолодая особа, играя Купидона въ „Орфеѣ“, явилась на сцену въ откровеннѣйшемъ костюмѣ, изъ райка столь же дружно закричали:

— Выходцева! поди одѣнься, безстыдница!

Въ заключеніе поучительный театральный анекдотъ изъ „журнальныхъ воспоминаній“ упомянутого выше А. Е. Кауфмана. Онъ записалъ разговоръ двухъ артистовъ — пѣвцовъ: Ф., умѣвшаго владѣть своимъ небольшимъ голосомъ и обладавшаго большимъ драматическимъ талантамъ, съ М—вымъ, обладателемъ дивнаго, чарующаго голоса и плохимъ актеромъ.

— Если бы,—сказалъ однажды Ф. М—ву,— я имѣлъ твой голосъ, то покорилъ бы міръ.

— А если бы я, — возразилъ тотъ, — при своемъ невмѣньи играть имѣлъ еще твой голосъ, то ходилъ бы по міру...

Ф. сдѣлалъ блестящую карьеру и теперь антрепренерствуетъ, а М. умираетъ съ голоду, и въ его пользу устраиваются концерты.

Отзывы о книгахъ.

225. [. . . . .] 082

Всеобщая Библіотека. Изд. акціонернаго о-ва Тип. Дѣла. Спб.

Въ ряду общедоступныхъ изданій, преслѣдующихъ серьезныя просвѣтительныя задачи и явно чуждыхъ спекуляціи, стоитъ отмѣтить новыя изданія „Всеобщей Библіотеки". Маленькія книжки, въ размѣрѣ Бедекера и такъ же переплетенныя въ легкіе коленкоровые переплеты, даютъ такія художественныя созданія, какъ безсмертная книга парадоксовъ Ницше—„Такъ говорилъ Заратустра", такія юридически полезныя изданія, какъ „Уголовное уложеніе", такія канонизованныя сокровища дѣтской библіотеки, какъ „Приключенія барона Мюнхгаузена". „Путешествіе Гулливера." „Донъ-Кихотъ" и „Робинзонъ" въ сжатомъ изложеніи. Содержательная, почти конспективная книжка Буссе „Міровоззрѣніе великихъ философовъ новаго времени" является крошечной энциклопедіей новой философіи, а сборнички біографій художниковъ, какъ Рафаэль, Тиціанъ, Винчи, Мурильо, Микель-Анджело, Ботичелли, чуть ли не впервые въ Россіи толково и живо отвѣчаютъ на запросъ небогатаго читателя, которому хотѣлось бы уйти въ чудесный міръ былого итальянскаго искусства. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл" 1912—258*).

Въ громадномъ количествѣ экземпляровъ распространилась „Всеобщая Библіотека". И она вполнѣ заслужила это вниманіе къ себѣ русской читающей публики. Изданія ея очень разнообразны по содержанію и формѣ. Такимъ образомъ, „Всеобщая Библіотека" выполняетъ свою симпатичную задачу — дать русскому читателю за скромную плату возможность получить: литературныя произведенія въ провѣренной редакціи ихъ текстовъ и въ хорошихъ переводахъ, сочиненія выдающихся ученыхъ и мыслителей во всѣхъ областяхъ знанія, а также книги широкаго практическаго значенія. Цѣну на выпуски „Вс. Библ." можно назвать скромной: каждый выпускъ—до 5 печатныхъ листовъ—стоитъ 10 к. Болѣе обширные труды издаются въ двойныхъ (20 к.), тройныхъ (30 к.) и т. д. выпускахъ. За томики въ переплетахъ—на 10 копѣекъ дороже. Очень многіе выпуски снабжены интересными, толково и литературно составленными введеніями, или предисловіями, заключающими въ себѣ критико-библіографическія примѣчанія или комментаріи къ книжкамъ: а къ нѣкоторымъ приложены библіографическія замѣтки. (*Н. П. „Вятск. Р." 1912—243*).

226. [. . . . .] 087

Дешевая библіотека для семьи и школы. Библіотека для семьи и школы. Изд. жур. „Юная Россія". М. 1912 г.

Разнообразныя по содержанію книжки „Дешевой библіотеки для семьи и школы" расчитаны на разные возрасты. Десять изъ нихъ „Книжки-Первинки" изданы особенно заботливо. Въ каждой книжкѣ, въ 14—16 страницъ крупнаго шрифта, помѣщены одна или двѣ русскихъ сказки изъ жизни животныхъ, тутъ и „Колобокъ", „Про волка и козу", „Про лису и тетерева", „Про пѣтушка и курочку" и т. д. Всѣ сказки иллюстрированы интересными картинками въ текстѣ и прекрасно изложены. На внутренней сторонѣ обложки каждой изъ этихъ маленькихъ книжекъ помѣщено небольшое предисловіе редактора серіи Д. И. Тихомирова, въ которомъ онъ разсказываетъ объ источникахъ происхожденія этихъ сказокъ. Большая часть книжекъ для болѣе старшаго возраста (разсказы Шмелева, Немировича-Данченко. Мамина-Сибиряка, Шведера, Яхонтова, Рослякова) будетъ читаться дѣтьми съ удовольствіемъ. Менѣе удачна книжка Алексѣева „Двѣнадцатый годъ": на 63-хъ страницахъ небольшаго формата перечислены чуть не всѣ факты войны за періодъ съ 11-го іюня и до 11-го декабря 1812 г., множество собственныхъ именъ и географическихъ названій дѣлаютъ ее слишкомъ тяжеловѣсной и малодоступной для читателя, которому она предназначается. Цѣна книжекъ „Дешевой библіотеки для семьи и школы" колеблется отъ 3 к. до 20 к. Всѣ книжки съ картинками. Двѣ книжки Носилова „За полярнымъ кругомъ" и „У рыбаковъ и звѣролововъ сѣвера" относятся къ изданіямъ „Библіотеки для семьи и школы". Жизнь инородцевъ нашего сѣвера и востока служитъ содержаніемъ большинства разсказовъ обоихъ сборниковъ, и въ доступной бѣллетристической формѣ авторъ знакомитъ читателя съ условіями существованія на далекихъ окраинахъ. (*А. Г. „Рус. Вѣд". 1912—244*).

Добрымъ словомъ надо помянуть „Дешевую библіотеку для семьи и школы" Д. И. Тихомирова. Эта фирма имѣла счастье въ огромномъ количествѣ разбросать сотни разсказовъ Мамина-Сибиряка, всегда интересныхъ, всегда благородныхъ по мысли и полныхъ удивительнаго здраваго смысла, что всегда такъ умѣетъ цѣнить маленькій читатель. Печать интеллигентности лежитъ на всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ книжкахъ, начиная съ Мамина, Немировича-Данченко, продолжая передѣлками Толстого, стихами Мея и кончая книжечками даровитаго Шмелева, имя котораго только-что начинаетъ выдвигаться въ самые послѣдніе годы. Не забытъ и самый маленькій читатель, и для него буквами чуть не съ горошину отпечатанъ десятокъ „Книжекъ-Первинокъ", гдѣ яснымъ и простымъ, языкомъ переданы традиціонныя старорусскія сказочки и побасенки. (*А. Измайловъ „Рус. Сл" 1912—258*).

227. Нордау, Максъ. 087

Дѣдушкины сказки. (Для дѣтей 8—12 лѣтъ.) Перев. Л. Никифорова. Изд. И. Д. Сытина. М. 1912. Стр. 260. Ц. не обознач.

При имени Нордау прежде всего вспоминается

конечно, такая книга его, какъ парадоксальное и блестяще написанное „Вырожденіе“. Н., какъ авторъ сказокъ, извѣстенъ гораздо менѣе; можно было предполагать съ достаточнымъ основаніемъ, что этотъ жанръ, требующій богатой фантазіи и неподдѣльнаго поэтическаго чувства, совсѣмъ не подходитъ къ общему характеру его дарованія... И между тѣмъ „Дѣдушкины сказки“ краснорѣчиво говорятъ о томъ, что даже въ этой области умный и талантливый человѣкъ могъ достигнуть довольно замѣтныхъ результатовъ! Не всѣ сказки одинаково хороши, не всѣ могутъ въ ровной степени увлечь и заинтересовать дѣтей, но въ книгѣ найдется все же немало яркихъ и оригинально задуманныхъ вещей, которыя будутъ съ удовольствіемъ прочитаны дѣтьми старшаго возраста. Нечего и говорить, что во многихъ сказкахъ важную роль играетъ идейный элементъ, что Н. пользуется ими какъ средствомъ провести въ юныя головки тѣ или др. мысли, особенно ему близкія и симпатичныя. Дѣлается это въ общемъ весьма искусно, не въ ущербъ художественности, не въ духѣ прописной морали и прикладного нравоученія. Иныя сказки этой категоріи можно сопоставить съ типичными образцами того же жанра, вышедшими изъ-подъ пера Андерсена, Топеліуса или О. Уайльда. Авторъ прибѣгаетъ иногда къ аллегоріямъ и, разсказывая о растеніяхъ и животныхъ, имѣетъ въ виду людей, ихъ судьбу, ошибки, увлеченія, невзгоды... Но среди „Дѣдушкиныхъ сказокъ“ есть и такія вещи, въ которыхъ преобладаетъ чисто художественный, поэтическій элементъ; къ числу ихъ принадлежитъ, напр., „Сердечная нить“ (Одна изъ лучшихъ сказокъ во всей книгѣ), „Почему розовый кустъ обзавелся шипами“, „Дѣти-русалки“. Въ общемъ, сказки Н. отличаются значительнымъ разнообразіемъ; несомнѣнно, каждый ребенокъ найдетъ въ этой книгѣ хоть что-нибудь, подходящее къ его вкусамъ и запросамъ. Число неудачныхъ вещей, вошедшихъ въ составъ этого сборника, сравнительно, очень невелико. Можно только отмѣтить, въ заключеніе, еще одну особенность нѣкоторыхъ сказокъ, которая во многихъ случаяхъ безусловно является ихъ недостаткомъ: авторъ старается перемѣшивать фантастику и дѣйствительность, ввести въ картины реальной жизни чисто сказочный элементъ, но не всегда ему удается достигнуть при этомъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, и подчасъ получается какая-то странная смѣсь и путаница. Нужно обладать исключительнымъ талантомъ „сказочника“ для того, чтобы такого рода сплетеніе реальнаго и вымышленнаго отнюдь не поражало и казалось только оригинальнымъ... Но въ общемъ, „Дѣдушкины сказки“ во многихъ случаяхъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ все же о томъ, что ихъ написалъ умный, разносторонній и даровитый писатель! (*Ю. Веселовскій „Вѣст. Восп.“ 1912—3*).

Изданіе это — дорогое: въ богатомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ крашеною картинкой на немъ, съ недурными иллюстраціями, на приличной бумагѣ. Несмотря однако на имя Н., которое должно бы говорить о литературныхъ достоинствахъ сказокъ, послѣднія не выше обычнаго уровня сочиненныхъ (а не созданныхъ фантазіей поэта) дѣтскихъ сказокъ. Прежде всего онѣ страдаютъ поучительностью, которая сквозитъ даже въ нѣкоторыхъ заглавіяхъ. Далѣе, сказки эти растянуты безъ надобности; онѣ не отличаются цѣльностью замысла: авторъ часто уклоняется въ сторону отъ основной мысли, при чемъ основная мысль иногда зак ючается въ шаблонной морали, а побочныя въ глубокихъ (или яко-бы глубокихъ) намекахъ на современность, которая часто врывается въ совершенно фантастическую обстановку и поражаетъ своими диссонансами. Н. не поэтъ, чтобы браться за сказки; его умъ отличается слишкомъ ясною склонностью къ рефлексіи, чтобы писать для дѣтей. (*И. Бахтинъ „Нар. Образ.“ 1912—10*).

228. Штёкль, А. 1„04:15“

Исторія средневѣковой философіи. Перев. Н. Стрѣлкова и І. Э., под. ред. и съ предисл. проф. И. В. Попова. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 307 Ц. 1 р. 85 к.

При сравнительномъ богатствѣ хорошей литературы по исторіи новой, новѣйшей (Вильденбандъ, Ибервегъ-Гейнце, Фалькенбергъ) и даже древней философіи (Льюисъ, кн. С. Трубецкой и др.) мы крайне бѣдны какой бы то ни было литературой по исторіи средневѣковой философіи. А между тѣмъ эпоха средневѣковая была по преимуществу философской, когда всѣ науки, начиная съ богословія и кончая прикладными, носили яркую печать мет. физики. Предлагаемый переводный трудъ и идетъ навстрѣчу ощущаемой потребности пополнить такой чувствительный пробѣлъ въ нашей философской литературѣ. Выборъ книги нельзя не признать очень удачнымъ. Авторъ ея—Альбертъ Штекль—до сихъ поръ считается лучшимъ спеціалистомъ по исторіи философіи среднихъ вѣковъ, хотя капитальный трехтомный трудъ его — Geschichte der Philosophie des Mittelalters — имѣетъ почти полувѣковую давность. Настоящій переводъ сдѣланъ, впрочемъ, не съ полной исторіи Штёкля, а съ его краткаго учебника и даетъ лишь послѣдній его отдѣлъ—mittelalterische Philosophie.

Предназначаемое для потребностей первоначальнаго, преимущественно школьнаго употребленія, это руководство прекрасно достигаетъ цѣли, давая отчетливую, ясную классификацію философскихъ теченій и достаточно яркіе портреты ихъ главныхъ представителей. Послѣ краткаго обзора арабско-испанской и еврейской философіи, авторъ съ особенной подробностью сосредоточивается на исторіи христіанской философіи, которую онъ раздѣляетъ на три рубрики: начало, расцвѣтъ и конецъ средневѣковой философіи. Весь переводъ исполненъ правильно, прекраснымъ литературнымъ языкомъ и снабженъ цѣнными библіографическими указаніями редактора относительно новѣйшей литературы предмета. (*Прив.-доц. А. Покровскій. „У. Рос.“ 1912—202*).

Въ виду того, что въ настоящее время вновь оживаютъ нѣкоторыя идеи средневѣковой мистики и даже издаются переводы подлинныхъ сочиненій нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, читателю будетъ очень полезна книга Ш., дающая возможность ориентироваться въ этихъ идеяхъ и книгахъ и установить ихъ связь съ породившей ихъ эпохой. Впрочемъ, Ш. даетъ лишь конспективное изложеніе предмета. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ нимъ необходимо обратиться къ его же нѣмецкому трехтомному изслѣдованію. Намъ думается, что и послѣднее, будучи переведено на русскій языкъ, нашло бы

своихъ многочисленныхъ читателей. (*И. Книжникъ.* „*Нов. Ж.*“ *1912—10.*)

* **Богдановъ, А.** 1:331

См. порядк. № 237.

229. Бергсонъ, Анри. 1(Б)

Воспріятіе измѣнчивости. Изд. М. П. Семенова. Спб. 1913. Стр. 44. Ц. 50 к.

Философія Б. завоевываетъ и у насъ все большіе и большіе круги читателей. Чтеніе самыхъ сочиненій Б. требуетъ, однако, преодолѣнія нѣкоторыхъ трудностей. Настоящая брошюра, содержащая въ себѣ двѣ лекціи, прочитанныя французскимъ философомъ въ маѣ прошлаго года въ Оксфордѣ, является въ этомъ отношеніи большимъ подспорьемъ для читателя. Это—блестящій образчикъ самопопуляризаціи. На немногихъ страницахъ авторъ со свойственными ему яркостью и блескомъ изложенія вводитъ читателя въ центральныя сферы своего ученія, сразу знакомя его съ тѣмъ, что составляетъ дѣйствительно новаго и оригинальнаго въ его философіи. Уясненіе основного пункта—нашего воспріятія измѣнчивости—облегчаетъ пониманіе „длительности“, „времени“ въ томъ особенномъ значеніи и смыслѣ, какіе придаются этимъ терминамъ Б., а отсюда понятны становятся и его идеи о сущности творческой эволюціи. Такимъ образомъ, настоящая брошюра можетъ служить прекраснымъ вступленіемъ (такъ же, конечно, какъ и послѣсловіемъ) къ большимъ работамъ автора. (*„Совр. Сл.“ 1912—1749*).

230. Уильдонъ, Карра. 1(Б)

Философія Бергсона въ популярномъ изложеніи. Перев. съ англ. П. Румеръ. М. 1913. „Творчество“. Стр. 61. Ц. 30 к.

Книжечка Ульдона Карра, безспорно, обладаетъ всѣми важными достоинствами популяризаціи. Съ одной стороны она точна, ясна и кратка, дѣлая благодаря этому доступнымъ публикѣ то, что въ оригиналѣ подчасъ представляетъ трудности даже и для спеціалиста. Съ другой стороны, она написана съ увлеченіемъ, вѣрой и любовью, придавая тѣмъ отвлеченнымъ философствованіямъ жизненную теплоту и этимъ опять-таки приближая ихъ уму и сердцу неискушеннаго философскимъ опытомъ читателя. Но она можетъ оказаться полезной также и для спеціалиста-философа. И прежде всего потому, что, соотвѣтственно ея популяризаторскимъ цѣлямъ, въ ней съ особой силой подчеркиваются общіе мотивы бергсоновской философіи, зачастую утопающіе у самого Бергсона, лишеннаго дара систематическаго изложенія, въ частностяхъ и деталяхъ. Для того, чтобы вполнѣ овладѣть философіей Бергсона, мало проштудировать его книги; нужно самостоятельно продумать отъ начала и до конца его мысли добраться до основныхъ его принциповъ и придать имъ систематическій порядокъ, что требуетъ большой затраты умственныхъ силъ и большой потери времени. Книжечка Ульдона Карра позволяетъ быть экономнѣе въ расходованіи того и другого. Кромѣ того, благодаря ясности и выпуклости изложенія, при чтеніи этой книжечки становятся непосредственно очевидными и недостатки бергсоновской философіи. И главнымъ образомъ, два слѣдующихъ: во-первыхъ, философская концепція Бергсона глубоко догматична въ своемъ исходѣ: она наивно и некритически опираетъ всѣ свои построенія, въ томъ числѣ и гносеологическія, на ученіи о жизни, какъ абсолютномъ началѣ всего существующаго. При этомъ, — что вполнѣ естественно, — отсутствіе непредвзятаго гносеологическаго анализа сейчасъ же сказывается неустойчивостью, двусмысленной растяжимостью и нефиксированностью смысла понятій абсолютной жизни. Во-вторыхъ, та же самая двусмысленность и неустойчивость (и по той же самой причинѣ) повторяется въ ней относительно понятія матеріи. Эта послѣдняя то является началомъ, рѣзко противоположнымъ жизни, то оказывается моментомъ самой жизни (моментомъ мгновенной остановки жизненнаго потока въ настоящемъ), то, наконецъ, разсматривается какъ продуктъ интеллекта. Такая многосмысленность понятія указываетъ на то, что дуализмъ отнюдь не превзойденъ Бергсономъ: совсѣмъ непонятно, какъ и почему непрерывный потокъ жизни долженъ и можетъ вдругъ появиться въ лицѣ матеріи. Все это побуждаетъ насъ горячо рекомендовать книжечку Ульдона Карра, къ тому же переведенную прекраснымъ русскимъ языкомъ, вниманію интересующихся философіей читателей. (*Б. Яковенко.* „*Рус. Вѣд.*“ *1912—269*).

231. [192.] Лихтенберже, А. 136.7

Мой маленькій Троть.

Своеобразную и весьма интересную тему разработалъ Л. Онъ взялъ чутко-воспріимчивую натуру умнаго мальчика и сопоставилъ ее съ противорѣчіями и ложью жизни взрослыхъ. Эту ложь маленькій Троть рано начинаетъ чувствовать своимъ правдивымъ, искреннимъ сердцемъ, его душа полна тревоги, недоумѣнія, порыва. Троть просыпается, начиная о многомъ догадываться. Ссорятся не только его постоянные друзья,— кошка съ собакой,— ссорятся его папа и мама, что-то скрывая другъ отъ друга. Папа — морякъ; его постоянно не бываетъ дома. А мама въ это время бываетъ еще веселѣе: она вообще — большая модница и такъ любитъ балы. Ее постоянно навѣщаетъ г. Тиланжъ и дядя Ааронъ, и Троть смутно начинаетъ сознавать, что какая-то неправда приходитъ вмѣстѣ съ ними Эта обычная исторія взрослыхъ, преломленная въ сознаніи ребенка, разсказана авторомъ съ художественной правдивостью, и читатель все время глубоко чувствуетъ. чѣмъ живетъ Троть. Ежедневная жизнь, пестрая и обыденная, пошлая и лживая, будитъ въ его чуткой душѣ напряженную мысль, о которой взрослые совсѣмъ и не догадываются. Они видятъ въ Тротѣ глупенькое существо, при которомъ можно многое говорить и даже дѣлать, а онъ, судя этихъ словъ и дѣлъ,— онъ уже не ребенокъ, особенно, когда болѣзнь сдѣлала его еще болѣе впечатлительнымъ и чуткимъ.

Такую драму переживаетъ не одинъ современный ребенокъ, но рѣдко ее умѣютъ передавать художественно и правдиво. Въ этомъ—основная особенность психологическаго очерка Лихтенберже. Онъ далъ намъ рѣдкій *человѣческій документъ* изъ жизни ребенка, съ полнотой его внутреннихъ волненій и порывовъ, часто совсѣмъ непонятныхъ для взрослыхъ. (*И. Соловьевъ.* „*Рус. Вѣд.*“ *1912—269.*)

О распространенности этой книжки въ странахъ, говорящихъ французскимъ языкомъ, достаточно краснорѣчиво говоритъ выходъ ея въ свѣтъ 56 франц. изданіемъ. Книга достойна вниманія

широкихъ читательскихъ круговъ прежде всего по темѣ, которая въ ней развита въ беллетристической формѣ. Нельзя, однако, очень и очень не пожалѣть, что въ сферу вниманія маленькаго Трота, главнаго дѣйствующаго лица книги г. Л. введенъ несимпатичный для него еврей Аронъ, играющій важную роль въ книгѣ: въ отсутствіе отца Трота г. Аронъ ухаживаетъ за мамой мальчика: ей нравятся эти ухаживанья; въ концѣ-концовъ, легкомысліе матери Трота, любящей удовольствія и веселье, приводитъ къ тяжелой семейной драмѣ, которая не ускользаетъ отъ наблюдательнаго глаза и слуха мальчика. На мѣстѣ г. Аарона могъ любой французъ фигурировать въ качествѣ злого демона семьи, и отъ этого книга бы только выиграла. (*Н. П. „Вятск. Р." 1912—240*).

232. Туганъ-Барановскій. 17+33.

Къ лучшему будущему. I. Этика и общественная жизнь. II. Кооперація. III. Экономическая жизнь. Спб. 1912. Изд. „Энергія". Стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.

Большая часть книги посвящена вопросамъ чисто экономическимъ, но авторъ ея въ первой части въ нѣсколькихъ статьяхъ и замѣткахъ говоритъ о важныхъ явленіяхъ общей литературы. Ясная и трезвая мысль и отчетливость въ ея изложеніи придаетъ этимъ статьямъ и замѣткамъ, несмотря на краткость послѣднихъ, особый отпечатокъ дѣловитости и серьезности. Первая статья посвящена Достоевскому и говоритъ о его „всемірно-историческомъ значеніи": „если за послѣдніе полвѣка былъ писатель, въ равной степени необходимый и важный для всякаго современнаго человѣка, какой бы національности онъ не былъ, то именно творецъ „Братьевъ Карамазовыхъ". Устанавливая близость идей Достоевскаго и Канта, авторъ опредѣляетъ постановку въ нравственномъ міровоззрѣніи русскаго писателя трехъ великихъ этическихъ проблемъ: проблемы Бога, проблемы человѣчества и проблемы зла. Слѣдующая статья „Русская интеллигенція и соціализмъ" написана по поводу сборника „Вѣхи" и содержитъ любопытныя соображенія о ростѣ внѣклассовой, соціалистически-неустроенной интеллигенціи на Западѣ и возраженія „вѣхистамъ" отвосительно предстоящаго якобы сліянія русской интеллигенціи съ буржуазіей. Замѣтка „Марксизмъ и народничество" подводитъ итоги недавней ожесточенной распрѣ, изъ-подъ которой жизнь своею властною рукой уже вынула почву. Сторонникъ созданія новой теоріи соціализма, для которой Марксъ и Кантъ должны остаться позади, какъ превзойденные этапы общественной мысли (замѣтка „Кантъ и Марксъ"), авторъ преслѣдуетъ „скептическое, отрицательное отношеніе къ творческой роли сознательной воли и мысли человѣка въ дѣлѣ созиданія новыхъ общественныхъ формъ" и настаиваетъ на необходимости построенія соціализма, какъ положительнаго ученія, какъ представленія объ опредѣленномъ общественномъ идеалѣ. Въ кругъ его мысли естественно входятъ и два виднѣйшихъ литературныхъ представителя ранняго русскаго соціализма: Герценъ и Чернышевскій. Г-нъ Т.-Б. весьма удачно противопоставляетъ ихъ другъ другу не въ качествѣ соціалистовъ, — какъ таковые они значительно совпадаютъ, — а какъ представителей крайнихъ противоположностей индивидуалистическаго міровоззрѣнія: Герценъ—*конкретнаго*, а Чернышевскій—*абстрактнаго*... Помимо отмѣченнаго нами литературнаго интереса книга г. Т.-Б. важна для каждаго, кого занимаютъ вопросы русской соціальной политики: кооперація, общее вздорожаніе жизни, ростъ промышленности и капитализма въ Россіи. Отмѣтимъ въ заключеніе содержательную замѣтку книги, историческаго характера: „Почему пало крѣпостное право?" (*Ч. В-скій. „Вѣст. Евр." 1912—11*).

Этотъ сборникъ статей прежде всего интересенъ по разнообразію темъ, и въ этомъ разнообразіи чувствуется живое публицистическое чутье, благодаря которому даже изслѣдованія и очерки нашей текущей экономики представляются читателю не случайнымъ матеріаломъ, а подъ угломъ извѣстнаго соціально-культурнаго умонастроенія. (*„Совр. Сл." 1912—1699*).

„Болѣе интересенъ для широкой публики отдѣлъ—этика и общественная жизнь... Выдѣляется статья о Достоевскомъ — „Три великихъ этическихъ проблемы"—и не только въ томъ отношеніи, что она дальше другихъ стоитъ отъ обычныхъ темъ г. Т.-Б. Его этюдъ о Д—омъ цѣненъ тѣмъ, что авторъ, сближая нашего автора съ Кантомъ, сумѣлъ на протяженіи немногихъ страницъ показать всю глубину, стройность и значительность—особенно для переживаемаго времени — философской концепціи романиста, который былъ имѣстѣ съ тѣмъ великимъ мыслителемъ, что, къ сожалѣнію, такъ мало еще воспринято сознаніемъ русскаго общества. (*П. К. „Нов. Журн. для Вс." 1912—10*).

Сборникъ статей проф. Т.-Б. посвященъ различнымъ вопросамъ, объединеннымъ, по словамъ автора, общимъ міросозерцаніемъ, основу котораго авторъ отсылаетъ читателя искать въ статьѣ „Три великихъ этическихъ проблемы". Эти проблемы слѣдующія: проблема Бога, проблема человѣчества и проблема мірового зла. Статья посвящена нравственному міросозерцанію Достоевскаго, котораго авторъ рѣшительно сопоставляетъ съ Кантомъ. Указывая на черты сходства, г. Т.-Б. указываетъ и на черты различія. На этомъ различіи авторъ пытается обнаружить міровоззрѣніе Достоевскаго, что способно вызвать нѣкоторыя недоумѣнія, ибо выходитъ, что Достоевскій былъ лишь простымъ воплотителемъ и конкретнымъ примѣнителемъ Канта къ рѣшенію жизненныхъ проблемъ. Статья весьма интересна. Прочія статьи посвящены экономическимъ вопросамъ. (*В. Тѣлесниковъ. „У. Рос." 1912—271*).

233. Вивекананда, Свами. 21

Практическая Веданта. Изд. Н. Шейерманъ. М. 1912. Стр. 94. Ц. 50 к.

Свами Вивекананда — ученикъ знаменитаго Шри-Рамакришны-Парамагамзы. „Другіе учителя,— говоритъ В.— учили каждый своей религіи, которыя и носятъ ихъ имена, но этотъ великій учитель XIX в. не хотѣлъ ничего для себя, онъ оставилъ нетронутыми всѣ религіи, потому что онъ понялъ, что въ дѣйствительности всѣ онѣ — лишь части единой вѣчной религіи". Объ этой же единой вѣчной религіи и говорится въ предлагаемой книгѣ. (*„Народ. Ж". 1912—45*).

Книжка принадлежитъ перу индусскаго ученаго и святого, получившаго университетское, вполнѣ европейское образованіе. Но послѣднее помогло автору только больше полюбить философскія системы Индіи, и истолкованію ихъ онъ

посвятилъ всю свою короткую, но дѣятельную жизнь. Основная мысль, проникающая всѣ писанія Вивекананды, та, что западная цивилизація, основная только на техническихъ усовершенствованіяхъ, приводитъ къ нравственному вырожденію, что нельзя жить безъ религіи. Религія же не въ воздвиганіи храмовъ, не въ посѣщеніи церковныхъ службъ, не въ книгахъ, даже не въ организаціяхъ, а въ связи между душой человѣка и Богомъ, въ отреченіи отъ своей личности ради осуществленія связи съ Богомъ. Но самоотреченіе не понимается здѣсь въ смыслѣ аскетическомъ. Наоборотъ, „нѣтъ Бога, кромѣ человѣка“,—таково ученіе древней Индіи въ истолкованіи Вивекананды. Веданта называетъ атеистомъ того, кто не вѣритъ въ себя самого. Ибо она учитъ, что мы властны сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть. Если то, что мы есть теперь, создано нашими прежними поступками, то посредствомъ нашихъ настоящихъ поступковъ мы можемъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ желаемъ быть въ будущемъ. Вивекананда беретъ примѣры и термины изъ литературы Индіи, и читатель, интересующійся религіозно-нравственными воззрѣніями современнаго представителя образованной Индіи, попутно знакомится также съ ея методомъ изложенія, съ многими ея легендами, сказками и пословицами. (*И. Книжникъ.* „*Запр. Ж.*“ *1912—42*).

234. Гладковъ, Б. И. 226 (075)

Евангельская исторія, составленная словами св. евангелистовъ, съ 152-мя картинами. Учебн. пособіе къ изученію свящ. истор. Новаго Завѣта. Спб. 1913. Изд. автора Ц. 2 р. 50 к.

Добрыя русскія матери семействъ имѣютъ обыкновеніе *сами* заниматься со своими сыновьями и дочерьми *до четвертаго* класса гимназій, вотъ этимъ матерямъ въ высшей степени хочется рекомендовать превосходный трудъ В. И. Гладкова, можно сказать — энтузіаста „Закона Божія“ на Руси, на подобіе приснопамятнаго С. А. Рачинскаго. „Евангельская исторія“ не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ обдуманности и тщательности, начиная съ плана и всѣхъ его подробностей и кончая шрифтомъ, крупнымъ, четкимъ для народа и дѣтей. Это полная „Исторія Новаго Завѣта“, проходимая во второмъ классѣ гимназій, безъ іоты опущенія и безъ іоты прибавки, но только разсказанная не „Преображенскимъ“ или „Рудаковымъ“, но текстомъ евангельскимъ. Кажется нѣтъ болѣе учебнаго текста, чѣмъ евангельскій, и примѣненный „по благодати и внушенію Святаго Духа“ для неразумныхъ, для начинающихъ, для дѣтей и темнаго народа. Здѣсь *упрощеніе* доведено до величайшей грани и вмѣстѣ вполнѣ достойно, величественно, наконецъ, свято. Почему этотъ святой ученическій текстъ, этотъ естественный ученическій текстъ, нашли нужнымъ передѣлать и поддѣлать черезъ „Рудаковыхъ“ и „Преображенскихъ“, черезъ „протоіереевъ Смирновыхъ“, — нельзя понять кромѣ коммерческихъ соображеній. Ну, а около „храма“ всегда были и торгующіе, это еще со времень Христа. Б. И. Гладковъ, не отнимая (да и гдѣ силы взять!) ничего у „торгующихъ“, вернулъ все дѣло къ его первоначальному естественному положенію:

— Все — *слова евангелистовъ.*

— Ничего — *моего.*

Для этого надо было очень много проработать, выкроивъ такъ сказать ленточки изъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ и (немного, для заключительныхъ уроковъ,— о „сошествіи Св. Духа на Апостоловъ“ и проч.) изъ „Дѣяній Апостольскихъ“ и эти ленточки склеивъ — получить *полную новозавѣтную исторію,* связную и подробную, безъ вставки хотя бы единаго своего слова.

Рисунки (множество)—великолѣпны. Это снимки съ лучшихъ произведеній кисти западныхъ мастеровъ на евангельскія темы. Однако тутъ есть или можетъ быть и неосмотрительность. Этихъ „Апостоловъ“ въ слѣдующихъ изданіяхъ нужно рѣшительно исключить: всѣ они такъ драматизированы или выглядятъ такими трагиками на сценѣ, какъ для русскаго народнаго и дѣтскаго взгляда рѣшительно непривычно и даже неприлично. Это—*католическія* изображенія, „въ позахъ“, какъ „въ позахъ“ проповѣдуютъ въ Италіи патеры въ церквахъ. У насъ это не принято. И не принято такъ изображать апостоловъ. У насъ и умираютъ тихо. И совершаютъ подвиги тихо. И апостолы всѣ предполагаются тихими. И самъ Христосъ былъ тихъ. Это уже тысячелѣтнее представленіе незачѣмъ колебать. И невозможно, и нецѣлесообразно. (*В. Розановъ.* „*Нов. Вр.*“ *1912—13176.*)

* **Туганъ-Барановскій, М.** 33 — 17

См. пор. № 232.

235. Кувшинская, Е. 331 (42)

Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи. Спб. 1912. Стр. 223. Ц. 80. к.

Англія, какъ извѣстно, первая вступила на путь фабричнаго законодательства, и поэтому исторія ея фабричнаго законодательства представляетъ особый интересъ. За послѣднее время, благодаря закону о минимальной заработной платѣ въ горной промышленности, интересъ къ рабочему законодательству Англіи еще больше усилился. Мы можемъ поэтому лишь привѣтствовать появленіе книги г-жи К. Работа эта, правда, не является новымъ вкладомъ въ науку; авторъ ея не дѣлаетъ никакихъ открытій. Авторъ, очевидно, и не задавался такой задачей, поставивъ себѣ болѣе скромную, но за то и болѣе плодотворную задачу, а именно: популярно изложить весь ходъ развитія фабричнаго законодательства Англіи и прослѣдить борьбу англійскихъ рабочихъ за расширеніе и углубленіе охраны труда. И эта задача выполнена авторомъ. Его книга является популярной въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Оставаясь вполнѣ научной, книга эта въ популярномъ изложеніи знакомитъ читателя со всей богатой исторіей фабричнаго законодательства, а отчасти и рабочаго движенія Англіи. Авторъ подробно останавливается на всѣхъ стадіяхъ развитія фабричнаго законодательства Англіи, слѣдя шагъ за шагомъ за всѣми отдѣльными многочисленными законами, изданными въ теченіе болѣе столѣтія, начиная съ „закона о здоровьи и нравственности учениковъ“ 1802 года, и кончая закономъ 1912 года о минимальной заработной платѣ для углекоповъ. Попутно авторъ останавливается на роли разныхъ англійскихъ соціаль-политиковъ и политическихъ партій при изданіи тѣхъ или иныхъ фабричныхъ законовъ. Авторъ останавливается также очень подробно на борьбѣ рабочихъ союзовъ за сокращеніе рабочаго времени не только законодательнымъ путемъ, но и путемъ непосредственныхъ соглашеній между рабочими и предпринимате-

лями, благодаря чему „англійскіе рабочіе пользуются самымъ короткимъ двемъ въ мірѣ, отставая въ этомъ отношеніи только отъ рабочихъ Австраліи".

Въ книгѣ мы находимъ также характеристику печальнаго положенія дѣтскаго и женскаго труда въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, т.-е. въ первомъ періодѣ развитія англійской промышленности. Авторъ даетъ также краткій очеркъ дѣятельности англійской фабричной инспекціи. Книга эта будетъ прочитана съ большимъ интересомъ интеллигентными рабочими и лицами мало знакомыми съ трактуемымъ авторомъ вопросомъ, и этимъ читателямъ мы горячо ее рекомендуемъ. („*А. Бѣловъ. „Запр. Ж." 1912—4.*)

Книжка изложена очень просто, читается легко и должна быть вполнѣ доступна широкимъ кругамъ читателей,— конечно, при нѣкоторой подготовкѣ по общей исторіи Англіи XIX вѣка. Цѣну книжки надо признать относительно очень скромной. („*Совр. Сл." 1912—1699*).

236. Невскій, А. 331(47)

Ленскія событія и ихъ причины. Спб. 1912, стр. VIII+112. Ц. 60 к.

Настоящая брошюра есть первая попытка дать сводное изложеніе взволновавшихъ все русское общество событій на Ленѣ и разобраться во всѣхъ тѣхъ толкахъ о причинахъ этихъ событій, которыя въ такомъ изобиліи передавались и обсуждались по горячимъ слѣдамъ, въ печати. Къ сожалѣнію, точка зрѣнія составителя очерка далека отъ полнаго объективизма. Онъ не разъ повторяетъ, что „не защищаетъ товарищества", но, въ дѣйствительности, вся брошюра есть не что иное, какъ апологія товарищества. Рѣзко и рѣшительно отрицается всякая связь ленскихъ событій съ биржевой спекуляціей, съ желаніемъ подготовить пайщиковъ къ уменьшенію дивидентовъ. Уровень рабочей платы признается сравнительно высокимъ, а уплата заработка товаромъ изъ лавки „законнымъ правомъ", хотя и служившимъ предметомъ злоупотребленій, въ которыхъ, однако, одинаково виновато и товарищество и допускавшій ихъ горный надзоръ. Устройство жилищъ есть „самый больной вопросъ пріисковой жизни", но какъ разъ тутъ рабочіе не предъявляли никакихъ требованій. Главная причина недовольства—переломъ въ психологіи рабочихъ: отмѣва „фарта", легкой наживы на „золотыхъ жукахъ" и необходимость перейти отъ авантюризма къ обычной рабочей лямкѣ. Болѣе объективно изложено поведеніе администраціи. Составитель очень рѣшительно настаиваетъ на томъ, что забастовка была экономическая, а не политическая. Точка зрѣнія предпринимателя не мѣшаетъ г. Н. понять неумѣстность несвоевременнаго вмѣшательства и внутреннее противорѣчіе того положенія, при которомъ „организація" стачки, необходимая для мирнаго теченія, признается „возбужденіемъ", наказуемымъ закономъ. На мирномъ и организованномъ характерѣ забастовки г. Н. особенно настаиваетъ. Признавая возможнымъ участіе въ забастовкѣ „нерабочаго элемента", составитель, однако, считаетъ это явленіе столь же естественнымъ, какъ, напримѣръ, участіе г. Вольскаго, чуждаго торгово-промышленному классу, въ работахъ совѣта съѣздовъ промышленности и торговли... Отдѣльныя требованія, кажущіяся несоотвѣтствующими дѣйствительности, г. Н. объясняетъ особенными условіями мѣстной рабочей жизни, мало извѣстной въ центрахъ, и появленіемъ новаго типа пріисковаго рабочаго, который товарищество совершенно просмотрѣло. Брошюра, несомнѣнно, прочтется большимъ кругомъ читателей, вызоветъ большіе споры, быть можетъ, будетъ отодвинута новымъ, болѣе обширнымъ матеріаломъ, но свою долю пользы все-таки принесетъ („*Рѣчь". 1912—199*).

237. Богдановъ, А. 331:1

Философія живого опыта. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913 г. Стр. 272. Ц. 2 р.

Новый трудъ г. Б. представляетъ собою новую попытку изложить въ возможно популярной формѣ сущность пролетарской философіи. На этотъ разъ г. Б. даетъ рядъ очерковъ, характеризующихъ различныя философскія системы отъ матеріализма до того вида „эмпріомонизма", на основѣ котораго должна создаться истинная философія рабочаго класса и наука будущаго. Въ эпоху слабаго раздѣленія общественнаго труда должна была сказываться склонность къ т. наз. „авторитарному" мышленію, весь матеріалъ опыта группировался вокругъ цѣпи авторитетовъ, какъ ихъ завѣты, или откровенія. Затѣмъ по мѣрѣ роста спеціализаціи отдѣльныхъ отраслей труда происходило дробленіе человѣческаго опыта, вызывавшее спеціализацію знаній Эго—періодъ „мануфактурной" философіи. Машинное производство выдвигаетъ новую задачу—обобщеніе труда, а, стало-быть, и обобщеніе опыта, сближеніе спеціальностей. Рабочій классъ выступаетъ живымъ носителемъ этихъ стремленій и запросовъ, и ему принадлежитъ главная роль въ созданіи соотвѣтствующаго типа философской мысли. Для читателя, знакомаго съ прежними работами автора, должно быть ясно, что основная схема у г. Б. осталась неизмѣнившейся. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ, однако, авторъ дѣлаетъ кое-какія уступки. Можетъ ли современный читатель съ его повышенными запросами внутренняго характера удовлетвориться такой замѣной философіи сухой и черствой схемой,—вопросъ особый. Очерки свои г. Б. называетъ „популярными". Но это выраженіе приходится принимать съ весьма большой оговоркой. („*Совр. Сл." 1912—1749.*)

238. Лобасъ, Н. С. 343.9

Убійцы. Нѣкоторыя черты психофизики преступниковъ. М. 1913 Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ разсматриваемой книги „далекъ отъ мысли, сказать что-нибудь новое по вопросу о человѣческой преступности": онъ считаетъ себя лишь „черворабочимъ, подвозящимъ матеріалъ для постройки зданія ученія о преступномъ человѣкѣ". Первый и, быть можетъ, единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, заключается въ томъ, что имъ „подвозился матеріалъ" лишь для одного и притомъ ранѣе намѣченнаго зданія,—антропологической школы уголовнаго права. Конечно, собирая факты, трудно воздержаться отъ оцѣнокъ и, оцѣнивая, нельзя не проявлять своихъ научныхъ симпатій. Но то, что искажаетъ работу надъ фактическимъ матеріаломъ, это—односторонность въ собираніи фактовъ и искусственность въ ихъ толкованіи. Вдали отъ Сахалина, гдѣ накоплялъ свои интересныя свѣдѣнія докторъ Л., трудно указать, какіе именно факты и наблюденія авторомъ упу-

щены; но вѣдь не одинъ докторъ Л. изучалъ типы каторжанъ, между тѣмъ, никто изъ изслѣдователей Сахалина не называетъ отличительными чертами каторжанъ „полную нечувствительность къ чужимъ страданіямъ, отсутствіе жалости, отсутствіе сознанія совершеннаго зла“ (29). Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что почву для такихъ предположеній даетъ самъ авторъ: несмотря на рядъ категорическихъ замѣчаній, призванныхъ связать факты съ антропологической теоріей и потому подчеркивающихъ нравственную одичалость каторжанъ, въ книгѣ сквозитъ неподдѣльное человѣческое расположеніе къ отверженнымъ. Передъ читателемъ проходитъ длинная вереница убійцъ. Среди нихъ и жестокіе и безжалостные, но и наивные и фантазирующіе. Въ „злодѣяхъ“ всюду виденъ человѣкъ: это—основной мотивъ книги, который, къ счастью, не заглушается рѣзкими характеристиками автора. Д-ръ Л. положилъ много любовнаго труда на созданіе своей книги; онъ подготовлялъ ее въ тяжелой обстановкѣ сахалинской каторги; особую цѣнность имѣетъ составленная докторомъ Л. „таблица изслѣдованія физической организаціи преступниковъ (убійцъ) и краткія свѣдѣнія изъ ихъ жизни“. И думается, авторъ имѣетъ основаніе чувствовать себя удовлетвореннымъ: его книга знакомитъ съ живыми типами Сахалина и будитъ,—особенно въ части, посвященной душевно-больнымъ убійцамъ,—общественную совѣсть. Но... „зданія“ антропологической школы она не укрѣпляетъ. (*А. Трайнинъ. „Рус. Вѣд.“ (1912—257).*

Когда читаешь его страшный свитокъ, разсказывающій объ извергахъ человѣчества, открыто заявляющихъ, что „убить человѣка такъ же легко, какъ выпить стаканъ съ водой“, о негодяяхъ, убивающихъ отца и мать, братьевъ и сестеръ, потомъ ставящихъ имъ памятникъ съ трогательной надписью о кроткомъ Іисусѣ и оставляющихъ на камнѣ мѣсто для вписанія имени убійцы, объ изувѣрахъ, вырѣзывающихъ сало изъ мертвеца для приготовленія „чудодѣйственной свѣчи“,—въ самомъ дѣлѣ чувствуешь, что это міръ иной логики, царство иной, звѣриной совѣсти. Заключающая въ себѣ тысячи бытовыхъ иллюстрацій, дающая и сотни подлинныхъ фотографическихъ портретовъ убійцъ и извращенниковъ, книга умнаго и внимательнаго доктора—своего рода сборникъ темъ, за который сказалъ бы большое спасибо беллетристъ трагическаго настроенія. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1912—258*).

Авторъ состоялъ врачомъ каторжныхъ тюремъ на Сахалинѣ и въ настоящей книжкѣ собралъ свои наблюденія и вѣкоторыя данныя объективнаго характера относительно обитателей мертваго дома на этомъ россійскомъ „Чортовомъ островѣ“. Данныя эти, какъ склоненъ, видимо, признать и самъ авторъ, являются „сырыми“: по большей части, это разсказы самихъ преступниковъ о совершенныхъ ими преступленіяхъ, дополненныя нѣкоторыми указаніями ихъ на вопросы объ ихъ семейной и соціальной наслѣдственности, объ алкоголизмѣ, половой жизни и пр. Само собой разумѣется, что эти матеріалы не лишены весьма серьезнаго значенія. Книжка издана довольно тщательно и снабжена многими фотографіями сахалинскихъ героевъ, среди которыхъ нашъ читатель, знакомый съ описаніемъ Сахалина у другихъ нашихъ писателей, встрѣтитъ не мало „знакомыхъ“ ему страшныхъ физіономій. (*„Совр. Сл.“ 1912—1735*).

239. Барклай де-Толли. 355:9(47)„1812“

Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 г. Спб. 1912. Стр. 107. Ц. 50 к.

Книжка эта представляетъ воспроизведеніе рукописи знаменитаго участника Отечественной войны. Издалъ эту рукопись нѣкій Н. Гастфрейндъ, которому она досталась отъ его отца, умершаго въ 1891 г. Но выпуская въ свѣтъ эту книгу, г. Гастфрейндъ сопроводилъ ее любопытнымъ предисловіемъ. „Предлагаемые ниже матеріалы о 12-мъ годѣ, говоритъ онъ—печатаются здѣсь въ сыромъ видѣ, безъ обработки, безъ всякихъ комментаріевъ и нужныхъ примѣчаній. Причиной тому служитъ, во-первыхъ, неимѣніе у меня времени заняться изслѣдованіемъ вопроса по поводу этой рукописи о 12-мъ годѣ: во-вторыхъ, вопросомъ этимъ я никогда не занимался и мало интересовался литературой о немъ“. Насколько намъ помнится, „Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 г.“, было уже издано у насъ въ 1859 г. и изданіе г. Гастфрейнда, такимъ образомъ, ничего новаго не представляетъ собой. Можетъ быть, между настоящимъ изданіемъ реляцій Барклая де-Толли „въ сыромъ видѣ“ и изданіемъ того же матеріала 1859 года есть какая-нибудь существенная разница въ самомъ текстѣ. Мы, къ сожалѣнію, не имѣли возможности произвести подобную свѣрку документовъ. Впрочемъ, г. Гастфрейндъ говоритъ, что онъ отдавалъ эту рукопись „на просмотръ компетентныхъ лицъ“, нашедшихъ въ ней очень много интереснаго. Но кто эти „компетентныя лица“ и почему они не снабдили изданіе Гастфрейнда соотвѣтствующими примѣчаніями,—объ этомъ издатель умалчиваетъ. Что касается нѣсколькихъ писемъ, приложенныхъ въ концѣ книжки, то они также не представляютъ изъ себя ничего новаго, ничего интереснаго. (*Н. Б. „Рѣчь“ 1912—311*).

Вполнѣ возможно, что книга, дѣйствительно, писана героемъ Отечественной войны, но желательно было бы знать отзывы и мнѣнія дѣйствительно компетентныхъ лицъ. Кромѣ самаго описанія военныхъ дѣйствій (до Бородинскаго боя), въ брошюрѣ помѣщенъ цѣлый рядъ документовъ: реляцій, рескриптъ, письма Кутузова и др. Весь этотъ матеріалъ нуждается, конечно, въ разборѣ и комментаріяхъ. Изданіе его въ такомъ видѣ, какъ это сдѣлалъ его нынѣшній владѣлецъ,—едва ли отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ (*„Совр. Сл.“ 1912—1671*).

240. Панкратовъ, А. С. 361.96

„Безъ хлѣба“. Очерки русскаго бѣдствія. Изд. Португалова. М. 1913. Стр. 247. Ц. 1 р.

Книга Панкратова посвящена исторіи двухъ голодныхъ кампаній въ Россіи 1898 и 1911 гг. Читатель всего менѣе нуждается въ рекомендаціи этого автора, изучавшаго явленіе не по бумажнымъ отчетамъ и официальнымъ рапортамъ, а непосредственно на мѣстѣ, съ голоса голодающихъ мужиковъ и усердствующихъ кормильцевъ, официальныхъ и доброхотныхъ. Голодные годы захватили г.г. на всемъ протяженіи въ губерніяхъ Самарской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской, среди киргизъ и у чувашей. Эта книга — точно библейскій пророческій свитокъ, на которомъ написаны три слова: рыданіе, жалость и

горе. Эпопея голодовки, цынги, голоднаго тифа производитъ прямо ошеломляющее впечатлѣніе. (*Измайловъ „Рус. Сл." 1912—248*).

Авторомъ собраны его газетныя корреспонденціи, относящіяся къ голоду 1898 г. и къ прошлогоднему бѣдствію. Воочію видно, какъ мало мѣняется наша деревня, какъ упорно живутъ въ ней одни и тѣ же „злобы": голодъ, разореніе, безпомощность ея въ борьбѣ съ этими бѣдствіями и злостныя выходки начальства, остающагося при своемъ особомъ мнѣніи относительно этихъ бѣдствій... Все то же, что было. Развѣ вотъ теперь — сравнительно съ 1898 г. — „новое" то, что въ очеркахъ о голодѣ приходится выдѣлять въ особую главу: „голодъ у отрубниковъ", — это, такъ сказать, одно изъ послѣсловій къ „ставкѣ на сильныхъ". А въ общемъ — все то же, — включительно до продовольственныхъ „недоразумѣній", безъ которыхъ „близкая къ народу власть" никакъ не можетъ обойтись ни въ одну голодную кампанію... (*„Совр. Сл." 1912—1749*).

Г. П. начинаетъ свои очерки съ воспоминаній своей юности, жажды труда и подвига, и описаній голода 98 года. Очерки, видимо, вызваны не однимъ желаніемъ разоблаченій и обвиненій, а и хорошимъ, чистымъ воспоминаніемъ того, какъ наша молодежь, особенно женщины, умѣетъ, забывая себя, трудиться на пользу ближняго, какъ она ласково и просто, по-мѣрѣ силъ, умѣнія и средствъ облегчаетъ страданія застигнутыхъ бѣдствіемъ жизни. Первая часть удачнѣе второй части, гдѣ такъ много страницъ посвящено борьбѣ земствъ и администраціи, что онѣ уже теряютъ свою цѣну, къ нимъ начинаешь относиться съ недовѣріемъ. невольно спрашиваешь: не сгущены ли краски? а главное — за ними только блѣднымъ, сѣренькимъ пятнышкомъ выглядываетъ основная жгучая тема — голодъ.

Картины цынги, тифа, голодныхъ крестьянъ, ихъ несчастныхъ дѣтей, пухнущихъ и умирающихъ безъ куска хлѣба, избъ безъ топки, дворовъ безъ скота, — все это должно достаточно говорить само за себя, призывая насъ къ милосердію безъ всякихъ выходокъ противъ кого бы то ни было. (*Е. М. „Моск. Вѣд." 1912—264*).

241. Гартвигъ, А. Ф. 371:68

Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія въ семьѣ и школѣ. М. 1912 г. Ц. 45 к.

Очень интересная, хорошимъ, литературнымъ языкомъ написанная брошюра свидѣтельствуетъ объ авторѣ, какъ педагогѣ съ широкимъ научнымъ цензомъ. Обычный взглядъ на ручной школьный трудъ, какъ предметъ преподаванія, который преимущественно вводится въ школахъ и поощряется учебнымъ вѣдомствомъ, встрѣчаетъ, конечно въ авторѣ непримиримаго противника. Онъ всецѣло стоитъ и очень убѣдительно аргументируетъ за ручной трудъ, какъ методъ преподаванія, который только и можетъ служить развитію творческихъ силъ ребенка. А эта задача, — справедливо говоритъ авторъ, — „одна изъ величайшихъ задачъ воспитанія". Если же ручной трудъ, какъ предметъ преподаванія, съ его строго-опредѣленными формами, будетъ преслѣдовать лишь задачи созданія навыковъ и умѣнья для будущаго ремесла и принимать поэтому характеръ новаго обязательства, налагаемаго для непонятныхъ и нетересныхъ ребенку цѣлей, то пусть лучше его не примѣняютъ совсѣмъ, „пусть лучше все останется по старому" (24 стр.). Теоретическую часть книжки авторъ сопровождаетъ очень цѣнными указаніями на примѣненіе „лабораторнаго метода" школьнаго труда. Нельзя только не пожалѣть, что цѣна книжки въ 52 стр. высока: — дороговизна повредитъ весьма желательному широкому ея распространенію. (*А. Д—инъ. „Рѣчь", 1912—311*).

Въ литературѣ вопроса о ручномъ трудѣ различаютъ двѣ точки зрѣнія: ручной трудъ, какъ отдѣльный предметъ преподаванія, и ручной трудъ, какъ принципъ, какъ методъ обученія и воспитанія. Авторъ — сторонникъ второго вида ручного труда, вытекающаго изъ активности ребенка и стремленія его къ самостоятельному творчеству: ручной трудъ, по Гартвигу, долженъ не только способствовать развитію памяти, но и пробуждать творческую способность. Во второй части своей книги авторъ перечисляетъ тѣ пріемы лабораторнаго метода, которые обычно практикуются при ручномъ трудѣ въ школѣ, которая пользуется ручнымъ трудомъ, какъ принципомъ, какъ средствомъ, а не какъ цѣлью, затѣмъ — сообщаетъ извѣстные ему планы примѣненія этого метода и, наконецъ, объясняетъ, какъ онъ представляетъ себѣ обстановку и средства, которыми обезпечивается примѣненіе указаннаго метода въ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Попутно указываются литературныя пособія. Не перечисляя множество отдѣльныхъ пріемовъ, практикующихся при такъ наз. дѣятельномъ обученіи, скажемъ лишь, что кругъ ихъ заканчивается тѣмъ, что дѣти изображаютъ цѣлыя сцены; басни разыгриваются въ лицахъ драматическія произведенія прочитываются по ролямъ или разыгриваются въ дѣтскихъ спектакляхъ. Очень поучителенъ самый планъ, которымъ пользуются сторонники динамической педагогики. Учащіеся воспроизводятъ посредствомъ лѣпки изъ глины, рисованія, вырѣзыванія и наклеиванія все видѣнное въ экскурсіяхъ. Рядомъ съ этимъ ведутся бесѣды о видѣнномъ. Кромѣ того, ученики представляютъ „сочиненія", краткія, но толково составленныя записи и описанія своихъ наблюденій, и т. д.

Пусть — говоритъ въ заключеніе своей интересной книги г. Г. — при наступающемъ торжествѣ активнаго метода обученія и воспитанія, вся школа станетъ мастерской дѣтскаго труда въ томъ смыслѣ, какъ это понималъ Коменскій. Пусть дѣти изслѣдуютъ, наблюдаютъ, дѣлаютъ опыты и записываютъ результаты своей работы; пусть они учатся сближать ученье съ жизнью, и пусть изъ нихъ въ этихъ мастерскихъ школахъ вырабатываются тѣ здоровые и знающіе свое дѣло работники, которые такъ нужны въ нашей жизни. И еще пусть дѣти не только разсуждаютъ, но пусть глубоко чувствуютъ и пріобрѣтаютъ навыкъ къ настойчивому и твердому образу дѣйствій. До сихъ поръ мы старались, чтобы дѣти смотрѣли на міръ глазами ученаго; пусть наши дѣти смотрятъ на окружающее также глазами художника, умѣющаго творить и созидать. (*И. П. „Вятск. Р." 1912—221*).

242. Пеннетъ, Р. К. 575

Менделизмъ. Перев. съ 3-го анг. изд. Подъ ред. прив.-доц. В. С. Елпатьевскаго. М. 1913. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.

Въ 1866 г. настоятель монастыря въ Брюннѣ

I. Г. Мендель опубликовалъ въ „Запискахъ естественно-историческаго Общества“ того же города результаты своихъ систематическихъ опытовъ надъ образованіемъ растеніями помѣсей, причемъ сообщилъ объ открытомъ имъ законѣ расщепленія признаковъ. Сущность этого явленія состоитъ въ томъ, что при скрещиваніи двухъ разновидностей садового гороха и нѣкоторыхъ другихъ растеній всегда получаются гибриды съ особенностями только одной изъ нихъ. При разведеніи же растеній извѣстной разновидности полученной отъ скрещиванія, получается не одна эта разновидность, а снова обѣ, приблизительно въ отношеніи 3 къ 1, при чемъ 3 относится къ разновидности, полученной при первомъ скрещиваніи („господствующей“), а 1— къ разновидности, отсутствующей въ первомъ поколѣніи („подавленной“). Начиная со слѣдующаго (третьяго) поколѣнія, изъ четырехъ, снова получается по одной особи каждой первоначальной разновидности, тогда какъ двѣ другія даютъ ту и другую въ указанномъ отношеніи 3 къ 1. Эта неспособность нѣкоторыхъ признаковъ сливаться при скрещиваніи была хорошо извѣстна Дарвину, и все, что принадлежитъ собственно Менделю, заключается въ численной формулировкѣ подмѣченныхъ результатовъ скрещиванія въ разныхъ потомкахъ. что и стало извѣстнымъ подъ именемъ „закона Менделя“. Однако, надо имѣть въ виду, что: 1) законъ Менделя приложимъ только къ такимъ разновидностямъ, изъ которыхъ хотя одна произошла путемъ внезапнаго измѣненія („мутація“). и 2) результаты опытовъ Менделя и его послѣдователей весьма непостоянны, и, чтобы объяснить это разнообразіе результатовъ, надо прибѣгать ко многимъ натяжкамъ. Во всякомъ случаѣ если даже, признавать законъ Менделя, за нимъ надо признать только извѣстное практическое значеніе, къ вопросу же о происхожденіи или измѣняемости видовъ онъ не имѣетъ отношенія. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время къ закону Менделя часто подходятъ именно съ этой стороны и, извлекши его изъ архивовъ, куда онъ былъ сданъ совершенно напрасно, теперь ударились въ другую крайность съ его оцѣнкой и думаютъ на основаніи этого закона привести человѣчество въ будущемъ не болѣе не менѣе, какъ къ физическому и моральному оздоровленію. „Менделизмъ“ Пённета весьма обстоятельно знакомитъ читателя съ открытіемъ Менделя и практическимъ значеніемъ добытыхъ имъ результатовъ. Но авторъ стоитъ именно на той точкѣ зрѣнія, что это ученіе вмѣстѣ съ ученіемъ де-Фриза о мутаціяхъ должно сказать послѣднее слово въ вопросѣ о происхожденіи видовъ и о цѣломъ рядѣ связанныхъ съ этимъ явленій, какова, напр., мимировка (мимикрія) и др. Съ той же точки зрѣнія дифференцировки признаковъ разбирается Пённетомъ вопросъ о полѣ и, наконецъ, обсуждается практическое значеніе законовъ Менделя въ приложеніи къ скрещиванію животныхъ и растеній, не исключая и человѣка. Однако, если автору книжки нельзя отказать въ обстоятельности изложенія, нельзя того же сказать объ ясности послѣдняго, и цѣлый рядъ главъ книжки (V., VI и слѣд.) потребуетъ отъ читателя немалаго напряженія вниманія.

Что касается перевода, то, не останавливаясь на мелочахъ, не можемъ не указать на совершенно непринятую въ русской ботанической литературѣ терминологію, которая будетъ очень сбивать читателя, не привыкшаго встрѣчаться по отношенію къ высшимъ растеніямъ съ такими терминами, какъ „яичко“, „яйцевой мѣшокъ“ и т. д., тогда какъ знакомые термины — зародышевый мѣшокъ, пальцевая трубка, сѣмя-почка и пр., совершенно отсутствуютъ. Затѣмъ, сравненіе процесса оплодотворенія у животныхъ и растеній, какъ оно сдѣлано на стр. 3—4-й, и вытекающее отсюда сравненіе половыхъ продуктовъ животныхъ и растеній, въ высокой степени неудовлетворительно и можетъ повести къ совершенно неправильнымъ заключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ нельзя ограничиваться только переводомъ, — необходима внимательная переработка текста. Съ внѣшней стороны книжка Пённе.а, издана очень изящно, но цѣна 1 р. 50 к. несообразно велика: можно бы смѣло назначить не болѣе 1 р. (*М. Мензбиръ. „Рус. Вѣд.“ 1912—269*).

243. Шарпъ, Р. 598 . 2

Чудеса птичьяго міра. Перев. съ анг. М. А. Л. Изд. В. Н. Маракуева. М. 1912. Стр. XIII+ +378. Ц. 2 р.

Ш. былъ наиболѣе крупнымъ авторитетомъ по систематикѣ птицъ всего міра... Понятно, что появленіе его книги на русскомъ языкѣ можетъ вызвать только живѣйшее одобреніе. „Чудеса птичьяго міра“ представляютъ собою рядъ публичныхъ лекцій. Книга распадается на 13 гл. и снабжена указателями русскихъ и латинскихъ именъ и названій. Двѣ первыя гл. посвящены „замѣчательнымъ птицамъ“, подъ которыми авторъ понимаетъ рѣдкихъ въ настоящее время потомковъ вымершихъ родовъ птицъ; гл. III и IV описываютъ „украшенія птицъ“; гл. VI—VIII удѣлены строительнымъ инстинктамъ птицъ; IX—занята описаніемъ едва ли не самаго загадочнаго явленія въ біологіи птицъ—„ухаживанія и плясокъ“, о значеніи (а иногда даже и существованіи) которыхъ идетъ столько споровъ между „дарвинистами“ и „антидарвинистами“; X и XI гл. посвящ. явленіямъ мимезіи, предохранительной окраски и паразитизма; XII — перелету птицъ и XIII — географич. распространенію ихъ. О научныхъ достоинствахъ книги Ш., конечно, говорить, не приходится. Объ изложеніи, кромѣ хорошаго, тоже сказать нечего; замѣтимъ только характерное для англійскихъ работъ цитированіе главнымъ образомъ трудовъ англійскихъ же ученыхъ и почти полное игнорированіе ученыхъ не англійскихъ. Издана книга вполнѣ удовлетворительно, хотя этого и нельзя сказать о многихъ рисункахъ. Переводъ сдѣланъ въ общемъ хорошо. (*В. Муралевичъ. „Рус. М.“ 1913—8*).

Среди популярной орнитологической литературы книга Ш. должна занять видное мѣсто. „Перелетъ птицъ“ и „Географ. распространеніе“ прочтутся съ большимъ интересомъ всѣми любителями природы. Переводъ безукоризненъ. О рисункахъ сказать того же нельзя. Книга заслуживаетъ полнаго вниманія. (*М. М. „Бюлл. Харьк. О—ва любит. природы“ 1913—3*).

244. Деккеръ, Г., д-ръ, 611 . 013

Исторія развитія ребенка. Популярно-научный очеркъ для родителей и воспитателей съ многочисленными иллюстр. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Е. С. Дедюлиной, подъ ред. Н. Е. Ру-

мянцева. Научно-попул. педагогическая библ. Вып. II. Спб. 1912. Стр. 132. Ц. 60 к.

Основная задачи книги Д. заключается въ томъ, чтобы описать ростъ и развитіе человѣческаго организма съ момента зарожденія, т.-е. встрѣчи яйцевой и сѣменной клѣтки въ тѣлѣ матери, до періода зрѣлости, когда человѣкъ получаетъ способность въ свою очередь зарождать новые человѣческіе организмы. Д-ръ Д. не только послѣдовательно описываетъ процессъ роста и развитія, но и анализируетъ его, стараясь выяснить, въ силу какихъ комбинацій и наслѣдственныхъ вліяній и воздѣйствій внѣшней среды возникаютъ тѣ или иные факты и явленія, какое они имѣютъ значеніе для жизни организма въ данный моментъ и для его дальнѣйшаго развитія. Авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что рожденіе, т.-е. переходъ отъ жизни въ тѣлѣ матери къ самостоятельной жизни внѣ его, хотя и представляетъ очень важный моментъ въ исторіи развитія организма, но все же не есть начало этого развитія, начало жизни даннаго организма и что вслѣдствіе этого изученія явленій внутриутробной жизни должно служить необходимымъ введеніемъ къ пониманію явленій роста и развитія ребенка, т.-е. введеніемъ въ педологію. Признавъ правильнымъ, хотя съ нѣкоторыми оговорками, основной біогенетическій законъ Геннела о параллелизмѣ развитія индивидуума (онтогенезисъ) съ развитіемъ вида (филогенезисъ), д-ръ Д. широко пользуется фактами сравнительной анатоміи и физіологіи для объясненія отмѣченныхъ имъ въ процессѣ роста и развитія явленій и въ концѣ концовъ даетъ полный и ясный очеркъ этого процесса. Въ заключеніе Д. дѣлаетъ обзоръ научныхъ теорій, при помощи которыхъ сдѣлана попытка объяснить явленія эволюціи всего живущаго вообще и индивидуума въ частности... Языкъ книги живой, образный и только мѣстами страдаетъ излишними лирически-сентиментальными отступленіями и восклицаніями. Переводъ сдѣланъ хорошо, издана книжка также очень хорошо и иллюстрирована удачно подобранными и прекрасно сдѣланными рисунками, много прибавляющими ясности тексту. Для „научно-популярной педологической библ.“ книжка д-ра Д. представляетъ несомнѣнно цѣнное пріобрѣтеніе. (*„Вѣст. Восп.“ 1912—7*).

Книжка д-ра Д. написана живо и интересно, при полной научности и современности содержанія. Чрезвычайно удачной оказалась мысль автора изложить развитіе ребенка въ той послѣдовательности, въ какой оно происходитъ въ дѣйствительности. Систематическое изложеніе... оказывается удобнымъ для справокъ, но неудобнымъ для чтенія; здѣсь же авторъ отвѣчаетъ на вопросы, представляющіеся родителямъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія, и благодаря этому книжка пріобрѣтаетъ почти беллетристическій характеръ; живое изложеніе автора еще усиливаетъ это сходство, а біологическая точка зрѣнія придаетъ глубину его взглядамъ и и совѣтамъ... Къ сожалѣнію, при всѣхъ достоинствахъ разбираемой книжки, ею одною нельзя ограничиться тому, кто желалъ бы распространить здравыя гигіеническія воззрѣнія. (*Н. Б. „Нар. Образ.“ 1912—1*).

245. Кабановъ, Н. А., прив.-доц. 612.

Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. Физіологія отдѣльныхъ органовъ. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1912. Стр. 489. Ц. 2 р. 40 к.

Книга г. К. сильное, выразительное, страстное требованіе, чтобы въ интересахъ здоровья человѣка, жизнь государственная, общественная и личная была построена на принципѣ правды и справедливости. Тогда жизнь каждаго будетъ яркая, красочная, полная свободнаго, разумнаго и разнообразнаго труда, разумныхъ и разнообразныхъ развлеченій, свободная отъ всего, что угнетаетъ душу, и вообще свободная въ смыслѣ свободнаго проявленія личности... Такъ съ точки зрѣнія физіологіи и общественной гигіены и санитаріи обосновываются въ книгѣ г. К. лучшіе завѣты русской общественной мысли. И черезъ голову современной нашей жизни мы смотримъ на жизнь новую—жизнь грядущую, и счастливую, и радостную. Предназначая свой трудъ для широкихъ слоевъ русской интеллигенціи, авторъ, повидимому, былъ одушевленъ желаніемъ вести изложеніе просто и доступно. И въ большинствѣ случаевъ этого онъ достигаетъ, присоединяя къ строго обоснованной и научной трактовкѣ вопроса прекрасный, выдержанный, простой языкъ. Но въ силу самаго существа дѣла, въ силу необходимости представить въ удобо-воспринимаемой формѣ физіологическіе процессы, г. К. вынужденъ былъ остановиться на выясненіи нѣкоторыхъ предварительныхъ понятій (напр., — по химіи) и, понятное дѣло, читателю, не имѣющему естественно-научной подготовки, доведется на протяженіи всей книги быть въ состояніи напряженнаго вниманія. Такому читателю значительное число мѣстъ въ книгѣ покажется довольно трудными, напр., химическія формулы и уравненія, но все же овладѣть ими, понять ихъ у него есть полная возможность, не обращаясь ни къ другимъ какимъ-либо пособіямъ, ни къ болѣе свѣдущимъ лицамъ. И въ этомъ, быть можетъ, наиболѣе замѣтная услуга автора: онъ далъ все для уразумѣнія физіологическихъ процессовъ человѣческаго организма. Помимо образовательнаго значенія, книга эта будетъ полезна учителю еще и въ качествѣ пособія по природовѣдѣнію. Книгу эту мало читать, ее надо штудировать и впослѣдствіи вновь и вновь къ ней возвращаться. Горячо рекомендуемъ эту прекрасную книгу учителямъ и другимъ лицамъ, ищущимъ средствъ къ самообразованію. (*Н. Степной. „Для Нар. Уч.“ 1912—7*).

Книга г. К. представляетъ и интересный и очень солидный трудъ. Несмотря на свою серьезность, она, мы думаемъ, можетъ быть доступна весьма широкому кругу читателей, благодаря всяческому старанію, приложенному авторомъ для ея возможной доступности... Все это дѣлаетъ книгу г. К. весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-популярную литературу. Внѣшность книги и рисунки вполнѣ корректны. (*В. Граціановъ. „Естест. и Геогр.“ 1912—8*).

246. Меллеръ, З., д-ръ. 613

Какъ возвратить и сохранить здоровье. Прежніе и современные раціональные методы леченія и предупрежденія болѣзней. Перев. К. Александрова съ 4-го нѣм. дополн. изд., разрѣшенный авторомъ и съ авторскимъ предисловіемъ для русск. изданія. Изд. А. Выжелевской. Стр. XVI + 200. Ц. 1 р. 25 к.

Лица, интересующіяся такъ наз. движеніемъ въ пользу естественнаго метода леченія, найдутъ въ только что названной книгѣ много интереснаго и поучительнаго матеріала. Д-ръ М. изложилъ въ своей работѣ всѣ выдающіяся теоріи и методы леченія, пользующіеся почетомъ у упомянутаго выше теченія въ современной медицинѣ. Важно подчеркнуть, что несмотря на разнообразіе и многочисленность содержащихся въ этой книгѣ теорій, кажущихся подчасъ противорѣчащими другъ другу, она отличается замѣчательнымъ единствомъ и стройностью изложенія... Остановимся нѣсколько на ея содержаніи. Возьмемъ теорію Хейга, которую М. избралъ исходнымъ пунктомъ своихъ „дальнѣйшихъ выводовъ". Сущность ея въ немногихъ словахъ сводится къ тому, что причиной нашихъ болѣзней является, съ одной стороны, мочевая кислота, образующаяся въ нашемъ организмѣ не только обычнымъ, благодаря разложенію въ немъ животныхъ и растительныхъ бѣлковъ, путемъ, но и вслѣдствіе введенія ея въ готовомъ видѣ вмѣстѣ съ поглощаемой пищей, и съ др. стороны, какъ логическое слѣдствіе перегруженія организма мочевой кислотой, недостаточности выдѣлительныхъ органовъ для ея удаленія. *Приходъ* мочевой кислоты больше ея *расхода*. Балансъ нарушенъ, а отсюда „всѣ качества"... Итальянскій ученый Кантани другимъ путемъ приходитъ къ тому же заключенію относительно вліянія кислотъ, что и Хейгъ, объясняя ихъ происхожденія другимъ образомъ. Другимъ характернымъ обстоятельствомъ труда д-ра М. является то огромное мѣсто, которое авторъ отводитъ вопросамъ діэтическимъ, трактуя объ этой сторонѣ дѣла почти что на протяженіи большей части книги. Нужно замѣтить, что д-ръ М. не ограничивается однимъ догматическимъ изложеніемъ. Вездѣ, гдѣ это необходимо, онъ не оставляетъ читателя безъ указаній и критическихъ замѣчаній, сопровождая ими каждую теорію, глава же 7-я посвящена всецѣло критикѣ воззрѣній Хейга. Эти замѣчанія имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, что М. является передъ нами не только въ качествѣ кабинетнаго ученаго, но и человѣка съ огромной практикой, испытавшаго въ своей санаторіи всѣ описанные въ книгѣ методы леченія. Поэтому замѣчанія его, кстати сказать, сторонника вегетаріанства, относящіяся къ діэтическому леченію, должны получить въ глазахъ вегетаріанца сугубое значеніе. Данный переводъ является наиболѣе полнымъ. Издана книга на хорошей бумагѣ, четкимъ, крупнымъ шрифтомъ въ изящной оболочкѣ. Цѣну нельзя признать высокой. (*Ю. Нирон.* „*Вегетар. Обозр.*" *1912—7*).

Книга М. заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читателей, интересующихся вопросами гигіены въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Являясь сторонникомъ вполнѣ основательнаго мнѣнія, что большая часть нашихъ болѣзней происходитъ отъ мочекислаго отравленія, вызываемаго неправильнымъ питаніемъ, авторъ значительную часть своей книги посвящаетъ изложенію теоріи Хейга о роли мочевой кислоты въ нашемъ организмѣ. Эта часть книги, надо сказать правду, слишкомъ растянута и страдаетъ большими повтореніями, вслѣдствіе чего читатель, особенно нервный, можетъ не разъ отложить книгу съ досадой въ сторону, а то и вовсе не дочитать. Конечно, отъ этого онъ бы только потерялъ, такъ какъ книга М. принадлежитъ къ числу такихъ, которыя должны быть прочитаны людьми, интересующимися своимъ здоровьемъ. Чѣмъ раньше ознакомится читатель съ вопросами, изложенными въ этой книгѣ, тѣмъ лучше, такъ какъ мочекислое отравленіе, вслѣдствіе общепринятаго неправильнаго способа питанія, начинается съ дѣтскаго возраста. (*„Вѣст. Зн."* *1912—4*).

Авторъ—сторонникъ вегетаріанства. На основаніи трудовъ англійскаго врача Haig'a онъ доказываетъ, что большая часть болѣзней, которыя ведутъ къ вырожденію народовъ, происходятъ отъ отравленія организма мочевой кислотой. Пониженіе нравственности, угнетенное состояніе духа являются тоже слѣдствіемъ отравленія организма, такъ что съ перемѣной режима человѣкъ возрождается не только тѣлесно, но и духовно. (*М. Ф. „Вѣст. Теос."* *1912—11*).

* **Гартвигъ, А. Ф.** 68:371

См. пор. № 241.

247. Волконскій, С., кн. 7:01

Художественные отклики. Изд. „Аполлонъ". 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ ритма, приспособлявшаго тѣлодвиженія къ работѣ, родились искусства. Когда работа изъ рукъ человѣка перешла въ машину — ритмъ исчезъ, ибо человѣкъ сдѣлался принадлежностью орудія, а не его господиномъ. Надо вернуть человѣку ритмъ, если мы хотимъ дать искусству всю его выразительность и силу, если хотимъ, чтобы весь человѣкъ, а не частица его, принималъ участіе въ процессѣ художественнаго творчества. Вернуть это можетъ только музыка и принципъ Далькроза. Не только люди сценическихъ искусствъ, но поэтъ, живописецъ, музыкантъ также должны получить тѣлесно-ритмическое воспитаніе. И никому такъ не нужна ритмичность, по словамъ кн. Волконскаго, какъ намъ, русскимъ: „Характеры наши неустойчивы, воля наша коротка, вкусы не проявлены, мы скользимъ, перенимаемъ, забываемъ; страна наша широкая, горизонты не окаймленные, рѣки слабоводныя, берега у нихъ рыхлые, сыпучіе; нѣтъ у насъ камня, страна безъ профиля; деревянная Россія строится, горитъ или гніетъ и снова строится; безпомощенъ русскій человѣкъ передъ пространствомъ, безпомощенъ передъ временемъ; жилища сметаются, какъ поколѣнія; нѣтъ крѣпости, устойчивости нѣтъ въ томъ, что окружаетъ человѣка; не къ чему прислониться, нѣтъ внѣшняго ритма". И только русская музыка, яркая, опредѣленная, неудержимо ритмичная, можетъ установить въ насъ ту тѣлесную ритмику, безъ которой невозможны въ искусствѣ ни полнота выраженія, ни полнота воспріятія. Выясненію этой идеи, какъ она претворяется на сценѣ—въ операхъ и балетѣ, посвящены статьи „Ритмъ на сценѣ", „О балетѣ" и „Пантомима". Преобладіе далькрозовской идеи ритма въ аксессуарахъ сцены выражено въ статьяхъ „Элементы обстановки", „Адольфъ Аппіа" и „Аппіа и Крэгъ". Можно не слѣдовать во всемъ за кн. Волконскимъ, придающимъ ритму въ развитіе идей первоучителей всеобъемлющую роль универсальнаго художественно и нравственно-воспитательнаго и даже медицинскаго средства, но нельзя отказывать ему въ стройности системы. Тонъ статей кн. Волконскаго горячій, но безъ аффектаціи, философія безъ метафизики, стиль становится все болѣе

простымъ, какъ у людей, прошедшихъ первую стадію неофитства и разсуждающихъ о предметахъ, хорошо заимствованныхъ и крѣпко продуманныхъ, — объ идеяхъ, достаточно выношенныхъ. Знаніе всѣхъ деталей сценическихъ искусствъ и любовь къ предмету сказываются во всемъ, о чемъ ни говорилъ бы авторъ—о драмѣ, музыкѣ, балетѣ. Главная сила его—критика недостатковъ. Вѣроятно, съ такимъ же успѣхомъ его противники будутъ критиковать и тѣ крайности, которыя обнаружитъ грядущій Ритмъ. „Критика легка—искусство трудно... (*В. „День“ 1912—45*).

* **Кузьминскій, К.** 74:92(А)

См. пор. № 260.

248. [205.] **Всеволодскій-Гернгроссъ, В.**

Театръ въ Россіи въ эпоху Отеч. войны. 792(47) „1812“

Вотъ еще одно изъ тѣхъ высоко-художественныхъ изданій, которыя стали появляться въ самое послѣднее время и своимъ появленіемъ ярко свидѣтельствуютъ о разнитіи у насъ любви къ изящному. Масса иллюстрацій, и очень рѣдкихъ, извлеченныхъ изъ тьмы архивовъ. Правда, новыхъ фактовъ авторъ приводитъ сравнительно мало, не дѣлаетъ онъ также никакихъ сенсаціонныхъ открытій, но и печатный матеріалъ, и архивный онъ использовалъ очень добросовѣстно; десять страницъ ссылокъ на источники (403 ссылки) ясно объ этомъ свидѣтельствуютъ, при чемъ изученъ этотъ матеріалъ вполнѣ досканально, авторъ чувствуетъ себя хозяиномъ дѣла, умѣло и интересно группируетъ свои выписки и выдержки, не загромождаетъ изложенія ненужными деталями и подробностями. Вслѣдствіе этого книжка легко, съ интересомъ прочтется не только любителями театра, но вообще всякимъ читателемъ, который сохранилъ въ себѣ интересъ къ нашей родинѣ, къ ея прошлому. (*П. Зетъ. „Нов. Вр.“ 1912—13116*).

Авторъ книги—истый любитель и знатокъ театра, отнесся чрезвычайно добросовѣстно и любовно къ своей задачѣ, использовавъ цѣлый рядъ мемуаровъ, воспоминаній, записокъ и дневниковъ; онъ въ рядѣ талантливо и живо написанныхъ очерковъ обрисовалъ и подробно описалъ театральный бытъ того времени, администрацію, драматическій, оперный и провинціальный и французскій театръ, съ трагической судьбой его артистовъ. Внѣшность книги безупречна. Въ общемъ книга эта—цѣнный вкладъ въ исторію русскаго театра. (*В. Адарюковъ. „Рус. Художж. Лѣтоп.“ 1912 — 15—16*).

249. **Вольтеръ, Фр.** 84—3

Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ и 11-ю рис. Перев. Л. Буха. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1912. Ц. 2 р.

„Задигъ“, „Кандидъ“, „Микромегасъ“, „Простодушный“, „Вавилонская принцесса“, „Исторія путешествій Скарментадо“... сколько толковъ, споровъ, восторженныхъ отзывовъ и яростныхъ нападокъ вызвали когда-то эти произведенія, въ которыхъ такъ ярко отразился саркастическій умъ ихъ автора, и съ такою смѣлостью затронуты были животрепещущіе, связанные съ окружающею дѣйствительностью вопросы!.. Легкая, для всѣхъ доступная форма „повѣсти съ приключеніями“ гарантировала всѣмъ этимъ вещамъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ то, какого могли добиться теоретическія сочиненія В. Что касается въ частности русскаго вольтерьянства XVIII вѣка, то, какъ отмѣтилъ еще В. Сиповскій въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго романа“, именно повѣсти французскаго философа особенно содѣйствовали быстрому росту его популярности въ лучшую пору Екатерининскаго царствованія. Переводы этихъ своеобразныхъ произведеній, въ которыхъ съ болѣе или менѣе занимательною и замысловатою фабулой слита была проповѣдь просвѣтительныхъ идей и уничтожающая критика стараго порядка, продолжали переиздаваться даже въ такую пору, когда отношеніе самой Екатерины ко всей дѣятельности В. кореннымъ образомъ измѣнилось. Но повѣсти въ родѣ „Микромегаса“ не только находили у насъ переводчиковъ и читателей,—когда-то имъ подражали русскіе авторы, стараясь развивать дальше теоретическія построенія философа или дѣлая своеобразныя попытки примѣнить вольтеровскій скептицизмъ къ освѣщенію и осмѣянію темныхъ сторонъ русской дѣйствительности. Такимъ образомъ, „господинъ Вольтеръ“ какъ-разъ своими разнообразными повѣстями оставилъ когда-то опредѣленный слѣдъ въ исторіи русской литературы и умственной жизни... Въ настоящее время повѣсти эти уже не могутъ, конечно, произвести на насъ такого впечатлѣнія, какое производили на нашихъ предковъ. Невольно бросаются въ глаза недочеты въ чисто художественномъ отношеніи: фабула кажется современному читателю слишкомъ запутанной, осложненной многочисленными мелкими деталями. Немного утомляетъ тотъ восточный нарядъ, въ который философъ долженъ былъ поневолѣ, изъ осторожности, облекать свои сатирическія произведенія, искусственно создавая условно мѣстный колоритъ, чрезъ который достаточно опредѣленно просвѣчивала все же подлинная европейская дѣйствительность. Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ современный читатель не согласится и съ тѣмъ освѣщеніемъ, какое французскій философъ, какъ сынъ своей эпохи, придавалъ нѣкоторымъ вопросамъ и фактамъ. Но не ослабѣло и теперь обаяніе вольтеровскаго остроумія, невольно подкупаетъ блестящій, бьющій ключемъ талантъ философа-публициста, пораражаетъ тонкая наблюдательность и умѣнье охватывать человѣческія слабости, а нѣкоторыя темы, затронутыя въ повѣстяхъ, и въ наши дни еще не перестали быть животрепещущими. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1912—269*).

250. **Гуревичъ, Б.** 891.7—1

Вѣчно человѣческое. Книга космической поэзіи. Стр. 440. Ц. 2 р.

Борисъ Гуревичъ книгою „Вѣчно-человѣческое“ хочетъ восполнить пробѣлъ въ современной поэзіи. Въ предисловіи онъ пророчествуетъ о „поэзіи спіэнтизма“. „Въ нетлѣнныхъ образахъ поэзіи наука станетъ религіей, озаряющей жизнь“. И на пространствѣ огромной книги Г. поетъ науку, поетъ славу Эрлиха, побѣдившаго спирохету, славитъ науку въ ямбахъ, хореяхъ, дактиляхъ. Въ его стихѣ переливаются такія слова, какъ „термостатъ“, „діэлектрикъ“, аэропланъ“, мелькаютъ фамиліи Беркли, Ламетри, Фриза и Дарвина. На страхъ врагамъ онъ рифмуетъ: амеба—эреба, электроны — утомленный, силлогизмъ—схизмъ. Рядомъ съ латинскими мелькаютъ такія заглавія пьесъ: „Спектроскопъ“, „Коллективизмъ“, „Размышленія у динамо-машины“, „Ме-

дитація", „Періодическая система элементовъ". Казалось бы, замыселъ прямо антипоэтическій. Между тѣмъ, въ Г. неотрицаемо образное мышленіе. Во второй половинѣ книги, гдѣ онъ отдается болѣе живымъ, сердечнымъ мотивамъ, улавливается иногда дѣйствительно поэтическое настроеніе. Но первая часть книги—доказательство мысли, что даже при поэтической жилкѣ невозможно превратить науку въ поэзію, и пользу стекла нельзя пѣть, не ссорясь съ парнасскими сестрами (*А. Измайловъ. „Рус. Сл."* *1912—258*).

Бор. Г. по существу отличается отъ своихъ сверстниковъ. Они люди настоящаго, вѣрнѣе прошлаго, онъ—поэтъ будущаго. Онъ—врагъ больныхъ индивидуалистовъ, скорбныхъ и усталыхъ, играющихъ въ жеманныя игры комнатной красоты". Бор. Г.—представитель „поэзіи науки". А природу, кажется, онъ понимаетъ такъ, какъ понимаютъ ее современные теософы, носящіеся съ торбой, взятой на прокатъ у индусскихъ іоговъ. По крайней мѣрѣ, въ его „Манифестѣ сціенцизма", да и въ другихъ стихотвореніяхъ, явно слышатся знакомые мотивы іоговъ:

Одна есть—единая дума
Міръ и въ немъ человѣкъ,
А жизни нестройные шумы,
Какъ шопотъ текущихъ рѣкъ.
Пѣвецъ! Не внимай ихъ струямъ,
Горитъ Бытія океанъ,
И мы, что творимъ, что тоскуемъ,
Безумцевъ раздробленный станъ,
Должны, преклоняя колѣни,
Гадать о великихъ путяхъ:
Земные года—только рѣки,
Борьба и желанія—прахъ.

Поживемъ—увидимъ. Быть можетъ, теософская поэзія „сціентизма", предтечей которой является г. Г., и процвѣтетъ. Но только, зачѣмъ нашъ поэтъ излагалъ свои мысли такъ обстоятельно, по-канцелярски, такъ непоэтично, по крайней мѣрѣ, съ нашей старой точки зрѣнія (*В. Б. „День"* *1912—39*).

251. Кузьминъ, М. 891.7—1

Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. Изд. „Скорпіонъ". М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

Книга стиховъ г. К.—одна изъ тѣхъ радостныхъ находокъ, которыми не часто даритъ насъ современная поэзія. Проникновенная утонченность, изысканная прелесть слова, изощренный и мягкій вкусъ сочетанія красокъ, необычайно-точный выборъ эпитетовъ, обаятельно-интимная жеманность при полномъ отсутствіи напыщенной риторики,—вотъ черты, слагающія высокое художество этого не вполнѣ еще оцѣненнаго мастера.

„Осеннія озера" въ большей своей части—лирика, посвященная одной, всегда одной области чувствъ:

„Опять плету вѣнокъ любовныхъ розъ
Рукою нѣжною и терпѣливой".

„Осеннія озера" совершеннѣе первой книги стиховъ К. „Сѣти" и по глубинѣ переживанія и по технической законченности. И все-таки долженъ сказать,—на новой книгѣ легли какія-то тусклыя тѣни, какая-то примѣтная усталость. Такъ, въ изысканномъ юношѣ года смѣняютъ манерно-угловатой граціей естественную легкость движеній. Значительно ниже обычнаго уровня стихи на религіозныя темы, а также духовные стихи въ духѣ народнаго творчества,—область, трудно поддающаяся модернистской обработкѣ... Встрѣчаются и погрѣшности... Въ цѣломъ книга достойна всякаго вниманія. (*С. Кречетовъ. „У. Рос."* *1912—266*).

Поэзія К. — „салонная" поэзія по преимуществу,—не то, чтобы она не была поэзіей подлинной и прекрасной, наоборотъ, „салонность" дана ей, какъ нѣкоторое добавленіе, дѣлающее ее непохожей на другихъ. Она откликнулась на все, что за послѣдніе годы волновало петербургскія гостиныя... Среди современныхъ русскихъ поэтовъ К. занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Лишь немногимъ дана въ удѣлъ такая изумительная стройность цѣлаго при свободномъ разнообразіи частностей; затѣмъ, какъ выразитель взглядовъ и чувствъ цѣлаго круга лѣдей, объединенныхъ на гребнѣ жизни, онъ—почвенный поэтъ, и, наконецъ, его техника, находящаяся въ полномъ развитіи, никогда не заслоняетъ собой образа, а только окрыляетъ его. (*Н. Гумилевъ. „Аполлонъ". 1912—8*).

„Его стаканъ не великъ, но онъ пьетъ изъ изъ своего стакана"—это старое изреченіе справедливо примѣнено однимъ изъ современныхъ критиковъ къ К., и оно вѣрно, потому что ни шири, ни глубины нѣтъ въ поэзіи К.: его лирика—отраженіе души, замкнутой въ кругъ однообразныхъ и несложныхъ, но утонченныхъ переживаній. Пѣвучій, не всегда легкій стихъ поэта, щеголяющій неправильностями ритмики и ударній,—только усложненное подражаніе старому стихосложенію; не даромъ самъ поэтъ говоритъ, что суждено ему „старинною строфой сказать про новую красу". Но ни изысканность стиха, ни та „новая краса", о которой поетъ поэтъ, не раскрывается въ его творчествѣ, какъ нѣчто большое и важное. Поэзія К. не обязательна,—въ ней нѣтъ той волнующей и увлекающей силы, которая сопричащаетъ читателя къ переживаніямъ поэта, и потому читатель вправѣ до конца оставаться холоднымъ и чуждымъ творчеству послѣдняго... Не только новыхъ словъ, но и новыхъ, неизвѣданныхъ любовныхъ ощущеній ищетъ К., ибо „старѣются слова, но сердце не старѣетъ, оно попрежнему горитъ". „Глаголатай любви", горѣнію сердца посвящаетъ онъ большинство стихотвореній въ „Осеннихъ озерахъ" и не какъ рыцарь любви, а какъ маніакъ, всегда и вездѣ влекомый повелительнымъ призывомъ: „люби!" Созерцатель природы, спокойно внимаетъ онъ „смутнымъ голосамъ" ея, и только „схемой намъ непонятныхъ чертежей" чудится ему жизнь и еще мертвѣй становится она, ибо вѣритъ К. въ какое-то предопредѣленіе, въ тайный рокъ, управляющій судьбой человѣка. Только любовь—живительная сила природы; все отъ нея—„и жизнь, и воля", и блескъ очей, и стройность ритмъ. Сердца трепетъ торопливый, любви пугливой и страхъ и шопотъ, страсть и крикъ".—вотъ темы, вдохновляющія поэта. И въ этомъ лабиринтѣ изысканныхъ ощущеній, отнюдь не говорящихъ въ пользу сложности души поэта, К. кажется талантливымъ мастеромъ изысканнаго стиха, но не поэтомъ большого вдохновенія. (*В. Ховинъ. „Нов. Ж."* *1912—10*).

252. Тиняковъ, Ал. (Одинокій). 891.7—1

Xavis nigra. Стихи 1905—1912 гг. Изд. „Грифъ". М. 1912. Ц. 75 к.

Вотъ и еще одинъ букетъ, собранный въ „садахъ футуриста". Не говоря уже о многихъ муд-

реныхъ терминахъ, какъ, напримѣръ: „Коцитъ“, „Асфодели“, „Бушьянкта“, „Митклантекутли“, „Тукультипалешарра“ и др., потребовавшихъ въ концѣ книжки спеціальныхъ разъясненій, въ „букетѣ“ этомъ вы найдете массу неблагоухающихъ цвѣтовъ. Напримѣръ, на страницѣ 44-й „самоубійца“ о себѣ вѣщаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

Покурю и на полъ сплюну
И, сдержавъ веселый крикъ,—
Въ петлю голову я всуну,
Синій высуну языкъ.
И коптилка жестяная
На загаженномъ столѣ
Замигаетъ, догорая,
И останусь я во мглѣ.
Муки ласковыя смерти
Трупъ повисшій охладятъ,
И запляшутъ лихо черти,
Увлекая духъ мой въ адъ!

Не правда ли, миленькая картинка?..
На страницѣ 35-й описывается, какъ

Березы служатъ литургію,
Блестя одеждой золотой.

Стихотвореніе „Разлука“ представляетъ сплошную порнографію. Далѣе воспѣвается весьма трогательно „Плевочекъ“:

Любо мнѣ, плевку-плевочку,
По канавкѣ грязной мчаться,
То къ окурку, то къ пушинкѣ
Скользкимъ бокомъ прижиматься.

„Старый сюртукъ“ рекомендуетъ себя такъ:

Здѣсь пауки во мнѣ кишатъ,
И подъ покровомъ мрака
Супруговъ самочки ѣдятъ
Сейчасъ же послѣ брака.

А „Кость“ говоритъ:

Я обглоданная кость,
Мною брезгаютъ собаки,
Но во мнѣ таится злость,
Какъ паукъ во мракѣ.

Но лучше всего „Молитва гада“:

Я—гадъ. Я все поганю
Дыханьемъ устъ гнилыхъ.
И счастливъ, если раню
Невинныхъ и святыхъ.
Мой гробъ—моя отрада,
Онъ мнѣ всего милѣй,
И нѣтъ прекраснѣй смрада,
Чѣмъ смрадъ души моей.
Влюбленными глазами
Смотрю на гниль свою
И черными словами
Создателю пою.

Дальнѣйшихъ строфъ не рѣшаюсь выписывать: слишкомъ ужъ онѣ кощунственны! Думаю, что вышеприведенныхъ выносокъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о характерѣ „издѣлій“ А. Тинякова и дать имъ надлежащую оцѣнку. (*„Иллюстр. Обзор. Гол. М.“ 1912—255*).

Эта книга вышла съ большимъ опозданіемъ. Ядъ ея уже давно сдѣлался безвреднымъ, недѣйствительнымъ. Смаковать подполье врядъ ли кому-нибудь интересно теперь, когда вся поэзія такъ дружно устремилась къ стройности въ формѣ и къ величію въ содержаніи. Очень непріятно читать „Цвѣточки съ пустыря“, проникаться психологіей „плевка-плевочка“, плывущаго въ „канавкѣ“, или „обглоданной кости“, которой „брезгаютъ собаки“, падали, или „стараго сюртука“. А, главное, не нужно. Ужасно дико звучитъ въ наши дни стихъ:

„Всѣ къ пустырю мы близки“.

Какъ бы ни была пустынна современность, она все-таки не пустырь съ плевочкомъ. Думается даже, что поэтъ напрасно потревожилъ „тѣнь“ Ѳ. П. Карамазова, которому посвященъ отдѣлъ „Цвѣточки съ пустыря“, потому что и карамазовщину-то, послѣ столькихъ изслѣдованій, никакъ нельзя приравнять къ простому пакостничеству. Всѣ эти стишки тѣмъ болѣе огорчительны, что сочинитель ихъ отмѣнно талантливъ въ своемъ дѣлѣ. Выученникъ Валерія Брюсова, онъ еще всецѣло находится во власти учителя и не выработалъ ни своей ритмики, ни своей ойдологіи (системы образовъ, присущей каждой выразившейся поэтической индивидуальности). Но тѣмъ не менѣе, ни одно его стихотвореніе нельзя назвать бездарнымъ. Найдетъ ли поэтъ въ себѣ силы скинуть съ себя дурную паутину (давно уже истлѣвшую), или онъ отравленъ болѣе, чѣмъ самъ отравившій его ядъ. Намъ очень хотѣлось бы позвать этотъ талантъ, обладающій чертами зоркаго реализма, не чуждый музыкѣ, къ творчеству иному, утверждающему жизнь, а не „сукровицу“. (*С. Городецкій. „Рѣчь“ 1912—304*).

Подчиненность г. Т. г. Брюсову является главнымъ недостаткомъ всей книги. Ея безусловное достоинство— подлинный лиризмъ автора. Можно сочувственно или враждебно относиться къ идеямъ г. Т. но нельзя не признать, что онъ никогда не опускается до холоднаго выдумыванія стиховъ, до писанія ради писанія, до стихотворнаго жонглерства, получившаго столь широкое распространеніе въ послѣдніе годы. Переживанія г. Т. подлинны,—и это заставляетъ читателя примиряться съ ихъ немного наивнымъ демонизмомъ. Стихъ г. Т. довольно жестокъ, отрывистъ, немузыкаленъ, но въ немъ чувствуется серьезная работа, которая, думается, со временемъ дастъ хорошіе результаты. Лучшее въ книгѣ — стихотворенія: „Идиллія“, „1-я пѣсенка о Беккинѣ“, „Вьюжныя бабочки“. Худшее — псевдо-ученыя примѣчанія, которыми снабжены нѣкоторыя стихотворенія. Въ общемъ же книга г. Т. производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. (*Вл. Ходасевичъ. „У. Рос.“ 1912—271*).

253. Сивачевъ, М. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. III. Цвѣты земли и неба. К-во „Соврем. Проблемы“. М. 1912.

„Сплошной и безпредѣльный цинизмъ человѣчества надъ человѣкомъ“,—такъ представилась, такъ разъ и навсегда опредѣлилась въ сознаніи г. С. вся „сложная простота“ человѣческихъ отношеній. Безмѣрное, превышающее единоличныя силы страданіе — съ одной стороны; тупое, безнадежное равнодушіе—съ другой. Раздавленный человѣкъ и звѣрски бездушное человѣчество, — въ этой удручающей формулѣ, въ этой страшной антитезѣ сомкнулся для г. С. весь міръ явленій повседневной жизни. Его книги—тяжелыя книги. Тутъ не искусство, облекающее мысль о соціальной неправдѣ въ выпукло четкіе образы, въ стройную художественную концепцію; тутъ само страданіе, само злосчастіе мятется передъ вами, стонетъ, жалуется, изнемогаетъ, негодуетъ и проклинаетъ изсохшими отъ проклятій устами... Къ твореніямъ г. С. едва ли можно прилагать мѣрку обычной литературной оцѣнки; его разсказы менѣе всего художественная литература,

менѣе всего „изящная словесность“. Это—судорожное рыданіе души, раздавленной и ожесточенной *личнымъ* страданіемъ; это — отчаянный крикъ человѣка, на долю котораго выпало слишкомъ достаточно личнаго злополучія, чтобы заслонить отъ его сознанія всякій просвѣтъ, всякій выходъ изъ бездны общественной несправедливости. Г. С. менѣе всего объективный художникъ. Онъ не хочетъ имъ быть. Если онъ ведетъ молодую женщину съ умирающимъ ребенкомъ къ врачу, то этотъ врачъ непремѣнно „невыразимо противенъ и жалокъ“, непремѣнно милліонеръ, непремѣнно заплылъ жиромъ. Этотъ врачъ смотритъ на руки паціентки, жадно ожидая, когда же она, наконецъ, заплатитъ; онъ „со злобой комкаетъ трехрублевку“ и потомъ „жаднымъ взглядомъ“ смотритъ за дверь, „что за публика пришла къ нему“... „Посторонніе люди, смотрящіе на больного ребенка, не находятъ для измученнаго отца и матери другихъ словъ, какъ только: „какіе тяжелые глаза у вашего ребенка“... Вездѣ равнодушіе, корысть, безсердечіе, вездѣ одиночество, обрушенность, безпріютность... Даже котъ, котораго встрѣчаетъ возвратившійся домой Чаевъ, „мечется съ расширенными отъ отчаянія глазами, вообразивъ, что его бросили“... Конечно, было бы очень легко доказать, что не всѣ врачи жадно комкаютъ трехрублевки, не одна звѣрская жестокость движетъ жизнью человѣчества и изъ неправды общественныхъ отношеній есть выходъ, кромѣ изступленныхъ и безплодныхъ проклятій. И тѣмъ не менѣе книги г. С. тѣмъ и тяжелы, что онѣ — правдивыя книги. Онѣ правдивы не силой и вѣрностью художественнаго воображенія, отразившаго сложную уродливость соціальныхъ отношеній; онѣ правдивы страшной правдой вложеннаго въ нихъ живого человѣческаго страданія. (*Е. Синегубъ „Рус. Вѣд.“ 1912—269*).

254. Фонвизинъ, С. 891.7—3

Разсказы. Спб. 1913 Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы г. Ф. принадлежатъ къ тому роду литературы, у которой свои законы и свой читатель. Это типичная бульварная беллетристика, съ занимательнымъ изложеніемъ, пикантнымъ сюжетомъ и неизбѣжнымъ мелодраматическимъ концомъ. Читая эти разсказы, не знаешь, чему болѣе удивляться: или литературной примитивности, или пошлости той среды, которая воспитала авторскіе вкусы. Оба разсказа почерпнули свои темы изъ семейной жизни. Въ первомъ, „Конецъ дневника“, у добродѣтельнаго мужа — порочная жена, которая доставляетъ ему много хлопотъ и, въ концѣ концовъ, доводитъ до сумасшествія. Во второмъ разсказѣ, „Сплетня“, у добродѣтельнаго мужа соотвѣтствующая ему добродѣтельная жена, но толку отъ этого мало. Въ томъ кругу, гдѣ вращается героиня (повидимому, это какой-то уголокъ петербургскаго чиновничьяго міра), добродѣтель самая неподходящая, даже опасная вещь. Отклоняя домогательства поклонниковъ, героиня однажды дѣлаетъ „ложный шагъ“: она оскорбляетъ своего настойчиваго вздыхателя. Она защищается отъ его непрошенныхъ поцѣлуевъ довольно характернымъ для культурной дамы способомъ — увѣсистой пощечиной, и это пробуждаетъ въ немъ заразъ всѣ гнусные инстинкты, которыми такъ богаты герои г. Ф. Онъ принимается ей грозно мстить, въ результатѣ—семейная жизнь героини разстраивается, сплетня опутываетъ ее всю. Растерявшаяся „безупречная“ женщина приходитъ умолять своего бывшаго поклонника прекратить свои преслѣдованія; она готова даже подарить ему поцѣлуй, котораго ему когда-то такъ хотѣлось; но онъ хочетъ большаго, угрожаетъ ей насиліемъ. Защищаясь, героиня его убиваетъ изъ его же револьвера, но умирающій гадъ мститъ ей до послѣдняго издыханія. „Эта женщина... моя любовница!“—кричитъ онъ слугѣ. Несчастной героинѣ ничего не остается, какъ убить себя, ибо она считаетъ, что у нея нѣтъ выхода... Глупость такая же родовая черта, какъ и пошлость, во всѣхъ герояхъ г. Ф., добродѣтельныхъ и порочныхъ. Но его разсказы, написанные легко и живо, навѣрное, найдутъ свою публику, — бульварный читатель невзыскателенъ. (*Е. К. „Рѣчь“. 1912—318*).

255. Айхенвальдъ, Ю. 891.7.09

Посмертныя сочиненія Л. Н. Толстого. Съ портретомъ Толстого. Спб. 1912 Стр. 64 Ц. 45 к.

Какъ нельзя болѣе кстати является названная здѣсь брошюра извѣстнаго критика г. А., освѣщающая тѣ стороны въ посмертныхъ твореніяхъ Толстого, которыя безъ указаній критики были бы, можетъ быть, оставлены читателемъ безъ вниманія. Прежде всего, отмѣчается характеръ толстовскаго стиля: чистый, не прихорашивающійся, нескладный, какъ и сама жизнь; нѣтъ исканія эпитетовъ, слова—самыя нужныя и мѣткія, дающія всю полноту выразительности. По мнѣнію г. А., отличіе посмертныхъ сочиненій Толстого отъ прежнихъ не въ ослабленности дарованія, а въ общемъ тонѣ его, — „въ такомъ тонѣ, которымъ говорятъ послѣднія слова“. Ново также появленіе въ посмертныхъ произведеніяхъ Толстого „дьявола“, какъ опредѣленной „категоріи“, но и присутствіе дьявола все-таки не принудило Толстого къ тенденціозности. Надъ всякой дидактикой въ немъ преобладаетъ въ конечномъ итогѣ духовная свобода, потому что, даже желая поучать читателя, онъ не можетъ отступить отъ правды. Толстой и на „толстовство“ умѣетъ посмотрѣть со стороны, выслушавъ противную сторону, и оттого толстовство въ его художественномъ освѣщеніи блѣднѣе своихъ противниковъ. Критикъ отмѣчаетъ далѣе „стихійное народничество“ Толстого, выражающееся въ его тяготѣніи ко всему будничному и сѣрому и въ его желаніи быть не единственнымъ, а лишь однимъ изъ многихъ. Отсюда и романтическія нити, вплетающіяся въ реализмъ Толстого. Послѣднее слово Толстого о человѣкѣ—не отрицаніе, а утвержденіе. Толстой вѣритъ въ конечную доброту всякаго человѣка и, заглянувъ въ его душу по одному поводу, озираетъ ее всю и во внутреннемъ человѣкѣ видитъ ту же боль о добрѣ, которая мучила всю жизнь его самого. Книги Толстого, по краснорѣчивому заключенію критика, еще разъ подтверждаютъ, что „черезъ Ясную Поляну проходитъ теперь первый нравственный меридіанъ земного шара“. (*П. Кн. „Рѣчь“ 1912—318*).

256. Вишневскій, П. И. 891.7.09

Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Ниж. Новг. 1912. Стр. 141+2 Ц. 40 к.

Знаменитый споръ Гоголя съ Бѣлинскимъ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, символизирующій столкновеніе между

двумя главными направленіями русской общественной мысли, до сихъ поръ не потерялъ ни своего интереса, ни жгучести. Недавно М. О. Гершензонъ („Историческія записки") выяснилъ сущность великаго историко-соціальнаго недоразумѣнія, гдѣ обѣ спорящія стороны, одинаково заботившіяся объ общественномъ благѣ: одна—на соціальной почвѣ, другая на индивидуальной, и обѣ были этически и психологически правы. Синтезъ между стремленіями Гоголя и Бѣлинскаго не только возможенъ, но естественно необходимъ, и надо вѣрить, что общественная мысль къ нему идетъ, несмотря ни на какія уклоненія! Образчикомъ послѣднихъ, и притомъ запоздалымъ, является книжка г. В. посвященная ненужной „реабилитаціи" Гоголя и еще менѣе нужнымъ нападкамъ на Бѣлинскаго, ближайшая цѣль которыхъ, повидимому, — „расшевелить осиное гнѣздо" и ошарашить „старичковъ-филистеровъ". Но даже самые старые старички смогутъ быть совершенно спокойны: г. В. сердитъ, да не силенъ. Если чѣмъ-нибудь характерна его брошюра, такъ это грубымъ неопрятнымъ тономъ и непонятно-злобнымъ, до бѣшенства, отношеніемъ къ Бѣлинскому. Въ мелкихъ частныхъ противорѣчіяхъ Бѣлинскаго авторъ ищетъ почву для составленія обвинительнаго акта противъ великаго критика, но при сопоставленіи съ общимъ духомъ Бѣлинскаго, при повѣркѣ мѣрою соціальныхъ стремленій Бѣлинскаго этотъ актъ разсыпается прахомъ. Преувеличенія и натяжки г. В. такъ чудовищны, что граничатъ съ измышленіями. „Бѣлинскій оплевывалъ (!) Пушкина, когда послѣдній еще былъ живъ"... Не странно ли, что этотъ „живой" Пушкинъ, такъ чутко относившійся ко всякому „оплевыванію", обратилъ вниманіе на молодого критика и звалъ его въ своей „Современникъ"? Но объ этомъ г. В. предпочитаетъ помолчать. А вотъ еще доводъ противъ Бѣлинскаго, тоже не особенно относящійся къ вопросу о „Перепискѣ" Гоголя. „Въ годы юности Бѣлинскій, легко поборолъ правду-истину и оскорбилъ достоинство человѣка", сокрушенно замѣчаетъ праведный и безупречный г. В. Основанъ этотъ уничтожающій Бѣлинскаго выводъ на слѣдующемъ: безжалостно вышвырнутый изъ университета Бѣлинскій долго таилъ отъ родныхъ свое и ихъ несчастье, отчасти изъ простительнаго возрасту малодушія (да и поняли ли бы его отецъ и мать?), отчасти изъ жалости къ нимъ и, наконецъ, не выдержалъ и написалъ матери: „не могу безъ ужаса подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь поразить васъ, мою мать. Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастье, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ скрѣпя сердце, но теперь не могу болѣе... Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько-нибудь поправить свои обстоятельства"... И на этотъ отчаянный вопль г. В. отвѣчаетъ: „вотъ еще когда зрѣли сѣмена прославленной „искренности" Бѣлинскаго, и вколачиваетъ свой осиновый колъ въ его святую могилу. Нельзя не напомнить этому идейному отпрыску Булгарина завѣтъ „защищаемаго" имъ Гоголя: „обращаться съ словомъ нужно честно". (*„Рѣчь" 1912—185*).

Добрая половина данной брошюры посвящена разсмотрѣнію нападокъ Бѣлинскаго на Гоголя, сопоставленію этихъ нападокъ съ добрыми мнѣніями о „Перепискѣ съ друзьями" Чернышевскаго, который считаетъ выбранныя мѣста изъ „Переписки съ друзьями" замѣчательнымъ фактомъ въ дѣятельности Гоголя,—Л. Н. Толстого, который считаетъ эту переписку далеко неоцѣненною Бѣлинскимъ и содержащею чрезвычайно много драгоцѣннаго; затѣмъ приводятся мнѣнія Незеленаго, Елисѣева, Венгерова и Овсянико-Куликовскаго. Эта половина брошюры произноситъ, дѣйствительно, впечатлѣніе „рожденной въ пылу полемики"; авторъ не поскупился на различные „эпитеты" и далъ довольно ѣдкую характеристику отношенія къ „Перепискѣ съ друзьями" какъ самого Бѣлинскаго, такъ и поклонниковъ его; кромѣ того, половина эта носитъ на себѣ, какъ совершенно вѣрно выразился и самъ авторъ, „слѣды спѣшной работы," сградая безпорядочностью, отсутствіемъ плана, и едва ли внесетъ „необходимый свѣтъ" въ дѣло спора Бѣлинскаго и Гоголя. Но зато вторая половина брошюры В., въ которой приводятся „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", „Отрывки изъ послѣднихъ писемъ Гоголя", „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю," съ „Примѣчаніями къ этому письму" и „Отвѣты Гоголя Бѣлинскому,"— очень интересна. *(В. Д—цевъ. „Илл. Обозр." „Гол. М." 1912—255)*.

Развязная книжонка, пытающаяся, между прочимъ, доказать, что извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю—„позорящій и позорный документъ", „непріятная и надутая шумиха словъ и фразъ". (*А. Ф. „Соврем." 1912—6.*)

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней" по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

709. Чарнолусская, Е. М. 016 : 087

Библіографическій указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедшихъ въ 1911 г. Годъ I-й. Спб. 1912. Изд. газеты „Школа и Жизнь". Стр. IV + 128. Ц. 80 к.

Содержаніе: Книги для дѣтскаго чтенія и о дѣтскомъ чтеніи; книги по вопросамъ искусства въ школѣ и въ жизни ребенка, по дѣтскимъ играмъ, занятіямъ и развлеченіямъ.

710. Фагэ, Э., акад. 028

Чтеніе старыхъ хорошихъ книгъ. Подъ ред. А. Ф. Гретманъ. Кн-но „Звѣзда" Н. Орфенова. Библіотека „Наука, искусство, литература". № 17. М. Стр. 365. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Гомеръ. Виргилій. Рабле. Монтень. Мольеръ. Корнель. Расинъ. Боссюэ. Лабрюеръ. Буало. Бюффонъ. Монтескье. Вольтеръ. Ж.-Ж. Руссо. Шатобріанъ. Ламартинъ. Альфредъ де-Виньи. Викторъ Гюго. Альфредъ де-Мюссе. Бальзакъ.

711. Герцль, Теодоръ. 04

Фельетоны. Пер. съ нѣм. С. А. Розовой. Предис. Вл. Жаботинскаго, Спб. 1912. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Среди дѣтей. Маленькія комедіи. Философскіе разсказы. Книги.

712. Петерсонъ, Н. П. 04

Статьи. Н. Ѳ. Ѳедоровъ и его книга „Философія общаго дѣла" въ противоположность ученію Л. Н. Толстого „о непротивленіи" и другимъ идеямъ нашего времени. Вѣрный. 1912. Стр. XIII+183. Ц. 1 р.

Содержаніе: Статьи, мысли и письма Николая Ѳедоровича Ѳедорова. Перекуютъ ли когда мечи на орала, какъ предсказывалъ то древній пророкъ? Ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова и ученіе Л. Н. Толстого. Н. Ѳ. Ѳедоровъ и Д. И. Писаревъ. Правда о великомъ писателѣ земли русской, гр. Л. Н. Толстымъ и мое къ нему отношеніе. Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ. Единеніе людей можетъ ли быть цѣлью жизни человѣческой? По поводу книги „Наше преступленіе" А. И. Родіонова. М. Горькій „Чигатель".

* **Ильинскій, К.** 06 : 345

См. пор. № 737.

713. Чеховъ, А. П. 081

Письма. Т. II. (1888—1889). Съ иллюстр. Изд. М. П. Чеховой. М. 1912. Стр. XVI + 458. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Біографическій очеркъ. 247 писемъ Чехова (1888—1889).

714. Онрудъ, Г. 087

Малыши. Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. О. Н. Поповой. Перев. М. Благовѣщенской съ 9 рис. Спб. 1913. Стр. 146. Ц. 30 к.

Содержаніе: Батракъ. Первый рабочій день. Шапка, побывавшая на облакѣ за золотомъ. Александръ Македонскій и Буцефалъ. Обжора и забіяка. Столяръ Семенъ и голубой песецъ. Пастушки изъ Квинстеза. Коньки. Насѣдка.

715. Шведеръ, Евгеній. 087

Малыши. Разсказы для дѣтей. М. 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. Стр. 76 съ рис. Ц. 45 к.

* **Чарнолусская, Е. М.** 087 : 016

См. пор. № 709.

* **Еремѣевъ, Николай.** 087 : 792

См. пор. № 773.

Философія [1]

716. [. . . . .] 1(08)

Новыя идеи въ философіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 4. Что такое психологія? Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 156. Ц. 80 к.

Содержаніе: Шуппе, В. Понятіе психологіи и ея границы. — Штумпфъ, К. Явленія и психическія функціи.—Джемсъ, Уильямъ. Существуетъ ли сознаніе? — Липпсъ, Теодоръ. Пути психологіи.

* **Шемелинъ, Н.** 1 : 2](Д)

См. порядк. № 725.

717. Соловьевъ, Вл. 1 : 26](С)

Россія и вселенская церковь. Перев. съ франц. Владиміра Балашева. I и II книги. Спб. 1912.

718. Толстой, Л. Н. 1 + 8](08)

О писателяхъ и о книгахъ. Изд. „Посредникъ". Ц. 12 к. за всѣ выпуски.

Содержаніе: Вып. I Ларошфуко и другіе французскіе мыслители. Вып. II. Паскаль. Вып. III. Объ Анри Аміелѣ. Вып. IV. Гюи де Мопассанъ. Вып. V. О Вильгельмѣ фонъ-Поленцѣ. Вып. VI. О С. Т. Семеновѣ.

719. Вавулинъ, Николай. 132

Безуміе, его смыслъ и цѣнность. Психологическіе очерки. Съ 24 иллюстр. Спб. 1913 г. Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора. Введеніе. Безумцы передъ судомъ исторіи и науки. Психологическія основы безумія. Въ чемъ смыслъ и цѣнность безумія. Геніальность и безуміе. Творчество безумцевъ. Заключеніе.

720. Лодыженскій, М. В. 133

Свѣтъ незримый. Изъ области высшей мистики. Спб. 1912. Стр. VIII + 306. Ц. 2 р.

Содержаніе: Серафимъ Саровскій. Францискъ Ассизскій. Мистика Востока и мистика

Запада. Яркія черты изъ жизни святыхъ. Мистическія радости. Какъ умирали святые и какъ умеръ Толстой. Борцы за Логосъ.

721. Фридманъ, М., д-ръ. 157
Психологія ревности. Пер. съ нѣм. П. Кручинина. „Проблемы нервной и душевной жизни" Вып. I. Кн-во „Современныя Проблемы" М. 1913. Стр. 244. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „... психологическое разсмотрѣніе проблемы ревности способно пролить свѣтъ на разнообразныя явленія личной и общественной жизни; цѣлью нашего изслѣдованія и является установить именно такую точку зрѣнія, а вовсе не дать исчерпывающую коллекцію доказательнаго матеріала".

722. Абрамовичъ, Н. Я. 176
Женщина и міръ мужской культуры. Міровое творчество и половая любовь. Кн-во „Свободный Путь". М. 1913. Стр. 113. Ц. 60 к.

Содержаніе: Вѣчная химера. О мужской культурѣ. О проституткѣ, какъ философскомъ понятіи. Вытравленіе духа. Чувственное порабощеніе. О крыльяхъ женщины. Субъективный рисунокъ женщины. Женское творчество и пр.

723. Тимофеевъ, С. Л., д-ръ. 177(43+436)
Красный Крестъ и сестры милосердія въ Германіи и Австріи. Кіевъ. 1912. Изд. кн. маг. Я. П. Лапицкаго. 64+III стр. Ц. 50 к.

724. Первушинъ, С. А. 178.1
Опытъ теоріи массоваго алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей. Спб. 1912. 102 стр. Ц. 40 к.

Религія [2]

725. Шемелинъ, Н. 2:1](Д)
Религіозно-философскія воззрѣнія В. Джемса въ связи съ мистическими теченіями современной жизни. Харьковъ. 1912. Стр. 99. Ц. 40 к.

* **Конради, В.** 2:92 (Ф)
См. пор. № 827.

726. Александровъ, Н., прот. 22:5
Библія и естествознаніе по вопросу о происхожденіи міра. Изд. 2-е, исправ. и дополн. П. В. Казначеева и П. С. Симонова. Спб. 1912. Стр. 44. Ц. 45 к.

727. Гладковъ, Б. И. 226
Евангельская исторія, составленная словами Св. Евангелистовъ. Спб. 1912. Изд. автора. 448 стр. Съ 152 рис. Ц. 3 р. 50 к.

728. Гладковъ, Б. И. 226
Толкованіе Евангелія. Спб. 1912. Изд. автора, 4-е. 856 стр. Ц. 2 р. 50 к.

729. Прохоровъ, Г. В. 241
Нравственное ученіе св. Амвросія, епископа медіоланскаго. Спб. 1912. 438+VIII стр. Ц. 2 р. 50 к.

730. Рафаилъ, іеромонахъ. 244
Духовный кладезь. Душеспасительныя изреченія, находящіяся въ словахъ и житіяхъ св. отецъ, помѣщенныхъ въ книгѣ „Прологъ" и др. Казань. 1912. 82 стр.

* **Соловьевъ, Влад.** 26:1](С)
См. пор. № 717.

* **Введенскій, Александръ.** 281.93.01:345
См. пор. № 738.

* **Маръ-Бадъ.** 296:355
См. пор. № 742.

Соціальныя науки [3]

731 Голобородько, И. И. 301 (496)
Турція. Изд. 2-е, испр. и доп., „Руль" М. Стр. 290. Ц. 1 р.

Содержаніе. Населеніе Турціи. Бытъ. Религія. Духовная и экономическая жизнь. Политическій строй и партіи. Армія и флотъ. Положеніе христіанскихъ провинцій. Исторія Восточнаго вопроса. Исторія революціи и конституціоннаго періода. Балканская война 1912 г.

* **Кушелевъ, Ю.** 32:91 (52)
См. пор. № 815.

732. Брандесъ, Георгъ. 323.1
Что такое національное чувство? Рѣчь къ молодежи. Изд. „Нижегород. Ежегодн." Г. И. Сергѣева и Б. Е. Чешихина. Н.-Новг. 1913 г. Стр. 15. Ц. 10 к.

Изъ предисловія: „Рѣчь къ молодежи о національномъ чувствѣ была произнесена 1 февраля 1894 г. въ Копенгагенѣ при открытіи новаго зданія студенческаго общества свободомыслящихъ... Разъясняя передъ этой молодежью, что такое, по его мнѣнію, національное чувство, Б. вмѣстѣ съ тѣмъ весьма яркими красками рисовалъ положеніе своей страны въ пору удушливой реакціи, монополизировавшей національное чувство".

733. Амфитеатровъ, Александ. 323.1(×918)
Славянское горе. Изд., Москов. Кн-ва". М. Стр. 267. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора. На порогѣ. Скорбь Черной горы. Сербское горе. Македонія и младотурки.

734. Морской, А. 331(47)
Зубатовщина. Страничка изъ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи. М. 1913 Стр. 213. Ц. 75.

Содержаніе: Предисловіе. Зубатовщина. Приложеніе: Записка объ учрежденіи профессіон. союзовъ. Выгоды профессіон. союзовъ. Значеніе мѣстныхъ условій для промысловыхъ союзовъ.

735. Аваліани, С. Л. 333.5(47.9)
Крестьянскій вопросъ въ Завказьѣ, т. I. Крѣпостное право и исторія крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутаисской губ. Одесса. 1912 г. Стр. XVI+515.

Содержаніе: Крѣпостное право въ Грузіи до утвержденія русскаго владычества. Крестьянская реформа въ Закавказьѣ.

736. Анцыферовъ, А. Н. 334
Очерки по коопераціи. Сборникъ лекцій и статей 1908—1912 г. М. 1912. 259 стр. Ц. 1 р. 50 к.

737. Ильинскій, К. 345:06
Частныя общества. Сборникъ законовъ, распоряженій Правительства и рѣшеній Правит. Сената, съ прилож. нормальныхъ и образцовыхъ уставовъ и справочн. свѣдѣній о собраніяхъ, съѣздахъ, лекціяхъ, курсахъ, лотереяхъ, выставкахъ, библіотекахъ и т. п. Рига. 1912. Стр. 652. Ц. 5 р.

738. Введенскій, Александръ. 345:281.93.01
Дѣйствующія законоположенія касательно старообрядцевъ и сектантовъ. Одесса. 1913. Стр. 197. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Высочайшіе указы. Манифесты. Повелѣнія. Распоряженія Министерства Внутр. дѣлъ, Мин. Народн. просв. Опредѣленія св. Синода. Статьи Уголовн. Уложенія о наказаніяхъ, общаго положенія о крестьянахъ. Приложенія.

739. Спасовичъ, В. Д. 347.965
Сочиненія. Томъ VI. Судебныя рѣчи. (1875 — 1882). Спб. 1913. Изд. 2-е юрид. кн. маг. „Право". Стр. 378.

740. Меньшиковъ, И. А. 351:634.9](47)
Къ вопросу о бытѣ чиновъ корпуса лѣсничихъ. На основаніи анкеты 1910 г. Спб. 1912. Стр. 82. Ц. 25 к.
Содержаніе: Отъ автора. Вмѣсто предисловія. Личный составъ. Бюджетъ лѣсничаго. Семья. Квартира. Канцелярія. Условія служебной дѣятельности лѣсничаго и условія жизни вообще. О лѣсныхъ кондукторахъ. Заключеніе. Прил. Анкетный листъ.

741. [. . . . .] 355
Наука побѣждать. Генералиссимуса Суворова (по матеріалу еще не бывшему въ печати). Съ рис. и чертеж. Суворова. Изд. воен. книгоизд. В. Жукова. Спб. 1913. Стр. 64. Ц. 1 р. 25 к.

742. Маръ-Бадъ. 355:296
Воинская повинность и евреи. „Общество распростр. правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ". М. 1912. Стр. 26. Ц. 10 к.
Изъ вступленія: „... въ вопросѣ о воинской повинности тѣсно переплетаются два момента: психологическій, т.-е. чувство долга, измѣряющееся степенью гражданско-правовой удовлетворенности, и формальный, т.-е. то чисто внѣшнее отношеніе къ военной службѣ, которое выражается въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ явка къ исполненію воинской повинности и т. п. Съ этихъ двухъ сторонъ мы „пойдемъ къ вопросу".

743. [. . . . .] 371
Вопросы педагогики. № 1. Подъ ред. проф. Е. А. Боброва. Варшава. 1912. Стр. 167+24+57+32. Ц. 1 р. 75 к.

744. Звягинцевъ, Е. и Бернашевскій, А. 371
Діаграммы, ихъ значеніе для школы и популяризаціи. Изд. Сытина. М. 1913. Стр. 24. Ц. 10 к.

745. Чижъ, Вл. Ѳ., проф. 371
Педагогія, какъ искусство и какъ наука. Юрьевъ. 1912. Стр. 41.

746. Сентюринъ, Н. И. 372.4/5
Родителямъ и педагогамъ. Живое слово ребенка въ выразительномъ чтеніи и устной рѣчи. (Теорія и практика.) Спб. 1913. Стр. XV+292. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Введеніе. Образцы занятій выразительнымъ чтеніемъ и устной рѣчью (на 4 года). Литература предмета.

747. Гербачъ, В. С. 372.5
Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ институтовъ и семинарій. Спб. 1912. Изд. в-ковъ В. С. Гербача. Стр. 143. Ц. 60 к.

748. Павленко, Ив. 39(47)
Нравы русскаго общества въ Екатерининскую эпоху. Архавгельскъ. 1912. Изд. И. Алексѣева. Стр. XIX+158.

749. Горскій, С. 396(47)„17"
Русская женщина XVIII вѣка. Историческая библіотека. М. 1912. Изд. „Дѣло". Стр. 95. Ц. 10 к.

750. Потанинъ, Г. Н. 398.2
Сага о Соломонѣ. Восточные матеріалы къ вопросу о происхожденіи саги. Томскъ. 1912. Изд. Сибирскаго Т-ва Печатнаго дѣла. Стр. 186. Ц. 1 р.

751. Соболевъ, А. Н., свящ. 398.3
Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ. Изд. кн. маг. М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. 206. Ц. 75 к.
Содержаніе: Введеніе. Вопросъ о будущей жизни въ представленіи древняго человѣка. Представленія смерти. Представленія души. Безсмертіе души. Мѣстопребываніе души по смерти человѣка (земля). Мѣстопребываніе души по смерти человѣка (неизвѣдомая страна). Мѣстопребываніе души по смерти человѣка (могила). Загробная жизнь души. Вопросъ о возмездіи въ загробномъ мірѣ у нашего предка, древне-русскаго человѣка. Представленія загробнаго міра по принятіи христіанства. Причина живучести язычества въ христіанствѣ. Списокъ пособій.

Филологія [4]

752. Кабановъ, Н. 41—3
Краткій русско-эсперантскій словарь. Вып. VI. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Стр. 126. Ц. 40 к.

753. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. 491.85
Польскій языкъ сравнительно съ русскимъ и древне-церковно-славянскимъ. Пособіе для практич. занятій по „сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ" и для самообученія. Спб. 1912. Стр. VIII+118+II. Ц. 1 р. 20 к.

Чистыя науки [5]

754. Вагнеръ, Ю. Н., проф. 5(075)
Начальный курсъ природовѣдѣнія. Ч. 3-я. Человѣкъ и животныя. Кіевъ. 1913. Изд. Пироговск. Т-ва, 5-е, испр. Стр. VII+136. Съ табл. Ц. 50 к.

* **Александровъ, Н., прот.** 5:22
См. пор. № 726.

755. Кутюра, Л. 51(01)
Философскіе принципы математики. Пер. съ франц. Б. Кореня. Подъ ред. П. С. Юшкевича. Спб. 1912. Изд. Карбасникова. Стр. 260.

756. [. . . . .] 51(08)
Новыя идеи въ математикѣ. Непериодич. изд, выход. подъ ред. засл. проф. А. В. Васильева.
Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Изд. „Образованіе" Спб. 1913 Стр. VI+149. Ц. 80 к.
Содержаніе: Вундтъ, В. Общее ученіе о математическомъ методѣ.—Грассманъ, Г. Чистая

математика и ученіе о протяженности. Рессель Бертранъ. Новѣйшія работы о началахъ математики.—Принсгеймъ, Альфредъ. Цѣнность и мнимая нецѣнность математики.

757. Толстой, Л. Н. 511(075)

Ариѳметика. Въ 2 частяхъ. Съ указаніями для учителя. „Библіотека И. Горбунова-Посадова" М. 1913 г. Стр. 160. Ц. 25 к.

Содержаніе: По поводу „Ариѳметики" Л. Н. Толстого—П. Буланже. Ариѳметика. Цѣлыя числа. Дроби. Для учителя.

758. Рабиновичъ, П. О. 537

Курсъ электричества и вспомогательныя свѣдѣнія изъ физики, механики и химіи. Примѣнительно къ телеграфіи и телефоніи. Съ 120 рис. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1913. Стр. 176. Ц. 1 р. 10 к.

Содержаніе: Электричество, возбужденное треніемъ. Магнетизмъ. Гальванизмъ и приборы для извлеченія его. Объясненіе устройства элементовъ съ постояннымъ токомъ. Сила тока и сопротивленіе. Приборы для измѣренія силы тока. Измѣреніе сопротивленій. Различныя соединенія элементовъ. Взаимное дѣйствіе токовъ: электромагнетизмъ; индукція. Свѣдѣнія изъ физики и химіи. Свѣдѣнія изъ химіи.

759. Чугаевъ, Л. А., проф. 546

Періодическая система химическихъ элементовъ. Изъ-во „Образованіе". Пособія при изученіи химіи. Вып. I. Спб. 1913. Стр. XVIII+258. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Историческое введеніе. Періодическая система химическихъ элементовъ. Литература.

760. Новорусскій, М. 55

Земля и ея жизнь. Всѣмъ доступное содержаніе науки о землѣ. Со многими иллюстр. 2-е изд., испр. и доп. т-ва Сытина. М. 1913. Стр. 184. Ц. 60 к.

Прикладныя науки [6]

761. Видаль, Фернандъ, проф. 61(01)

О направленіяхъ медицины. (Какъ ориентироваться въ медицинѣ). Перев. съ франц. В. Ѳ. Долгинцева. (Лекціи западно-европейскихъ клиницистовъ, изд. подъ ред. д-ра С. С. Вермеля. Вып. I.) М. 1912 г. Изд. Л. А. Столяръ, 32 стр. Ц. 25 к.

762. Политова, Е. І. 611

Руководство къ производству химико-бактеріологическихъ изслѣдованій отдѣленій и выдѣленій человѣческаго организма. 2-е изд. „Наука" М. 1913. Стр. XIII+414. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Литература. Общая часть. Мокрота. Изслѣдованіе отдѣляемаго полостей рта и зѣва, носа и глаза. Кровь. Моча. Изслѣдованіе испражненій. Изслѣдованіе желудочнаго сока и рвотныхъ массъ. Общія свойства нормальнаго желудочнаго молока. Изслѣдованіе при различныхъ заболѣваніяхъ кожи. Изслѣдованіе при паразитарныхъ заболѣваніяхъ кожи, волосъ и ногтей. Изслѣдованіе экссудатовъ, тараксудатовъ и содержимаго мѣшечатыхъ опухолей. Бактеріологическое изслѣдованіе воды. Приготовленіе препаратовъ изъ ткани органовъ. Добавленія.

763. Wilke, Arnold, dr. 616

Болѣзни обмѣна веществъ и конституціональныя анатоміи съ обращеніемъ особаго вниманія на физико-діэтическое леченіе. Перев. съ нѣм. д-ра П. И. Гибермавъ-Лурье. Изд. журн. „Медиц. Современникъ". XV + 220 стр. Ц. 1 р. 50 к.

764. Лихницкій, В. Н., др. 616.89

Психотерапія и психоанализъ. Библіотека журнала „Терапевтическое Обозрѣніе" Вып. VI. Одесса—М. Изд. журн. „Терапевт. Обозр.". Стр. 78.

765. Беркли, Джорджъ. 617.7

Опытъ новой теоріи зрѣнія. Пер. съ англ. М. О. Маковельскаго. Казань. 1912. Изд. кн. маг. А. А. Голубева. XXIII+100 стр. Ц. 1 р.

766. Degrè Wilhgm, dr. 618

Леченіе дѣтскихъ болѣзней. Составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Съ прибавленіемъ обзора лекарственныхъ веществъ, примѣняемыхъ при леченіи дѣтей. Перев. со 2-го нѣм., сов. перераб. и доп. изд. д-ра А. В. Залкинда. Спб. 1912. Изд. журн. „Медицин. Современникъ". 273 стр. Ц. 2 р.

* **Меньшиковъ, И. А.** 634.9:351](47)

См. пор. № 740.

767. Бѣловъ, А. А. 639

Промысловое птицеводство. Содержаніе и разведеніе домашней птицы. Сельско-хозяйственная библіотека. Спб. 1912. Изд. П. П. Сойкина. 271 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

768. Глыбина, А. 652

Учебникъ для систематическаго обученія и самообученія письму на пишущихъ машинахъ. Саратовъ. 1912. Изд. автора. 64+II стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Изящныя искусства [7]

769. Евреиновъ, Н. 7

Бердслей. Очеркъ. Современное искусство. Выпускъ 5. Спб. 1912. Изд. Н. И. Бутковской. 52 стр. Съ рис.

* **Срезневскій, В. и Тукалевскій, В.** 7:92(Т)

См. пор. № 826.

* **Кузьминскій, Конст.** 74:92(А)

См. пор. № 817.

770. Тэнъ, И. 751

Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства). Ч. III. Живопись въ Нидерландахъ. Пер. съ франц. Н. Соболевскаго. М. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. Стр. 124. Ц. 10.

* **Н—ва, Н.** 75:92(В)

См. порядк. № 819.

* **Ивановъ, А. П.** 75:92(В)

См. порядк. № 820.

* **М. І. А.** 75:92(М)

См. порядк. № 821.

771. Эйгесъ, К. 78

Статьи по философіи музыки. Кн. 1-я. М. 1912. Стр. 94. Ц. 1 р.

Содержаніе: Вмѣсто предисловія. Музыка и эстетика. Основная антиномія музыкальной эстетики. Музыка, какъ одно изъ высшихъ мистическихъ переживаній. Красота въ искусствѣ. Основные вопросы музыкальной эстетики.

772. Мироносицкій, П. 781

Начальныя свѣдѣнія по музыкѣ. (Элементарная теорія.) Спб. 1912. 48 стр. Ц. 50 к.

773. Ереиѣевъ, Николай. 792 : 087

Дѣтскій театръ. 12 пьесъ для общедоступ. дѣтскаго театра. (Всѣ пьесы разрѣшены къ представленію). Изд. 4-е, знач. испр. и дополн., И. И. Самоненко. Кіевъ. 1912. Стр. 112. Ц. 60 к.

Содержаніе: Устройство домашняготеатра. Поэтъ Ваня. Большаки. Митина продѣлка. Безъ старшихъ. Храбрые фотографы. Елка. Не рой другому яму, самъ въ нее попадешь. Случайные гости. Маленькій трагикъ. Осторожнѣе съ огнемъ. Проказники.

Литература [8]

* **Толстой, Л. Н.** 8+1](08)

См. порядк. № 718.

774. [. . . . .] 8—8

Антологія современной поэзіи. Переработалъ и дополнилъ Ѳ. М. Самоненко. Чтецъ-Декламаторъ, т. IV. Изд. 2-е. Кіевъ. 1912. Стр. 760. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этой книгѣ приведены произведенія писателей Англіи, Америки, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи, Скандинавіи, Польши, Россіи.

775. [. . . . .] 8—8

Первоцвѣтъ. Подъ ред. А. М. Громова (Буревѣстника.) Книга первая. Литературно-худож. ежемѣс. сборники для начинающихъ писателей. М. 1912. Стр. 175. Ц. 1 р.

Содержаніе: Вмѣсто предисловія.—А. М. Громовъ. Буревѣстникъ. — У могилы. Б. Барановскій.—Романъ опереточнаго комика. Е. Капельеръ. У рѣки. Евг. Муромскій. — Свой хлѣбъ. Отвѣта нѣтъ .. А. М. Хлѣбодаровъ.— За что? Вл. Лебедевъ.— Откровеніе. Н. Н. Кильдюшевскій.— Стихотворенія.— Пастушка. Д. К. Егоровъ.

776. Самоненко, Ѳ. 8—8

Чтецъ-декламаторъ. Т. I. Художественный сборникъ стихотвореній, сценъ, разсказовъ и монологовъ для чтенія въ дивертисментахъ, на драматическихъ курсахъ, литературн. вечерахъ и т. п. Съ портр. писателей и артистовъ. Изд. 11-е, испр. и знач. доп. И. И. Самоненко. Кіевъ. 1913. Стр. 798. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Проза. Declamatorium. Мелодекламація и лирическія стихотворенія. Сатира и юморъ.

777. Бернетъ, Ф. Г. 82—3

Маленькій лордъ Фаунтльрой. Перев. съ англ. М. и Е. Соломинныхъ. Съ 25 рис. 3-е изд. О. Н. Поповой. Спб. 1913. Стр. 271. Ц. 50 к.

Содержаніе: Неожиданная новость. Друзья Седрика. Прощаніе съ родиной. Въ Англіи. Въ замкѣ. Графъ и его внукъ. Въ церкви. Уроки верховой ѣзды. Бѣдныя хижины. Графъ тревожится. Тревога въ Америкѣ. Притязанія соперника. Дикъ-избавитель. Развязка. Восьмая годовщина дня его рожденія.

778. Уайльдъ, Оскаръ. 82—3

Портретъ Доріана Грея. Пер. съ англ. М. Ликіардопуло. „Универс. Библ.“ М. 1912. Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°, 3-е. 279 стр. Ц. 30 к.

779. Мюлау-фонъ, Елена. 83—3

Избранныя сочиненія. Т. II. Послѣ третьяго ребенка. Романъ. Пер. съ нѣм. Мих. Кадишъ. „Универс. Кн-во“, Л А. Столяръ. М. 1913. Стр. 222. Ц. 1 р.

780. Ибсенъ, Генрихъ. 839.81—2

Полное иллюстрированное собраніе драматическихъ произведеній. Въ 3-хъ томахъ. Перев. съ датск. М. М. Лучицкой. Томъ 1-й, 2-й и 3-й. Кіевъ. 1912. Изд. Южно-Рус. Книгоизд. Ф. А. Іогансонъ LXIV+384, 385—782, 783—1153 стр. Съ портр. и рис. Ц. 6 р.

781. Гюго, Викторъ. 84—3

Собраніе сочиненій. Редакція и критико-біографическій очеркъ П. Когана. Съ портретомъ автора. Томъ третій. Девяносто третій годъ. Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе“. VIII+524 стр. Ц. 1 р. 50 к.

782. Мопассанъ-де, Гюи. 84—3

Оливковый садъ. Разсказы. Пер. съ франц. Е. Рудневой. „Универс. Библ“. М. 1912. Изд. „Польза“, В. Антикъ К°. 104 стр. Ц. 10 к.

783. Рони, старшій. 84—3

Гибель земли. Романъ. Пер. съ франц. В. Керженцева. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 121. Ц. 60 к.

* **Тассаръ, Фр.** 84 . 09 : 92(M)

См. порядк. № 822.

784. Верещагинъ, Вл. 891.7—1

Стихотворенія. Спб. 1913. Стр. 40. Ц. 50 к.

785. Годкинъ, Яковъ. 891.7—1

Сѣверные дни. Первая книга стиховъ. Спб. 1913. Изд. „Дружба“. 152 стр. Ц. 1 р.

786. Л—цъ, Р. 891.7—1

Мои пѣсни. М. 1913. Стр. 76. Ц. 60 к.

Содержаніе: Природа. Народныя пѣсни. Романсы. Настроенія. Мысли завѣтныя. Посвященія.

787. Никитинъ, И. С. 891.7—1

Избранныя стихотворенія. Съ біографіей И. С. Никитина и 9 снимками, сост. В. В. Шауровъ. Спб. 1912. Изд. „Спб. О-ва Грамотн.“ Стр. XXXII+128. Ц. 25 к.

Содержаніе: Біографія. Стихотворенія. Отрывки изъ поэмъ.

788. Фругъ, С. Г. 891.7—1

Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Стихотворенія. Одесса. 1912. Изд. Шермана, 6-е. 301 стр.+1 порт. Ц. 1 р. 75 к.

789. Мережковскій, Д. С. 891.7—2

Полное собраніе сочиненій. Т. XVI. Павелъ I. Драма. Спб. 1912. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 209—354 стр. Ц. 18 р. за 15 т.

790. Минскій, Н. 891.7—2

„Малый соблазнъ“. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1912. Изд. Имп. Рус. Театр. Общ. 49 стр. Ц. 20 к.

791. Арцыбашевъ, М. 891.7—3

Сильнѣе смерти. Изъ дневника одного покойника. „Бѣлая библ.“ Книга 1-я. М. 1912. Изд. „Эпоха“ 61 стр. Ц. 10 к.

792. Боринъ, Я. 891.7—3

Три пажа. Сказка въ 2-хъ сценахъ, 3-хъ карт. Пьеска для дѣтскихъ и школьныхъ спектаклей. М. 1912. Изд. М. И. Петрикъ. 50 стр. Ц. 25 к

793. Будищевъ, Ал. 891.7—3
Страшно жить. Разсказы. Изд. „Моск. Кн-ва". М. 1913. Стр. 316. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Первы. Въ городѣ. Игнатка. Глю-Глю. Голубая жирафа.

794. Данилинъ, И. 891.7—3
Наслоенія. Разсказъ. Изд. 2-е, магаз. „Сотрудникъ Школъ", А. К. Залѣсской. М. 1913. Стр. 57. Ц. 10 к.

795. Корецкая, Зинаида. 891.7—3
Бунтъ молодой души. Сбор. разсказовъ. Т. I. Изд. Корецкаго. Спб. 1913. Стр. 301. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Бунтъ молодой души. Ея превосходительство. Ночь въ еврейской гостиницѣ. Иллюзіи. Нѣмкино горе. Западня. Бенъ-Іоффе. Дяденька. Именины. Миніатюры.

796. Лазаревскій, Б. А. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Томъ IV. Повѣсти и разсказы. Спб. 1912. Изд. Тов. „Просвѣщеніе". Стр. 300. Ц. 1 р.

797. Пришвинъ, М. 891.7—3
У стѣнъ града невидимаго. Кн-но „Прометей" Н. Н. Михайлова. Спб. Стр. 189. Ц. 75 к.
Отъ автора: „У стѣнъ града невидимаго" написано по матеріаламъ, собраннымъ въ Заволжьѣ лѣтомъ 1908 г., и напечатано частью въ „Русск. Вѣд.", частью въ „Русск. Мысли". Въ цѣльномъ и значительно переработанномъ видѣ эта повѣсть о градѣ невидимомъ является впервые.

798. Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т. 891.7—3
Кряжъ. Повѣсть. Спб. 1912. Стр. 287. Ц. 1 р. 30 к.

799. Толстой, Ал. Н., гр. 891.7—3
Родныя мѣста. „Бѣлая библ". Книга 2-я. М. 1912. Изд. „Эпоха". Стр. 61. Ц. 10 к.

800. Черскій, Л. Ф. 891.7—3
Изъ исторіи и жизни. Разсказы и очерки. М. 1912. Изд. М. В. Клюкина. Стр. 56. Съ рис. Ц. 30 к.
Содержаніе: I. Какъ ребята взяли въ плѣнъ француза. II. Первыя сестры милосердія. III. Маленькій чародѣй.

* **Мурашевъ, Г. В.** 891.7.09:92(П)
См. пор. № 823.

801. Александровъ, А. 891.7.09„17"
Изъ уроковъ по русской литературѣ. Часть I. Литература XVIII вѣка. Разборы и планы съ указаніемъ значенія произведеній: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина и Державина. Пособіе для школы и для самообразованія. Харьковъ. 1913. Изд. В. П. Замѣрцъ. Стр. 142. Ц. 1 р. 10 к.

Исторія и географія [9]

802. Савинъ, Альб. и Бурнанъ, Фр. 9(44)
Дни Тріанона. По архивнымъ документамъ и мемуарамъ. Съ иллюстр. Пер. съ франц. Изд. „Образованіе". М. 1912. Стр. 124. Ц. 2 р. 20 к.
Содержаніе: Предисловіе. Двадцатилѣтняя королева. Расцвѣтъ Малаго Тріанона. Празднество въ Тріанонѣ. Семейныя радости. Фаворитки. Приближенные.

803. Головкинъ, Федоръ. 9(47)
Дворъ и царствованіе Павла I. Портреты воспоминанія и анекдоты. Предисловіе и примѣчанія С. Бонвэ. Пер. съ франц. А. Кукеля. Изд. „Сфинксъ". М. 1912. Стр. 455. Ц. 2 р. 50 к.
Содержаніе: Предисловіе. Великій канцлеръ. Дѣти великаго канцлера. Заграничная вѣтвь Головкиныхъ. Графъ Александръ Александровичъ. Послѣдній своего рода. Графъ Федоръ. Дворъ и царствованіе Павла 1. Портреты и воспоминанія. Импер. Елисавета Алексѣевна, супруга Александра I. Корреспонденты Головкина.

804. Ефименко, А. Я., проф. 9(47)(075)
Краткая русская исторія для народн. начальн. городск. учил. и младш. класс. ср. уч. зав. Съ 20 рис. Спб. Изд. Я. Башмакова и К°. 1912. Стр. 93. Ц. 25 к.

805. Жариновъ, Д. и Никольскій, Н. 9(47)(08)
Былое вокругъ насъ. Книга для чтенія по русской исторіи. Со 110 рис., 6 карт. и планами. Изд. Т-ва „Міръ". М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Изъ предисловія: „Составители старались найти осязательные и по возможности характерные остатки старины и, исходя изъ нихъ, дать въ отдѣльныхъ очеркахъ изложеніе всей русской исторіи".

806. [. . . . .] 9(47)(08)
Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей, подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. III. Изд. кн. маг. Н. Н. Оглоблина. Кіевъ. 1912. Стр. 754. Ц. 3 р. 20 к.
Содержаніе: Служилое сословіе. Сельское населеніе московскаго государства въ XVI—XVII вв. Посадскіе люди Московскаго государства. Великій государь и его власть. Боярская дума XV—XVI ст. Земскіе сборы. Приказный строй управленія Московскаго государства. Мѣстное управленіе Московской Руси. Памятники права Московскаго государства. Землевладѣніе и сельское хозяйство въ Московск. государствѣ XVI—XVII вв. Торговля и промышленность. Экономическая политика Московскаго государства въ XVI—XVII вв. и XVII в. Бюджетъ и армія. Монеты Московскаго государства. Народныя волненія въ Московск. государствѣ. Образованность въ Московской Руси. Краткій очеркъ исторіи Новгородской и Московской архитектуры. Московскіе иконописцы и живописцы XV—XVII вв. Домашній и общественный бытъ Московской Руси. Церковные вопросы въ Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в. и дѣятельность патріарха Никона.

807. Мезіеръ, А. В. 9(47)„1812"(08)
1812—1912 г. Отечественная война въ художественныхъ произведеніяхъ, запискахъ, письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Со вступ. статьей, календаремъ событій 1812 г. и 18 иллюстр. Изд. „Спб. о-ва грамотн.". Стр. IV+204. Ц. 30 к.
Содержаніе: Вступленіе. Передъ войной и въ началѣ войны. Война. Отъ Нѣмана до Смоленска. Бородинскій бой. Пожаръ Москвы. Народная война и партизаны. Отступленіе французовъ. Заключеніе.

* **Барятинскій, В. В.,** князь. 9(47):92(А)
См. пор. № 818.

808. Перцевъ, В. и Ефимова, Е. 9 „15:18"
Очерки новой исторіи (XVI—XIX вв.). Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, испр. и доп. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1912. Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Западная Европа въ XVI и XVII. Старый порядокъ. Кризисъ Стараго порядка. Девятнадцатый вѣкъ.

809. Бороздинъ, И. Н., Котляревскій и др. 9„—"+„04:14"
Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, испр. и доп. Кн-во „Польза", Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 236. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Исторія, какъ наука. Древній міръ. Средніе вѣка. Отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

810. Бартеневъ, С. П. 902.6(47.31)
Московскій Кремль въ старину и теперь. Кн. I. Стѣны и башни. Съ историч. схемой, 359 рис. и 6 планами на отд. листахъ. Изд. Министерства Импер. Двора. Ц. 12 р., 25 р. (на краш. бум., въ переплетѣ).

811. Слобожанскій, С. 91(4)(08)
„Европа". Географическая хрестоматія. Ч. I-я. Сѣверъ. Изд. „Вятск. Т-ва." Стр. 350. 1913. Ц. 1 р. 10 к.

Содержаніе: Скандинавія. Данія. Великобританія Ирландія.

812. Лаговъ, Н. М. 91(42)
Лондонъ. Его обычаи и порядки, развлеченія и прогулки, достопримѣчательности, окрестности и др. мѣста. Спб. 1912. Изд. автора. Стр. XIII+347, съ рис. и карт.

813. Шамуринъ, Юрій. 91(47.31)
Подмосковныя. Съ иллюстр. „Культурныя сокровища Россіи". Вып. III. Изд. Т-ва „Образованіе". М. 1912. Стр. 94. Ц. 2 р. 20 к.

Содержаніе: Усадебная культура. Кусково. Архангельское. Останкино. Царицыно. Кузьминки. Ярополецъ. Бѣлая Колпь. Марѣино. Отзвуки прошлаго.

814. Шамурина, З. 91(47.71)
Кіевъ. Съ иллюстр. „Культурныя сокровища Россіи". Вып. II. Изд. „Образованіе". М. 1912. Стр. 83. Ц. 2 р. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Судьбы Кіева. Кіевъ—стольный градъ. Расцвѣтъ украинской культуры. Андреевскій соборъ. Владимірскій соборъ. Современный Кіевъ.

815. Кушелевъ, Ю. 91(51):32
Монголія и монгольскій вопросъ. Спб. 1912. Стр. 123 и 1 карта. Ц. 1 р.

816. Бессель, Л. 91(63)
Какъ я путешествовалъ по Абиссиніи. Библ. И. Горбунова-Посадова. М. 1912. Стр. 87 Ц. 30 к.

Содержаніе: Какъ я попалъ въ Абиссинію.—Массова. — У подножія деги. — Охота. — Абиссинская деревня.— Амба.—Зорке. — Аддп-Пуре.—Гуамари.—Адда.—Судъ.—Домой.

817. Кузьминскій, Конст. 92(А):74
Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстр. Кн-во „Наука" М. 1913 г. Стр. 92. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Имя А. А. Агина не менѣе связано съ Гоголемъ, чѣмъ имя другого иллюстратора—Боклевскаго. Есть даже люди, твердо стоящіе на томъ, что рисунки къ „Мертвымъ душамъ" Агина гораздо выше рисунковъ Боклевскаго".

818. Барятинскій, В. В., князь. 92(А):9(47)
Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I-й — Ѳедоръ Козьмичъ). Съ рис. Изд. „Прометей", Н. И. Михайлова. Спб. Стр 147. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ вступленія: „Скончался-ли Имп. Александръ I въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 г., или-же. предоставивъ хоронить чье-то чужое тѣло, таинственно удалился отъ міра и окончилъ жизнь въ образѣ старца Ѳедора Кузьмича въ окрестностяхъ Томска 20 января 1864 г. Разрѣшеніе этого вопроса — хотя бы принудительное разрѣшеніе—составляетъ цѣль этой книги.

819. Н—ва, Н. 92(В):75
В. М. Васнецовъ. Съ иллюстр. „Летучая энциклопедія". Изд. I. А. Маевскаго. М. 1913 г. Стр. 48. Ц. 15 к.

Содержаніе: Біографія. Творчество. Списокъ главныхъ произведеній.

820. Ивановъ, А. П. 92(В):75
Михаилъ Александровичъ Врубель. Опытъ біографіи. Академія и Кіевскій періодъ (Отд. оттискъ изъ журн. „Искусство" за 1910 и 1911 гг.). Кіевъ. 1912. Изд. журн. „Искусство" 87 стр. Съ 88 рис. Ц. 5 р.

821. М. I. А. 92(М):75
Мурильо. Съ иллюстр. „Летучая энциклопедія". Изд. I. А. Маевскаго. М. 1913 г. Стр. 48. Ц. 15 к.

Содержаніе: Біографія. Творчество. Списокъ главныхъ произведеній.

822. Тассаръ, Фр. 92(М):84.09
Записки о Гюи-де-Мопассанѣ его слуги Франсуа. Пер. съ франц. Спб. 1912. 320 стр.

823. Мурашевъ, Г. В. 92(П):891.7.09
А. С. Пушкинъ. Творчество и личность творца. Политическія убѣжденія А. С. Пушкина. Библіотека учащихся. М. 1912 г. Стр. 66. Ц. 25 к.

824. Ремюза-де. 92(Р)
Мемуары. (1802—1808 г.). Изд. съ предисл. и замѣтками ея внукомъ П. Ремюза. Перев. съ 24 франц. изд. О. И Рудченко. Редакція и вступ. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. М. 1912 г. Изд. К. Ф. Некрасова. Стр. 272. Ц. 2 р.

Изъ вступ. статьи: „При чтеніи мемуаровъ г-жи Ремюза невольно приходятъ на память сцены изъ романа Толстого „Война и Миръ". Мемуары г-жи Р. имѣютъ также большое значеніе въ томъ отношеніи, что указываютъ на тѣ причины, которыя въ значительной степени обусловливали возвышеніе Наполеона".

825. Украинскій, С. 92(Т)
Какъ помогалъ Л. Н. Толстой. (Одно изъ тысячи подобныхъ о немъ воспоминаній). — „Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого". Изд. „Посредника". М. 1912 г. Стр. 8. Ц. 4 к.

826. Срезневскій, В. И. и Тукалевскій, В. Н. 92(Т) : 7

Толстовскій музей въ Петербургѣ. Описаніе музея. Соб. 1912. 190 стр. Ц. 50 к.

827. Конради, В. 92(Ф) : 2

Книга о святомъ Францискѣ. Celano Speculum Fioretti. Изд. „Огни". Спб. 1912 г. Стр. 241. Ц. 3 р.

Содержаніе журналовъ.

„Вѣстникъ Воспитанія". (1912—8) Л. Синицкій. Соціологія въ ея приложеніи къ педагогикѣ. — Н. Румянцевъ. Проблема полового воспитанія съ психологической точки зрѣнія.—Д. Бекарюковъ. Школа и туберкулезъ. — М. М. Рубинштейнъ. Дѣтскія игры и ихъ соціально-жизненное значеніе. — Н. Смирновъ. О преподаваніи психологіи. — Г. Р. На старую тему (о классицизмѣ). — В. Рутценъ. Педагогическая подготовка учителей средней школы. — В. Ч. Попытка общаго учета современнаго состоянія нашего образованія. — А. Цивгеръ. Двухвѣковая годовщина рожденія Руссо въ Женевѣ. — Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Европы". (1912—12). Е. Чириковъ. Изгнаніе, ром. (Оконч.)—Ив. Бунинъ. На дорогѣ, стих.—М. Горькій. Изъ впечатлѣній проходящаго.—Ек. Бунге. Стихотв.—Вл. Бернштамъ. Изъ записокъ адвоката: Сердце плакало.—А. Ѳ. Кони. Изъ области религіозныхъ исканій. (В. Н. Ясевичъ-Бородаевская. „Борьба за вѣру").—Е. де-Роберти. Неопозитивная школа и новыя теченія въ современной соціологіи. — А. Быковъ. Страхованіе рабочихъ, какъ факторъ промышленности и русскіе страховые законы.—М. Ковалевскій. Какъ возникла конституція французской республики.—Н. Котляревскій. Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія 60-хъ годовъ. Н. Г. Чернышевскій и новая вѣра въ философскомъ одѣяніи. — Разсказы изъ англійской жизни. Перев. З. Журавской. — М. А. Осоргинъ. Хроника: Отрывки военныхъ впечатлѣній.—Н. Принъ де-Мираввиль. Письмо изъ Аргентины.—Бар. С. Корфъ. Избраніе Вильсона.—Е. Колтоновская. Гергартъ Гауптманъ.—Л. Слонимскій.— Изъ архива М. М. Стасюлевича. — И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—К. Арсеньевъ. Первые шаги 4-й Думы. — С. Адріановъ. Замѣтки о театрѣ.—Л. Слонимскій. Иностранное обозрѣніе. — А. Дивальковскій. Изъ Базеля. — Литературное обозрѣніе. Вопросы общественной жизни. — Алфавитный указатель „В. Е." —Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Знанія". (1912—11). Проф. Э. А. Шеферъ. Происхожденіе жизни.—С. Д. Лавровъ. Паразитизмъ и явленія регрессивнаго развитія.—Ф. Мыльниковъ. Интересное явленіе.—С. Рыбаковъ. Батырь.—Д-ръ Х. Науногъ. Открытіе новаго народа. — Акад. В. М. Бехтеревъ. Юбилейные дни въ Прагѣ и воспитательное значеніе сокольства. — Пр.-доц. В. Тотомьянцъ. Теорія кооперацій. Ш. Жида. — В. Левицкій. Права войны и современныя войны.—Инж.-техн. А. С. Семеновъ. Чудеса кинематографа.—Э. С. Среди книгъ и журналовъ. — Библіографія. — Научное обозрѣніе: Инстинктъ и разумъ. Климатъ земли. Современныя теоріи теплоты. Изъ біологіи и психологіи одноклѣточныхъ организмовъ. Океанъ и жизнь. „Творческая эволюція" Бергсона и его религіозные взгляды. Библіографія. Хроника.

„Вѣстникъ Мѣстнаго Самоуправленія". (1912—4). Л. Брюхатовъ. Опять за розгу.—Б. Веселовскій. Къ вопросу объ учетѣ результатовъ земской дѣятельности.—К. Пажитновъ. Дороговизна жизни и задачи городовъ въ борьбѣ съ него. — Къ реорганизаціи петербургскаго городского самоуправленія. — Н. Н. Засѣданіе Бюро всероссійской юбилейной земской выставки.— Е. Звягинцевъ. Судьба одного земскаго начинанія. — 2-й съѣздъ по городскому и земскому строительству. — Хроника земствъ и городовъ. — Корреспонденціи.—Обзоръ печати.

„Для Народнаго Учителя". (1912—18). М. Ланге. Картины школьной жизни Мюнхена. Г. Поляковъ. Законопроектъ о реформѣ учительскихъ институтовъ. П. Гутеръ. Народное образованіе въ Бессарабіи.—М. Безперстовъ. Дѣтскій клубъ при Сыромятническомъ 3-мъ мужскомъ училищѣ въ Москвѣ.—П. Ѳ. М. „О роли американскихъ университетовъ, какъ дѣятелей внѣшкольнаго образованія".—Д. М. Б—скій. Германскія вспомогательныя школы.—А. Г. М. Роль лирики въ прогрессѣ человѣческаго общества.—Г. С. Ф. Ф. Ольденбургъ.— Н. Чеховъ. Лѣтнія общеобразовательныя лекціи въ Москвѣ. — Работы по народному образованію въ Москвѣ. — П. Шестаковъ. Журналы для юношескаго и дѣтскаго чтенія.— Библіографія.— П. С—инъ. Изъ писемъ учителей.

„Жизнь для Всѣхъ". (1912—11). А. Липецкій. Воспоминаніе, стих.—Н. Матвѣевъ. Убійца, разск.—К. В. Дубровскій. Вѣрь!.. стих.—И. Трубинъ. Первопутье. (Памяти Л. Н. Толстого).—Я. Дробинскій. Въ поѣздѣ, стих. — С. Т. Семеновъ. Степановы яблони, разск.—К. В. Дубровскій. Изъ осеннихъ мотивовъ, стих.—А. Замираловъ. Ссора, разск.—Н. Песочинскій. Осенній мотивъ.—В. Брусяninъ. Безъ солнца, разск.—С. Арамановъ. Лѣсъ, какъ сообщество.—Л. Днѣпровичъ. Бѣлый путь, стих.—Н. А. Рубакинъ. Бесѣды о самообразованіи.—А. Лурія. Выборъ дара (памяти Л. Н. Толстого), стих.—Н. Н-въ. Живыя слова (памяти Л. Н. Толстого).—Н. Мировичъ. Дѣло Марка Вилькса и женское движеніе въ Англіи.—Л. Логиновичъ. Ф. Ницше.—В. Поссе. Въ поискахъ Россіи. — Г. Лебедевъ. Бесѣда съ депутатами 4-й Госуд. Думы (Чхеидзе, Даюбинскій, Милюковъ, Родичевъ, Шингаревъ, Некрасовъ, еп. Никонъ). — В. Поссе. Война и Дума.—Д-скій. Страничка изъ исторіи средней школы.—Библіографія.—Товарищеская бесѣда.

„Запросы Жизни". (1912—46). Проф. М. И. Чубинскій. Задачи дня.—Проф. М. В. Бернацкій. Страна пробуждается.—Проф. А. Л. Погодинъ. Сектантскіе процессы.—Р. де-Маркеттъ. Современные греки.—Vera Starkoff. (Парижъ). Литературные принципы. — П. С. Юшкевичъ. О толкованіи худож. произведеній.—За недѣлю.—Литературное обозрѣніе.—Наука и техника.

„Запросы жизни". (1812—47). Р. М. Бланкъ. Первые шаги 4-й Госуд. Думы. — Prof. Charles Richet. Стоимость общеевропейской войны.—Студ. М. Студенческія настроенія.—М. П. Невѣдомскій. Саморазъясненіе г. Сологуба.—Б. М.

Эйхенбаумъ. Новое о Гончаровѣ. — Сванте Аррениусъ. Млечный путь.—Н. Я. Быховскій. На тюремномъ положеніи.—За недѣлю.—Соціально-экономич. обозрѣніе.—Библіографія.

„Наша Заря“. (1912—9—10). К. Дмитріевъ. Изъ итоговъ 1912 г.—Н. Петровичъ. Минимумъ въ домашней промышленности.—В. Косовскій. Нѣмецко-чешскій конфликтъ въ австрійскомъ рабочемъ движеніи. (Оконч.).—Ортодоксъ. О посмертныхъ художеств. произведенія Л. Н. Толстого. (Оконч.).—П. Масловъ. Новыя искапія въ народничествѣ. — А. Мартыновъ. Соціальная недѣля.—Иностранное обозрѣніе: П. К-ій. С.-д. партейтагъ въ Хемницѣ.—Политич. обозр.: М. Леонтьевъ. Съѣздъ фабричныхъ инспекторовъ по страхованію.—Ф. Данъ. Передъ новой Думой.—Л. Мартовъ. Выборныя замѣтки. — Чореванинъ. Итоги выборной борьбы.—В. Ленинскій. Соц-д-тія во II-й городской куріи.—Мих. Оскаровъ. Итоги выборовъ по рабочей куріи. — В. Косовскій. Письмо въ редакцію. (Непростительная демагогія).

„Новая Жизнь“. (1912—11). П. Соловьева (Allegro). Перекрестокъ, повѣсть въ стихахъ.—В. Винниченко. Ожиданіе, разск.—Н. Крандіевская. Три стихотворенія.—Я. Вассерманъ. Романъ мужчины сорока лѣтъ. (Оконч.). Перев. съ рукописи. З. Венгеровой.—Ѳ. Сологубъ. Слаще яда, ром. (Оконч.).—А. Крайній. Жизнь и литература.—В. Г. Танъ. Новая Америка (Джекъ Лондонъ).—З. Венгерова. Судъ надъ О. Уайльдомъ.—Н. Березинъ. Теорія о зарожденіи жизни.—П. Берлинъ. Наши Сійесы.—Н. Борецкій-Бергфельдъ. Балканскій кризисъ и Европа.—Ал. Коллонтай. „Союзъ защиты материнства“ и основы сексуальной морали.—Л. Клейнбортъ. Отклики русской жизни. Къ открытію 4-й Гос. Думы.—Критика и библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“. (1912—11). С. Юшкевичъ. Еврейское счастье, разск.—Б. Верхоустинскій. Воръ, разск.—С. Ѳоминъ. А. Рославлевъ, Ѳ. Сологубъ, С. Клычковъ. Стихотворенія.—Н. Абрамовичъ. Проблемы воли въ современной литературѣ.—Н. Березинъ. Половой диморфизмъ.—Е. Колтоновская. И. А. Бунинъ.—Ѳ. Зѣлинскій, проф. Право и сила въ античномъ государствѣ. — П. Рыссъ. Изъ американскихъ впечатлѣній.—М. Новорусскій. Чайный уголокъ въ Россіи.—Ст. Ивановичъ. Текущая жизнь съ публичнаго торга.—П. Б. Страницы прошлаго.—Новыя книги.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1912—8). В. Белюстинъ. Новый методъ ученія—трудовой. — К. Лебединцевъ. Вопросъ о дробяхъ въ курсѣ ариѳметики.—В. Мурзаевъ. Творческій элементъ въ объяснительномъ чтеніи художественныхъ произведеній. (Оконч.).—П. К-нъ. Реформа школьныхъ сочиненій въ Германіи. — П. Мижуевъ. Школа и общество въ Англіи. (Оконч.).—А. Барковъ. Средняя школа въ Германіи. (Продолженіе).—Хроника школьной жизни.—Критика и библіографія.

„Природа“. (1912—11). Проф. О. Д. Хвольсонъ. Принципъ относительности.—Проф. Б. Ф. Веригo. Полъ съ точки зрѣнія современной біологіи.—Прив.-доц. А. И. Ющенко. Душа и матерія.—Ж. Шефферъ. Протоплазма и коллоиды.—Научныя новости и хроника.—Смѣсь.—Астрономическія извѣстія. — Метеорологическія извѣстія.—Библіографія.

„Русское Богатство“. (1912—11). Вл. Табуринъ. Лука и сѣрый.—Н. Карѣевъ. Политическія выступленія парижскихъ секцій.—А. Чумаченко. Весеннія терцины, стих.—Д. Айзманъ. Подобіе Божіе.—Н. С. Страхованіе отъ безработицы на Западѣ.—М. Кисинъ. „Какъ всѣ“.—Г. Федеровъ. Прометей.—В. Фигнеръ. Изъ политической жизни 80-хъ годовъ.—Панъ. На лося.—В. Ладыженскій. По берегу, стих.—Гр. Домрачевъ. Корнеты и сугубцы.—В. Микотинъ. Очерки соціальной исторіи Малороссіи.—С. Елпатьевскій. Л. Н. Толстой.—П. Покровскій. Свобода слова въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.—Ѳ. Д. Крюконъ. Въ нижнемъ теченіи.—Діонео. Изъ Англіи. — А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни. — Діонео. Замѣтка.—Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни. — С. Елпатьевскій. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. — Отзывы по поводу смерти Н. Ѳ. Анненскаго.—Новыя книги.—Отчетъ конторы.

„Русская Школа“. (1912—10). Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія.—С. Позверъ. Основы системы, „физическаго образованія“ П. Ф. Лесгафта. — П. Жулевъ. Современный читатель изъ народа. (Оконч.).—А. Вишняковъ. Очерки современной французской школы. (Оконч.).—С. Ф. Знаменскій. Трудовая школа въ теоріи и на практикѣ въ Германіи.—Н. П. Малиновскій. Очерки по исторіи начальной школы. (Продолж.). — Н. Бочкаревъ. Американскій методъ обученія грамотѣ на русской почвѣ.—П. Бахтинъ. Руссо и его педагогическія воззрѣнія. (Продолж.).—В. Колпаковъ. Методическія бесѣды по теоріи пѣнія съ краткими свѣдѣніями изъ элементарной теоріи музыки и гармоніи.—Экспериментальная педагогика. Н. Смирновъ. Къ вопросу о развитіи суженій въ школьномъ возрастѣ. Н. Румянцевъ Библіографія. К. Г. и А. Ж. Новости иностр. литературы.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Свободное Воспитаніе“. (1912—13—3). П. Горбуновъ-Посадовъ. Вторая годовщина кончины Л. Н. Толстого.—М. Аб—ва. Къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ. — И. М. Солоньевъ. Л. Н. Толстой и творческіе запросы дѣтей. — А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Англія. IV. (Радикальное направленіе). Школа „Домъ Рескина“.—Д-ръ Н. Кабановъ. Совмѣстное обученіе. — С. Левитинъ. Трудовая школа — школа будущаго. — Кершенштейнеръ. Образцовая организація народныхъ школъ для городовъ.—Е. Ланглей. Ручной трудъ въ элементарной школѣ. — Е. Вагнеръ. Дѣтскій школьный клубъ.—Черный Всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ, созываемой Россійскою Лигою равноправія женщинъ.—Изъ газетъ и журналовъ: 1) „Клубъ здоровья“. 2) Новая школа въ Англіи. 3) Къ методикѣ экскурсій.

„Современный Міръ“. (1912—11). Ив. Бунинъ, В. Кожевниковъ, Е. Бунге, А. Черный, П. Егоровъ, В. Нарбутъ и Демьянъ Бѣдный. Стихотворенія.—А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. (Оконч.).—И. Шмелевъ. Стѣна, повѣсть. — И. Потапенко. Туманы, повѣсть. — Вл. Ладыженскій. Дома, очерки. — А. Беннетъ. Святая любовь, ром. — Н. Рязановъ. Карлъ Марксъ и русскіе люди 40-хъ годовъ. — Ортодоксъ. Душевная трагедія Л. Н. Толстого, какъ основа его вѣроученія.—Ю. Стеклонъ. Новѣйшія теченія во французскомъ антисемитизмѣ. — І. Лукашевичъ. Научное обо-

зрѣніе.—Володинъ. Соборъ и патріаршество.—К. Вейдемюллеръ. Международная революція.—Б. Львовъ-Рогачевскій. Художникъ обездоленныхъ. (И. Шмелевъ).—Вл. Вольскій. За свободу печати.—Н. Іорданскій. Передъ Думой.—Вл. Кранихфельдъ. И. А. Бунинъ.—Вл. Кранихфельдъ. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Критика и библіографія.

„Украинская Жизнь“. (1912 — 11).—А. А. Русовъ. Н. В. Лисенко. (Вмѣсто некролога).—С. В. Петлюра. Памяти Н. В. Лисенка.—С. А. Ефремовъ. Передъ спущенной занѣсой.—П. И. Чижевскій. Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—Дм. Донцовъ. Украина въ новѣйшей европейской литературѣ. — С. А. Буда. Украинскій театръ. — К. Шероцкій. Мотивы украинскаго орнамента.—А. П. Новицкій. Къ вопросу объ украинскомъ стилѣ.—На Украйнѣ и внѣ ея.—Библіографія.—Литературная лѣтопись.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. т-ва „Просвѣщеніе“.

А. Алтаевъ. Впереди вѣковъ. 75 к.
„ Звѣзда Италіи. 50 к.
„ Подъ знаменемъ „Башмака“. 75 к.
„ Сказки жизни. 1 р.
П. Инфантьевъ. Побѣгъ. 40 к.
С. Орловскій. Родныя и чужія были. 2 р. 25 к.
Н. Каринцевъ. Шведскія народныя сказки.
Н. О. Олигеръ. Собраніе сочин. Т. II. 1 р. 25 к.
Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Золото. 1 р. 50 к.
В. Н. Немировичъ-Данченко. Гроза. Ч. I и II. По 1 р. 25 к.
„ Край золотого заката. 2 р. 50 к.
Б. Лазаревскій. Собраніе сочин. Т. IV. 1 р.
Н. М. Осиповичъ. Собраніе сочин. Т. IV. 1 р. 25 к.
В. П. Кранихфельдъ. Въ мірѣ идей и образовъ. Т. II. 1 р. 25 к.
А. Г. Горкфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Т. I. 1 р. 25 к.
Вольтеръ. Сочиненія. 1 р.
Х. Поитоппиданъ. Счастливчикъ Перъ. Т. т. I, II и III. По 1 р.
В. Гюго. Человѣкъ, который смѣется. Т. т. I. и II. По 1 р. 25 к.

Изд. „Образованіе“.

Д. К. Третьяновъ. Человѣкъ и животныя. 90 к.
Р. Авенаріусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силы. 60 к.
Л. А. Чугаевъ, проф. Періодическая система химическихъ элементовъ. 1 р. 75 к.
Новыя идеи въ математикѣ. Сборн. № 1. 80 к.
Новыя идеи въ физикѣ. Сборн. № 2. Изд. 2-е. 80 к.
Новыя идеи въ физикѣ. Сборн. № 4. 80 к.
Новыя идеи въ философіи. Сборн. № 3 и 4. По 80 к.

Л. Н. Толстой. Ариѳметика. Изд. И. И. Горбунова-Посадова. 25 к.
С. Украинскій. Какъ помогалъ Л. Н. Толстой. Изд. И. И. Горбунова-Посадова. 4 к.
Э. Фагэ, акад. Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ. Изд. „Звѣзда“. 1 р. 50 к.
В. Эрнъ. Русскіе мыслители. Г. С. Сковорода. Изд. „Путь“. 2 р.
Д. А. Ланда. Практическій самоучитель латинск. яз. для дрогистовъ. Изд. „Порядокъ“. 60 к.
де-Ремюза. Мемуары. Изд. Некрасова. 2 р.
Ф. М. Клингеръ. Жизнь, дѣяніе и гибель Фауста. Изд. Некрасова. 1 р. 80 к.
Н. Я. Абрамовичъ. Женщина и міръ мужской культуры. Изд. „Свободн. Путь“.
Н. Кочергинъ. Подробныя новѣйшія программы по русск. яз. и словесности въ ср. уч. завед. Изд. „Молодыя Силы“. 15 к.
З. Корецкая. Бунтъ молодой души. Т. I. Изд. I. В. Корецкаго. 1 р. 25 к.
Д. Д. Галанинъ. Наглядныя пособія въ преподаваніи ариѳметики. Изд. журн. „Педаг. Обозр.“. 35 к.
Г. В. Мурашевъ. А. С. Пушкинъ. 25 к.
И. Данилинъ. Наслоенія. 10 к.
Р. Ивневъ. Самосожженіе. (Откровенія). Кн. I. 50 к.
М. Интегралъ. Мертвыхъ крылатыя очи. Стихи. 25 к.
Ѳ. М. Самоненко. Антологія современной поэзіи. „Чтецъ-декламаторъ“. Т. IV. 1 р. 25 к.
„Чтецъ-декламаторъ“. Т. I. 1 р. 25 к.
Вл. Курбскій. Очерки студенческой жизни. 1 р.
А. А. Селитренниковъ. Испанія и Лиссабонъ. 75 к.
Ип. Тэнъ. Наполеонъ. Изд. „Мусагетъ“. 80 к.
Ан. Доброхотовъ. Пѣсни воли и тоски. 1900—1912 г.г. 1 р. 50 к.
Н. Д. Успенскій. Внутренній кругъ. 1 р. 20 к.

Издатели: { **В. Крандіевскій.** **В. Носенковъ.**

Редакторъ **В. Крандіевскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ДЛЯ ЛЕКЦІЙ и НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

свѣтовыя картины и волшебные фонари въ мастерской **С. А. Баранова.**

Москва, Малая Сухаревская площ., д. 6. Тел. 110-70. Мастерская имѣетъ слѣдующіе каталоги: 1) Общій каталогъ по всѣмъ отраслямъ знаній — ц. 1 р.; 2) Тотъ же каталогъ сокращённый — безплатно; 3) Каталогъ по сельскому хозяйству — ц. 50 к., земствамъ безплатно; 4) Каталогъ волшебныхъ фонарей — безплатно: 5) Юбилейный каталогъ 1812 — 1912 гг.— безплатно; 6) Печатается спеціальный каталогъ для средней школы. Срочное изготовленіе картинъ для лекцій.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Открыта подписка на 1913 г. Самый дешевый, ежемѣсячный доступный широкой массѣ читателей, издающійся шестой годъ. 2 руб. 20 коп. въ годъ. Краткій перечень сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Бунинъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондурушкинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, графъ А. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ, и др.; научно-попул. и критич. отд.: проф. Е. Аничковъ, П. Берлинъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, Н. Лернеръ, А. Луначарскій, Н. Рубакинъ, академ. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. П. Озеровъ, проф. В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковскій и друг. На 1913 годъ подписчики получатъ: 12 книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, разсказы, стих., статьи по вопросамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ и проч. 6 книгъ безплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современныхъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Карлинъ Михаэлисъ, Як. Вассермана и др. 12 картинъ безпл. приложенія въ три краски, на веленевой бумагѣ: снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размѣръ каждой картины—форматъ страницы журнала.

Подписная цѣна: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода. Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. Пробные №№ за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи. Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены. Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19, „Новый Журналъ для Всѣхъ". До 1 декабря 1912 г. льготная подписка: новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря, получатъ, кромѣ журнала и безпл. прилож. въ 1913 г., еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г.

Ред.-изд. *И. М. Розенфельдъ.*

Новая Жизнь.

Открыта подписка на 1913 г. на самый дешевый изъ толстыхъ ежемѣс. журн., до 300 стр. уборист. шрифта, при участіи лучш. литературн. силъ. 4-й годъ изд. 4 р. 90 к. безъ прилож. 7 р. 20 к. съ 12 кн. прилож. Краткій перечень сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, И. Бунинъ, В. Вересаевъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, Д. Мережковскій, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сергѣевъ-Ценскій, Ѳедоръ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др. Обществ.-полит., критич. и научн. отд.; проф. Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ, П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ, Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К. Чуковскій, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ и др. На 1913 годъ подписчики получатъ: 12 книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы: А. Грандіевской, И. Потапенко, фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы выдающ. иностран. писат., повѣсти, разсказы, статьи по вопрос. литерат., науки, искусства, общ.-полит. и проч. 12 книгъ безпл. прил. полн. собр. соч. попул. америк. беллетр. Джека Лондона, въ единств. авторизов. пер. І. А. Маевскаго, съ біогр. и портрет., стоющ. въ отд. продажѣ—16 р. 12 книгъ сост. свыше 3840 стран. текста.

Цѣна: на 1 годъ—7 р. 20 к., на полгода—4 р. (Разср.: 3 р.—при подп., 2 р. 20 к.—1 марта и 2 р.—1 іюля). Безъ прилож.: на 1 годъ — 4 руб. 90 коп., на полгода — 2 р. 70 к. (Разср.: 3 руб. при подп. и 1 р. 90 к.—1 іюля).

Совмѣстная подписка на „Новый Журн. для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (съ прилож.) на 1 годъ—9 р. (Разср. 4 р.—при подп., 3 р.—1 марта и 2 руб.—1 іюля). На „Новый Журналъ для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (безъ прил.): на 1 годъ 6 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 марта и 1 р. 60 к.—1 іюля). Подробн. просп.—безплатно. Пробные №№ за двѣ 7-ми коп. марки. Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи. Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19. К-ра журн. „Новая Жизнь". До 1 декабря 1912 г. льготная подписка: новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря, получатъ, кромѣ журнала и безпл. прил. въ 1913 г., еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г.

Ред.-изд. *И. М. Розенфельдъ.*

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Н. Н. Печковской и книж. маг. „Наука" (Б. Никитская, 10), „Новое Время" и „Трудъ" (С. Скирмунда), гдѣ можно видѣть образ. прилож. — том. соч. ДЖ. ЛОНДОНА.

Книжный складъ „ПРОВИНЦІЯ".

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6. Телеф. 86-20 и 137-97.

I. Д-ръ Алоизъ Гёфлеръ. **ОСНОВНЫЯ УЧЕНІЯ ЛОГИКИ** Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія І. Давыдова и С. Салитанъ.

Съ предисловіемъ прив.-доц. Императ. Спб. Универс. И. И. Лапшина. Цѣна 1 р. 50 к. — Спб., 1910.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ качествѣ руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ отзывовъ о книгѣ: „Появленіе учебника Гёфлера на русскомъ языкѣ можно только привѣтствовать. Отчетливое изложеніе формальныхъ элементовъ логики, изобиліе примѣровъ изъ области математики, естествознанія и гуманитарныхъ наукъ, значительный матеріалъ для формально логическихъ упражненій, — все это дѣлаетъ трудъ Гёфлера полезнымъ пособіемъ и для гимназиста, и для студента, и при прохожденіи школьнаго курса, и при самостоятельныхъ занятіяхъ логикой". (Изъ предисловія къ русскому изданію прив.-доц. С. Петербургскаго Университета, доктора философіи *И. И. Лапшина.*)

II. Д-ръ Александръ Пфендеръ. **ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ** Переводъ І. А. Давыдова. Цѣна 2 руб.

Изъ отзывовъ о книгѣ: „Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ по психологіи: на русскомъ языкѣ не имѣется ни одного „Введенія" въ эту науку. А трудъ Пфендера, какъ по своей глубинѣ и серьезности трактованія психологическихъ проблемъ, такъ и по общедоступности изложенія вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. („Рѣчь". 1909 г., № 86).

„Наиболѣе характерная черта этого цѣннаго произведенія — стремленіе удалить изъ психологіи всѣ инородныя тѣла или сдѣлать, ихъ удобоваримыми для психологіи... Авторъ стремится устранить всѣ тѣ искаженія, которыя внесены въ психологію привнесеніемъ точекъ зрѣнія другихъ наукъ и въ особенности теоріи познанія... Особенно много даютъ главы о представленіяхъ, о сознаніи, самосознаніи и безсознательномъ, о психическомъ субъектѣ... Много поучительнаго содержится также въ главѣ о методахъ психологіи, очень осторожно и вдумчиво написанной. Весьма тонко разобранъ вопросъ о взаимодѣйствіи души и тѣла. Написано введеніе понятно и просто, общедоступно. Для занимающихся психологіей подобное философское, такъ сказать, введеніе — очень хорошее пособіе. Переводъ читается легко". (*Н. С—ъ.* „Русскія Вѣдомости". 1910 г., № 20).

Спеціальность склада — исполненіе заказовъ для разнаго рода библіотекъ. Подробные каталоги склада по требованію БЕЗПЛАТНО.

Подписка на **С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ** въ 1913 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казен. приб.	
	на 1 г.	6 мѣс.	1 мѣс.	на 1 г.	6 мѣс.
Съ доставкой по городской почтѣ . . . } Съ пересылкой иногородн. . . . . }	6 р.	3 р.	1 р.	14 р.	7 р.
За границу	20 р.	10 р.	2 р.	28 р.	14 р.

Желающіе выписать газету на срокъ менѣе 6 мѣс. вносятъ подписную плату въ размѣрѣ **одного рубля** за каждый мѣсяцъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Годовая подп. — только съ 1-го января по 31 декабря.

Подписка на газету съ „Прибавл. къ С.-Петерб. Вѣдом." (казенныя объявленія) только годовая или полугодовая. Въ розничную продажу „Прибавл." не поступаютъ.

При высылкѣ деньгъ почтовымъ переводомъ просятъ обозначать требованіе о высылкѣ газеты **на самомъ переводѣ**, а не въ отдѣльномъ письмѣ.

При перемѣнѣ адреса городскимъ подписчикамъ слѣдуетъ прислать прежній, или № подписного билета, а иногороднимъ—прежній адресъ, или прислать бандероль, подъ которой высылается газета. За перемѣну адреса уплачивается: съ городского на иногородній — 60 коп., съ иногороднаго на иногородній—40 коп. При перемѣнѣ городского или иногородн. адреса на заграничный доплачивается почтовыхъ расходовъ 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Шпалерная, № 26. Редакторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій.

СИБИРСКІЯ ВѢСТИ

большая прогрессивная газета. Открыта писка на 1913 годъ. Годъ изданія 2-й. Выходящая въ Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ. Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ангарскій (В. В. Леоновичъ), Т. О. Бѣлоусовъ, Ст. Байкаловъ, Бѣлинъ, Оспиъ Б—ичъ, Эрестъ Георгіевъ, М. До—овъ, Ѳ. Донецкій, Исаакъ Г., Дм. Илимскій, М. Изюмскій, Евгеній Колосовъ, Николай Катинъ, С. Крайскій, Ник. Ив. Кулябко-Куроцкій, К. Л—инъ, Ф. Н. Лявды, Ѳ. Лобедевъ, Маркъ Омичъ, Скальдъ, Л. Ц., Владиміръ Черновъ, Вяч. Шишковъ, А—евъ и мн. другіе. Газета имѣетъ корреспондентовъ по Сибири, Европейской Россіи и за границей.

Подписная цѣна: на 1 годъ—7 руб., на полгода—3 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—1 р. За границу: на 1 годъ—12 р., на полгода—7 руб., на 3 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—2 р.

Адресъ редакціи и конторы: Иркутскъ, уголъ Большой и 3-й Солдатской, д. № 20, Іодловскаго, гдѣ помѣщаются писчебумажный магазинъ и типографія Т-ва „М. П. Окуневъ и К°."

Редакторъ-издательница *К. П. Окунева.*

Одесскій Листокъ

ежедневная, общественно-политическая, литературная и коммерческая газета. Открыта подписка на 1913 годъ. Годъ изданія 40-й.2 раза въ недѣлю—безплатныя иллюстрированныя приложенія. Рисунки дамскихъ модъ. Шахматы и шарады. Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе столичные и мѣстные журналисты и писатели. Въ 1913 году „Одесскій Листокъ" будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, значительно усиленномъ за послѣднее время. Составъ сотрудниковъ безпрестанно дополняется новыми силами. Подробный справочный отдѣлъ—въ немъ, между прочимъ, помѣщаются списки прибывшихъ въ кассу по уплатѣ наложенныхъ платежей Ю.-З. ж. д. извѣщеній на отправленные грузы. Завѣдуетъ редакціей И. В. Александровскій. Секретаремъ редакціи свыше 30 лѣтъ состоитъ В. Я. Лучинскій.

Подписная цѣна газеты: Въ Одессѣ: съ доставкой на домъ. На полгода—6 руб.; на 3 мѣс.—3 руб. 50 коп.; на 1 мѣс.—1 руб. 20 коп. На города: съ пересылкой по почтѣ. На полгода—7 руб.; на 3 мѣс.—3 руб. 80 коп.; на 1 мѣс.—1 руб. 30 коп.

Допускается разсрочка годовой подписной платы. Въ Одессѣ въ 2 срока: 1 янв.—5 руб. и до 1 іюня—5 руб. Въ Одессѣ въ 3 срока: 1 янв.—4 руб. къ 1 апр.—3 руб. и къ 1 авг.—3 руб. Для иногородныхъ въ 2 срока: 1 янв.—6 руб. и до 1 іюня—6 руб. Для иногородн. въ 3 срока: 1 янв.—4 руб., къ 1 апр.—4 руб. и къ 1 авг.—4 руб. За границу къ иногородней цѣнѣ приплачив. по 1 руб. за каждый мѣс. За перемѣну иногородн. адреса взимается 20 коп. Квитанція на подписку оплачивается гербовымъ сбор. въ 5 коп. за счетъ подписч. Въ розничной продажѣ № газеты 5 коп. Плата за объявленія: впереди текста по 40 коп. за строку новпареля въ одинъ столбецъ, а позади текста по 20 коп. за печатн. строку новпареля въ одинъ столбецъ за каждый разъ, на 2 и 3 стр. вверху текста 60 коп. за строку. Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или завятій, печатаются позади текста съ платою ниже таксы. Въ иллюстрированномъ приложеніи 40 коп. за строку на 4 стран.

Контора газеты: открыта съ 9 час. утра до 7 час. веч. въ Одессѣ, Ланжероновская ул., рядомъ съ Городскимъ театромъ, въ домѣ редактора-издательницы С. М. Навроцкой. Телефонъ: редакціи за № 56, конторы № 28, типографіи № 120. Редакторъ-издательница *С. М. Навроцкая.*

ЗАВѢТЫ

ежемѣсячный журналъ. Открыта подписка на 1913 годъ. 2-й годъ изданія. Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напечатаны произведенія: Гр. А. Н. Толстого (Комедія въ 5 д. „Лѣнтяй"), Ю. Балтрушайтиса („Кочевники"—поэма, „Искры и Звѣзды", „Шелестъ травъ" и др.), В. Вишневскаго („Федоръ Биланъ"), Бориса Зайцева („Грѣхъ"), А. И. Иванчина-Писарева (Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ"), М. Пришвина („Въ слоновой долинѣ"), А. Ремизова („Сказъ и розсказни", „Вещь темная" и „Свѣтъ немеркнущій"), С. Сергѣева-Ценскаго („Лерикъ"), Ѳ. Сологуба (разсказы), И. Шмелева („Подёнка" и др.). Статьи: А. Бахя, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А. Воронова, Н. Геккера, А. Гуковскаго, А. Дермана, С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лункевича, Г. Лягорделя, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитникова, М. Ратнеръ, Н Русанова (Н. Е. Кудрина), Скиоа, Н. Суханова, Б. Бервенкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др. Постоянные отдѣлы: „Историческіе матеріалы по литературѣ и общественному движенію": о А. Герценѣ, Н. Михайловскомъ, Н. Чернышевскомъ, Г. Успенскомъ, И. С. Тургеневѣ, Петрашевцахъ, Каракозовѣ, М. Гоцѣ и др. „Дѣла и дни"—Я. Вѣчевъ (В. Черновъ). Литература и общественность"—Р. Ивановъ-Разумникъ. „По градамъ и весямъ".—М. Пришвинъ. „Свое и чужое". (Русск. жизнь).—С. Мстиславскій. Текущая жизнь.

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—10 руб.; на 6 мѣс.—5 руб.; на 3 мѣс.—2 р. 50 коп.; на 1 мѣс.—85 коп. Отдѣльная книга 1 руб., съ налож. плат. 1 руб. 20 коп. За границу 13 руб., 7 руб. 50 коп., 3 руб. 25 коп. Подписавшіеся на весь 1913 годъ имѣютъ право получить комплектъ №№ 1912 года, вмѣсто 8 руб., за 5 руб. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся №№ 1912 года, подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки. Въ 1912 году напечатаво: И. Бунина („Веселый дворъ"), В. Вишневченко (Исторія Акимова зданія"), М. Горькаго („Рожденіе человѣка"), М. Пришвина („Иванъ-Ославничекъ"), А. Ремизова („Бисеръ малый"), В. Рошина („То, чего не было"), С. Сергѣева-Ценскаго („Около моря"), П. Сургучева („Торговый Домъ") и др.

Подписка принимается: Въ С.-Перербургѣ—въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного. Телефонъ 193-27; въ Москѣ —въ конторѣ Н. П. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за пересылку деньгъ. Въ Москвѣ складъ журнала—книжн. маг. „Наука" Б. Никитская.

Издательница *С. А. Иванчина-Писарева.* Редакторъ *П. П. Инфантьевъ.*

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

годъ XIX въ 1913 г. будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1913 года. Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) обзоръ иностраннаго законодательства; свѣдѣнія о новыхъ законопроектахъ иностранныхъ государствахъ; 6) письма изъ Англіи и изъ Парижа; 7) обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Подписная плата 8 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою. Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года. Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года. Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — по 5 рублей въ годъ. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля. Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10% за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%. Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28. Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 рублей за страницу и 4 руб. за полстраницы. Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ѳ. Дерюжинскій.*

Голосъ Минувшаго.

Открытта подписка на 1913 г. на новый ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы, издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго. Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы, русской и всеобщей. Въ выборѣ темъ и въ характерѣ изложенія журналъ будетъ избѣгать всего, носящаго узко-спеціальный характеръ, и имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ читателей. Программа журнала: I. Историческая беллетристика. II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ. III. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи. IV. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д. V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей. VI. Критика и библіографія. VII. Новости русской и иностранной науки. VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. IX. Хроника. Журналъ будетъ иллюстрированъ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1913 года. До настоящаго времени согласились принять участіе: проф. С. В. Аскеназы, проф. Г. Е. Афанасьевъ, поч. акад. К. К. Арсеньевъ, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ. И. И. Бирюковъ, поч. акад. П. Д. Боборыкинъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. П. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, В. Я. Брюсовъ. проф. В. П. Бузескулъ, Н. П. Бѣлоконскій. прив.-доц. Н. П. Васпленко, А. М. Васютинскій, поч. акад. А. М. Весселовскій, проф. С. А. Венгеровъ. проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Р. Ю. Виппперъ. М. Л. Вишницеръ, Е. Н. Водовозова. В. Е. Водовозовъ, Ч. Вѣтринскій. Г. П. Георгіевскій. М. О. Гершензонъ, С. М. Горяиновъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. Э. Д. Гриммъ, А. Е. Грузинскій, проф. М. С. Грушевскій, акад. М. А. Дьяконовъ. проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. Е. Ефименко, проф. В. А. Желѣзновъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ. И. И. Игнатовичъ. И. И. Игнатовъ, проф. В. С. Іконниковъ, В. В. Каллашъ. проф. Н. П. Карѣевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. М. М. Ковалевскій. прив.-доц. П. С. Коганъ, Л. С. Козловскій, поч. акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корнильовъ, В. Г. Короленко, проф. С. А. Корфъ, акад. Н. А. Котляревскій, К. С. Кузмпнскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ. прив.-доц. Н. К. Кульманъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, П. О. Лернеръ, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій. Е. А. Ляцкій. проф. А. А. Мануиловъ, Б. Л. Модзалевскій, В. А. Микотинъ, В. П. Обнинскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. Н. Перцевъ, проф. Д. М. Петрушевскій, пр.-доц. Н. К. Пиксановъ; прив.-доц. В. П. Пичета, М. П. Покровскій. проф. М. М. Покровскій, Т. П. Полнеръ, С. П. Прокоповичъ. А. С. Пругавинъ, проф. М. П. Ростицевъ, В. А. Розенбергъ, проф. М. Н. Розановъ, прив.-доц. П. П. Романовъ, П. С. Русановъ. И. С. Рябининъ. проф. А. Н. Савинъ. В. П. Саитовъ. С. Г. Сватиковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. В. В. Сипонскій. В. П. Срезневскій, прив.-доц. Б. П. Сыромятниковъ, проф. М. П. Сперанскій. проф. Е. В. Тарле, проф. П. И. Фирсовъ, пр.-доц. С. Ѳ. Фортунатовъ, пр.-доц. В. М. Фриче. проф. М. М. Хвостовъ, А. А. Чебышевъ, акад. А. А. Шахматовъ. прив.-доц. А. И. Якоплевъ. Н. А. Ящукъ и друг. Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ особо.

Условія подписки: на годъ 8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ: 1) Въ конторѣ журнала, Пятницкая, типографія Т-ва И. Д. Сытина; 2) въ Отдѣлѣ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина (Кузнецкій Мостъ. д. кн. Гагарина); 3) въ конторѣ „Русскаго Слова“ (Тверская); 4) во всѣхъ розничныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. Въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина, а также въ книжномъ складѣ „Провинція“ С.-Пб., Стремянная, 6). Адресъ редакціи: Москва. Знаменка, д. № 15. кв. № 15.

Редакторъ-издатель *С. П. Мельгуновъ.*

ПРИРОДА

журналъ для самообразованія. Ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ. (2-й годъ изданія) подъ редакціей проф. В. А. Вагнера (Спб.), проф. Л. В. Писаржевскаго (Спб.) и препод. В. Ж. К. Л. А. Тарасевича (Москва). Открыта подписка на 1913 годъ. Содержаніе: Философія естествознанія. Астрономія. Физика. Химія. Геологія съ палеонтологіей. Минералогія. Общая біологія. Зоологія. Ботаника. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Проф. С. В. Аверинцевъ, В. Агафоновъ, проф. Н. И. Андрусовъ, проф. В. М. Арнольди, лаб. Г. Ф. Арнольдъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. И. И. Боргманъ, проф. П. И. Бахметьевъ (Софія,) А. Н. Бахъ (Женева), прив.-доц. А. И. Бачинскій, докт. геогр. Л. С. Бергъ, астр. С. И. Блажко, прив.-доц. В. А. Бородовскій, П. А. Бѣльскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, акад. проф. П. И. Вальденъ, проф. Б. Ф. Веригo, акад. проф. В. И. Вернадскій, лаб. В. Н. Верховскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. И. Гольдсмидъ (Парижъ), проф. А. Г. Гурвичъ. проф. В. Я. Данилевскій, д-ръ П. Н. Діатроптовъ, проф. А. С. Догель, В. А. Дубянскій, Е. А. Елачичъ, проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. В. Н. Ипатьевъ, лаб. П. В. Казанецкій, проф. А. В. Клоссовскій, проф. Н. К. Кольцовъ, преп. Инж. уч. Т. П. Кравецъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Н. П. Кузнецовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. Н. В. Култашовъ, проф. Н. С. Курнаковъ, проф. П. П. Лазаревъ, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, Н. Н. Лебеденко, лабор. Г. А. Левитскій, І. Д. Лукашевичъ, д-ръ Е. И. Марцинковскій, проф. А. К. Медвѣдевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Меликовъ, проф. С. И. Метальниковъ, Н. А. Морозовъ, проф. Г. Морозовъ, прив.-доц. А. В. Немиловъ, проф. А. В. Нечаевъ, проф. А. М. Никольскій, докт. зоол. М. М. Новиковъ, лаб. А. Г. Огородниковъ, В. Л. Омелянскій, проф. А. В. Павловъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. В. В. Подвысоцкій, проф. К. Д. Покровскій, Б. Е. Райковъ, А. А. Рихтеръ, А. Рождественскій (Лондонъ), Н. А. Рубакинъ, проф. Д. Р. Рузскій, Я. В. Самойловъ, проф. А. В. Сапожниковъ, Ю. Ф. Семеновъ, Л. Д. Синицкій, асс. по каѳ. физ. геогр. С. А. Совѣтовъ, преп. С. И. Сазоновъ, лаб. Н. Н. Соковнинъ, проф. А. Н. Сѣверцевъ, проф. С. М. Танатаръ, д-ръ Л. А. Тарасевичъ, маг. хим. А. А. Титовъ, астрономъ Пулк. обсерв. Г. А. Тиховъ, проф. М. М. Тихвинскій, проф. В. Е. Тищенко, проф. Н. А. Умовъ, прив.-доц. А. Е. Ферсманъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, преп. А. А. Чеховъ, проф. Л. А. Чугаевъ, А. Н. Чураковъ, прив.-доц. В. В. Шиничинскій, прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, д-ръ С. М. Щастный, проф. А. Н. Щукаревъ, прив.-доц. А. И. Юдинъ, преп. А. Н. Янишкій, проф. А. И. Ярошкій.

Условія подписки: цѣна въ годъ (съ доставкой и пересылкой) — 5 руб.; на 1/2 г. — 3 руб., на три мѣсяца — 1 руб. 50 коп., за границу на годъ—7 руб. Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ и 2 р. не позже 1 мая. Подписка на 1/2 года, три мѣсяца и въ разсрочку принимается только въ главной конторѣ (Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11). Объявленія печатаются въ журналѣ по слѣдующей цѣнѣ: на обложкѣ: 4-я стр.—100 р., 1/2 стр. — 60 р., 1/4 стр.—35 руб.; 2-я и 3-я стр. — 75 р., 1/2 стр. — 40 р., 1/4 стр. — 25 р.; послѣ текста: стр.—30 р., 1/2 стр.—35 р., 1/4 стр.—20 р.

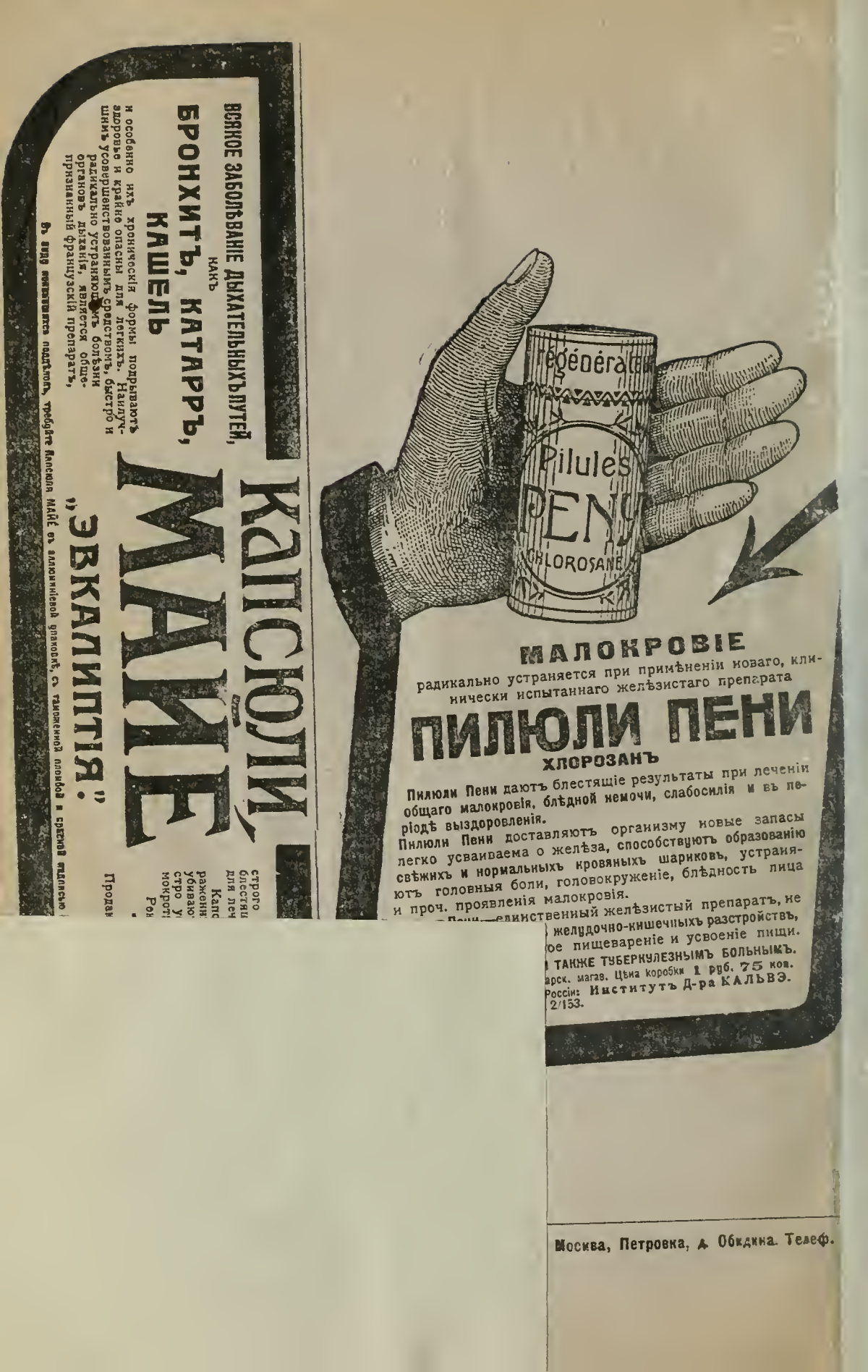
Принимается подписка: Въ конторѣ журнала „Природа" (Москва), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, земскихъ складахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ. Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11. Телефонъ № 4-10-81.

ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ

журналъ для матерей и воспитательницъ съ приложеніями занятій для дѣтей. Открыта подписка на 1913 г. 3-й годъ изданія. Программа журнала: 1) Пропаганда идей дошкольнаго воспитанія, особенно народныхъ дѣтскихъ садовъ, и сближеніе послѣднихъ со школой. 2) Психологія дѣтства и экспериментальная педагогика. 3) Теорія и практика дѣтскаго сада: образцы уроковъ, бесѣдъ, игръ, работъ, пѣсенъ и т. д. 4) Гигіена дѣтскаго возраста и физическое воспитаніе дѣтей. 5) Критика и библіографія. 6) Педагогическая хроника. 7) Письмо въ редакцію. 8) Объявленія. Въ журналѣ принимаютъ участіе: А. К. Анохинъ, академикъ В. М. Бехтеревъ, Ц. П. Балталонъ, М. В. Безобразова, К. Н. Вентцель, Н. А. Вукотичъ, докторъ А. Е. Владимірскій, З. С. Веселкина, А. С. Дараганъ, П. Егуновъ, А. В. Жекулина, И. Зарницина, Е. П. Залѣсская, П. Ф. Каптеревъ, Е. Г. Кашкадамова, докторъ Н. И. Киріенко, Л. В. Киріенко, Е. П. Ковалевскій, В. С. Костромина, Н. Д. Лубенецъ [illegible] Лубенецъ, К. В. Маевская, А. Ф. Музыченко, В. Мурзаевъ, М. О. Петерсенъ, В. К. Солодьева, Е. Н. Сахновская, М. Х. Свѣнтицкая, профессоръ И. А. Сикорскій [illegible]новъ, А. С. Симоновичъ, М. И. Страхова, Л. П. Толстоногъ, І. А. Фальборгъ [illegible] М. А. Чехова, Н. В. Чеховъ, А. Цвѣткова, Екатерина Янжулъ, врачъ Е. Р [illegible] ская и др. Журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ [illegible] выходитъ); въ каждомъ № журнала будетъ не менѣе 2-хъ печатныхъ л[illegible]

Подписная цѣна: 2 р. 50 к. въ годъ; на 1/2 года—1 р. 50 к. [illegible] ничной продажѣ 30 коп. За перемѣну адреса 25 коп. Оставшіеся [illegible] за 1911 г. высылаются за 1 р. 50 к., полные комплекты за 1912 [illegible]

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Кіевъ, С[illegible] „Дошкольное Воспитаніе" (Кіевъ, Прорѣзная, № 4) и во всѣхъ [illegible] дныхъ подписку на журналы. Изданіе Кіевскаго Общества Н[illegible]


ВСЯКОЕ ЗАБОЛѢВАНІЕ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ПУТЕЙ,
КАКЪ
БРОНХИТЪ, КАТАРРЪ,
КАШЕЛЬ
и особенно ихъ хроническія формы подрываютъ здоровье и крайне опасны для легкихъ. Наилучшимъ усовершенствованнымъ средствомъ, быстро и радикально устраняющимъ болѣзни органовъ дыханія, является общепризнанный французскій препаратъ,
Капсюли
МАЙЕ
„ЭВКАЛИПТІЯ"
Pilules
PENY
CHLOROSANE
МАЛОКРОВІЕ
радикально устраняется при примѣненіи новаго, клинически испытаннаго желѣзистаго препарата
ПИЛЮЛИ ПЕНИ
ХЛОРОЗАНЪ
Пилюли Пени даютъ блестящіе результаты при леченіи общаго малокровія, блѣдной немочи, слабосилія и въ періодѣ выздоровленія.
Пилюли Пени доставляютъ организму новые запасы легко усваиваема о желѣза, способствуютъ образованію свѣжихъ и нормальныхъ кровяныхъ шариковъ, устраняютъ головныя боли, головокруженіе, блѣдность лица и проч. проявленія малокровія.
Пени — единственный желѣзистый препаратъ, не
желудочно-кишечныхъ разстройствъ,
ое пищевареніе и усвоеніе пищи.
ТАКЖЕ ТУБЕРКУЛЕЗНЫМЪ БОЛЬНЫМЪ.
арск. магаз. Цѣна коробки 1 руб. 75 коп.
Россіи: Институтъ Д-ра КАЛЬВЭ.
2/153.
Москва, Петровка, д. Обидина. Телеф.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 9. Январь. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Отъ временнаго къ вѣчному. Путь къ вѣчному. — Сверхчеловѣкъ. — О смерти. — О самоубійствѣ 397
2. Благо любви. (Обращеніе Л. Н. Толстого къ людямъ-братьямъ) 407
3. Достаточно ли былъ освѣдомленъ Л. Н. Толстой въ духовной литерат. 408
4. А. П. Чеховъ въ своихъ письмахъ (1888—1889). Драма „Ивановъ“.— Повѣсть „Степь“.—Сборникъ въ память Гаршина и разск. „Припадокъ“.—Мечты о романѣ.—Бурже, матеріализмъ и русская интеллигенція. 412
5. Тѣни литературнаго прошлаго .. 420
6. Двѣ психики. (По поводу „Екатерины Ивановны“ Л. Андреева..... 426
7. „Данная“ и „желанная“ (О женщинѣ.) 427
8. Тайны творчества 430
9. Чтеніе, какъ творчество 431
10. „Красота тревожной жизни“ (Памяти И. Саца) 432
11. Изъ покаяннаго письма Иліодора. 437
12. Послѣднее слово науки о зарожденіи жизни 438

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступ. въ редакцію.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. „Трудъ“. Тел. 34-54. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

Отъ конторы: При семъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается краткій каталогъ Книгоиздательства „**ЗВѢЗДА**“. Неполучившихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору К-ва: Москва, М. Никитская, д. № 14/1.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

ИНТИМНЫЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРІИ

№ 1. **Смерть Павла I.** С. Горскаго.
№ 2. **Легенда о смерти Александра I.** П. Бунина.
№ 3. **Фавориты Екатерины II.** А. Савина.
№ 4. **Борьба за престолъ** (Петръ III и Екатерина II). Д. Соловьева.
№ 5. **Казненная королева** (Марія Стюартъ). М. Радищева.
№ 6. **Княжна Тараканова.** А. Платонова.
№ 7. **Графиня дю-Барри** (любовница короля Людовика XV). Е. Оларть.
№ 8. **Мазепа.** В. Готвальдъ.
№ 9. **Стрѣлецкій бунтъ.** П. Семенова.
№ 10. **Лжедимитрій.** П. Бунина.
№ 11. **Савонарола.** М. Михайлова.
№ 12. **Бироновщина.** А. Лебедева.
№ 13. **Мальчикъ-императоръ** (Петръ II). С. Львова.
№ 14. **Петръ I и женщины.** Е. Оларть.
№ 15. **Стенька Разинъ.** В. Лебедева.
№ 16. **Императоръ-узникъ** (Іоаннъ Антоновичъ). Д. Покровскаго.
№ 17. **Салтычиха** (Крѣпостной бытъ). С. Львова.
№ 18 **Жены Іоанна Грознаго.** С. Горскаго.
№ 19/19а. **Наполеонъ и двѣ императрицы** (двойной выпускъ). К. Бестужева.
№ 20. **Тайны Шлиссельбургской крѣпости.** Е. Оларть.
№ 21/22. **Декабристы.** Д. Соловьева.
№ 23. **Тайны инквизиціи.** А. Лебедева.
№ 24. **Цезарь Борджіа.** М. Салтыкова.
№ 25. **Сынъ Петра Великаго.** М. Костомарова.
№ 26. **Толстовцы.** С. Баранова.
№ 27. **Клеопатра.** С. Львова.
№ 28. **Монастырскія тюрьмы.** Е. Оларть.
№ 29. **1855-й годъ** (Крымская кампанія). К. Острогорскаго.
№ 30. **Хлысты и скопцы.** Е. Баранова.
№ 31. **Императрица Елисавета.** К. Бестужева.
№ 32. **Неронъ.** П. Мартынова.
№ 33/34. **Духоборы.** С. Хомякова.
№ 35. **Шамиль** (Покореніе Кавказа). Н. Ковалевскаго.
№ 36. **Польское возстаніе 1863 г.** М. Крашевскаго.
№ 38. **Мессалина.** Е. Синегуба.
№ 39. **Великій расколъ.** П. Бунина.
№ 42. **Русская женщина 18-го в.** С. Горскаго.
№ 43. **Пугачевщина.** Г. Корсакова.
№ 44. **Аракчеевщина.** В. Кайгородова.
№ 45. **Кровавый султанъ.** В. Михайлова.
№ 46. **Шипка — Плевна.** М. Бороздина.
№ 47/38. **Каторга и бродяги Сибири.** В. Гартевельдъ.
№ 49. **Императоръ Павелъ I.** С. Давыдова.
№ 50. **Слово и дѣло.** Н. Михайлова.

Книгоиздательство „ДѢЛО".

Москва, 2-ой Ильинскій пер. (*Остоженка*), *13. А.*

Изданіе выходитъ по 8 — 10 №№ ежемѣсячно.

Цѣна № 10 коп.

Выписывающіе со склада на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА НОВАЯ БИБЛІОТЕКА

СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тверская, 29, (ряд. съ дом. Генер.-Губернатора), кв. 3, во дворѣ, 1-й подъѣздъ. Телеф. 430-08.

Новые журналы и книги въ день ихъ выхода. ▲ Значительный отдѣлъ по исторіи искусства.

Гг. учащимся скидка. ▲ *Дешевые абонементы.*

Новые книги и журналы 10 коп., старые (вышедшіе ранѣе послѣднихъ 3-хъ мѣсяцевъ) — 5 коп. за 3 сут.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 9 — Январь 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 5 м.—1 р. 30 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Отъ временнаго къ вѣчному.

Обратившій на себя вниманіе и за предѣлами теософическихъ кружковъ, авторъ „Tertium organum“ и „Четвертаго измѣренія“ П. Д. Успенскій выступилъ въ печати съ новой — небольшой, но богатой мыслями—книгой „Внутренній кругъ“. Сюда вошли двѣ статьи, двѣ „лекціи“, тѣсно связанныя между собою общей идеей. Одна—о „послѣдней чертѣ“— посвящена разбору послѣдняго арцыбашевскаго романа, другая трактуетъ о сверхчеловѣкѣ. Эта книжка будитъ въ душѣ читателя рядъ глубоковажныхъ вопросовъ — вѣчныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остро *современныхъ*.

Путь къ вѣчному.

Наше время, — говоритъ П. Успенскій, — выдвигаетъ на очередь литературныя темы, значительно отличающіяся отъ темъ прежняго времени, даже самаго недавняго. Насъ одинаково мало интересуетъ какъ реальное описаніе внѣшней жизни въ ея различныхъ бытовыхъ формахъ, хотя бы и очень мало знакомыхъ намъ, — такъ и самый тонкій психологическій анализъ, описаніе чувствъ, настроеній и душевныхъ переживаній. Насъ мало занимаетъ, какъ люди живутъ, неособенно интересуетъ, какъ и что они чувствуютъ, сталкиваясь съ жизнью и другъ съ другомъ. Но насъ *очень* интересуетъ, что они чувствуютъ и думаютъ, сталкиваясь съ цѣлымъ рядомъ внутреннихъ проблемъ и вопросовъ; какія мысли возбуждаютъ въ нихъ ихъ собственныя чувства, и какія чувства возбуждаютъ въ нихъ ихъ собственныя мысли. Мы смутно ощущаемъ, что именно въ этомъ характерѣ мышленія лежитъ *стиль эпохи*. И всѣ литературныя произведенія, въ которыхъ не чувствуется этотъ стиль, намъ скучны и неинтересны, какъ что-то знакомое, прочитанное и надоѣвшее.

Съ другой стороны, произведенія, даже литературно слабыя, но въ которыхъ чувствуется пульсъ этихъ внутреннихъ исканій, кажутся новыми, читаются, запоемынаютъ себѣ огромную популярность.

Наше время — время внутреннихъ исканій. Эти искавія у однихъ могутъ быть удачными, у другихъ—неудачными. Но они есть. И писатель долженъ чувствовать ихъ, говорить о нихъ. Если онъ будетъ говорить о другомъ, его не будутъ читать. Но онъ самъ можетъ понимать или не понимать этихъ исканій, и въ зависимости отъ этого измѣняется достоинство и цѣнность его произведенія.

Въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ несомнѣнно замѣчается опредѣленный поворотъ *отъ временнаго къ вѣчному*.

Къ сожалѣнію, поворотъ къ вѣчному совершается въ русскомъ обществѣ съ большой болью. Отрываясь отъ временнаго, люди долго не могутъ найти вѣчнаго. И они переживаютъ мучительный періодъ висѣнія въ воздухѣ между временнымъ и вѣчнымъ и отрицанія и того и другого. Это *ощущеніе вѣчнаго* и безсиліе передъ нимъ — черта характерная для нашего времени.

Причинъ много. Разочаровавшись во временномъ, начиная понимать, что оно имъ само по себѣ вовсе не нужно, а если нужно, то только какъ средство, для достиженія вѣчнаго, и, начиная искать вѣчнаго,—люди ищутъ его совершенно такъ же, какъ искали временнаго. Они пытаются подойти къ вѣчному съ пріемами, съ методами и *со словами*, выработанными въ исканіи временнаго.

Ясно, что эти способы и эти слова не могутъ годиться. Нельзя конечнымъ мѣрять безконечное, нельзя условнымъ опредѣлять безусловное.

Но, не зная ничего другого, еще раньше разочаровавшись въ другихъ методахъ, при-

знавая только „положительные“, чисто условные методы своей науки, люди, соприкасаясь съ вѣчнымъ, осуждены на еще болѣе горькія разочарованія, на отрицаніе, на отчаяніе.

Тѣ, которые достаточно сильны, чтобы довести отрицаніе до конца, приходятъ въ результатѣ къ отрицанію своихъ методовъ, къ сознанію необходимости другихъ, *новыхъ* методовъ, новаго отношенія къ жизни. Они понимаютъ вдругъ, что перемѣна должна произойти въ нихъ самихъ. И тогда изъ отрицанія самаго отрицанія для нихъ вырастаетъ возможность новаго утвержденія.

Только потерявъ временное, человѣкъ можетъ найти вѣчное. Вообще найти что-нибудь можетъ только тотъ, кто готовъ потерять все.

Это значитъ, что *потеря всего* — кажущійся моментъ. Какъ разъ тогда, когда человѣку *кажется*, что онъ потерялъ *все*, онъ находитъ *въ самомъ себѣ* нѣчто новое, безконечно превосходящее все, что потеряно.

Но матеріалистическое мышленіе не сознаетъ, не понимаетъ и не хочетъ понимать этого *слѣдующаго момента*—и, разъ прійдя къ отрицанію, не можетъ понять, что отрицаніе не есть высшая мудрость жизни. Между тѣмъ это только — гибель слабыхъ, и новый путь сильныхъ.

...Въ сущности, несчастіе и гибель героевъ „послѣдней черты“ всецѣло зависятъ отъ того, что они слишкомъ близко подошли къ этой запретной чертѣ вѣчнаго, *не заплативъ долговъ*, т. е. не разсчитавшись съ временнымъ, не опредѣливъ своего отношенія къ нему.

Вся жизнь, какой мы живемъ: стремленіе къ успѣху, вѣчное соревнованіе во всемъ, подчиненіе всего остального сегодняшнему, злободневному и матеріальному—клонится къ тому, чтобы отвести человѣка отъ вѣчныхъ вопросовъ. И, когда человѣкъ, весь опутанный нитями этой жизни, не понимая ни ее, ни себя, видитъ себя передъ лицомъ вѣчнаго, то онъ оказывается безсильнымъ и неготовымъ.

„Разсужденіе“ героевъ г. Арцыбашева это— одна сплошная наивность и въ то же время полное доведеніе до абсурда матеріализма въ области вѣчныхъ вопросовъ. Главная ошибка всѣхъ этихъ людей въ томъ, что они пытаются разобраться въ вѣчныхъ вопросахъ *умомъ*, не понимая того, что въ нихъ нужно входить *всей жизнью*. Идей вѣчнаго, теософическихъ идей, нельзя касаться безнаказанно и нельзя прикоснуться къ нимъ слегка и немножко. Человѣкъ, только приблизившійся къ нимъ, уже дѣлается другимъ. Жизнь въ ея обычныхъ и бытовыхъ и психологическихъ формахъ становится невозможной для него. Онъ уже долженъ или строить новую жизнь, или погибать отъ ударовъ и толчковъ этой. Силы сопротивленія, той силы, которая есть у всякаго, стихійно живущаго существа, у него быть не можетъ. Какъ бы онъ самъ ни увѣрялъ себя, что онъ тотъ же самый, онъ уже *другой* и долженъ искать другого, *новаго* пути.

Поэтому вѣчные, теософическіе вопросы такъ тѣсно соприкасаются съ вопросами морали, и безъ нихъ—невозможны.

...Исканіе вѣчнаго, стремленіе къ безконечному это—начало бѣшеной скачки съ препятствіями къ чуть видной и временами исчезающей цѣли.

Это — steeple chase, „погоня за шпицемъ“, когда цѣлью скачки берется далекая, чуть видная на горизонтѣ колокольня, и къ ней пускаются ѣздоки, кто какъ можетъ, кто какъ хочетъ, безъ дороги, черезъ лѣса, черезъ поля.

Такая „скачка на колокольню“ начинается въ душѣ человѣка, когда онъ коснется вопросовъ вѣчнаго. Онъ видитъ вдали свой шпицъ. Но онъ не видитъ лежащихъ между нимъ и колокольней овраговъ, болотъ, ручьевъ, изгородей и зарослей кустарника. Онъ пускается къ своей цѣли и въ первой же низинѣ теряетъ ее. Ее больше не видно! Гдѣ она, въ какой сторонѣ? Тутъ начинается самое трудное. Ѣздокъ долженъ помнить и ни на одну секунду не забывать, *что цѣль есть*, что онъ видѣлъ ее. И онъ долженъ правильно держать направленіе, даже тогда, когда совершенно не видно цѣли.

И онъ не можетъ разрѣшать себѣ тоски и уныній, ничего ослабляющаго, разбивающаго вниманіе. Онъ не можетъ позволять себѣ тратить, разбрасывать силы, не можетъ забывать, что онъ на конѣ, что передъ нимъ свѣтлая цѣль, и что одного мгновенія слабости или невниманія достаточно для того, чтобы потерять направленіе, которое послѣ уже не найдешь, или просто полетѣть въ оврагъ съ конемъ и со всѣмъ.

Исканіе вѣчнаго это—скачка по *внутреннему кругу*, къ внутренней цѣли, черезъ внутреннія препятствія. Чтобы побѣдить въ этой скачкѣ, нужно прежде всего чувствовать „настроеніе скачки“, не принимать ее за мертвое сидѣнье на одномъ мѣстѣ—и затѣмъ нужно постоянное и неослабное „держаніе себя въ рукахъ“, постоянная и неослабная внутренняя тренировка.

Извѣстная моральная тренировка такъ же необходима для подхожденія къ нѣкоторымъ идеямъ, какъ физическая тренировка необходима для скачки съ препятствіями.

Сравненіе „исканій вѣчности“ со скачкой не простая метафора. Въ умѣ человѣка, ка-

сающагося глубинъ и высотъ міроздавія, дѣйствительно начинается *скачка идей*, за которой онъ долженъ умѣть послѣвать, и которой онъ долженъ умѣть давать мѣсто и просторъ. Въ эту скачку не должны вмѣшиваться „рваныя калоши“ и маленькія личныя озлобленія на жизнь. Когда въ скачкѣ идей рядомъ со сверхчеловѣкомъ несутся рваныя калоши, дѣло очень скверно.

Если невозможна гармонія, нужно по крайней мѣрѣ научиться не смѣшивать большое съ маленькимъ, вѣчное съ временнымъ; думая о калошахъ, не думать о сверхчеловѣкѣ, а думая о сверхчеловѣкѣ, не думать о калошахъ.

Нужно понять, что это типичное русское смѣшеніе всего въ одну кучу и опошленіе великаго пристегиваніемъ къ нему смѣшного и жалкаго есть просто результатъ умственной распущенности, отсутствія дисциплины мысли, въ свою очередь являющейся въ результатѣ отсутствія правильной тренировки моральной и интеллектуальной.

Затѣмъ, подходя къ вопросамъ вѣчнаго, нужно понять ихъ *стиль*, нужно понять, что есть вещи, которыя съ ними соединяться не могутъ и не должны.

Возможны паденія, *но не всякія*. Есть такія паденія, которыя уже недопустимы для людей, ощутившихъ вкусъ вѣчнаго.

Въ ужасѣ и смятеніи послѣ убійства старухи, Раскольниковъ у Достоевскаго вдругъ соображаетъ, что „Наполеонъ не лазилъ по укладкамъ“, не рылся въ какихъ-то сундучкахъ подъ кроватью старухи-ростовщицы. И молніей у него въ умѣ вдругъ пробѣгаетъ сознаніе, что въ этомъ и есть разница между нимъ и Наполеономъ, что онъ просто убійца, „преступникъ“, и больше ничего. А потомъ онъ сознаетъ, что, даже и какъ простое убійство, его дѣло не удалось и не могло удасться, потому что въ немъ опять не было стиля, потому что „не барское дѣло съ топоромъ ходить“.

Сверхчеловѣкъ.

Въ настоящее время въ Европѣ для обычнаго позитивнаго міропониманія идея сверхчеловѣка стоитъ какъ-то обособленно, какъ своего рода философскій курьезъ, не связанный ни съ чѣмъ другимъ. Матеріалистическая западная мысль не умѣетъ рисовать идею сверхчеловѣка въ нужныхъ тонахъ, всегда искажаетъ эту идею, боится ея конечныхъ выводовъ, а въ своихъ соціально-политическихъ теоріяхъ отрекается отъ нея, не замѣчая того, что вмѣстѣ съ идеей сверхчеловѣка она отрекается отъ *идеи эволюціи*.

Это отреченіе странно потому, что офиціально признанной основой позитивныхъ взглядовъ на человѣка и на весь міръ является эволюціонная теорія.

Мы знаемъ, и это знаемъ уже твердо, что ничто не появилось на землѣ въ готовомъ видѣ. Все развивалось изъ чего нибудь низшаго, болѣе простого. И точно такъ же мы знаемъ, что ничто не стоитъ, все движется, все эволюціонируетъ, все развивается, все усложняется, все утончается, все совершенствуется. Процессъ эволюціи мы видимъ или во всякомъ случаѣ признаемъ во всей природѣ — эволюціонируютъ солнечная система, міры, эволюціонируетъ вся жизнь на землѣ, эволюціонируютъ виды растеній и животныхъ, эволюціонируютъ знанія человѣка, эволюціонируютъ формы общественно политической жизни, законы, учрежденія—только *человѣкъ* въ представленіи нашихъ теорій будущаго всегда остается „неизмѣннымъ“. Мы такъ привыкли къ этому взгляду, что не замѣчаемъ всей его несообразности и глубокаго противорѣчія съ основаніями нашего собственнаго пониманія міра. Когда мы смотримъ впередъ, мы видимъ, что все внѣшнее должно мѣняться и мѣняется, но перемѣнъ *въ человѣкѣ* мы представить себѣ не можемъ.

Мы не умѣемъ примѣнять идеи эволюціи къ человѣку, не умѣемъ даже думать объ этой эволюціи, рисуемъ себѣ все, кромѣ нея. Представляемъ себѣ въ будущемъ новый строй, новыя учрежденія, а человѣка всегда видимъ такимъ же, какой онъ есть теперь.

Между тѣмъ выдѣлить человѣка изъ общаго хода жизни, вынести его изъ колеи эволюціи, конечно, невозможно. Человѣкъ внутренно растетъ, эволюціонируетъ такъ же, какъ и все остальное. И поэтому всѣ теоріи будущаго, которыя переносятъ въ даль такого человѣка, какой онъ есть сейчасъ, глубоко ложны. Если все развивается, если все эволюціонируетъ, если все переходитъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, то и внутренній типъ человѣка непремѣнно долженъ эволюціонировать, развиваться, стремиться къ превращенію въ высшій типъ. И это превращеніе должно итти непрерывно и безостановочно. Если мы признаемъ, что существующіе виды и типы не явились на землѣ готовыми, а развились изъ низшихъ, то мы должны будемъ признать, что изъ существующихъ типовъ должны развиваться высшіе. При этомъ развитіе новаго типа совершается за счетъ исчезновенія стараго. Новый типъ, создаваясь изъ стараго, какъ бы преодолѣваетъ, побѣждаетъ его, занимаетъ его мѣсто.

Когда мы рисуемъ себѣ картины будущаго,

мы, такъ сказать, потакаемъ въ нихъ тѣмъ сторонамъ человѣческой природы, которыя должны быть отброшены на путь.

Что въ сущности представляетъ собой стремленіе создать идеальный порядокъ изъ борьбы противоположныхъ интересовъ, воспользовавшись классовымъ антагонизмомъ, недовольствомъ и пр., какъ не попытку санкціонировать и утвердить тѣ стороны жизни, которыя должны быть отброшены *совѣстью*.

Homo homini lupus — на признаніи этого строятся всѣ современныя теоріи политической и классовой борьбы.

Человѣкъ человѣку — волкъ. Нужно только заключить въ надлежащія рамки эти волчьи инстинкты людей; надѣть на волковъ хорошіе намордники, посадить ихъ на крѣпкія цѣпи или запереть въ прочныя клѣтки, и они не будутъ грызть другъ друга, а будутъ счастливо плодиться и множиться.

Мысль о томъ, что волчьи инстинкты нужно *уничтожать*, а не *утилизировать*, здѣсь даже не возникаетъ. Все волчье въ человѣкѣ считается даннымъ, съ которымъ нужно оперировать, не предполагая возможности его измѣненія.

Этотъ окаменѣлый взглядъ на человѣка считается непремѣнной принадлежностью нашихъ прогрессивныхъ общественныхъ теорій. Всѣ эти теоріи за исключеніемъ немногихъ, не пользующихся популярностью, имѣютъ въ виду только *человѣка* и его будущее. Онѣ стремятся устроить жизнь *человѣка*, дать *человѣку* возможное счастье; освободить *человѣка* отъ ненужныхъ страданій, отъ несправедливости и пр. Вся ихъ цѣль въ человѣкѣ и для человѣка. Представляя себѣ будущее, эти теоріи все хотятъ подчинить человѣку, совершенно не желая считаться съ реальнымъ фактомъ, что самъ человѣкъ долженъ измѣниться и непрерывно мѣняется. И онѣ хотятъ строить, не имѣя въ виду, что долженъ прійти *новый хозяинъ*, которому можетъ совсѣмъ не понравиться все, что построено и начато.

Наши общественныя теоріи рисуютъ себѣ идеальный строй, идеальныя учрежденія, но идеальныя для *современнаго* человѣка.

И, проникаясь этими теоріями, люди стремятся создать наилучшія условія *для жизни* человѣка, не понимая того, что нужно создавать условія *для эволюціи человѣка*.

Условія общественныя и политическія оцѣниваются съ точки зрѣнія *настоящаго*, а не съ точки зрѣнія *будущаго*. И при этомъ все вниманіе обращается исключительно на внѣшнее; внутреннее считается только продуктомъ внѣшняго. Сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи совершенно не хотятъ знать, что тотъ или другой общественный и политическій строй является только отраженіемъ внутренняго строя людей данной эпохи, даннаго народа, данной страны.

...Люди совершенно забыли, что сила въ нихъ самихъ, а не въ учрежденіяхъ. И, по прекрасному выраженію Льва Толстого, они пытаются учрежденіями замѣнить тѣ свойства, которыми должны бы были обладать сами.

Если мы хотимъ разсмотрѣть жизнь человѣчества съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи и идеи сверхчеловѣка, то мы непремѣнно должны выяснить себѣ роль въ эволюціи — учрежденій съ одной стороны и внутреннихъ душевныхъ свойствъ съ другой стороны.

Всѣ современныя общественно-политическія „платформы“ требуютъ измѣненія учрежденій. Это считается альфой и омегой. Въ нѣкоторыхъ программахъ даже указывается, что соотвѣтствующее измѣненіе учрежденій остановитъ вырожденіе и будетъ содѣйствовать внутреннему прогрессу человѣчества. Но при этомъ совершенно упускается изъ виду, что пока человѣкъ останется такимъ, какой онъ есть сейчасъ, т.-е. двойственнымъ, половинчатымъ существомъ — съ инстинктами дикаря, съ пріемами варвара и со словами цивилизованнаго человѣка, то онъ всюду внесетъ свою двойственность и измѣнитъ на свой ладъ самыя идеальныя учрежденія; сдѣлаетъ то, что эти учрежденія тоже станутъ двойственными, такъ же будутъ расходиться со своей показной стороной, какъ расходится самъ человѣкъ.

Учрежденія, созданныя человѣкомъ, это — отраженія его самого. Они раздѣляютъ всѣ его достоинства и недостатки. Это—*зеркала*, въ которыхъ отражается человѣчество.

И если человѣчество будетъ мечтать объ измѣненіи зеркалъ прежде измѣненія своей собственной физіономіи, то эти мечты не дадутъ особенно большихъ результатовъ. Точно такъ же отрицаніе учрежденій, это—отрицаніе зеркалъ. Ихъ можно отрицать, сколько угодно, это мало поможетъ дѣлу. Можно даже перебить всѣ зеркала, но физіономія человѣчества отъ этого не измѣнится.

Говоря объ учрежденіяхъ, забываютъ еще одну очень важную вещь.—Учрежденія *всегда* принадлежатъ прошлому. Они создаются *сегодня*, сообразно требованіямъ и условіямъ *сегодняшняго дня*, для охраненія существующаго, установившагося порядка. Но проходитъ день, сегодня превращается во вчера, учрежденіе оказывается связаннымъ уже со вчерашнимъ днемъ. Оно уже охраняетъ порядокъ вчерашняго дня. Проходитъ столѣтіе, и учрежденіе уже оказы-

вается связаннымъ съ прошлымъ столѣтіемъ,— охраняетъ порядокъ прошлаго столѣтія. Эволюціонировать одновременно съ жизнью учрежденіе не можетъ. Оно стоитъ, а жизнь уходитъ впередъ.

Учрежденіе всегда указываетъ на что-нибудь прошлое, всегда охраняетъ что-нибудь мертвое. И въ этой *охранительной* роли учрежденій отражена та сторона человѣческой природы, которая отдана прошедшему, которая борется съ будущимъ, которая тянетъ человѣка назадъ.

Но это совсѣмъ не значитъ, что учрежденія опасны и вредны для эволюціи, и что нужна какая-нибудь борьба съ ними. Наоборотъ, борьба съ учрежденіями, переоцѣнивая ихъ значеніе, только мѣшаетъ настоящему внутреннему прогрессу человѣка. Вообще, если что-нибудь вредно въ учрежденіяхъ, то только ихъ неправильное пониманіе, ненависть, которая на нихъ обрушивается, или надежды, которыя на нихъ возлагаются, потому что эти надежды или эта ненависть отводитъ силы отъ настоящей, *внутренней*, работы, направляютъ ихъ по невѣрному пути. Учрежденіе не можетъ служить будущему и не можетъ помѣшать ему. Будущее долженъ строить самъ человѣкъ въ своей собственной душѣ и только въ своей душѣ человѣкъ можетъ повредить будущему.

Учрежденія это—знаки, которыя отмѣчаютъ пройденный путь. Это маяки, которые стоятъ на опасныхъ мѣстахъ, на такихъ мѣстахъ, гдѣ люди много разъ раньше терпѣли крушеніе. И эти маяки показываютъ, *куда нельзя направлять корабли*. Они освѣщаютъ тѣ пункты пройденнаго пути, куда не слѣдуетъ возвращаться. Это огни, которые свѣтятъ позади и по сторонамъ пути, а не впереди.

Идея сверхчеловѣка совершенно ясно показываетъ намъ роль и значеніе учрежденій въ нашей жизни. Она показываетъ намъ, съ одной стороны, несостоятельность надеждъ, возлагаемыхъ *на внѣшнее*, и наивность вѣры въ возможность перемѣны внѣшняго безъ перемѣны внутренняго, а съ другой стороны—абсолютную ненужность активной борьбы съ учрежденіями, потому что это—война съ зеркалами.

Идея сверхчеловѣка, если ее вложить въ общественныя теоріи, дастъ всему совершенно новое освѣщеніе, покажетъ подъ новымъ угломъ вещи, которыя, казалось, мы уже знали, напомнитъ намъ, что *человѣкъ*—только временный гость, только пассажиръ на земномъ шарѣ, о чемъ мы всегда забываемъ.

Нельзя указать тотъ моментъ, когда *образуется* новый видъ. Онъ образуется *теперь*. Ростъ идетъ непрерывно. Никогда нѣтъ момента, когда что-нибудь совершилось. Новый типъ человѣка, новая раса образуется *теперь* и среди насъ. Отборъ идетъ среди всѣхъ передовыхъ націй земного шара. И переживаемый нами моментъ особенно интересенъ тѣмъ, что это—моментъ начала *сознательнаго* проявленія новой расы, нахожденія и узнаванія другъ друга людьми новой расы. Уже вырабатываются лозунги и пароли. Получаютъ право на существованіе *слова*, значеніе которыхъ „темно или ничтожно“ для непосвященныхъ, но которыя говорятъ все, что нужно, тѣмъ, для кого они предназначены.

Появляются признаки, по которымъ люди новой расы могутъ узнавать другъ друга. Эти признаки исключительно внутреніе и именно поэтому несомнѣнные. Они заключаются главнымъ образомъ въ интересѣ къ извѣстному кругу идей, именно къ *внутреннему кругу*, къ кругу идей внутренняго міра, и не только въ отвлеченномъ интересѣ, а въ живомъ практическомъ отношеніи. Люди, для которыхъ на дѣлѣ, а не на словахъ, внутреннее значитъ больше внѣшняго; люди, которые *сознательно* отходятъ отъ *временнаго* и идутъ къ *вѣчному*, это—люди новой расы.

Идеализмъ—въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова—является признакомъ людей новой расы.

Матеріализмъ и идеализмъ это—не отвлеченныя направленія мысли. И то и другое является выраженіемъ глубочайшей внутренней сущности человѣка. Человѣкъ не случайно мыслитъ такъ, а не иначе. Онъ мыслитъ такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его внутреннему складу. Поэтому слова матеріализмъ и идеализмъ значатъ больше, чѣмъ мы думаемъ. Это средства отбора. То или другое направленіе мысли притягиваетъ къ себѣ соотвѣтствующихъ людей. И человѣкъ, удовлетворяющійся матеріалистическими объясненіями жизни природы, общественной и своей внутренней жизни, не находящій этихъ объясненій бѣдными, недостаточными, искусственными, полными противорѣчій, и не скрывающій самъ отъ себя подъ матеріалистическими формулами идеалистическихъ стремленій, это—человѣкъ другой расы, чѣмъ тотъ, который ищетъ, и не желаетъ удовлетвориться условными и относительными объясненіями.

Наше время характерно тѣмъ, что у людей подъ исповѣдуемымъ матеріализмомъ очень часто лежитъ *безсознательный* идеализмъ.

И въ настоящее время мы переживаемъ моментъ пробужденія самосознанія новой расы. Это самосознаніе изъ инстинктивнаго и смутнаго дѣлается яснымъ. Только тотъ, кто не желаетъ видѣть, можетъ не видѣть этого про-

бужденія. Прежнія границы странъ, національностей, соціальныхъ положеній стираются и исчезаютъ для людей новой расы, для людей Новаго Возрожденія. *Внѣшнія* препятствія и перегородки исчезаютъ, зато *внутреннія* дѣлаются необыкновенно реальными и непереходимыми. Люди близкіе и родные, но не понимающіе *новаго языка*, и враждебные ему, вдругъ дѣлаются далекими и чужими. А люди, родившіеся въ разныхъ концахъ земного шара, говорящіе на разныхъ языкахъ, встрѣчаясь на почвѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ идей, сразу чувствуютъ взаимное родство. У нихъ оказывается *уже выработавшійся* общій языкъ. И люди, которые звають этотъ языкъ, сразу принимаются въ общую семью. *Строеніе будущаго*, это — одна изъ главныхъ идей, объединяющихъ новыхъ людей. Но строеніе будущаго есть символъ отношенія къ настоящему. И люди будущаго узнаютъ другъ друга по своему отношенію къ настоящему. Въ нихъ всегда есть извѣстное безразличіе по отношенію къ настоящему и временному. Очень часто они не умѣютъ бороться, не умѣютъ конкурировать съ людьми болѣе простой, менѣе тонкой организаціи. Если они умѣютъ бороться, они не умѣютъ или не хотятъ пользоваться результатами борьбы. Въ нихъ нѣтъ того сознательнаго или безсознательнаго шарлатанства, которое является непремѣннымъ спутникомъ практической жизни.

Временное для нихъ не имѣетъ реальной цѣнности. Если ихъ привычные взгляды и мнѣнія не даютъ имъ подойти къ вѣчному, то они жестоко страдаютъ, не удовлетворяясь обычной сонной пассивностью людей „быта“ или верченіемъ во внутреннемъ колесѣ душевныхъ, „психологическихъ“ переживаній. Они смутно чувствуютъ нереальность всего этого и рвутся къ чему-то новому, свѣтлому; иногда погибаютъ „у послѣдней черты“, не понявъ сами себя; иногда, во-время услышавъ нужныя слова, вдругъ точно просыпаются и ясно видятъ все то, что до сихъ поръ только смутно чувствовали. Тогда они находятъ людей, подобныхъ себѣ, видятъ близкія себѣ свойства и стремленія тамъ, гдѣ раньше ихъ не замѣчали — вдругъ понимаютъ лозунги людей новой расы.

„Сверхчеловѣкъ“ — одинъ изъ этихъ лозунговъ.

...Будущее — реальное будущее — это зданіе, которое возводится усиліями людей, сознательными усиліями, а совсѣмъ не само собой. Безсознательно идетъ только вырожденіе.

Строеніе будущаго — дѣло сознательнаго труда. Только раньше эту идею сознавали очень немногіе. Большинство, даже строившихъ будущее, шли инстинктивно за ними. Наше время интересно именно пробужденіемъ яснаго пониманія цѣлей и путей у многихъ.

Чтобы понять *путь*, мы должны понять препятствія на этомъ пути. И можно сказать, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ истинному прогрессу человѣчества является спутанность понятій относительно *будущаго*, *эволюціи* и *сверхчеловѣка*.

При всей распространенности этихъ идей, онѣ очень неясны. Психологическій образъ сверхчеловѣка уходитъ отъ современнаго человѣка, какъ тѣнь. За исключеніемъ немногихъ, внутренней интуиціей схватывающихъ смыслъ великаго лозунга, люди создаютъ сверхчеловѣка по своему образу и подобію, награждая его своими свойствами, вкусами, недостатками *въ преувеличенномъ видѣ*.

Чтобы понять сверхчеловѣка, мы должны прежде всего *понять себя*, понять, что въ нашей душѣ принадлежитъ прошедшему и что — будущему. Затѣмъ представить себѣ человѣческій типъ, въ которомъ всѣ начала, стремящіяся къ будущему, эволюціонируютъ и развиваются, а тѣни прошедшаго уступаютъ имъ мѣсто и уходятъ или преобразовываются и тоже начинаютъ служить будущему. Это будетъ типъ человѣка, повышающійся, идущій къ сверхчеловѣческому.

Эволюція сознанія, внутренній ростъ человѣка и есть „восхожденіе къ сверхчеловѣку“. Но внутренній ростъ человѣка идетъ не по одной, а по многимъ линіямъ одновременно. И нужно эти линіи выяснить и опредѣлить, потому что среди нихъ замѣшалось много обманчивыхъ ложныхъ путей, ведущихъ въ стороны, отводящихъ назадъ, заводящихъ въ тупики.

Далѣе авторъ намѣчаетъ тотъ, по его мнѣнію, правильный путь, какимъ должно итти „восхожденіе къ сверхчеловѣку“, — указываетъ вѣхи этого пути: высокій интеллектуальный уровень, тонкое художественное чутье (между прочимъ, „чувство символовъ“), яркую эмоціональную жизнь, глубокую внутреннюю моральность, сильную сознательную волю и какъ неизбѣжное слѣдствіе ихъ — *высшую сознательность*, или новую совѣсть. И ужъ затѣмъ переходитъ къ вопросу, столь волнующему насъ, людей *настоящаго*: о нашемъ отношеніи къ этому *грядущему*, на смѣну намъ ожидаемому, сверхчеловѣку.

Человѣкъ, — читаемъ у г. Успенскаго, — имѣетъ право знать — имѣетъ право ставить вопросы: — *зачѣмъ* онъ долженъ служить будущему? *почему* онъ долженъ строить будущее? почему онъ вообще что-нибудь *долженъ*?

Возстаніе противъ всякихъ готовыхъ формулъ *должнаго*, это — первый признакъ приближенія къ истинѣ въ душѣ человѣка, идущаго интеллектуальнымъ путемъ.

Только отдавъ всѣ свои силы исканію отвѣтовъ на неразрѣшимые вопросы, человѣкъ можетъ притти къ заключенію о неправильности самихъ вопросовъ. И для того, чтобы притти къ такому заключенію въ данномъ случаѣ, человѣкъ долженъ *перестрадать* идею сверхчеловѣка и найти въ ней высшій смыслъ.

Идея сверхчеловѣка, если ее взять недостаточно глубоко, это — очень страшная идея. Она несетъ въ себѣ зерно глубокаго отвращенія къ дѣйствительности, начало какого-то мрачнаго пессимизма. Поэтому эту идею такъ усиленно изгоняютъ люди, которые не могутъ взять ее иначе, какъ въ самомъ внѣшнемъ видѣ.

Дѣйствительно, идея сверхчеловѣка, рисуя свѣтлое будущее, которое будетъ принадлежать не намъ, въ которомъ мы участвовать не будемъ, — этимъ самымъ накладываетъ необыкновенно мрачныя краски на настоящее, на нашу жизнь, на наше время. И несомнѣнно, идея сверхчеловѣка, взятая *позитивно*, играетъ огромную роль въ современномъ обезцвѣченіи жизни. Въ сравненіи съ этимъ свѣтлымъ будущимъ, гдѣ насъ не будетъ, наша жизнь кажется уже черезчуръ темной.

И всѣ наши „соціальныя теоріи“, основанныя на историческомъ матеріализмѣ и отбрасывающія отъ себя идею сверхчеловѣка, дѣлаютъ это совершенно сознательно для того, чтобы не дать людямъ основаній для „пессимизма“, котораго такъ боятся вожди современныхъ намъ поколѣній, какъ ослабляющаго бодрость и колеблющаго „боевой духъ“, для сохраненія котораго приносится такъ много логическихъ и моральныхъ жертвъ.

...Объективный взглядъ дѣлаетъ сверхчеловѣка далекимъ и чуждымъ. Мечты о далекомъ, *не нашемъ* будущемъ, не удовлетворяютъ мыслящаго человѣка. Гдѣ же ему искать сверхчеловѣка, если онъ не хочетъ этого далекаго „незнакомаго“ существа?

И болѣе глубокое, болѣе тонкое пониманіе, чѣмъ наше обычное, говоритъ ему: *нужно искать сверхчеловѣка въ себѣ, въ своей душѣ.*

Сверхчеловѣкъ это — высшее во мнѣ самомъ. Это *нѣчто* существуетъ теперь, въ настоящее время, и я не знаю его только потому, что я не преодолѣлъ человѣка.

Согласно этому второму взгляду, сверхчеловѣкъ — одна изъ возможностей, лежащихъ въ глубинѣ души человѣка. Отъ самого человѣка зависитъ приблизить эту идею или отдалить ее. И *близость* или *дальность* сверхчеловѣка отъ человѣка лежитъ не во времени, а въ отношеніи человѣка къ этой идеѣ и въ отношеніи не только умственномъ, а въ дѣятельномъ практическомъ отношеніи. Человѣка отдѣляетъ отъ сверхчеловѣка не время, а неприготовленность человѣка къ принятію сверхчеловѣка. Время все лежитъ въ самомъ человѣкѣ. Оно есть *внутреннее препятствіе* для непосредственнаго ощущенія того или другого и больше ничего. Строеніе будущаго, служеніе будущему, это только символы, символы отношенія человѣка къ себѣ самому, *къ своему настоящему.*

Ясно, что если принять этотъ взглядъ, признать, что все будущее заключается въ самомъ человѣкѣ, то наивно спрашивать, какое мнѣ дѣло до сверхчеловѣка. Очевидно, человѣку есть дѣло, потому что это онъ самъ.

...Люди, сознающіе сверхчеловѣка въ себѣ, сознающіе раскрытіе въ себѣ новыхъ высшихъ силъ, благодаря именно этому, *образуютъ новую расу*, изъ которой долженъ образоваться сверхчеловѣкъ будущаго.

Идея сверхчеловѣка тѣмъ именно и трудна для пониманія и опасна своей трудностью, что она требуетъ умѣнія согласовать два противоположныхъ взгляда. Только одинъ объективный взглядъ на эту идею, или только одинъ субъективный человѣка удовлетворить не могутъ.

Разочарованіе въ жизни и въ жизненныхъ цѣляхъ, идущее отъ идеи сверхчеловѣка, идетъ отъ ея неправильнаго пониманія. Вопросы: зачѣмъ я долженъ служить сверхчеловѣку? зачѣмъ, вообще, надо служить будущему? являются результатомъ очень кривого, исключительно объективнаго, пониманія идеи.

Съ другой стороны, исключительно внутреннее пониманіе идеи сверхчеловѣка отрываетъ человѣка отъ жизни, дѣлаетъ въ его глазахъ ненужной и безполезной всякую дѣятельность. — Разъ сверхчеловѣкъ *во мнѣ*, разъ нужно только погрузиться въ себя, чтобы найти его, то зачѣмъ всѣ стремленія и исканія *внѣ себя.*

Вотъ это и есть два подводныхъ камня, лежащіе въ глубинѣ идеи сверхчеловѣка.

Истина заключается въ томъ, что человѣкъ находитъ сверхчеловѣка въ себѣ, начиная искать его внѣ себя, дѣлаясь строителемъ будущаго — и строитъ будущее, находя и открывая въ себѣ черты сверхчеловѣческаго.

Понявъ и представивъ себѣ образъ сверхчеловѣка, какимъ онъ можетъ быть, человѣкъ долженъ перестраивать всю свою жизнь такъ, чтобы она являлась активнымъ служеніемъ бу-

дущему и сверхчеловѣку. Это самое будетъ раскрывать сверхчеловѣка въ его душѣ.

О смерти.

Смерти нужно учиться, такъ же какъ всему въ жизни. Только къ рѣдкимъ геніямъ знанія приходятъ сами собой, только рѣдкіе люди сами *внутри себя* находятъ безспорные отвѣты на вопросы, мучающіе другихъ людей. Обыкновенно людямъ приходится учиться и жить, и умирать. Для этого прежде всего *нужно сознать необходимость* учиться.

У кого же можно учиться умирать?

Это такъ ясно! Если мы хотимъ учиться плавать, то, конечно, мы не возьмемъ учителемъ человѣка, который боится даже мысли о водѣ, и который, попавъ въ воду, начинаетъ вопить о помощи. Мы возьмемъ учителемъ человѣка, который умѣетъ плавать. Точно такъ же и въ смерти мы должны искать учителей среди тѣхъ, кто умѣлъ умирать.

И умѣть умирать не значитъ — закурить папироску и пустить себѣ пулю въ лобъ. Это значитъ прежде всего *жить, думая о смерти*, не забывая о ней, не стараясь отгонять отъ себя мысль о ней, а наоборотъ, стремясь разгадать ее, а затѣмъ, когда она придетъ, встрѣтить ее съ интересомъ и сознаніемъ всей ея важности.

Мы всѣ до такой степени заражены несчастнымъ и жалкимъ страхомъ непонятнаго и новаго, что мы совершенно утратили ощущеніе *огромнаго интереса смерти*.

Мы должны бы думать о ней не какъ о черномъ ужасѣ, а какъ о необыкновенно интересномъ *раскрытіи* тайнъ, которое неизбѣжно придетъ къ намъ въ концѣ пути — *хотя бы на мгновеніе* — и можетъ притти во всякую минуту.

...Откуда создалось и на чемъ основалось все, что думаетъ и чувствуетъ профессоръ Иванъ Ивановичъ (у Арцыбашева)? Что происходитъ съ нимъ?

Буквально то же самое, что происходитъ съ утопающимъ, не умѣющимъ плавать человѣкомъ.

Когда человѣкъ, не умѣющій плавать, попадаетъ въ воду, то онъ инстинктивно начинаетъ дѣлать цѣлый рядъ движеній, выработанныхъ у него и у его предковъ по біологической лѣстницѣ на сушѣ. Эти движенія *сами собой* начинаютъ дѣлаться въ минуту опасности. Человѣкъ ловитъ, ищетъ вокругъ себя какой-нибудь точки опоры, размахиваетъ руками и ногами, судорожно ищетъ за что ухватиться, на что поставить ногу. Въ другомъ случаѣ, если бы, напримѣръ, онъ падалъ съ дерева между вѣтками или катился бы съ горы по наклонной плоскости, эти самыя движенія были нужны, полезны, цѣлесообразны, могли бы спасти его, онъ могъ бы ухватиться за какую-нибудь неровность, поймать вѣтку, кустъ. Но въ водѣ ухватиться не за что. И тѣ самыя движенія, которыя на сушѣ спасли бы его, въ водѣ губятъ. Именно эти безсвязныя некоординированныя движенія губятъ не умѣющаго плавать человѣка, *потому что въ водѣ нужны совсѣмъ другія движенія*. И человѣкъ, умѣющій плавать, т.-е. знающій эти движенія и умѣющій ими пользоваться, можетъ спокойно лежать на водѣ или плыть къ берегу.

Иванъ Ивановичъ чувствуетъ, что тонетъ. Все привычное, знакомое, *твердое*, постоянное, что окружало его въ жизни, на что онъ опирался мыслями, *отъ чего* начиналъ думать и судить о вещахъ, уходитъ отъ него или уже ушло. Его окружаетъ невѣрная, неустойчивая, непонятная и незнакомая новая стихія. Онъ привыкъ жить фактами. Факты уходятъ отъ него. Завтра для него не будетъ уже *ни одного* факта. И онъ судорожно ищетъ вокругъ себя, ловитъ, за что ухватиться.

Но то же самое исканіе фактовъ, привычка опираться на факты, которая помогала ему въ жизни, мѣшаетъ ему въ смерти. Именно это судорожное исканіе фактовъ, *которыхъ нѣтъ и больше не будетъ*, создаетъ вокругъ него этотъ вихрь ужаса и отчаянія.

Почему этого вихря ужаса и отчаянія не оставилъ намъ послѣ себя умиравшій Сократъ? Онъ чувствуетъ какъ-то иначе. Факты и его собственныя ощущенія ихъ имѣли для него какую-то другую, *меньшую* цѣнность, чѣмъ для Ивана Ивановича.

Для Ивана Ивановича реальностью были факты, которые теперь отъ него уходили. Для Сократа реальностью были вѣчные законы, которые оставались неизмѣнными, ничего не теряя отъ факта его смерти.

Почему Сократъ, чувствуя приближеніе смерти, наблюдалъ на себѣ дѣйствіе цикуты, а не спрашивалъ съ ужасомъ и съ тоской: — „неужели завтра люди будутъ смѣяться?“.

Во-первыхъ потому, что всѣ факты, потерю которыхъ такъ мучительно ощущалъ Иванъ Ивановичъ, для Сократа никогда не были реальностью. Онъ зналъ, что это все — иллюзія. И потеря иллюзіи мало огорчала его.

Во-вторыхъ, Сократъ не придавалъ *себѣ самому* такого значенія, какъ Иванъ Ивановичъ. Его Я не занимало для него такого большого мѣста во вселенной. Онъ сомнѣвался въ реальности всего видимаго, ощущаемаго,

предполагаемаго, даже въ реальности самого себя.

Для Ивана Ивановича это была главная реальность. Самое важное въ мірѣ для него былъ профессоръ Иванъ Ивановичъ — и, конечно, смерть Ивана Ивановича была для него важнѣе крушенія всего міра.

Для Сократа его Я занимало въ мірѣ очень маленькое мѣсто. Поэтому даже такой фактъ, какъ чудовищное насиліе надъ нимъ, присужденіе его къ смертной казни и самая казнь не нарушали для него мірового равновѣсія, ничего не мѣняли въ мірѣ и не мѣшали ему съ интересомъ и до послѣдняго мгновенія наблюдать жизнь.

...*Жизнь* и *смерть* не противоположны одна другой, а вмѣстѣ составляютъ нѣчто цѣлое, чего мы не можемъ понять и не можемъ *назвать*,— у насъ въ этомъ случаѣ нѣтъ объединяющей идеи, *объединяющаго слова*. Нашимъ слабымъ умомъ мы не можемъ представить себѣ жизнь и смерть въ видѣ *единства*. Ихъ *дуализмъ* кажется намъ реальнымъ. На самомъ дѣлѣ противоположность жизни и смерти настолько же нереальна, какъ нереальна противоположность тепла и холода.

О самоубійствѣ.

Если искать причинъ самоубійствъ, то ихъ нужно искать въ томъ обезцѣненіи всего на свѣтѣ, которое является слѣдствіемъ растущаго матеріализма.

Все на одной плоскости, и все однообразно и скучно. Верхушки позитивнаго знанія можно схватить очень быстро, а детали не интересны, разъ заранѣе извѣстны всѣ возможные результаты. И матеріалистическое міросозерцаніе людей строится съ глубокой червоточиной внутри.

„Мнѣ казалось, что я уже все прочиталъ и что больше ничего интереснаго нѣтъ, и что даже читать больше нечего — и не стоитъ. Я все знаю, и узнать больше ничего нельзя“, говорилъ мнѣ одинъ человѣкъ, разсказывая о томъ времени, когда онъ подходилъ къ „послѣдней чертѣ“ матеріалистическаго пониманія.

Вотъ эта тоска отъ неправильнаго представленія жизни, отъ *неправильнаго мышленія* часто, дѣйствительно, является первымъ толчкомъ къ самоубійству.

Но главная причина самоубійства лежитъ все-таки не въ этомъ.

Самоубійства *по какимъ-нибудь причинамъ* или *безъ причинъ* бываютъ одинаково рѣдко, можетъ быть, даже никогда или разъ въ сто лѣтъ.

Всѣ самоубійства, которыя мы знаемъ, сообщенія о которыхъ наполняютъ хронику нашихъ газетъ, происходятъ отъ одной причины, которой никто не сознаетъ, на которую никто не указываетъ.

Эта причина — отравленіе мыслями о самоубійствѣ.

Мы привыкли думать, что самоубійство зависитъ отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ и, слыша о самоубійствѣ, мы всегда спрашиваемъ: отчего? въ чемъ причина? И полицейская хроника всегда сообщаетъ намъ:—„несчастная любовь“, или „непмѣніе средствъ къ жизни“, или „причины неизвѣстны“.

Эти вопросы *отчего* и *въ чемъ причина* показываютъ, что мы совершенно не понимаемъ, что такое самоубійство, не понимаемъ психологическаго процесса, ведущаго къ самоубійству, въ которомъ собственно и заключается причина.

Мы думаемъ, что съ человѣкомъ что-нибудь случается внѣшнее, или что онъ внутренно приходитъ къ идеѣ самоубійства.

Вотъ это и есть ложь. Это и есть то, чего никогда не бываетъ. *Самоубійство это процессъ.*

Никогда не бываетъ, чтобы человѣкъ, *не думавшій о самоубійствѣ*, вдругъ взялъ бы да и застрѣлился подъ вліяніемъ какого-нибудь тяжелаго событія или безъ всякой причины подъ вліяніемъ вдругъ явившейся идеи. Обыкновенно всякій самоубійца долго думаетъ о самоубійствѣ. Этого можетъ никто не знать, даже онъ самъ можетъ не сознавать, какое мѣсто въ его мысляхъ заняло самоубійство. Но это думаніе о самоубійствѣ, *мрачное мечтаніе* и является истинной причиной самоубійства, создающимъ факторомъ.

Такое объясненіе кажется страннымъ, почти напвнымъ, слишкомъ простымъ и легкимъ,— между тѣмъ это — фактъ, и очень тяжелый фактъ, особенно тяжелый потому, что мы не сознаемъ всего его значенія.

Мы очень плохо знаемъ свой собственный психическій міръ, плохо знаемъ свои мысли — совсѣмъ не знаемъ силу своихъ мыслей, ихъ вліяніе на насъ самихъ. Мы не знаемъ, что мы почти все можемъ сдѣлать съ собой своей собственной мыслью.

Но мы не умѣемъ управлять своими мыслями, даже не сознаемъ, что это можно, и не знаемъ, что это *нужно*.

Мы думаемъ, потому что думается. Намъ показалось бы насиліемъ надъ собой, не позволять себѣ думать о томъ или о другомъ, и показалось бы почти суевѣрной идея, что *мысль*, всякая мысль, оставляетъ слѣдъ на

душѣ, что ни одна мысль не проходитъ *совѣстьмъ*.

И это тѣмъ болѣе странно, что въ сущности мы это прекрасно знаемъ и живемъ, непрерывно контролируя и регулируя свои мысли въ опредѣленныхъ направленіяхъ.

Но именно только въ опредѣленныхъ направленіяхъ. Сдѣлать обобщеніе въ данномъ случаѣ мы не умѣемъ.

Никому изъ насъ не придетъ въ голову мысль объ убійствѣ, даже если человѣкъ обидитъ насъ, никто *не позволитъ себѣ* думать, если ему придетъ въ голову такая мысль; онъ прогонитъ ее, какъ нелѣпую и безсмысленную.

И мы прекрасно знаемъ, что можно и нужно не позволять себѣ думать объ извѣстныхъ вещахъ, на извѣстныя темы.

Но къ другимъ мыслямъ мы почему-то болѣе терпимы. Мы не станемъ думать объ убійствѣ, но мысль о самоубійствѣ — одна изъ тѣхъ мыслей, которыя мы себѣ разрѣшаемъ.

Между тѣмъ мысль о самоубійствѣ ничѣмъ не отличается отъ мысли объ убійствѣ. Это — очень *аффективная* мысль. А аффективное мечтаніе вообще очень опасная игра. Какъ влюбленный весь уходитъ въ свои мечты и, наконецъ, не можетъ жить безъ нихъ, такъ всякій человѣкъ можетъ стать рабомъ своихъ аффективныхъ мыслей.

Мысли мести, ревности, злобы, зависти страшнымъ образомъ вліяютъ на того человѣка, который ихъ допускаетъ въ себя.

Онѣ перерождаютъ его душу. Допустивъ въ себя какую-нибудь изъ этихъ мыслей, человѣкъ постепенно теряетъ *свою* волю и отдается *волѣ этой мысли*. Мысль начинаетъ владѣть имъ. И въ концѣ-концовъ она такъ подчинитъ себѣ его душу, что онъ сдѣлаетъ вещи, о которыхъ раньше не могъ бы даже подумать.

Въ этихъ мысляхъ, есть какой-то странный садизмъ — *наслажденіе страданіемъ*, и это самый опасный элементъ въ мечтаніи и самоубійствѣ.

Если человѣкъ позволитъ себѣ мечтать въ этомъ направленіи, то это мечтаніе начнетъ затягивать его. Онъ начнетъ *отдыхать душой* на этомъ мечтаніи. И вотъ здѣсь и лежитъ начало его гибели.

Идея самоубійства есть въ сознаніи каждаго человѣка, какъ отвлеченное понятіе. Но въ тотъ моментъ, когда человѣкъ поставилъ себя *въ личное отношеніе* къ этой идеѣ, позволилъ себѣ подъ вліяніемъ тяжелыхъ фактовъ или внутреннихъ разочарованій помечтать о самоубійствѣ, онъ сталъ кандидатомъ на самоубійство.

Эта мысль уже будетъ жить въ немъ. Она будетъ всплывать на поверхность, приходить къ нему во всѣ тяжелые моменты его жизни и будетъ утѣшать его. Человѣкъ все чаще и чаще будетъ думать, что въ *крайнемъ случаѣ* у него всегда есть выходъ. Сначала онъ будетъ думать это въ серьезныхъ случаяхъ, потомъ въ болѣе мелкихъ, потомъ мысль о томъ, какъ хорошо и пріятно уйти изъ жизни, начнетъ приходить къ нему по самымъ пустымъ поводамъ. Онъ начнетъ думать это, если опоздаетъ на поѣздъ, поскользнется зимой на тротуарѣ, не посыпанномъ пескомъ. Вообще всѣ самыя мелкія неудовольствія начнутъ приводить его къ мысли о самоубійствѣ. И въ этой мысли всегда будетъ утѣшеніе и успокоеніе. Эта мысль станетъ необыкновенно доброй и отзывчивой, подъ конецъ она уже никогда не будетъ покидать его.

Мечтанія о самоубійствѣ и наслажденія этими мечтаніями съ ихъ садическимъ характеромъ, это — трясина, которая засасываетъ душу человѣка; это — реальная *черная магія*.

Въ душѣ и въ умѣ человѣка, позволившаго себѣ помечтать о самоубійствѣ, подошедшаго къ краю пропасти, идетъ сложный процессъ разрушенія — идетъ процессъ *черной алхиміи*, вытравленія всѣхъ благородныхъ металловъ души и превращенія ихъ въ ядовитыя окиси и удушливую пыль.

Чего коснется мысль о самоубійствѣ, то дѣлается скучнымъ, нелѣпымъ, безцѣльнымъ и противнымъ.

И эта мысль заходитъ во всѣ уголки души и постепенно все отравляетъ тамъ.

Наконецъ, когда мечта о самоубійствѣ побываетъ во всѣхъ уголкахъ души и вытравитъ все, что было въ нихъ здороваго и живого, она остается одна хозяйничать въ душѣ — и въ одинъ прекрасный день мы читаемъ въ газетахъ о самоубійствѣ, причины котораго неизвѣстны, или которое объясняется какими-либо внѣшними причинами.

Это самоотравленіе мыслями о самоубійствѣ очень страшная причина, гораздо болѣе страшная, чѣмъ всѣ другія. Но за то разъ сознанная эта причина показываетъ, что съ самоубійствомъ можно и должно бороться.

Нѣтъ почти ни одного человѣка, котораго бы ни касалась мысль о самоубійствѣ, который бы хоть разъ въ жизни не мечталъ о револьверѣ или о склянкѣ съ ядомъ, или о темной массѣ воды подъ высокимъ мостомъ.

Но многимъ удается остановиться самимъ. Другихъ останавливаютъ люди, которые уже знаютъ, что по этому пути нельзя итти безнаказанно.

Но ужасъ въ томъ, что многіе не знаютъ, не сознаютъ момента, когда они вступаютъ на этотъ путь утонченно отравленныхъ мечтаній, пропитанныхъ мрачнымъ и затягивающимъ сладострастіемъ смерти. И имъ самимъ кажется, что ихъ толкаютъ къ самоубійству несчастныя обстоятельства или внутреннее недовольство жизнью.

Показать имъ, объяснить, что все дѣло въ самой идеѣ самоубійства, во многихъ случаяхъ значитъ уже остановить ихъ.

Душа человѣка упорно борется съ распыленіемъ, съ уничтоженіемъ ея цѣнностей, она долго не поддается черной алхиміи, долго хранитъ свое золото. И пока въ ней осталось хоть что-нибудь, ее можно спасти.

...Разница между излагаемымъ здѣсь взглядомъ и обычнымъ заключается въ томъ, что обыкновенно самоубійствомъ называютъ *послѣдній актъ*, а я называю самоубійствомъ весь подготовительный процессъ, изъ котораго, и *не изъ чего другого*, вытекаетъ послѣдній актъ, какъ необходимое слѣдствіе.

Романисты, стараясь изобразить жизнь *такой, какой она кажется*, дѣлаютъ невиднымъ этотъ невидный въ жизни процессъ *мечтаній смерти*. И это большой грѣхъ искусства. Ради эффекта *неожиданной развязки* романисты сознательно пропускаютъ все то, что можетъ указать заранѣе на возможность приближающейся развязки, не хотятъ показать, *какъ* эта развязка подготовляется. И у читателей остается впечатлѣніе неожиданности, внезапности рѣшенія, совершенно ложное и искажающее ихъ пониманіе жизни.

Благо любви.

(Обращеніе Л. Н. Толстого къ людямъ-братьямъ. *)

Милые братья, особенно тѣ, кто теперь у насъ въ Россіи борется за такое или иное никому ненужное государственное устройство. Нужно тебѣ, милый братъ, кто бы ты ни былъ: царь, министръ, работникъ, крестьянинъ, — нужно тебѣ одно. Это одно — прожить тотъ неопредѣленно короткій мигъ жизни такъ, какъ этого хочетъ отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ жизнь.

Мы всѣ знаемъ, и я всегда смутно чувствовалъ это, и чѣмъ дальше въ жизни, тѣмъ яснѣе; теперь же, съ нынѣшняго дня, когда я въ первый разъ ясно почувствовалъ такую же, какъ для живого человѣка близость завтрашняго дня, естественную близость смерти, не только не страшной, но такой переходъ, который такъ же естественъ и благъ, какъ переходъ къ завтрашнему дню, — теперь, почувствовавъ это, мнѣ и страшно и, главное, странно думать о той ужасной, ненавистнической жизни, которой живетъ теперь большинство изъ насъ, людей, рожденныхъ для любви и блага.

Кто мы, что мы? Вѣдь только ничтожныя, всякую минуту могущія исчезнуть слабыя существа, выскочившія на мгновеніе изъ небытія въ жизнь прекрасную, радостную, съ небомъ, солнцемъ, лѣсами, лугами, рѣками, птицами, животными, блаженствомъ любви и къ близкимъ, и къ своей душѣ, къ добру и ко всему живому... И что же? Мы, существа эти, не находимъ ничего лучшаго, какъ то, чтобы этотъ короткій, неопредѣленный, каждую минуту могущій прерваться мигъ жизни отдавать на то, чтобы, изуродовавъ (его) двадцатиэтажными домами, мостовыми, дымомъ, копотью, зарыться въ эти трущобы, лѣзть подъ землю добывать камни, желѣзо для того, чтобы строить желѣзныя дороги, развозящія по всему міру ненужныхъ никому людей и ненужные товары и, главное, вмѣсто радостной жизни, жизни любви, ненавидѣть, бояться, мучить, мучиться, убивать, запирать, казнить, учиться убивать и убивать другъ друга.

Вѣдь это ужасно!

Тѣ, кто дѣлаютъ это, говорятъ, что все это они дѣлаютъ для того, чтобы избавиться отъ всего дурного, и, — что еще лживѣе, — говорятъ, что они дѣлаютъ это для того, чтобы избавить людей отъ зла, что они, дѣлая это, руководятся любовью къ людямъ.

Милые братья, опомнитесь, оглянитесь, подумайте о своей слабости, мгновенности, о томъ, что въ этотъ неопредѣленный короткій срокъ жизни между двумя вѣчностями, или скорѣе, безвременностями, — жизни, не знающей высшаго блага, чѣмъ любовь, — подумайте о томъ, какъ безумно не дѣлать, что вамъ свойственно дѣлать, а дѣлать то, что вы дѣлаете.

Вамъ, въ вашемъ невольномъ, поддерживаемомъ общественнымъ мнѣніемъ затемненіи, кажется, что все то, что вы дѣлаете, есть неизбѣжное условіе жизни людей нашего времени; что то, что вы дѣлаете, это — участіе въ всемірной жизни человѣчества; что вы не

*) Это — духовное завѣщаніе великаго моралиста всему человѣчеству, всѣмъ „людямъ-братьямъ". Составлено оно 21 августа 1908 г. во время тяжкой болѣзни Л. Н., когда онъ считалъ себя наканунѣ смерти. Опубликовано г. Чертковымъ въ газетѣ „Рѣчь".

можете не дѣлать того, что всѣ дѣлали и дѣлаютъ и считаютъ необходимымъ дѣлать.

Но вѣдь хорошо было бы думать такъ, если бы то, что вы дѣлаете, соотвѣтствовало съ требованіями вашей души, если бы это давало благо вамъ и другимъ людямъ. Да вѣдь этого нѣтъ. Жизнь міра, человѣчества всего, какъ она идетъ теперь, требуетъ отъ васъ злобы, участія въ дѣлахъ нелюбви къ однимъ братьямъ ради другихъ, не даетъ блага ни другимъ, ни вамъ.

„Но мы работаемъ для будущаго“, — говорятъ на это. Но почему жизнью любви въ настоящемъ, сейчасъ, жертвовать ради невзвѣстной намъ жизни будущей?

Развѣ не очевидно, какое это странное, губительное суевѣріе. Я знаю, несомнѣнно знаю, что жизнь—въ любви и законѣ Бога и требованіи моего сердца и даетъ благо мнѣ и другимъ, и вдругъ какія-то отвлеченныя разсужденія заставятъ меня отказаться отъ вѣрнаго, несомнѣннаго блага моего, обязанности, закона моего... ради чего? Ничего. Ради обычая, привычки, подражанія.

Пусть только борецъ за „свободу“ или „порядокъ“ положитъ одну сотую тѣхъ усилій, тѣхъ жертвъ, которыя онъ полагаетъ на борьбу ради своихъ цѣлей, на увеличеніе любви въ себѣ и другихъ, и онъ — не такъ, какъ при дѣятельности борьбы, гдѣ не видны послѣдствія, а только ожидаются, а тотчасъ же и увидитъ плоды своей любовной дѣятельности не только въ себѣ: въ великой радости любви, но и въ слѣдахъ, которые неизмѣнно на другихъ людяхъ оставляетъ эта дѣятельность.

Милые братья, опомнитесь, освободитесь отъ ужасной инерціи этого заблужденія (заблужденія, что борьба, животная борьба, можетъ быть свойственна и не губительна человѣку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, непарушимыя ничѣмъ: ни нападками другихъ людей, потому что нападки эти будутъ только поводомъ усиленія любви, ни страхомъ смерти, потому что для любви нѣтъ смерти.

Милые братья, не смѣю говорить: „повѣрьте, повѣрьте мнѣ“, — не вѣрьте, но провѣрьте то, что я говорю, провѣрьте хоть одинъ день. Хоть одинъ день, оставаясь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ засталъ васъ день, поставьте себѣ задачей во всякомъ дѣлѣ этого дня, руководиться одной любовью. И я знаю, что сдѣлай это вы, вы ужъ не вернетесь къ старому, ужасному, губительному заблужденію.

Объ одномъ прошу васъ, милые братья, усомнитесь въ томъ, что та жизнь, которая сложилась среди насъ, есть та, какая должна быть (жизнь эта есть извращеніе жизни), и повѣрьте, что любовь, только любовь выше всего; любовь есть назначеніе, сущность, благо нашей жизни; что то стремленіе къ благу, которое живетъ въ каждомъ сердцѣ, та обида за то, что нѣтъ того, что должно быть: блага,— что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только бы люди не считали, какъ теперь, жизнью то, что есть извращеніе ея.

Милые братья, ради вашего блага, сдѣлайте это: усомнитесь въ той кажущейся намъ столь важной внѣшней жизни, которой вы живете, поймите, что, не говоря уже о личныхъ—славѣ, богатствѣ и т. п., всѣ тѣ воображаемыя вами устройства общественной жизни милліоновъ и милліоновъ людей, все это — ничтожные и жалкіе пустяки въ сравненіи съ той душой, которую вы сознаете въ себѣ въ этотъ короткій мигъ жизни между рожденіемъ и смертью и которая, не переставая, заявляетъ вамъ свои требованія. Живите только для нея и ею, тою любовью, къ которой она зоветъ васъ, — и всѣ тѣ блага и вамъ и всѣмъ людямъ, о которыхъ вы только можете мечтать, въ безчисленное число разъ больше приложатся вамъ.

Только повѣрьте открытому и зовущему васъ съ себѣ благу любви.

21 августа 1908 г. Ясная Поляна.

Я думалъ, что умираю, въ тотъ день, когда писалъ это. Я не умеръ, но вѣра моя въ то, что я высказалъ здѣсь, остается та же, и я знаю, что не измѣнится до моей смерти, которая, во всякомъ случаѣ, должна наступить очень скоро.

Достаточно ли былъ освѣдомленъ Л. Н. Толстой въ духовной литературѣ?

М. В. Ладыженскій въ недавно выпущенной книгѣ *) дѣлится съ читателями воспоминаніями о своей поѣздкѣ въ Ясную Поляну и о бесѣдѣ съ Л-вомъ Н-чемъ за три мѣсяца до его смерти. Разсказъ г. Ладыженскаго интересенъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ обликъ великаго писателя съ такой стороны, которая до сихъ поръ мало обращала на себя вниманія.

Случилось такъ, — разсказываетъ г. Лады-

*) М. В. Ладыженскій. „Свѣтъ незримый“. Изъ области высшей мистики. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

женскій,—что я познакомился съ Толстымъ за три мѣсяца до его смерти, при чемъ явился личнымъ свидѣтелемъ того, какъ Толстой, жившій тогда, повидимому, еще спокойно въ кругу своей семьи, показалъ себя неустановившимся въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ, показалъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало освѣдомленнымъ въ нашей духовной литературѣ. Съ другой стороны, мнѣ пришлось тогда на себѣ лично почувствовать, до чего своеобразенъ былъ этотъ человѣкъ, странный по необъяснимой иной разъ предвзятости своихъ воззрѣній.

Въ чемъ выразились эти странности Толстого, а также, какія у Толстого были настроенія незадолго до его смерти — все это читатель можетъ усмотрѣть изъ слѣдующаго нашего разсказа.

Это было въ послѣднихъ числахъ іюля 1910 года. Я пріѣхалъ къ Толстому съ моей женою и еще однимъ нашимъ знакомымъ С. И. Чиркинымъ, управлявшимъ тогда русскимъ консульствомъ въ Бомбеѣ и бывшимъ въ то время въ отпуску въ Россіи. Прибыли мы въ Ясную Поляну въ условленное время въ семь часовъ вечера. Въ Ясной Полянѣ тогда, кромѣ Софіи Андреевны Толстой, были еще два сына Толстого — Левъ Львовичъ и Андрей Львовичъ съ женою, затѣмъ г. Бирюковъ съ женою и дѣтьми (Бирюковъ былъ тогда, кажется, въ роли секретаря и библіотекаря Толстого), піанистъ Гольденвейзеръ и неразлучный всегда съ Толстымъ докторъ Маковицкій. Ровно въ 7-мь часовъ къ намъ изъ своего кабинета вышелъ Левъ Николаевичъ; одѣтъ онъ былъ, какъ и всегда, въ свой традиціонный костюмъ — въ блузу; походка его была быстрая, держался онъ прямо. Лицо у Толстого было усталое; выраженіе его было очень серьезное.

„Какъ здоровье ваше, Левъ Николаевичъ?“— спросилъ я его послѣ обычныхъ привѣтствій. (Незадолго до нашего свиданія Толстой былъ боленъ).

„Да что здоровье!.. отвѣчалъ онъ, — надо къ смерти готовиться“...

Когда мы всѣ расположились въ кружокъ около стола въ углу залы, онъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

„Я слышалъ, что вы что-то пишете?“.

„Меня интересуетъ все, что касается жизни нашихъ христіанскихъ подвижниковъ и святыхъ, — отвѣчалъ я. — Надъ изслѣдованіемъ этой жизни я много теперь работаю“ *).

Толстой довольно строго и внимательно посмотрѣлъ на меня.

„А меня,—сказалъ онъ,—такъ это совсѣмъ не интересуетъ“.

Сказавши это, онъ обратился къ кому-то другому изъ присутствовавшихъ.

„Какъ, насъ не интересуютъ подвижники!?— вспыхнулъ я. — Не интересуютъ подвижники насъ, который создалъ типъ Акима во „Власти тьмы?“.

Толстой обернулся ко мнѣ и сказалъ:

„Что же Акимъ?.. Акимъ — просто хорошій человѣкъ“...

„Этого мало,—возразилъ я.—Онъ не только хорошій человѣкъ, онъ подвижникъ, онъ свѣтильникъ... Отъ него свѣтъ идетъ. Вѣдь Акимъ кость отъ костей нашего православнаго подвижничества!..“

„Акимъ не болѣе, какъ очень хорошій человѣкъ“,—продолжалъ Толстой.

„Ну, тогда у насъ споръ, значитъ, въ словахъ, — не унимался я. — У насъ разная терминологія. Вы говорите, что Акимъ очень хорошій человѣкъ, и я говорю то же, добавляя только, что, въ своемъ постоянномъ подвигѣ на хорошее, онъ проявляетъ себя въ этомъ смыслѣ, какъ подвижникъ. Вѣдь согласитесь, Левъ Николаевичъ, что Акимъ — это же типъ человѣка подвига, это подвижникъ между мужиками“...

„Да, что такого особеннаго въ вашемъ подвижничествѣ, которое вы изучаете?“ — спросилъ Толстой.

„Очень много особеннаго. Да позвольте, я вамъ для примѣра приведу одно философское изреченіе подвижника VI вѣка. Дѣло касается соотношенія въ душѣ человѣка любви къ Богу и любви къ людямъ. Васъ это интересуетъ?“.

„Говорите,— сказалъ Толстой,— тема интересная“.

„Соотношеніе это подвижникъ выразилъ такъ: Представьте себѣ кругъ,—сказалъ онъ,—и въ центрѣ его Богъ. Отъ окружности круга стремятся люди къ Богу. Пути ихъ жизни — это радіусы отъ окружности къ центру. Поскольку они, идя по этимъ путямъ, приближаются къ Богу, постольку они дѣлаются ближе другъ къ другу въ любви своей и поскольку они любятъ другъ друга, постольку они дѣлаются ближе къ Богу. Не правда ли это хорошо?“.

„Да... это хорошо, — сказалъ Левъ Николаевичъ... Онъ помолчалъ немного.—Это даже удивительно, — добавилъ онъ. — Какъ зовутъ этого подвижника, который далъ эту схему?“.

„Авва Дорофей—подвижникъ VI вѣка“.

„Я вамъ сейчасъ покажу“,—прервалъ молчаніе Толстой. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ ее перелистывать...— „Вотъ тутъ у меня есть... Я недавно одному

*) Тогда я приготовлялъ къ печати мою книгу „Сверхсознаніе“.

пріятелю писалъ... Вотъ смотрите,—продолжалъ онъ, найдя страницу книжки, гдѣ былъ начерганъ кругъ. Я писалъ ему, что надо больше другъ друга любить. Вотъ, въ центрѣ у меня Богъ, а мы съ нимъ, съ моимъ пріятелемъ, на окружности и сносимся другъ съ другомъ по окружности. Такъ, вмѣсто того, чтобы кружить, станемъ другъ къ другу ближе, проведемъ хорду. Будемъ по хордѣ сближаться и къ Богу будемъ ближе... Вѣдь идея моя та же, что и у вашего подвижника".

„Нѣтъ, у Аввы Дорофея лучше; тамъ яснѣе, тамъ ярче"...

„Да, лучше, — согласился Толстой. — Это очень, очень интересно. Гдѣ вы это вычитали?".

„Въ Добротолюбіи",— отвѣчалъ я.

„А что такое „Добротолюбіе?" — спросилъ Левъ Николаевичъ.

„Это очень большой сборникъ, изданный епископомъ Ѳеофаномъ; въ немъ помѣщены извлеченія изъ трудовъ 38 подвижниковъ Православной Церкви. Тамъ есть и Авва Дорофей. Тамъ я и нашель это".

„Почему мы ничего не знаемъ о „Добротолюбіи"?—обратился Толстой къ Бирюкову, присутствовавшему въ числѣ всѣхъ другихъ при нашемъ разговорѣ.

„Какъ не знаемъ! — отвѣчалъ Бирюковъ.— Я вамъ сколько разъ говорилъ... Вы забыли"...

„Это очень и очень интересно,—продолжалъ говорить оживившійся Толстой. — Надо непремѣнно достать этотъ сборникъ".

„Тамъ вы не мало еще такого найдете,— сказалъ я. — Попадаются перлы, которые поражаютъ".

„Непремѣнно надо пріобрѣсти „Добротолюбіе",—говорилъ Толстой.—У Аввы Дорофея это очень хорошо выражено".

„Да у насъ это все есть", — сказалъ какъ бы про себя недовольнымъ тономъ Бирюковъ.

На этомъ разговоръ о „Добротолюбіи" оборвался. Толстой послѣ этого началъ разспрашивать о кругосвѣтномъ путешествіи, которое я только что покончилъ. Говорили мы много объ Индіи, объ Японіи, Толстой много разспрашивалъ объ Индіи С. В. Чиркина, затѣмъ Толстой говорилъ объ индусскомъ подвижникѣ Вивеканандѣ, котораго онъ тогда изучалъ и котораго я зналъ по его сочиненію о Раджа-Іогѣ; разговора этого я приводить не буду, ибо онъ не имѣетъ отношенія къ интересующему насъ вопросу о душевномъ состояніи Толстого передъ наступленіемъ его драмы. Приведу только еще одинъ слѣдующій эпизодъ изъ нашей бесѣды.

Прошло еще болѣе часа бесѣды у круглаго стола. Софія Андреевна попросила всѣхъ къ большому столу, гдѣ былъ чай. Вся компанія перебралась за длинный столъ. Тамъ разговоръ съ Толстымъ у меня опять возобновился и, между прочимъ, зашла рѣчь объ оккультныхъ силахъ; я высказался за полное признаніе этихъ силъ, сталъ горячо утверждать, что онѣ существуютъ.

„Все это вздоръ, — сказалъ Толстой, — въ это я не вѣрю. У насъ на деревнѣ тоже бабы всякій вздоръ разсказываютъ. Совѣтую и вамъ не вѣрить тому, кто это говоритъ".

„Какъ же мнѣ не вѣрить, когда я достовѣрныя свѣдѣнія имѣю, — возразилъ я. — Да, вотъ, спросите мою жену; она здѣсь сидитъ. Она вамъ разскажетъ, какъ въ моемъ присутствіи въ Алжирѣ ее гипнотизеръ Пикманъ противъ ея воли усыпилъ; она этого не хотѣла, а онъ ее все-таки усыпилъ".

„И спрашивать не стачу, — сказалъ Левъ Николаевичъ.— Все это пустяки. Въ этомъ мірѣ, что насъ окружаетъ, никакихъ особыхъ таинственныхъ силъ нѣтъ... Никакихъ такихъ воспріятій"...

„Какъ нѣтъ такихъ воспріятій,—продолжалъ я,—а музыка"?

„Что музыка! при чемъ тутъ музыка" — сказалъ Толстой.

„Да то, что она воздѣйствуетъ на мою душу... то, что это я никакими нашими физическими силами объяснить не могу. Развѣ это не особая сила?".

„Ничего тутъ особаго нѣтъ, — продолжалъ настаивать Левъ Николаевичъ.—Просто пріятно уху, щекочетъ ухо. Вы и наслаждаетесь музыкой".

„Ну, нѣтъ, этого мало,— не унимался я,— музыка не щекочетъ, а откупориваетъ"...

При этихъ словахъ Толстой разсмѣялся; мое сравненіе ему, повидимому, понравилось.

„А вотъ, у насъ тутъ и свой штопоръ сидитъ",—сказалъ сынъ Толстого, Андрей Львовичъ, указывая мнѣ на піаниста Гольденвейзера, который въ эту минуту что-то усиленно записывалъ въ свою записную книжку.

Такъ разговоръ нашъ на тему объ оккультныхъ силахъ и прекратился. Но во всякомъ случаѣ для меня подтвердилось тогда то, что я уже зналъ по сочиненіямъ Толстого, а именно, что онъ ни въ какія таинственныя силы не вѣрилъ. Всѣ эти признанія особыхъ силъ были, по его мнѣнію, вздоромъ и пустяками.

Говорили за столомъ, между прочимъ, о культурѣ, о цивилизаціи и о вредѣ, приносимомъ ими, говорили и на разныя другія темы, говорили много... Время неслось быстро. Часы показывали уже 10-ть вечера; пора было вста-

вать. При прощаніи съ Толстымъ, онъ на слова моей жены, что нашъ разговоръ могъ утомить Льва Николаевича, сказалъ, что, наоборотъ, онъ пріятно провелъ время, что онъ благодаренъ за пріѣздъ и скоро самъ пріѣдетъ къ намъ въ имѣніе.

Прошло четыре дня. Толстой съ докторомъ Маковицкимъ верхами пріѣхали къ намъ въ Басово*).

„Я къ вамъ на нѣсколько минутъ, — сказалъ Толстой, входя въ домъ, — я пріѣхалъ и васъ повидать, и „Добротолюбіе“ посмотрѣть. Пойдемте къ вамъ, покажите мнѣ „Добротолюбіе“.

Мы вошли въ кабинетъ; я вытащилъ изъ шкафа всѣ пять томовъ. Толстой началъ ихъ переглядывать и перелистывать. Потомъ онъ вынулъ записную книжку и сталъ, повидимому, заносить тамъ заголовокъ изданія и дѣлать еще какія-то помѣтки. Въ это время я объяснялъ Толстому, что „Добротолюбіе“ далеко еще не все, что въ этомъ родѣ есть интереснаго, что въ „Добротолюбіи“ только выдержки, что, напр., подлинныя полныя собранія сочиненій подвижниковъ Исаака Сиріянина, Семеона Богослова и другихъ заключаютъ въ себѣ удивительныя страницы.

Въ кабинетѣ Толстой, между прочимъ, обратилъ вниманіе на большой альбомъ съ яснополянскими видами, собранными мною во время путешествія кругомъ свѣта. Онъ заинтересовался альбомомъ; мы стали его разсматривать; я давалъ объясненія.

Наконецъ, Толстой вспомнилъ свое время. Онъ быстро всталъ, простился и вышелъ съ Маковицкимъ къ лошадямъ. Подойдя къ своей лошади, онъ сталъ ее оглаживать, взялся одной рукой за сѣдло и, не успѣлъ я опомниться, какъ онъ ловко и легко, совсѣмъ какъ молодой человѣкъ, вскочилъ на сѣдло. По тому, какъ онъ вскочилъ на лошадь, видно было, до чего онъ былъ бодръ, и я никакъ не думалъ тогда, что вижу его въ послѣдній разъ, что конецъ его былъ такъ близокъ.

Описанное выше кратковременное знакомство съ Толстымъ дало мнѣ небезынтересныя данныя для сужденія объ этомъ удивительно своеобразномъ человѣкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не поразительно? По сочиненіямъ Толстого я зналъ, что Толстой 30 лѣтъ трудился надъ созданіемъ своего религіознаго міросозерцанія, изучалъ Конфуція, Сократа, Лао-Тсе, Зороастра, Марка Аврелія и друг., и вотъ оказалось при всемъ этомъ, онъ до конца дней своихъ упорно игнорировалъ цѣлый рядъ великихъ религіозныхъ мыслителей, учителей русскаго народа — того самаго народа, передъ силою духа котораго онъ такъ преклонялся. Толстой не зналъ совсѣмъ нашей святоотеческой литературы, не имѣлъ, напр., понятія, что была за книга „Добротолюбіе“, что за философы были св. Исаакъ Сиріянинъ, св. Ефремъ Сиріянинъ, св. Авва Дорофей и друг., создавшіе нашихъ русскихъ святыхъ. Онъ до того не хотѣлъ знать все это, что предвзято отворачивался безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, отъ всякаго, кто серьезно интересовался православнымъ подвижничествомъ. Такъ, когда мнѣ пришлось въ разговорѣ съ нимъ сообщить, что я работаю надъ изслѣдованіемъ ихъ жизни, онъ, не задумываясь, съ оттѣнкомъ полнаго пренебреженія сказалъ мнѣ: „А меня такъ это совсѣмъ не интересуетъ“ и сейчасъ же перевелъ разговоръ на другую тему. И только тогда, когда въ уши Толстого мною были чуть не насильно втиснуты геніальныя слова св. Аввы Дорофея, онъ почувствовалъ ихъ силу, а какъ только почувствовалъ онъ это, такъ проснулся у него интересъ и къ подвижникамъ, и къ „Добротолюбію“.

Здѣсь мы не можемъ не указать на одну характерную черту обстановки Толстого, которую мы тогда замѣтили. Мы ясно видѣли то впечатлѣніе, которое произвелъ на присутствовавшаго при нашемъ разговорѣ толстовца Бирюкова этотъ внезапный интересъ Толстого къ „Добротолюбію“, видѣли, какъ г-нъ Бирюковъ хотѣлъ какъ бы отвести Толстого отъ этой книги, давая словами своими почувствовать, что все это, молъ, такъ извѣстно и старо.

Но Толстой былъ не такой человѣкъ, чтобы легко отстать отъ изученія идей, которыя его разъ заинтересовали, хотя бы эти идеи и не согласовались съ трафаретомъ его толстовцевъ, и вотъ, не находя въ своей библіотекѣ сборника „Добротолюбія“, не находя, нужно думать, сочувствія у своего секретаря Бирюкова выписать этотъ сборникъ, Толстой ѣдетъ верхомъ за 10 верстъ за этими книгами и одно изъ первыхъ словъ, съ которыми онъ входитъ ко мнѣ, это — „покажите мнѣ „Добротолюбіе“.

Итакъ, мы видимъ, что Толстому нуженъ былъ особый какой-нибудь случай, особый импульсъ, чтобы выбиться изъ пенѣрнаго русла, въ который нерѣдко запопадали его философско-религіозныя исканія. Вообще надо сказать, что философская мысль Толстого не обладала яснымъ зрѣніемъ; она была часто потемняема понязкою его предвзятыхъ воззрѣній — воззрѣній, питаемыхъ господами толстовцами, кото-

*) Названіе имѣнія, гдѣ мы въ это лѣто жили, въ десяти верстахъ отъ Ясной Поляны.

рые плотнымъ кольцомъ окружали великаго писателя, заражая его своими крайними взглядами.

И вотъ, въ результатѣ всего этого, какія удивительныя противорѣчія мы видимъ. Съ одной стороны предъ нами художественный геній Толстого — онъ создаетъ поразительный типъ мужика Акима изъ „Власти тьмы“, создаетъ типъ истиннаго подвижника, въ которомъ чувствуется сила духовная, а съ другой стороны, предъ нами религіозный искатель — Толстой, изучающій съ великимъ интересомъ индусскаго іога—Вивекананду, но весьма мало знающій, напр., о великомъ подвижникѣ Серафимѣ Саровскомъ, неизмѣримо болѣе могущественномъ и интереснымъ, чѣмъ Вивекананда, и притомъ близко родственномъ мужику Акиму, тому самому Акиму, котораго создалъ своимъ художественнымъ геніемъ тотъ же Левъ Николаевичъ Толстой.

А. П. Чеховъ въ своихъ письмахъ.

(1888—1889).

Въ предыдущемъ № „Бюллетеней“ мы далеко не использовали того огромнаго богатства мыслей, которое заключается въ письмахъ А. П. Чехова, написанныхъ имъ въ періодъ времени съ 1888 по 1889 годъ. Возвращаемся снова къ этой сокровищницѣ. На этотъ разъ мы остановимся на тѣхъ письмахъ, въ которыхъ А—нъ П—чъ самъ высказывается по поводу нѣкоторыхъ своихъ произведеній. Само собою разумѣется, сужденія его въ этой области представляютъ для читателей выдающійся интересъ. Затѣмъ, особо отмѣтимъ мечты А—на П—ча о романѣ и крайне любопытныя мысли его о матеріализмѣ и русской интеллигенціи, высказанныя имъ по поводу произведеній французскаго писателя П. Бурже.

Драма „Ивановъ“:

Режиссеръ считаетъ Иванова лишнимъ человѣкомъ въ тургеневскомъ вкусѣ; Савина спрашиваетъ: почему Ивановъ подлецъ? Вы пишете: „Иванову необходимо дать что-нибудь такое, изъ чего видно было бы, почему двѣ женщины на него вѣшаются и почему онъ подлецъ, а докторъ—великій человѣкъ“. Если Вы трое такъ поняли меня, то это значитъ, что мой Ивановъ никуда не годится. У меня, вѣроятно, зашелъ умъ за разумъ и я написалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ. Если Ивановъ выходитъ у меня подлецомъ, или лишнимъ человѣкомъ, а докторъ великимъ человѣкомъ, если непонятно, почему Сарра и Саша любятъ Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцовалась и о постановкѣ ея не можетъ быть рѣчи. Героевъ своихъ я понимаю такъ. Ивановъ, дворянинъ, университетскій человѣкъ, ничѣмъ не замѣчательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная къ увлеченіямъ, честная и прямая, какъ большинство образованныхъ дворянъ. Онъ жилъ въ усадьбѣ и служилъ въ земствѣ. Что онъ дѣлалъ и какъ велъ себя, что занимало и увлекало его, видно изъ слѣдующихъ словъ его, обращенныхъ къ доктору (актъ I, явл. 5): „Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ... не поютъ вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣну... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей“... Вотъ что у него въ прошломъ. Сарра, которая видѣла его раціональныя хозяйства и прочія затѣи, говоритъ о немъ доктору: „Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ и я жалѣю, что вы не знали его года два-три тому назадъ. Онъ теперь хандритъ, молчитъ, ничего не дѣлаетъ, но прежде... какая прелесть!“ (I актъ, явл. 7). Прошлое у него прекрасное, какъ у большинства русскихъ интеллигентныхъ людей. Нѣтъ или почти нѣтъ того русскаго барина или университетскаго человѣка, который не хвастался бы своимъ прошлымъ. Настоящее всегда хуже прошлаго. Почему? Потому, что русская возбудимость имѣетъ одно специфическое свойство: ее быстро смѣняетъ утомляемость. Человѣкъ сгоряча, едва спрыгнувъ со школьной скамьи, беретъ ношу не по силамъ, берется сразу и за школы, и за мужика, и за раціональное хозяйство, и за „Вѣстникъ Европы“, говоритъ рѣчи, пишетъ министру, воюетъ со зломъ, рукоплещетъ добру, любитъ не просто и не какъ-нибудь, а непремѣнно или синихъ чулковъ, или психопатокъ, или жидовокъ, или даже проститутокъ, которыхъ спасаетъ и проч. и проч. Но едва дожилъ онъ до 30 — 35 лѣтъ, какъ начинаетъ ужъ чувствовать утомленіе и скуку. У него еще и порядочныхъ усовъ нѣтъ, но онъ ужъ авторитетно говоритъ:

„— Не женитесь, батенька... Вѣрьте моему опыту“. Или: „Что такое въ сущности либерализмъ? Между нами говоря, Катковъ часто былъ правъ...“ Онъ готовъ ужъ отрицать и земство, и раціональное хозяйство, и науку, и любовь... Мой Ивановъ говоритъ доктору (I акт., 5 явл.): „Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще

молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право вамъ совѣтовать...“ Таковъ тонъ у этихъ преждевременно утомленныхъ людей. Далѣе, авторитетно вздыхая, онъ совѣтуетъ: „Не женитесь вы такъ-то и такъ-то (зрите выше одну изъ выписокъ), а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ... Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше... А жизнь, которую я пережилъ, какъ она утомительна!.. ахъ, какъ утомительна!“

Чувствуя физическое утомленіе и скуку, онъ не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается и что произошло. Ужасаясь, онъ говоритъ доктору (актъ I, явл. 3): „Вы вотъ говорите, что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомленіе... Если со стороны поглядѣть на меня, то это вѣроятно ужасно, самъ же я не понимаю, что дѣлается съ моей душой“... Попавъ въ такое положеніе, узкіе и недобросовѣстные люди обыкновенно сваливаютъ всю вину на среду, или же записываются въ штатъ лишнихъ людей и гамлетовъ и на томъ успокаиваются. Ивановъ же, человѣкъ прямой, открыто заявляетъ доктору и публикѣ, что онъ себя не понимаетъ: „Не понимаю, не понимаю“... Что онъ искренно не понимаетъ себя, видно изъ большого монолога въ III актѣ, гдѣ онъ, бесѣдуя съ глазу на глазъ съ публикой и исповѣдуясь передъ ней, даже плачетъ!

Перемѣна, происшедшая въ немъ, оскорбляетъ его порядочность. Онъ ищетъ причинъ внѣ и не находитъ; начинаетъ искать внутри себя и находитъ одно только неопредѣленное чувство вины. Это чувство русское. Русскій человѣкъ—умеръ ли у него кто-нибудь въ домѣ, заболѣлъ ли, долженъ ли онъ кому-нибудь, или самъ даетъ взаймы, — всегда чувствуетъ себя виноватымъ. Все время Ивановъ толкуетъ о какой-то своей винѣ и чувство вины растетъ въ немъ при каждомъ толчкѣ. Въ I актѣ онъ говоритъ: „Вѣроятно, я страшно виноватъ, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то лѣнью и я не въ силахъ понимать себя“... Во II актѣ онъ говоритъ Сашѣ: „День и ночь болитъ моя совѣсть, чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю...“

Къ утомленію, скукѣ и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это — одиночество. Будь Ивановъ чиновникомъ, актеромъ, попомъ, профессоромъ, то онъ бы свыкся со своимъ положеніемъ. Но онъ живетъ въ усадьбѣ. Онъ въ уѣздѣ. Люди—или пьяницы, или картежники, или такіе, какъ докторъ... Всѣмъ имъ нѣтъ дѣла до его чувствъ и перемѣны въ немъ. Онъ одинокъ. Длинныя зимы, длинные вечера, пустой садъ, пустыя комнаты, брюзжащій графъ, больная жена... Уѣхать некуда. Поэтому каждую минуту его томитъ вопросъ: куда дѣваться?

Теперь пятый врагъ. Ивановъ утомленъ, не понимаетъ себя, но жизни нѣтъ до этого никакого дѣла. Она предъявляетъ къ нему свои законныя требованія и онъ хочешь—не хочешь долженъ рѣшать вопросы. Больная жена—вопросъ, куча долговъ—вопросъ. Саша вѣшается на шею—вопросъ. Какъ онъ рѣшаетъ всѣ эти вопросы должно быть видно изъ монолога III акта и изъ содержимаго двухъ послѣднихъ актовъ. Такіе люди, какъ Ивановъ, не рѣшаютъ вопросовъ, а падаютъ подъ ихъ тяжестью. Они теряются, разводятъ руками, нервничаютъ, жалуются, дѣлаютъ глупости и въ концѣ-концовъ, давъ волю своимъ рыхлымъ, распущеннымъ нервамъ, теряютъ подъ ногами почву и поступаютъ въ разрядъ „надломленныхъ“ и „не понятыхъ“.

Разочарованность, апатія, нервная рыхлость и утомляемость являются непремѣннымъ слѣдствіемъ чрезмѣрной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи въ крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее. Соціализмъ—одинъ изъ видовъ возбужденія. Гдѣ же онъ? Онъ въ письмѣ Тихомирова къ царю. Соціалисты поженились и критикуютъ земство. Гдѣ либерализмъ? Даже Михайловскій говоритъ, что всѣ шашки теперь смѣшались... А чего стоятъ всѣ русскія увлеченія? Война утомила. Болгарія утомила до проніи. Цукки утомила, оперетка тоже...

Утомляемость (это подтверждаетъ и д-ръ Бертенсонъ) выражается не въ одномъ только нытьѣ или ощущеніи скуки. Всѣ утомленные люди не теряютъ способности возбуждаться въ сильнѣйшей степени, но очень не надолго, при чемъ послѣ каждаго возбужденія наступаетъ еще большая апатія.. Объясняется Саша въ любви. Ивановъ въ восторгѣ кричитъ: „Новая жизнь!“, а на другое утро вѣритъ въ эту жизнь столько же, сколько въ домового (монологъ III акта); жена оскорбляетъ его, онъ выходитъ изъ себя, возбуждается и бросаетъ ей жестокое оскорбленіе. Его обзываютъ подлецомъ. Если это не убиваетъ его рыхлый мозгъ, то онъ возбуждается и произноситъ себѣ приговоръ.

Чтобы не утомить Васъ до изнеможенія, перехожу къ доктору Львову. Это типъ честнаго, прямого, горячаго, но узкаго и прямолинейнаго человѣка. Про такихъ умные люди говорятъ: онъ глупъ, но въ немъ есть честное чувство. Все, что похоже на широту взгляда или на непо-

средственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблонъ, ходячая тенденція. На каждое явленіе и лицо онъ смотритъ сквозь тѣсную раму, обо всемъ судитъ предвзято. Кто кричитъ: „Дорогу честному труду!“, на того онъ молится; кто же не кричитъ этого, тотъ подлецъ и кулакъ. Середины нѣтъ. Онъ воспитался на романахъ Михайлова; въ театрѣ видѣлъ на сценѣ „новыхъ людей“, т.-е. кулаковъ и сыновъ вѣка сего, рисуемыхъ новыми драматургами, „людей наживы“ (Пропорьевъ, Охлябьевъ, Нанарыгинъ и проч.). Онъ намоталъ себѣ это на усъ и такъ сильно намоталъ, что, читая Рудина, непремѣнно спрашиваетъ себя: „Подлецъ Рудинъ или нѣтъ?“ Литература и сцена такъ воспитали его, что онъ ко всякому лицу въ жизни и въ литературѣ подступаетъ съ этимъ вопросомъ... Если бы ему удалось увидѣть Вашу пьесу, то онъ поставилъ бы Вамъ въ вину, что Вы не сказали ясно: подлецы гг. Котельниковъ, Сабининъ, Адашевъ, Матвѣевъ, или не подлецы? Этотъ вопросъ для него важенъ. Ему мало, что всѣ люди грѣшны. Подавай ему святыхъ и подлецовъ!

Въ уѣздъ пріѣхалъ онъ уже предубѣжденный. Во всѣхъ зажиточныхъ мужикахъ онъ сразу увидѣлъ кулаковъ, а въ непонятномъ для для него Ивановѣ—сразу подлеца. У человѣка больна жена, а онъ ѣздитъ къ богатой сосѣдкѣ—ну не подлецъ ли? Очевидно, убиваетъ жену, чтобъ жениться на богатой...

Львовъ честенъ, прямъ и рубитъ сплеча, не щадя живота. Если нужно, онъ броситъ подъ карету бомбу, дастъ по рылу инспектору, пуститъ подлеца. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Угрызеній совѣсти никогда не чувствуетъ — на то онъ „честный труженикъ“, чтобъ казнить „темную силу“!

Такіе люди нужны и въ большинствѣ симпатичны. Рисовать ихъ въ карикатурѣ, хотя бы въ интересахъ сцены, нечестно, да и не къ чему. Правда, карикатура рѣзче и потому понятнѣе, но лучше не дорисовать, чѣмъ замаратъ...

Теперь о женщинахъ. За что онѣ любятъ? Сарра любитъ Иванова за то, что онъ хорошій человѣкъ, за то, что онъ пылокъ, блестящъ и говоритъ такъ же горячо, какъ Львовъ (I актъ, явл. 7). Любитъ она, пока онъ возбужденъ и интересенъ; когда же онъ начинаетъ туманиться въ ея глазахъ и терять опредѣленную физіономію, она ужъ не понимаетъ его и въ концѣ третьяго акта высказывается прямо и рѣзко.

Саша — дѣвица новѣйшей формаціи. Она образована, умна, честна и проч. На безрыбьи и ракъ рыба и поэтому она отличаетъ 35-лѣтняго Иванова. Онъ лучше всѣхъ. Она знала его, когда была маленькой, и видѣла близко его дѣятельность въ ту пору, когда онъ не былъ еще утомленъ. Онъ другъ ея отца.

Это самка, которую побѣждаютъ самцы не яркостью перьевъ, не гибкостью, не храбростью, а своими жалобами, нытьемъ, неудачами. Это женщина, которая любитъ мужчинъ въ періодъ ихъ паденія. Едва Ивановъ палъ духомъ, какъ дѣвица—тутъ какъ тутъ. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нея такая благодарная, святая задача! Она воскреситъ упавшаго, поставитъ его на ноги, дастъ ему счастье... Любитъ она не Иванова, а эту задачу. Аржантонъ у Додэ сказалъ: жизнь не романъ! Саша не знаетъ этого. Она не знаетъ, что любовь для Иванова составляетъ только излишнее осложненіе, лишній ударъ въ спину. И что жъ? Бьется Саша съ Ивановымъ цѣлый годъ, а онъ все не воскресаетъ и падаетъ все ниже и ниже.

У меня болятъ пальцы, кончаю... Если всего пышеписаннаго нѣтъ въ пьесѣ, то о постановкѣ ея не можетъ быть и рѣчи. Зачитъ я написалъ не то, что хотѣлъ. Возьмите пьесу назадъ. Я не хочу проводѣдывать со сцены ересь. Если публика выйдетъ изъ театра съ сознаніемъ, что Ивановы — подлецы, а доктора Львовы — великіе люди, то мнѣ придется подать въ отставку и забросить къ чорту свое перо. Поправками и вставками ничего не подѣлаешь. Никакія поправки не могутъ низвести великаго человѣка съ пьедестала и никакія вставки не способны изъ подлеца сдѣлать обыкновеннаго грѣшнаго человѣка. Сашу можно вывести въ концѣ, но въ Ивановѣ и Львовѣ прибавить ужъ больше ничего не могу. Не умѣю. Если же и прибавлю что-нибудь, то чувствую, что еще больше испорчу. Вѣрьте моему чувству, вѣдь оно авторское...

Я прочелъ это письмо. Въ характеристикѣ Иванова часто попадается слово „русскій“. Не разсердитесь на это. Когда я писалъ пьесу, то имѣлъ въ виду только то, что нужно, то-есть однѣ только типичныя русскія черты. Такъ, чрезмѣрная возбудимость, чувство вины, утомляемость — чисто русскія. Нѣмцы никогда не возбуждаются и потому Германія не знаетъ ни разочарованныхъ, ни лишнихъ, ни утомленныхъ... Возбудимость французовъ держится постоянно на одной и той же высотѣ, не дѣлая крутыхъ повышеній и пониженій, и потому французъ до самой дряхлой старости нормально возбужденъ. Другими словами, французамъ не приходится расходовать свои силы на чрезмѣрное возбужденіе; расходуютъ они свои силы умно, поэтому не знаютъ банкротства.

Понятно, что въ пьесѣ я не употреблялъ такихъ терминовъ, какъ русскій, возбудимость, утомляемость и проч., въ полной надеждѣ, что читатель и зритель будутъ внимательны и что для нихъ не понадобится вывѣска: „це не гарбузъ, а слива“. Я старался выражаться просто, не хитрилъ и былъ далекъ отъ подозрѣнія, что читатели и зрители будутъ ловить моихъ героевъ на фразѣ, подчеркивать разговоры о приданомъ и т. п.

Я не сумѣлъ написать пьесу. Конечно, жаль. Ивановъ и Львовъ представляются моему воображенію живыми людьми. Говорю Вамъ по совѣсти, искренно, эти люди родились въ моей головѣ не изъ морской пѣны, не изъ предвзятыхъ идей, не изъ „умственности“, не случайно. Они результатъ наблюденія и изученія жизни. Они стоятъ въ моемъ мозгу и я чувствую, что я не солгалъ ни на одинъ сантиметръ и не вередмудрилъ ни на одну іоту. Если же они на бумагѣ вышли не живыми и не ясными, то виноваты не они, а мое неумѣніе передавать свои мысли. Значитъ, рано мнѣ еще за пьесы браться. (А. С. Суворину. 88—XII—30).

Для меня рѣшительно все равно, когда Вы напечатаете пьесу: хоть въ іюлѣ и хоть даже совсѣмъ не печатайте—я ее не люблю. Чѣмъ позже напечатаете, тѣмъ даже лучше—къ сезону ближе. Къ тому же и имѣю злостное намѣреніе: когда мой Ивановъ провалится въ Питерѣ, я прочту въ Литературномъ Обществѣ рефератъ о томъ, какъ не слѣдуетъ писать пьесъ, и буду читать выдержки изъ своей пьесы для характеристики моихъ героевъ, которыхъ я, какъ бы ни было, считаю новыми въ русской литературѣ и никѣмъ еще не тронутыми. Пьеса плоха, но люди живые и не сочиненные. (А. Н. Плещееву. 89—I—2).

Я съ большимъ бы удовольствіемъ прочиталъ бы въ Литературномъ обществѣ рефератъ о томъ, откуда мнѣ пришла мысль написать Иванова. Я бы публично покаялся. Я лелѣялъ дерзкую мечту суммировать все то, что доселѣ писалось о ноющихъ и тоскующихъ людяхъ и своимъ Ивановымъ положить предѣлъ этимъ писаньямъ. Мнѣ казалось, что всѣми русскими беллетристами, драматургами чувствовалась потребность рисовать унылаго человѣка и что всѣ они писали инстинктивно, не имѣя опредѣленныхъ образовъ и взгляда на дѣло. По замыслу я попалъ приблизительно въ настоящую точку, но исполненіе не годится ни къ чорту. Надо было бы подождать! (А. С. Суворину. 89—I—7).

Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ свысходительной іроніей: написана, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я попалъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова, и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина: — „Палками Иванова, палками!“ (А. Н. Плещееву. (89—I—15).

Рецензія прекрасная; цѣню ее на вѣсъ не золота, не алмазовъ, а своей души. Мое глубокое и искреннее убѣжденіе: получилъ я гораздо больше, чѣмъ заслужилъ.

Сегодня пришло Ваше письмо, гдѣ Вы пишете о своемъ разговорѣ съ Жителемъ. Вы думаете, что я не долженъ былъ брать Иванова „готовымъ“. Я прошу Васъ вообразить себя авторомъ моей пьесы, чтобы чутье подсказало Вамъ, какъ Вы не правы. Зачѣмъ Вы Рѣпину взяли „готовой“? Что было бы, если бы Хлестаковъ и Чацкій тоже не были взяты „готовыми“? Если мой Ивановъ не для всѣхъ ясенъ, то это потому, что всѣ четыре акта сдѣланы неумѣлой рукой, а вовсе не потому, что я своего героя взялъ „готовымъ“. Герои Толстого взяты „готовыми“; прошлое и физіономіи ихъ неизвѣстны, угадываются по намекамъ, но вѣдь Вы не скажете, чтобы эти герои Васъ не удовлетворяли. Вся суть въ размѣрахъ авторскаго таланта—da ist Hund begraben. Контуры моего Иванова взяты правильно, начатъ онъ такъ, какъ нужно — мое чутье не чуетъ фальши; сплоховала же растушевка, а оттого, что тушовка плоха, Вы заподозрѣли контуры...

Женщины въ моей пьесѣ не нужны. Главная моя была забота не давать бабамъ заволакивать собой центръ тяжести, сидящій внѣ ихъ. Если бы мнѣ удалось сдѣлать ихъ красивыми, то я считалъ бы свою задачу по отношенію къ нимъ совершенно исполненною. Женщины участвовали въ погибели Иванова... Ну такъ что же? Неужели нужно длинно пояснять это участіе, которое понятно и тысячу разъ уже трактовалось раньше меня?

Получаю по поводу Иванова анонимныя и не анонимныя письма. Какой-то соціалистъ (повидимому) негодуетъ въ своемъ анонимномъ письмѣ и шлетъ мнѣ горькій упрекъ; пишетъ, что послѣ моей пьесы погибъ кто-то изъ молодежи, что моя пьеса вредна и проч. Всѣ

письма толкуютъ Иванова одинаково. Очевидно, поняли, чему я очень радъ. (А. С. Суворину, 89—II—8).

Повѣсть „Степь".

Съ Вашего дружескаго совѣта я началъ маленькую повѣстушку для „Сѣверн. Вѣстника". Для почина взялся описать степь, степныхъ людей и то, что я пережилъ въ степи. Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣснятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напримѣръ Вы, поймете меня, читатель же соскучится и плюнетъ. (В. Г. Короленко. 88—I—9).

Теперь два слова о себѣ. Я здравствую, работаю и скучаю. Пишу я теперь повѣстушку для толстаго журнала и, какъ только кончу, пришлю ее Вамъ: буду просить Васъ протежировать мнѣ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Описываю я *степь*. Сюжетъ поэтичный и, если я не сорвусь съ того тона, какимъ началъ, то кое-что выйдетъ у меня „изъ ряда вонъ выходящее". Чувствую, что есть въ моей повѣстушкѣ мѣста, которыми я угожу Вамъ, мой милый поэтъ, но въ общемъ я едва ли потрафлю... Выйдетъ у меня 4 — 5 печатныхъ листовъ; изъ нихъ два листа заняты описаніемъ природы и мѣстностей — скучно! (А. Н. Плещееву. 88—I—19).

Моя повѣсть появится въ мартовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника". Странная она какая-то, но есть отдѣльныя мѣста, которыми я доволенъ. Меня бѣситъ то, что въ ней нѣтъ романа. Безъ женщины повѣсть, что безъ паровъ машина. Впрочемъ женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу безъ женщинъ... (П. Л. Щеглову. 88—I—22).

Вы ждете отъ меня чего-то особенно хорошаго—какое поле для разочарованій! Робѣю и боюсь, что моя степь выйдетъ незначительной. Пишу я ее не спѣша, какъ гастрономы ѣдятъ дупелей: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Откровенно говоря, выжимаю изъ себя, натужаюсь и надуваюсь, но все-таки въ общемъ она не удовлетворяетъ меня, хотя мѣстами и попадаются въ ней „стихи въ прозѣ". Я еще не привыкъ писать длинно, да и лѣнивъ. Мелкая работа меня избаловала. (А. Н. Плещееву. (88—I—23).

Моя степь похожа не на повѣсть, а на степную энциклопедію. (Ему же. 88—II—3).

Я утомленъ до мозга костей. Вчера окончилъ, а сегодня послалъ повѣсть, которую Вы увидите въ мартовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника". Многое Вамъ въ ней понравится, а многое очень не понравится. Во всякомъ случаѣ увидите, сколько сока и напряженія пошло на нее. Давно ужъ въ толстыхъ журналахъ не было такихъ повѣстей; выступаю я оригинально, но за оригинальность мнѣ достанется такъ же, какъ за „Иванова". Разговоровъ будетъ много. (М. В. Киселевой. 88—II—3).

Ну-съ, я живъ и здоровъ. Свой „мартовскій плодъ" я кончилъ и послалъ А. Н. Плещееву. Не ждите ничего особенно хорошаго. Разочаруетесь въ Антуанѣ, потому что Антуанъ, какъ я теперь убѣдился, совсѣмъ не способенъ писать длинныя вещи. (П. Л. Щеглову. 88—II—4).

Сборникъ въ память Гаршина и разсказъ „Припадокъ".

Два раза былъ я у Гаршина и въ оба раза не засталъ. Видѣлъ только одну лѣстницу... Къ сожалѣнію, я вовсе не зналъ этого человѣка. Мнѣ приходилось говорить съ нимъ только одинъ разъ, да и то мелкомъ. (А. Н. Плещееву. 88—III—31).

Что касается Гаршинскаго сборника, то не знаю, что и сказать Вамъ. Не дать разсказа—не хочется. Во-первыхъ, такихъ людей, какъ покойный Гаршинъ, я люблю всей душой и считаю своимъ долгомъ публично расписываться въ симпатіи къ нимъ; во-вторыхъ, Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; въ-третьихъ—отказаться отъ участія въ сборникѣ, значитъ поступить не по-товарищески, сирѣчь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелѣпое положеніе! У меня рѣшительно нѣтъ темъ, сколько-нибудь годныхъ для сборника. Все, что есть, или очень пошло, или очень весело, или очень длинно; былъ одинъ неважный сюжетецъ, да и тотъ я уже пустилъ въ дѣло и въ образѣ небольшого очерка послалъ въ „Новое Время", гдѣ я по уши залѣзъ въ долги. Впрочемъ, есть у меня еще одна тема: молодой человѣкъ Гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткій, попадаетъ первый разъ въ жизни въ домъ терпимости. Такъ какъ о серьезномъ нужно го-

ворить серьезно, то въ разсказѣ этомъ всѣ вещи будутъ названы настоящими ихъ именами. Быть-можетъ, мнѣ удастся написать его такъ, что онъ произведетъ, какъ бы я хотѣлъ, гнетущее впечатлѣніе; быть-можетъ онъ выйдетъ хорошъ и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура или сама редакція не выхватитъ изъ него то, что въ немъ я считаю за важное? Вѣдь сборникъ иллюстрированный, стало-быть, цензурный. Если поручитесь, что *ни одно* слово не будетъ вычеркнуто, я напишу разсказъ въ два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недѣльку, я дамъ Вамъ мой окончательный отвѣтъ: авось надумаю сюжетъ! (Ему же. 88—IX—15).

Сегодня я кончилъ разсказъ для „Гаршинскаго сборника“ — словно гора съ плечъ. Въ этомъ разсказѣ я сказалъ свое, никому не нужное, мнѣніе о такихъ рѣдкихъ людяхъ, какъ Гаршинъ. Накаталъ чуть ли не 2000 строкъ. Говорю много о проституціи, но ничего не рѣшаю. Отчего у Васъ въ газетѣ ничего не пишутъ о проституціи? Вѣдь она страшнѣйшее зло. Нашъ Соболевъ переулокъ—это рабовладѣльческій рынокъ. (А. С. Суворину. 88—XI—11).

Уфъ! кончилъ наконецъ переписывать разсказъ [1]), запаковалъ и послалъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Получили? Прочли? Небось сердитесь? Разсказъ совсѣмъ неподходящій для альманашно-семейнаго чтенія, не граціозный и отдаетъ сыростью водосточныхъ трубъ. Но совѣсть моя по крайней мѣрѣ спокойна: во-первыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во-вторыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ. Мнѣ, какъ медику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки... (А. П. Плещееву. 88—XI—13).

Мечты о романѣ.

Спѣшу засѣсть за мелкую работу, а самого такъ и подмываетъ взяться опять за что-нибудь большое. Ахъ, если бы Вы знали, какой сюжетъ для романа сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины! Какія похороны, какія свадьбы! Если-бъ деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисъ и написалъ бы романъ въ 1—2 мѣсяца. У меня уже готовы три листа, можете себѣ представить! Впрочемъ, вру: будь у меня на рукахъ деньги, я такъ бы завертѣлся, что всѣ романы полетѣли бы вверхъ ногами.

Когда я напишу первую часть романа, то, если позволите, пришлю Вамъ на прочтеніе, но не въ „Сѣверный Вѣстникъ“, ибо мой романъ не годится для подцензурнаго изданія. Я жаденъ, люблю въ своихъ произведеніяхъ многолюдство, а посему романъ мой выйдетъ длиненъ. Къ тому же люди, которыхъ я изображаю, дороги и симпатичны для меня, а кто симпатиченъ, съ тѣмъ хочется подольше возиться. (А. П. Плещееву. 88—II—9).

Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ! (Ему же. 89—I—15).

А что Вы думаете? Я пишу романъ!! Пишу, пишу и конца не видать моему писанью. Началъ его т.-е. романъ сначала, сильно исправивъ и сокративъ то, что уже было написано. Очертилъ уже ясно девять физіономій. Какая интрига! Назвалъ я его такъ: „Разсказы изъ жизни моихъ друзей“ и пишу его въ формѣ отдѣльныхъ, законченныхъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собой общностью интриги, идей и дѣйствующихъ лицъ. У каждаго разсказа особое заглавіе. Не думайте, что романъ будетъ состоять изъ клочьевъ. Нѣтъ, онъ будетъ настоящій романъ, цѣлое тѣло, гдѣ каждое лицо будетъ органически необходимо. Григоровичъ, которому Вы передали содержанье первой главы, испугался, что у меня взятъ студентъ, который умретъ и такимъ образомъ не пройдетъ сквозь весь романъ т.-е. будетъ лишнимъ. Но у меня этотъ студентъ—гвоздь изъ большого сапога. Онъ—деталь.

Еле справляюсь съ техникой. Слабъ еще по этой части и чувствую, что дѣлаю массу грубыхъ ошибокъ. Будутъ длинноты, будутъ глупости. Невѣрныхъ женъ, самоубійцъ, кулаковъ, добродѣтельныхъ мужиковъ, преданныхъ рабовъ, резонирующихъ старушекъ, добрыхъ пянюшекъ, уѣздныхъ остряковъ, красноносыхъ капитановъ и „новыхъ“ людей постараюсь избѣжать, хотя мѣстами сильно сбиваюсь на шаблонъ. (А. С. Суворину. 89—III—11).

Романъ значительно подвинулся впередъ и сѣлъ на мель въ ожиданіи прилива. Посвящаю его Вамъ—объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ; правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы.

[1]) „Припадокъ“.

Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людями посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, чорта, свобода отъ отъ страстей и проч. (А. Н. Плещееву. 89—IV).

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое-что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Соковнинъ. Кончу я романъ черезъ 2—3 года. (В. А. Тихонову. 89—V—31).

Бурже, матеріализмъ и русская интеллигенція.

Я прочелъ „Ученика“ Бурже въ Вашемъ изложеніи и въ русскомъ переводѣ (Сѣв. Вѣстникъ). Дѣло мнѣ представляется въ такомъ видѣ. Бурже талантливый, очень умный и образованный человѣкъ. Онъ такъ полно знакомъ съ методомъ естественныхъ наукъ и такъ его прочувствовалъ, какъ будто хорошо учился на естественномъ или медицинскомъ факультетѣ. Онъ не чужой въ той области, гдѣ берется хозяйничать—заслуга, которой не знаютъ русскіе писатели ни новые, ни старые. Что же касается книжной, ученой психологіи, то онъ ее такъ же плохо знаетъ, какъ лучшіе изъ психологовъ. Знать ее все равно, что не знать, такъ какъ она не наука, а фикція, нѣчто въ родѣ алхиміи, которую пора уже сдать въ архивъ. Поэтому говорить о Бурже, какъ о хорошемъ или плохомъ психологѣ, я не стану. Романъ интересенъ. Прочелъ я его и понялъ, почему онъ такъ занялъ васъ. Умно, интересно, мѣстами остроумно, отчасти фантастично... Если говорить о его недостаткахъ, то главный изъ нихъ—это претенціозный походъ противъ матеріалистическаго направленія. Подобныхъ походовъ я, простите, не понимаю. Они никогда ничѣмъ не оканчиваются и вносятъ въ область мысли только ненужную путаницу. Противъ кого походъ и зачѣмъ? Гдѣ врагъ и въ чемъ его опасная сторона? Прежде всего, матеріалистическое направленіе не школа и не направленіе въ узкомъ газетномъ смыслѣ; оно не есть нѣчто случайное, приходящее; оно необходимо и неизбѣжно и не во власти человѣка. Все, что живетъ на землѣ, матеріалистично по необходимости. Въ животныхъ, въ дикаряхъ, въ московскихъ купцахъ все высшее, не животное обусловлено безсознательнымъ инстинктомъ, все же остальное матеріалистично въ нихъ и, конечно, мыслящіе люди матеріалисты тоже по необходимости. Они ищутъ истину въ матеріи, ибо искать ее больше имъ негдѣ, такъ какъ видятъ, слышатъ и ощущаютъ они одну только матерію. По необходимости они могутъ искать истину только тамъ, гдѣ пригодны ихъ микроскопы, зонды, ножи... Воспрещать человѣку матеріалистическое направленіе равносильно запрещенію искать истину. Внѣ матеріи нѣтъ ни опыта, ни знаній, значитъ, нѣтъ и истины. Быть можетъ, дурно, что г. Сикстъ, какъ можетъ показаться, суетъ свой носъ въ чужую область, имѣетъ дерзость изучать внутренняго человѣка, исходя изъ ученія о клѣткаткѣ? Но чѣмъ онъ виноватъ, что психическія явленія поразительно похожи на физическія, что не разберешь, гдѣ начинаются первыя и кончаются вторыя? Я думаю, что когда вскрываешь трупъ, даже у самаго заядлаго спиритуалиста необходимо явится вопросъ: гдѣ тутъ душа? А если знаешь, какъ велико сходство между тѣлесными и душевными болѣзнями, и когда знаешь, что тѣ и другія болѣзни лѣчатся одними и тѣми же лѣкарствами, поневолѣ захочешь не отдѣлять душу отъ тѣла.

Что касается „психологическихъ опытовъ“, прививокъ дѣтямъ пороковъ и самой фигуры Сикста, то все это до нельзя утрировано.

Спиритуалисты—это не ученое а почетное званіе. Они не нужны, какъ ученые. Во всемъ же, что они дѣлаютъ и чего добиваются, они такіе же матеріалисты по необходимости, какъ и самъ Сикстъ. Если, что невозможно, они побѣдятъ матеріалистовъ и сотрутъ ихъ съ лица земли, этой одной побѣдой они явятъ себя величайшими матеріалистами, такъ какъ разрушатъ цѣлый культъ, почти религію.

Говорить о вредѣ и опасности матер. направленія, а тѣмъ паче воевать противъ него, по меньшей мѣрѣ преждевременно. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ для состава обвиненій. Теорій и предложеній много, но фактовъ нѣтъ, и вся наша антипатія не идетъ дальше фантастическаго жупела. Жупелъ противенъ купчихамъ, а почему? не извѣстно. Попы ссылаются на невѣріе, развратъ и проч. Невѣрія нѣтъ. Во что-нибудь да вѣрятъ, хотя бы и тотъ же Сикстъ.

Что же касается разврата, то за утонченныхъ развратниковъ, блудниковъ и пьяницъ слывутъ не Сиксты и не Менделѣевы, а поэты,

аббаты и особы, неправно посѣщающія посольскія церкви.

Однимъ словомъ, походъ Бурже мнѣ не понятенъ. Если бы Бурже, идучи въ походъ одновременно потрудился указать матеріалистамъ не безплотнаго Бога въ небѣ и указать такъ, чтобы его увидѣли, тогда бы другое дѣло, я понялъ бы его экскурсію. (А. С. Суворину. 89—V—7).

Если Вы еще не уѣхали за границу, отвѣчаю на Ваше письмо о Бурже. Буду кратокъ. Вы пишете между прочимъ: „Пускай наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ, но пусть также остается что-нибудь такое, гдѣ можно укрыться отъ этой сплошной матеріи". Наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ и тѣ мѣста, гдѣ можно укрыться отъ сплошной матеріи, тоже существуютъ своимъ чередомъ и, кажется, никто не посягаетъ на нихъ. Если кому и достается, то только естественнымъ наукамъ, но не святымъ мѣстамъ, куда прячутся отъ этихъ наукъ. Въ моемъ письмѣ вопросъ поставленъ правильнѣе и безобиднѣе, чѣмъ въ Вашемъ, и я ближе къ „жизни духа", чѣмъ Вы. Вы говорите о правѣ тѣхъ или другихъ знаній на существованіе, я же говорю не о правѣ, а о мирѣ. Я хочу, чтобы люди не видѣли войны тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Знанія всегда пребывали въ мирѣ. И анатомія, и изящная словесность, имѣютъ одинаково знатное происхожденіе, однѣ и тѣ же цѣли, одного и того же врага—чорта, и воевать имъ положительно не изъ-за чего. Борьбы за существованіе у нихъ нѣтъ. Если человѣкъ знаетъ ученіе о кровообращеніи, то онъ богатъ; если къ тому же выучиваетъ еще исторію религіи и романсъ „Я помню чудное мгновеніе", то становится не бѣднѣе, а богаче—стало-быть, мы имѣемъ дѣло только съ плюсами. Потому-то геніи никогда не воевали и въ Гете рядомъ съ поэтомъ прекрасно уживался естественникъ.

Воюютъ же не знанія, не поэзія съ анатоміей, а заблужденія, т.-е. люди. Когда человѣкъ не понимаетъ, то чувствуетъ въ себѣ разладъ; причинъ этого разлада онъ ищетъ не въ себѣ самомъ, какъ бы нужно было, а внѣ себя, отсюда и война съ тѣмъ, чего онъ не понимаетъ. Во всѣ средніе вѣка алхимія постепенно, естественнымъ мирнымъ порядкомъ культивировалась въ химію, астрологія—въ астрономію; монахи не понимали, видѣли войну и воевали сами. Такимъ же воюющимъ испанскимъ монахомъ былъ въ шестидес. годахъ нашъ Писаревъ.

Воюетъ и Бурже. Вы говорите, что онъ не воюетъ, а я говорю, что воюетъ. Представьте, что его романъ попадаетъ въ руки человѣка, имѣющаго дѣтей на естественномъ факультетѣ, или въ руки архіерея, ищущаго сюжета для воскресной проповѣди. Будетъ ли что-нибудь похожее на миръ въ полученномъ эффектѣ? Нѣтъ. Представьте, что романъ попалъ на глаза анатому или физіологу и т. д. Ни въ чью душу не повѣетъ отъ него миромъ, знающихъ онъ раздражитъ, а не знающихъ наградитъ ложными представленіями—и только.

Вы, быть можетъ, скажете, что онъ воюетъ не съ сущностью, а съ уклоненіями отъ нормы. Согласенъ, съ уклоненіями отъ нормы долженъ воевать всякій писатель, но зачѣмъ компрометировать самую сущность? Сикстъ орелъ, но Бурже сдѣлалъ изъ него карикатуру. „Психологическіе опыты"—клевета на человѣка и на науку. Неужели, если бы я написалъ романъ, гдѣ у меня анатомъ ради науки вскрываетъ свою живую жену и грудныхъ дѣтей, или ученая докторша ѣдетъ на Нилъ и съ научною цѣлью совокупляется съ крокодиломъ и съ гремучей змѣей—то неужели бы этотъ романъ не былъ клеветой? А вѣдь я бы могъ интересно написать и умно.

Бурже увлекателенъ для русскаго читателя, какъ гроза послѣ засухи, и это понятно. Читатель увидѣлъ въ романѣ героевъ и автора, которые умнѣе его, и жизнь, которая богаче его жизни; русскіе же беллетристы глупѣе читателя, герои ихъ блѣдны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и непитательна. Русскій писатель живетъ въ водосточной трубѣ, ѣстъ мокрицъ, любитъ халдъ и прачекъ, не знаетъ онъ ни исторіи, ни географіи, ни естественныхъ наукъ, ни религіи родной страны, ни администраціи, ни судопроизводства... однимъ словомъ... чорта лысаго не знаетъ. Въ сравненіи съ Бурже онъ гусь лапчатый и больше ничего. Понятно, почему Бурже долженъ нравиться, но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что Сикстъ правъ, когда читаетъ „Отче нашъ", или что онъ правдивъ въ это время. (Ему же. 89—V—15).

Тономъ Жана Щеглова, просящаго Васъ поговорить съ нимъ о театрѣ, я прошу:— „Позвольте мнѣ поговорить съ Вами о литературѣ". Когда я въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ писалъ Вамъ о Бурже и Толстомъ, то меньше всего думалъ о прекрасныхъ одалискахъ и о томъ, что писатель долженъ изображать однѣ только тихія радости. Я хотѣлъ только сказать, что современные лучшіе писатели, которыхъ я люблю, служатъ злу, такъ какъ разрушаютъ. Одни изъ нихъ..... Другіе же..... не пресыщенные тѣломъ, но ужъ

пресыщенные духомъ, изощряютъ свою фантазію до зеленыхъ чертиковъ и изобрѣтаютъ несуществующаго полубога Сикста и „психологическіе опыты“. Правда, Бурже придѣлалъ благополучный конецъ, но этотъ банальный конецъ скоро забывается и въ памяти остаются только Сикстъ и „опыты“, которые убиваютъ сразу сто зайцевъ: компрометируютъ въ глазахъ толпы науку, которая подобно женѣ Цезаря не должна быть подозрѣваема, и третируютъ съ высоты писательскаго величія совѣсть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя въ толпу увѣренность, что все это, что сдерживаетъ въ ней звѣря и отличаетъ ее отъ собаки, и что добыто путемъ вѣковой борьбы съ природою, легко можетъ быть дискредитировано „опытами“, если не теперь, то въ будущемъ. Неужели подобные авторы „заставляютъ искать лучшаго, заставляютъ думать и признавать, что скверное дѣйствительно скверно? Неужели они заставляютъ Францію вырождаться, а въ Россіи они помогаютъ дьяволу размножать слизняковъ и мокрицъ, которыхъ мы называемъ интеллигентами. Вялая, анатичная, лѣнивно философствующая, холодная интеллигенція, которая никакъ не можетъ придумать для себя приличнаго образца для кредитныхъ бумажекъ, которая не патріотична, уныла, безцвѣтна, которая пьянѣетъ отъ одной рюмки и посѣщаетъ пятидесятикопеечный....., которая брюзжитъ и охотно отрицаетъ все, такъ какъ для лѣниваго мозга легче отрицать, чѣмъ утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать дѣтей и т. д. Вялая душа, вялыя мышцы, отсутствіе движеній, неустойчивость въ мысляхъ—и все это въ силу того, что жизнь не имѣетъ смысла, что у женщинъ.... и что деньги—зло.

Гдѣ вырожденіе и анатія, тамъ половое извращеніе, холодный развратъ, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, тамъ паденіе искусствъ, равнодушіе къ наукѣ, тамъ несправедливость во всей своей формѣ. Общество, которое не вѣруетъ въ Бога, но боится примѣтъ и чорта, которое отрицаетъ всѣхъ врачей и въ то же время лицемѣрно оплакиваетъ Боткина и поклоняется Захарьину, не смѣетъ и заикаться о томъ, что оно знакомо съ справедливостью.

Германія не знаетъ авторовъ въ родѣ Бурже и Толстого и въ этомъ ея счастье. Въ ней и наука, и патріотизмъ, и хорошіе дипломаты, и все что хотите. Она побьетъ Францію и союзниками ея будутъ французскіе авторы. (Ему же 89-XII-27).

Тѣни литературнаго прошлаго.

Нѣкій С. У., въ 80-хъ и 90-хъ годахъ вращавшійся въ петербургскихъ литературныхъ сферахъ, въ своихъ запискахъ „Мозаика“, напечатанныхъ въ дек. кн. „Ист. Вѣст.“, много мѣста отводитъ воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ знаменитыхъ и просто извѣстныхъ нашихъ писателяхъ. Въ послѣдней кн. „Рус. Стар.“ также находимъ кое-что любопытное въ этомъ родѣ—въ „Встрѣчахъ и столкновеніяхъ“ Р. Сементковскаго.

Авторъ „Мозаики“, ломая голову надъ загадочностью той роковой любви, которая „держала умнаго, тонкаго и корректнаго Тургенева всю жизнь въ цѣпяхъ у Віардо“, не разъ касался этой деликатной темы въ откровенныхъ разговорахъ съ Я. П. Полонскимъ, хорошо знавшимъ Тургенева, какъ одинъ изъ его ближайшихъ друзей. И вотъ что онъ слышалъ отъ него по этому поводу.

— Отношенія Тургенева къ Віардо были, дѣйствительно, исключительныя, и я самъ не разъ надъ ними задумывался... Я касался иногда этого вопроса и въ бесѣдахъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но рѣдко и съ величайшей осторожностью, чтобы какъ-нибудь невольно не уколоть его самолюбіе, и безъ того паболѣвшее. Иногда онъ просто отмалчивался, а иной разъ говорилъ, что всякій долженъ кого-нибудь разъ навсегда полюбить въ своей жизни и что онъ, еще будучи совсѣмъ молодымъ, привязался къ Віардо потому, что былъ глубоко несчастливъ въ своей семьѣ съ такой ужасной матерью-психопаткой, какова была пресловутая Варвара Петровна, и такимъ отцомъ, какъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, который буквально продалъ себя за долги богатой Варварѣ Петровнѣ, никогда не былъ ей вѣренъ и всю жизнь развратничалъ направо и налѣво... Вы знаете, конечно, что повѣсти „Первая любовь“ и „Три портрета“—фотографіи съ Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Однако, бывало, что Тургеневъ признавался мнѣ, что Віардо имѣетъ надъ нимъ какое-то особое вліяніе, держа его у своихъ ногъ какими-то будто чарами, словно колдовствомъ, что онъ, когда ее видитъ, физически не можетъ не подчиниться ей, что это выше его силъ и что онъ находится въ ея присутствіи какъ бы подъ сильнѣйшимъ гипнозомъ... И это правда: стоило только Тургеневу уѣхать куда-нибудь изъ Парижа хоть не надолго,—въ Баденъ-Баденъ пить воды или къ себѣ, въ Спасское-Лутовиново, какъ этотъ „гипнозъ“ постепенно исчезалъ и онъ говорилъ тогда о Віардо спокойно и даже критиковалъ ее! Но по возвращеніи въ Парижъ—все начиналось по-

старому, и онъ опять попадалъ подъ гипнозъ... Какъ-то разъ онъ серьезно увѣрялъ меня, что Віардо колдунья, и говорилъ это до такой степени убѣжденно, что я былъ пораженъ и сталъ возражать, смѣясь надъ суевѣріемъ Тургенева. „Ты напрасно смѣешься, Яковъ Петровичъ,— возразилъ онъ мнѣ:—колдуны всегда были и будутъ: у нихъ какая-то особая внутренняя сила надъ людьми, что бы тамъ ни говорили, и съ этимъ ничего не подѣлаешь". Въ другой разъ, когда я навѣщалъ его, больного, въ Парижѣ, Тургеневъ по уходѣ Віардо, которая долго съ нами сидѣла у его постели и была въ высшей степени мила и любезна, притянулъ меня къ себѣ за руку и прошепталъ мнѣ на ухо, какъ бы боясь звука своихъ собственныхъ словъ: „Ничему не вѣрь, что она говоритъ,— вѣдь это лэди Макбетъ!" Это меня страшно поразило, но больной, какъ бы недовольный тѣмъ, что вдругъ сорвалось съ его языка, рѣзко перемѣнилъ разговоръ и сталъ давать мнѣ разныя маленькія порученія на завтра... Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Спасское, въ 1880 г., незадолго до смерти, когда я съ моей семьей гостилъ у него въ деревнѣ, вдругъ получилось изъ Парижа отъ Віардо письмо, что ее укусила какая-то злокачественная муха и что щека страшно вздулась и болитъ. Боже мой, какъ заволновался бѣдный Тургеневъ! Должно быть, таинственный гипнозъ продолжался и на разстояніи... Онъ хотѣлъ немедленно летѣть въ Буживаль, но, на счастье, пришло новое извѣстіе, что Віардо лучше, что опухоль не опасна и проходитъ,—и онъ остался...

— А скажите, Яковъ Петровичъ, — спросилъ я: — какое лично на васъ производила впечатлѣніе Віардо?

Полонскій довольно долго молчалъ, тихо шевеля полупотухшей сигарой въ зубахъ и задумчиво глядя на догоравшее пламя камина, и наконецъ медленно произнесъ:

— На меня она тоже, надо признаться, дѣйствовала всегда какъ-то особенно. Я приходилъ къ Тургеневу возмущенный Віардо въ глубинѣ души (какъ и многіе русскіе) и всякій разъ хотѣлъ быть съ ней какъ можно холоднѣе и даже сказать ей что-нибудь колкое, язвительное, но, представьте себѣ: стоило ей только показаться и взглянуть на меня своими громадными черными глазами, какъ я дѣлался послушенъ, какъ ягненокъ, и никакія колкости не сходили съ языка. А когда она смѣялась чуднымъ заразительнымъ смѣхомъ, то и я принимался смѣяться и былъ съ ней не только не холоденъ, но, напротивъ, очень любезенъ...

— Значитъ, гипнозъ дѣйствовалъ и на другихъ?

— Очевидно... Не забывайте, что Віардо была натура исключительная. Не даромъ она была такъ горячо любима публикой, имѣла повсюду громадный успѣхъ и просто обожаема своими учениками и ученицами. Съ Тургеневымъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, она обращалась какъ съ добрымъ, старымъ другомъ и близкимъ роднымъ. Общеніе съ такой женщиной, передъ которой преклонялась толпа, что-нибудь да значитъ... Геній покоряетъ."

С. У., присутствовавшій на Пушкинскихъ празднествахъ въ Москвѣ, вспоминаетъ впечатлѣніе, какое произвелъ тамъ Достоевскій своей рѣчью и чтеніемъ „Пророка".

„Достоевскій,—передаетъ онъ,—прочелъ стихотвореніе великаго поэта такъ, какъ никто никогда его не читалъ и не прочитаетъ. До сихъ поръ не могу забыть тѣхъ удивительныхъ глазъ, загадочно устремленныхъ куда-то внѣ міра, ни этого то полушепота, то звенящаго призыва послѣднихъ строкъ, полнаго заразительной экзальтаціи! Громадный залъ Дворянскаго собранія былъ снизу доверху переполненъ тысячной толпой, которая переживала вмѣстѣ съ Достоевскимъ всѣ тѣ мучительныя и вмѣстѣ сладкія минуты вдохновенія, которыя онъ самъ тогда въ глубинѣ души испытывалъ, становясь какъ бы дѣйствительно пророкомъ, ведущимъ толпу къ высочайшему подъему духа и жегшимъ сердца людей. Тутъ же въ залѣ со многими дѣлалось дурно, нѣсколько дамъ впали въ глубокій обморокъ, съ однимъ юношей, на моихъ глазахъ, сдѣлался припадокъ падучей..."

Въ „Мозаикѣ" намъ показаны, въ числѣ другихъ, силуэты Григоровича, Владиміра Соловьева, А. Н. Майкова, Фета, критика Страхова.

„Д. В. Григоровичъ въ самые послѣдніе годы очень напоминалъ внѣшностью И. С. Тургенева, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Высокій, широкоплечій, съ большимъ, нѣсколько румянымъ лицомъ славянскаго типа, сѣдой бородой (которую онъ отпустилъ вмѣсто прежнихъ бакенбардъ) и превосходной густой, бѣлоснѣжной шевелюрой (которую сталъ подстригать по-тургеневски), красиво обрамлявшей его лобъ, Григоровичъ представлялся издали какъ бы декораціей Тургенева, воспроизводившей въ памяти образъ незабвеннаго писателя. Будучи искони глубокимъ поклонникомъ И. С. Тургенева, Григоровичъ, кажется, не безъ тайнаго умысла придавалъ своей красивой внѣшности этотъ тургеневскій пріятный колоритъ и, когда ему на это шутя указывали, говорилъ, улыбаясь:

— Ну, что жъ, если хоть напоминаю не-

множко нашу русскую славу, дорогого Ивана Сергѣевича Тургенева, такъ и слава Богу! Пусть его лживій разъ вспомнятъ...

При несомнѣнномъ живомъ литературномъ талантѣ Григоровичъ отличался необычайнымъ легкомысліемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правилъ этики... Расцѣловать васъ по-пріятельски, наговорить вамъ въ глаза кучу самыхъ горячихъ изліяній и чрезъ десять минутъ ругнуть васъ съ другимъ „пріятелемъ“ было для Д. В. Григоровича совершенно обычнымъ и естественнымъ дѣломъ, все неприличіе котораго онъ совершенно не сознавалъ. Будучи сыномъ вѣчно кутившаго гусара-помѣщика и француженки съ парижскаго бульвара, которая его на себѣ женила, Григоровичъ воспитался въ той сферѣ безшабашнаго вранья, гаерства, амикошонства и безпринципности, гдѣ слово „порядочность“, понимается совершенно на особый ладъ, въ смыслѣ кого-нибудь „порядочно на чемъ-нибудь нагрѣть“...

Я думаю, не было ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы рѣшился серьезно повѣрить хоть одному слову Григоровича: до такой степени онъ безпрерывно „фантазировалъ“, и развѣ въ этомъ дарѣ могъ съ нимъ поспорить другой извѣстный нашъ литераторъ-романистъ Г. П. Данилевскій, котораго за скорость вымысла называли обыкновенно не иначе, какъ „скоробрешка“.

Григоровичъ ничуть не стѣснялся описывать въ своихъ романахъ живыя лица своихъ добрыхъ знакомыхъ и всѣ событія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, и при этомъ придавалъ фабулѣ юмористическій и обидный для дѣйствующихъ лицъ оттѣнокъ. Такъ, въ своемъ романѣ „Проселочныя дороги“ онъ описалъ весь Каширскій уѣздъ Тульской губерніи съ такой фотографической точностью, что мѣстные помѣщики, у которыхъ Григоровичъ живалъ и чьимъ гостепріимствомъ такъ дурно воспользовался, рѣшили его за это хорошенько проучить и дѣйствительно „проучили“ такимъ образомъ, который онъ долго не могъ забыть.

Стоитъ еще добавить, что, будучи женатъ самымъ законнымъ образомъ на весьма почтенной нѣмкѣ изъ Вѣны, Григоровичъ ее ни съ кѣмъ не знакомилъ, какъ съ женой, держа гдѣ-то подъ сурдиной внѣ Петербурга, а если кому и показывалъ, то не какъ жену, а какъ... содержанку, для пущаго шика...

...А. А. Фетъ былъ съ виду русскимъ помѣщикомъ средней полосы, толстый, неповоротливый и въ достаточной степени ожирѣвшій. Только черты лица изобличали въ немъ его семитическое происхожденіе. Когда сталъ приближаться его пятидесятилѣтній юбилей, вскорѣ послѣ литературныхъ „именинъ“ Я. П. Полонскаго и А. Н. Майкова (отпразднованныхъ при непосредственномъ участіи „русскаго литературнаго общества“), то А. Фетъ вдругъ сдѣлался чванливъ и сталъ усиленно хлопотать о полученіи... камергерства. Въ „сферахъ“ это всѣхъ очень удивило. „Зачѣмъ,—говорили тамъ,—Фету камергерство? Вѣдь у насъ камергеровъ масса, а Фетъ одинъ на всю литературу?“

Какъ-то разъ Фета въ тѣсномъ кружкѣ друзей откровенно спросили, что именно его прельщаетъ въ камергерствѣ.

— Ну, я еще понимаю,—сказалъ кто-то,—мечтать о томъ, чтобы быть въ первыхъ чинахъ двора, быть оберъ-шталмейстеромъ, оберъ-гофмейстеромъ, а вѣдь званіе камергера весьма скромное и заурядное.

— Или вамъ нравится, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, расшитый золотомъ мундиръ?

А. А. Фетъ молчалъ, улыбался, комически морщился и махалъ рукой.

— Ахъ, это все не то.

— Такъ что же?

— А мнѣ, знаете ли, вотъ что будетъ пріятно: чтобы вадъ моимъ именемъ и фамиліей, на моей визитной карточкѣ, стояло: „камергеръ высочайшаго двора“.

Его желаніе было исполнено: его къ юбилею пожаловали придворнымъ званіемъ камергера и утѣшили на всю жизнь...

...Майковъ въ своей частной жизни былъ совершенно недосягаемъ. Въ противоположность А. Н. Плещееву и Я. П. Полонскому, сдѣлавшимъ изъ своихъ домовъ тѣсные кружки, куда охотно шли, зная, что тамъ встрѣтятъ всегда дружескій пріемъ и участливую рѣчь, Майковъ никого у себя не принималъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, и жилъ замкнуто. Иногда, впрочемъ, по утрамъ, по особому спеціальному приглашенію къ нему робко заходили между десятью и одиннадцатью часами юные, а подчасъ и великовозрастные „поэты“, которыхъ всегда и вездѣ пропасть и которые считаютъ за особую для себя „честь“, когда какая-нибудь „знаменитость“ просмотритъ изъ жалости бездарный зудъ ихъ сомнительнаго „творчества“ и, возвращая имъ исписанную дѣтскимъ почеркомъ тетрадку, скажетъ изъ состраданья: „ну, что жъ, пишите, у васъ есть нѣкоторая форма и какъ будто проблески дарованья,—можетъ быть, что-нибудь изъ васъ со временемъ и выйдетъ“. Врядъ ли такіе визиты къ „олимпійцу“ можно считать общеніемъ поэта съ молодежью, которое постоянно существовало и было ключомъ въ сношеніяхъ на-

ныхъ другихъ поэтовъ и начинающихъ беллетристовъ.

Въ нашей журналистикѣ почти нѣтъ совсѣмъ воспоминаній объ А. Н. Майковѣ, которыя сказали бы о немъ хоть что-нибудь дѣйствительно теплое, задушевное, и изданная тотчасъ послѣ его смерти его ближайшимъ товарищемъ по службѣ, добрѣйшимъ М. Л. Златковскимъ изящная книжка (съ прекрасно исполненными портретами Майкова) все время какъ бы усиленно вылавливаетъ болѣе или менѣе „симпатичныя“ черты его личности. Несомнѣнно, въ каждомъ писателѣ есть кое-что и симпатичное и сердечное въ сношеніяхъ съ близкими ему людьми, но это не составляетъ его общей характеристики, являясь частными страницами его интимной жизни.

...Я былъ знакомъ съ Вл. Соловьевымъ много лѣтъ и всегда искренно удивлялся изумительной измѣнчивости его натуры: то онъ подчинялъ себя аскетическимъ подвигамъ, сидѣлъ на строгой діэтѣ, то усердно пилъ мозельвейнъ, такъ какъ въ немъ, будто, много фосфора, а это полезно отъ анеміи мозга, которой Соловьевъ, по его собственному признанію, постоянно страдалъ, то отрицалъ женщинъ и женскій вопросъ, то, казалось, былъ не прочь ими увлекаться, то виталъ въ высочайшей мистикѣ, то разсказывалъ довольно скоромные анекдоты... Въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми это былъ довольно пріятный и обязательный человѣкъ, но, въ сущности, въ немъ было немного внутренней теплоты и сердечной привязчивости, что видно и изъ недавно изданныхъ въ свѣтъ его писемъ.

Я помню слѣдующій любопытный случай, который произошелъ на моихъ глазахъ съ Вл. Соловьевымъ въ 1890 или 1891 году.

Въ этотъ годъ по Петербургу ходила по рукамъ, для собиранія подписей, петиція на имя государя о предоставленіи евреямъ въ Россіи тѣхъ же гражданскихъ правъ, которыми пользуются коренные русскіе люди.

Происходя самъ, по матери, изъ еврейскаго племени, Вл. Соловьевъ очень сочувствовалъ этому вопросу, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и чрезъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ всячески старался провести петицію въ благопріятномъ смыслѣ.

Разъ какъ-то я зашелъ навѣстить Соловьева въ „Европейскую гостиницу“, гдѣ онъ подолгу живалъ въ пріѣзды свои въ Петербургъ изъ Москвы или Финляндіи и засталъ его въ большомъ волненіи: на-дняхъ должна была рѣшиться участь еврейской петиціи.

Мы едва перемолвились нѣсколькими фразами, какъ въ дверь постучались: вошелъ слуга-нѣмецъ и, сообщая, что отецъ Іоаннъ Кронштадтскій только что вошелъ въ одинъ изъ номеровъ нашего коридора, любезно предложилъ намъ выйти и воспользоваться этимъ удачнымъ моментомъ, чтобы получить благословеніе.

Мы сейчасъ же вышли и, вмѣстѣ съ другими жильцами коридора, стали дожидаться у дверей одной изъ комнатъ.

Черезъ нѣкоторое время дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ Іоаннъ, сопровождаемый прощавшейся съ нимъ четой, повидимому, мужемъ и женою.

Мы оба лично знали отца Іоанна, и онъ, издали насъ завидя, направился къ намъ съ ласковой улыбкой.

Мы подошли подъ его благословеніе.

— Ну, что же, Владиміръ Сергѣевичъ, какъ ты теперь поживаешь?—спросилъ онъ привѣтливо у нашего философа.

Соловьевъ какъ будто нѣсколько смутился и вдругъ, какъ бы побѣждая въ себѣ нѣкоторое колебаніе, сказалъ отцу Іоанну:

— Мнѣ бы очень хотѣлось, батюшка, узнать ваше мнѣніе по одному дѣлу, которое теперь всего меня занимаетъ.

— Что же это за дѣло?—полюбопытствовалъ отецъ Іоаннъ и отошелъ съ нами немного вспорону.

— Это дѣло великой важности и касается очень, очень многихъ,—я не могу сказать пока больше, но вы, отче, вы въ силахъ сказать мнѣ, удастся ли оно?

Отецъ Іоаннъ молча воззрился на Соловьева, который почему-то еще болѣе смутился, подъ вліяніемъ ли этого взгляда, или, можетъ быть, въ виду присутствія посторонникъ, хотя ихъ, впрочемъ, было немного.

— Нѣтъ, мой другъ, ничего изъ твоей затѣи не выйдетъ!—рѣшительно произнесъ отецъ Іоаннъ.—Ты напрасно началъ свою затѣю—все это построено на пескѣ и никому отъ нея никакой пользы не ждп... А затѣмъ, да благословитъ тебя Господь въ путяхъ твоихъ.

И отецъ Іоаннъ торопливо, какъ всегда, перешелъ къ другимъ, ожидавшимъ возлѣ насъ его слова и благословенія.

Изъ еврейской петиціи, дѣйствительно, ничего не вышло, что и обнаружилось черезъ день или два послѣ этой интересной встрѣчи. Государь Александръ III былъ крайне недоволенъ вмѣшательствомъ въ нее Вл. С. Соловьева, которому симпатизировалъ лично и въ память его знаменитаго отца-историка, и, только благодаря этому обстоятельству, Соловьева не постигла никакая кара. Его пригласилъ только къ себѣ тогдашній градоначальникъ П. А. Грес-

серъ и передалъ, по распоряженію свыше, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго его, Соловьева, удалятъ изъ Петербурга на болѣе или менѣе продолжительное время.

По этому поводу одинъ свѣтскій острословъ написалъ шутливые стихи, которые назывались „Сладостное свиданіе“ и начинались такъ:

Ахъ, былъ въ этотъ день цвѣтъ небесъ сѣръ,
Когда вызывалъ его Грессеръ!..

Отъ извѣстнаго художника Харламова, постоянно проживавшаго въ Парижѣ, г. С. У. слышалъ немало курьезныхъ разсказовъ про знаменитые литературные „обѣды братьевъ Гонкуровъ“, гдѣ собирался блестящій цвѣтъ парижской беллетристики, изящно смѣшанный съ представителями художественнаго, артистическаго, музыкальнаго и даже ученаго міра.

Выдающейся фигурой на этихъ обѣдахъ былъ, конечно, нашъ Тургеневъ, за которымъ всѣ коллеги дружески ухаживали, стараясь посадить поудобнѣе и такъ, чтобы около него сидѣлъ пріятный ему сосѣдъ, какъ, напримѣръ, Флоберъ, котораго Тургеневъ очень любилъ.

— За этими единственными въ своемъ родѣ обѣдами возникали иногда прелюбопытные разговоры,—разсказывалъ художникъ Харламовъ:— и очень жаль, что всѣ эти бесѣды пропали для общества почти безслѣдно, такъ какъ, конечно, участники обѣдовъ ни за что не соглашались допустить стенографистовъ въ свою дружескую компанію. Разъ, напримѣръ, вдругъ зашла рѣчь о такъ называемой „потусторонней“ нравственности, и г. Галеви заявилъ: „О, въ этомъ отношеніи извѣстный англійскій поэтъ Свинборнъ (Swinburn) побьетъ рекордъ всѣмъ нашимъ развратникамъ! Недавно я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ѣздилъ купаться на островъ Уайтъ. Тамъ, во время прогулки, онъ случайно встрѣтился съ Свинборномъ, который жилъ на морскомъ берегу, въ походной палаткѣ, одинъ, съ обезьяной, одѣтой въ женское платье, служившей ему прислугой. Свинборнъ пригласилъ юношу къ себѣ въ палатку. Обезьяна приготовила завтракъ. Во время трапезы Свинборнъ началъ проповѣдывать свободную теорію „однополой“ любви и сталъ ухаживать за молодымъ человѣкомъ. Обезьяна насупилась, начала скалить зубы и выражала всѣ признаки мучившей ее ревности... Свинборнъ не обращалъ на это вниманія и ударилъ обезьяну хлыстомъ, а потомъ сталъ обнимать молодого человѣка. Обезьяна подняла ревъ и, въ бѣшенствѣ бросившись на юношу, вцѣпилась ему когтями въ горло съ намѣреніемъ задушить. Пришлось оттащить ее съ большимъ трудомъ, а гостю — быстро ретироваться... Однако Свинборнъ и молодой человѣкъ продолжали видаться, но уже не въ присутствіи ревнивой обезьяны-служанки. Какъ-то разъ Свинборнъ опять пригласилъ къ себѣ своего пріятеля въ береговую палатку къ завтраку. Имъ уже служилъ въ этотъ разъ пожилой лакей-ирландецъ. Во время завтрака подали жареное мясо, вкусъ котораго юношѣ показался какимъ-то страннымъ. „Что это за мясо?“ спросилъ онъ у Свинборна.—„А помните обезьяну, которая хотѣла васъ хорошенько поцарапать? Это я изъ нея велѣлъ приготовить это блюдо“, преспокойно объяснилъ англійскій поэтъ.—Какъ вамъ, господа, это нравится?

„Разсказъ Галеви произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Поднялся шумъ, горячіе споры, многіе стали оспаривать возможность съѣсть свою любовницу, даже если бы она была только обезьяной, другіе говорили, что это выдумка молодого человѣка. Въ разговоръ между прочимъ вмѣшался и И. С. Тургеневъ.

— Вы напрасно такъ волнуетесь, господа,— сказалъ Тургеневъ съ дивана, сидя всторонѣ за чашкой кофе:—отъ Свинборна, котораго я лично и довольно хорошо знаю, рѣшительно всего можно ожидать, такъ какъ, конечно, это врядъ ли нормальный человѣкъ... Какъ-то я шутя спросилъ его: что бы вамъ очень хотѣлось, любезный Свинборнъ, испытать вотъ сейчасъ наиболѣе оригинальнаго и несбыточнаго? „А вотъ что,—отвѣтилъ Свинборнъ:—посягнуть на св. Женевьеву во время ея самаго пламеннаго молитвеннаго экстаза, но при этомъ съ ея тайнаго согласія!..“

— Ну, а еще не было ли чего интереснаго на этихъ обѣдахъ?—спросили мы.

— Былъ еще въ другой разъ, напримѣръ, разговоръ о спиритизмѣ...

— Разскажите,—попросили мы всѣ:—что толковали у Гонкуровъ о спиритизмѣ. Это любопытно!

— Дѣйствительно, вышло любопытно,—разсмѣялся Харламовъ,—и вотъ почему. Флоберъ и Эрнестъ Ренанъ стали разсказывать о необычайномъ какомъ-то медіумѣ, вызывавшемъ въ одномъ важномъ салонѣ тѣнь императора Перона, которая явилась предъ всѣми, вся сіявшая фосфорическимъ свѣтомъ... Тутъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ одинъ молодой лейтенантъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія.

— Позвольте вамъ заявить, господа, что это не что иное, какъ простой гипнозъ и что на Востокѣ это дѣлается очень просто.

Ему стали, конечно, возражать.

— Господа, вотъ намъ то, что недавно еще было со мной,—сказалъ лейтенантъ.—Это было въ Александріи. Я гулялъ въ сопровожденіи моего денщика-матроса по городу и случайно попалъ на базаръ. Въ пестрой, разукрашенной флагами палаткѣ факиръ давалъ представленія. Я взялъ билетъ и зашелъ внутрь, а мой денщикъ остался у входа. Было много народа. На красномъ коврикѣ сидѣлъ въ зеленомъ халатѣ и маленькомъ разныхъ цвѣтовъ тюрбанѣ арабъ и поражалъ насъ чудесами. Онъ бросалъ палочку вверхъ, и она предъ нашими глазами безъ поддержки долго висѣла въ воздухѣ; онъ прокалывалъ себя насквозь и сухую шпагу вытаскивалъ изъ спины; онъ отрубалъ себѣ руку, которая потомъ сама прирастала и дѣйствовала; онъ пускалъ по палкѣ вверхъ цѣлый эскадронъ мышей, которыя, одна послѣдъ за другой, добравшись до вершины палочки, безслѣдно исчезали въ воздухѣ, и разныя другія головокружительныя вещи. Прогремѣлъ звонокъ, представленіе окончилось, и я вышелъ на воздухъ. Денщикъ меня ждалъ у входа.

— Ты видѣлъ, какія тамъ чудеса творились?—спросилъ я его, возвращаясь на фрегатъ.

— Ничего особеннаго, сударь, я не видѣлъ,— отозвался матросъ.

— Но, вѣдь, ты же смотрѣлъ, что факиръ показывалъ?

— Смотрѣлъ, да онъ ничего не показывалъ,— онъ пускалъ мышей по палочкѣ, а потомъ, когда мышь была наверху, онъ ее снималъ и пряталъ себѣ за пазуху...

— Ну, а какъ онъ себя прокололъ, ты видѣлъ?

— Да онъ просто приложилъ шпагу къ груди— и только, а потомъ засунулъ ее подъ коверъ, а изъ-за спины вытащилъ другой ножъ.

— А какъ руку себѣ отрубалъ—видѣлъ?

— Нѣтъ-съ, этого не было; онъ просто ударилъ себѣ чѣмъ-то по рукѣ и спряталъ руку въ рукавъ халата—вотъ и все-съ...

— Однимъ словомъ, факиръ за деньги меня гипнотизировалъ, а денщикъ, не заплатившій за это, былъ внѣ гипноза и ничего не видѣлъ... Какъ можно послѣ этого толковать о чудесахъ спиритическихъ сеансовъ!?

Р. Сементковскій въ „Рус. Ст.“, разсказывая о хорошо извѣстномъ писателѣ-этнографѣ, покойномъ С. В. Максимовѣ, попутно, съ его словъ, заноситъ въ свои мемуары фактъ, касающійся А. Н. Островскаго.

Довелось Максимову на первомъ представленіи „Грозы“ сидѣть въ ложѣ рядомъ съ ея авторомъ. Островскій,—разсказывалъ онъ потомъ,—сидѣлъ молча, углубленный въ себя. Только въ той патетической сценѣ, когда Катерина, терзаемая укорами совѣсти, бросается при всемъ народѣ въ ноги мужу и свекрови, каясь въ своемъ грѣхѣ, Островскій, весь блѣдный, шепталъ: „Это—не я, не я; это—Богъ“. Островскій, очевидно, самъ не вѣрилъ, что онъ могъ написать такую потрясающую сцену; онъ, подобно Гейне, считалъ писателя рыцаремъ-глашатаемъ Св. Духа...

Что касается самого Максимова, отмѣтимъ слѣдующій эпизодъ. Покойный писатель страдалъ извѣстной слабостью даровитыхъ русскихъ людей. Въ состояніи „неуравновѣшенности“ онъ былъ способенъ на довольно неожиданныя выходки, въ которыхъ, впрочемъ, всегда сказывалась его прямая и честная натура.

Разъ, напр., Максимовъ явился на какой-то юбилей уже на взводѣ. Юбиляру расточали самыя несоотвѣтственныя и льстивыя похвалы. Все шло прекрасно, какъ вдругъ на концѣ стола раздался сильный звонъ, и я (вспоминаетъ Р. П. Сементковскій), къ ужасу своему, вижу, что говорить собирается совершенно пьяный Максимовъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ. Къ счастью, рѣчь его была необыкновенно коротка, но, къ несчастью, ужасно выразительна. Онъ сказалъ: „И ты, — тутъ онъ назвалъ юбиляра по фамиліи, — вѣришь, что они говорятъ тебѣ правду! Неужели ты такъ глупъ?“ И, сказавъ это, Максимовъ повалился опять на столъ, заснувъ своимъ праведникомъ.

Въ закончившихся „журнальныхъ воспоминаніяхъ“ А. Е. Кауфмана останавливаютъ на себѣ вниманіе два случая съ публицистомъ Д. А. Линевымъ (Далинымъ), по поводу которыхъ авторъ воспоминаній восклицаетъ: „какъ видите, не всегда читатель ограничивается тѣмъ, что „почитываетъ“!“

Въ 90-хъ гг. Далинъ, своими талантливыми бесѣдами на злобы дня въ „Бирж. Вѣд.“, газетѣ создалъ успѣхъ, а себѣ—имя. Какъ велика была популярность его, доказываетъ слѣдующій безпримѣрный въ лѣтописяхъ журналистики курьезъ.

Однажды Д. А. Линевъ получилъ по почтѣ письмо со вложенными въ него 300 рублями, адресованными ему почитателемъ, богатымъ донскимъ казакомъ. Сообщая Далину, что выдаетъ дочь замужъ, казакъ просилъ писателя сдѣлать ему честь и почтить своимъ присутствіемъ его семейное торжество. Далинъ долженъ былъ сыграть роль генерала на купеческой свадьбѣ. Разумѣется, онъ поблагодарилъ за честь, вернулъ присланныя деньги и на свадьбу не поѣхалъ.

Несмотря на популярность Линева, издателю „Биржевыхъ Вѣдомостей“ пришлось разстаться

съ нимъ, по совершенно незаконному требованію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьева.

Исчезновеніе Далина со столбцовъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ обратило на себя вниманіе провинціальныхъ читателей. Стали получаться запросы о причинѣ непоявленія Далинскихъ бесѣдъ. О характерѣ отвѣтовъ можно судить по слѣдующему факту.

Къ Линеву является начальникъ дено отдаленной желѣзной дороги, выписывавшій газету во многихъ экземплярахъ для своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

— Пришелъ навѣстить больного Далина! — заявилъ онъ открывшему ему дверь Д. А. Линеву.

— Далинъ предъ вами и, какъ видите, совершенно здоровъ...

Гость сразу не повѣрилъ. Оказалось, что онъ справлялся о причинѣ непоявленія Далинскихъ бесѣдъ и ему заявили, что бѣдный Далинъ психически заболѣлъ и писать теперь не можетъ. Огорченный болѣзнью своего любимаго писателя подписчикъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить его и проявить свое участіе къ постигшему его горю.

Двѣ психики.

(По поводу „Екатерины Ивановны“ Л. Андреева.)

Леонидъ Андреевъ заставилъ недавно много говорить о себѣ какъ драматургѣ. Въ Москвѣ — въ Художественномъ и Маломъ театрахъ — почти одновременно шли обѣ его новыя пьесы, а кромѣ того, московская постановка одной изъ нихъ — „Профессора Сторицына“ — почти совпала съ постановкой петербургской. Можно, однако, спокойно пройти мимо этой пестряди театральныхъ рецензій, критическихъ, полемическихъ, юмористическихъ статей и замѣтокъ, чѣмъ откликнулась щедро печать на новые опыты корифея нашей современной драматургіи: все это въ общемъ — не болѣе, какъ большіе и малые круги на водѣ отъ брошенныхъ камней. Еще прежде, чѣмъ камни дойдутъ до дна и успокоятся тамъ, — успокоится вода, и отъ круговъ, даже самыхъ большихъ, не останется и слѣда. Но за то изъ камней поднялось на поверхность нѣсколько воздушныхъ пузырьковъ. Иные пузырьки уцѣлѣли, и ихъ понесло теченіемъ...

Вотъ такого рода „пузырекъ“ — изъ „Екатерины Ивановны“ — счастливо попалъ въ статью С. Яблоновскаго („Рус. Сл.“). Давая отчетъ, въ качествѣ рецензента, объ этой неудачной, никакого успѣха не имѣвшей, пьесѣ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на одной, во всякомъ случаѣ жизненной, сторонѣ ея.

Была, — пишетъ г. Яблоновскій, — чистая женщина, свѣтлая, менѣе всего похожая на тѣхъ, которыя могутъ измѣнять, измѣнить. У нея была привычка поднимать руки такъ, точно она вотъ-вотъ отдѣлится отъ земли и полетитъ. И во снѣ она часто летала, а потомъ стала летать рѣже, и вдругъ мы видимъ ее уже совершенно затоптанную въ грязь, до такой степени, что художникъ Коромысловъ, съ девизомъ — не отказываться ни отъ одной женщины, которая идетъ навстрѣчу, — передъ ней въ ужасѣ, совѣтуетъ ей покончить съ собою; совѣтуетъ ея мужу убить ее.

Что произошло?

Не то страшно въ Екатеринѣ Ивановнѣ, что было у нея нѣсколько любовниковъ, а то, что она душу свою потеряла, со всѣхъ колковъ сорвалась. Вѣдь, вотъ тотъ же художникъ Коромысловъ, берущій всѣхъ женщинъ, — онъ съ ужасомъ насчитываетъ, что у Екатерины Ивановны было, съ мужемъ, четверо любовниковъ. А что, если бы Екатерина Ивановна захотѣла пересчитать, какъ великъ списокъ одержанныхъ имъ надъ женщинами „побѣдъ“?

Сумѣлъ ли бы онъ даже отвѣтить, хотя бы приблизительно? Просто долженъ былъ бы сказать:

— Много... Очень много...

И, однако же, онъ смѣетъ возмущаться. И самое важное не въ томъ, что смѣетъ, а въ томъ что и вы признаете это его право возмущаться.

Коромысловъ, несмотря даже на то, что позволилъ себѣ сближеніе съ женой своего лучшаго друга, все-таки не падшій человѣкъ, вовсе не падшій, несмотря на многія, можетъ-быть, сотни, женщинъ, которыми онъ обладалъ, а Екатерина Ивановна — падшая; вы чувствуете, что она дѣйствительно падшая, для которой одно изъ двухъ: либо разбѣжаться и въ самомъ дѣлѣ броситься въ это окно, къ которому ее такъ тянетъ, на мостовую, съ высоты шестого этажа, либо окончательно захлебнуться въ разгулѣ, винѣ, въ развратѣ.

Что же за двѣ такія мѣрки, что за двѣ нравственности?

„Есть одна истина, есть одна добродѣтель!“ — звучитъ спящему Францу Моору съ высоты Синая.

А жизнь часто говоритъ намъ о двухъ истинахъ и двухъ добродѣтеляхъ.

Прежде Екатерина Ивановна, какъ всякая чистая женщина, понимала возможность послѣдняго интимнѣйшаго единенія съ мужчиной

только какъ результатъ полной духовной гармоніи. Сначала: два — духъ единъ, а потомъ уже два — плоть едина. И какъ естественный, какъ оправдывающій это общеніе результатъ — дѣти. Все это вмѣстѣ — основа цѣльнаго, стройнаго, прекраснаго зданія ея души, гдѣ все такъ свѣтло, ясно, чисто и понятно.

И весь этотъ міръ разомъ рушится: оскорбительное, незаслуженное обвиненіе со стороны мужа. Въ нее стрѣляютъ, какъ въ измѣнницу. Все потрясено, все возмущено: *ее* смѣли заподозрѣть!

И негодованіе, месть, ненависть заставляютъ ее отдаться этому самому ничтожеству Ментикову, съ кѣмъ ее соединилъ въ своемъ воображеніи мужъ.

Физіологія отдѣлена ею отъ психологіи. Общеніе не является, — какъ это только и могло мыслиться ею, — результатомъ высшей гармоніи. Тутъ же попраннымъ оказался и другой великій законъ: оправданіе брачныхъ отношеній — дѣторожденіе — тоже поругано. Екатерина Ивановна забеременѣла и подверглась операціи.

Мужъ, стрѣлявшій въ невинную жену, пришелъ просить прощенія. Узналъ отъ нея съ перваго слова и объ измѣнѣ, и объ операціи, и не только „простилъ“, но и понялъ, что попрежнему надо ему просить прощенія.

И простила. И тутъ, казалось бы, возможность возвращенія къ счастливому прошлому, но прежней Екатерины Ивановны нѣтъ. Нѣтъ того міра, прекраснаго, но непорочнаго, который весь держался на чистотѣ, на стройности, на безупречной гармоніи.

Екатерина Ивановна говоритъ, что она мертва. Той, прежней, женщины уже нѣтъ. Она чувствуетъ это, но еще не понимаетъ, и когда ее тянетъ къ вернувшемуся мужу, тянетъ животно, она, не сознавая, спрашиваетъ:

— Что это? Отчего?

— Это оттого, что ты меня любишь.

— Да... но и еще что-то...

Это что-то еще — это возможность отдать свое тѣло, не отдавая души; отрѣшенность брачныхъ отношеній отъ оправданія брака — дѣтей.

Это было невѣроятнымъ, и стало не только возможнымъ, но и сущимъ...

И не могутъ отдать себѣ отчета окружающіе Екатерину Ивановну, какимъ образомъ вмѣсто прежняго свѣтлаго и чистаго зданія ея души создалось, сложилось другое, отвратительное; былъ если не храмъ, то милая дѣтская, опрятная спальня, а сталъ отдѣльный кабинетъ ресторана, вертепъ...

Не понимаетъ многоопытный художникъ:

— У мужчины ясно все и просто: въ рай онъ идетъ, — такъ и видно, что въ рай; а женщина — то ли она распутничаетъ, то ли она своимъ распутствомъ молится, то ли она упрекаетъ имъ. Вѣчная Магдалина...

Вѣчная Магдалина — вотъ оно, слово. Слияніе въ одной личности грѣшницы и святой, жрицы наслажденія и величайшей страдалицы, духа земли — съ изнемогающей подъ крестною ношей.

Вотъ въ чемъ ужасъ. Литературы всѣхъ странъ, и больше всего русская, пестрятъ образами, въ которыхъ порокъ и святость, наслажденіе и страданіе сливаются до полной нераздѣлимости въ одной женщинѣ.

Позволяемъ распутничать мужчинѣ и не позволяемъ женщинѣ; и, съ другой стороны, никогда не поставимъ на пьедесталъ распутничающаго мужчину, а распутничающей женщинѣ, Сонечкѣ Мармеладовой, въ ноги поклониться можемъ за крестныя ея муки...

Разрушеніе женской души тамъ, гдѣ мужская и не темнится, — это явленіе гораздо болѣе глубокое, чѣмъ думаютъ какъ сторонники мужской чистоты, такъ и сторонники женскаго „дерзанія“. И почти не затронутъ онъ въ литературѣ въ своей глубинѣ.

«Данная» и «желанная».

(О женщинѣ).

И. Абрамовичъ могъ бы взять эпиграфомъ къ своей новой книжкѣ „Женщина и міръ мужской культуры“ библейскій разсказъ о сотвореніи Евы. Когда Адамъ увидѣлъ первую женщину, онъ съ полнымъ правомъ воскликнулъ: „она — плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей!“ Точно такъ же мужчина, художникъ-творецъ, когда является ему, — какъ изъ пѣны морской Афродита, — воплощенный имъ въ художественномъ произведеніи *высокій*, *прекрасный* женскій образъ, — съ подобнымъ же правомъ можетъ сказать: „вотъ — плоть отъ плоти *моей*, кость отъ кости *моей*“... Богъ, — гласитъ преданіе, — остался доволенъ своими твореніями, въ частности и женщиной. Человѣкъ, мужчина, оказался болѣе требовательнымъ: онъ пересоздаетъ женщину, — уже по *своему* „образу и подобію“.

Такова въ сущности мысль, которую развиваетъ въ названномъ этюдѣ г. Абрамовичъ, идя здѣсь по стопамъ Отто Вейнингера.

„Платоническая мечта о воспол неніи своего „я“ въ любви, — говоритъ авторъ, — мечта о воспол неніи жизни внутренно-воспринимаю-

нимъ женственнымъ началомъ — обѣ онѣ остаются неосуществимыми, и въ этомъ отношеніи ничей еще голодъ не удовлетворялся. Во внутреннемъ мірѣ мужчина обреченъ на тотъ „гермафродитизмъ“, на то высокое самоудовлетвореніе, примѣръ котораго даютъ лучшіе умы современности и древности.

О творческомъ началѣ женщины, о возможности взаимнаго душевнаго оплодотворенія — не можетъ быть и рѣчи. Она можетъ дать себя, какъ внѣшнее явленіе, какъ пейзажъ, какъ трава, какъ вѣтеръ, какъ ночь; дѣло мужского сознанія претворитъ все это въ болѣе или менѣе богатую грамму ощущеній и чувствъ. И моменты величайшей близости съ ней — есть моменты напряженнѣйшей замкнутости въ себѣ самомъ, въ прислушиваніи къ своимъ переживаніямъ, къ своимъ идеямъ и чувствамъ. И чѣмъ богаче сознаніе мужское, тѣмъ глубже ощущеніе замкнутости и отъединенности.

Вѣроятно, только страшная неудовлетворенность, полная невозможность въ реальной женщинѣ найти то, къ чему влекутъ безумные юношескіе порывы, влеченія Платоновскаго эроса, — заставили поэтовъ и лириковъ всѣхъ странъ прійти на помощь реальности творческой мощью своей жаждущей и голодной души. Они, эти лирики, какъ бы по всеобщему молчаливому соглашенію, принялись своими образами, своей лирикой, своими мечтами и химерами ткать для женщины какой-то воздушный и фантастическій нарядъ, чтобы закрыть ее, подлинную, реальную, чтобы обмануться, чтобы могучіе порывы, потрясающіе ихъ жизнь, не сталкивались съ оскорбляющей и тупой реальностью. Женщина сама по себѣ обмануть не могла. Тогда мужчина самъ создалъ ей могучее оружіе обмана. — Возьми, пусть совершится превращеніе!..

И то обстоятельство, что женщина не могла отвѣтить на весь этотъ крикъ лирики, поэзіи, литературы всѣхъ странъ и народовъ, что она безмолствовала, какъ сфинксъ, не находя ни мысли, ни слова, ни образа, ни идеи въ отвѣтъ, или же находила все это среди образовъ влюбленныхъ и жаждущихъ лириковъ, — еще болѣе могучимъ образомъ способствовало ея очарованію. То, что не дается въ руки, то что безмолвствуетъ таинственно, закрываясь и ускользая отъ усилій творческой воли, — кажется недоступнымъ не потому, что оно просто, примитивно, что на него надо затратить грубую силу, а не воздѣйствіе творчества; но лишь потому, что оно сложнѣе всѣхъ затрачиваемыхъ усилій, всѣхъ тонкостей и ухищреній ума и воли. Надо было женщинѣ только не раскрывать рта, только молчать...

Но впрочемъ даже и то безхитростное, то примитивное, что она говорила, принималось какъ вѣщее рѣченіе пиѳіи, сивиллы, истолковывалось на тысячу ладовъ, осложнялось, обогащалось толкованіемъ мужчинъ, выслушивалось, какъ нѣчто символическое. Искали ключа къ таинственному смыслу нѣсколькихъ фразъ, открывали ларчикъ на всѣ лады, кромѣ одного — наиболѣе простѣйшаго и естественнаго.

...Художники неустанно продолжаютъ дополнять дѣйствительность, неустанно вводятъ въ нее цѣлые сонмы обликовъ непостижимой красоты. Влеченіе и голодъ души заставляютъ ихъ творить Дульцинею, насильно вводить ее въ жизнь, слагая образъ ея изъ элементовъ своей же души. И созидая эту красоту призрачнаго, несуществующаго, воздвигая воздушные оазисы надъ міромъ реальнымъ, художники творятъ великую смуту въ нашемъ сознаніи.

Вспоминаются всѣ элементы женскаго склада, женской души, сіяющей въ образахъ поэтовъ и художниковъ, и съ глубочайшимъ недоумѣніемъ оглядываешься вокругъ. — Гдѣ же чарующая теплота, свѣжесть и строгая прямота Татьяны? Гдѣ въ жизни дикая сила страстей и желѣзное сердце Іордисъ или Гудруны? Душевная воля и изощренный разумъ женщинъ Э. По? Мятежность и кипучій водоворотъ душевной жизни женщинъ Достоевскаго?

А сіяющая чистота Беатриче? Или то нѣжное дѣвическое, что разлито въ безсмертномъ обликѣ Лауры?

Хотя бы одна женщина поэтическихъ вымысловъ, художественнаго воображенія прошла по землѣ, коснулась ея ногой, взглянула намъ въ глаза! Увы! Всѣ онѣ остаются спящими царевнами на страницахъ книгъ...

Когда художникъ создаетъ несуществующіе облики героевъ, въ родѣ Ивана Карамазова, или Фауста, то мы знаемъ, что каждый изъ этихъ героевъ цѣликомъ умѣщается въ душѣ создавшаго ихъ автора. Гете — вѣдь это реальный фактъ, и мы ощущаемъ его реальность, держа книгу въ рукѣ и читая въ этой книгѣ его душу. Точно такъ же и относительно Достоевскаго. Значитъ, поскольку живъ и реаленъ Гете — живъ и реаленъ Фаустъ, и точно такъ же живъ и реаленъ Иванъ Карамазовъ.

Но какъ же относительно женщинъ, созданныхъ воображеніемъ и душевной жаждой поэтовъ? Не напрашивается ли выводъ, что въ конечномъ счетѣ Беатриче — это душа суроваго Данте, а нѣжная Лаура — частица сознанія самого Петрарки? Оба этихъ созданныхъ поэтами женскихъ облика говорятъ намъ совсѣмъ не о

томъ, какими бываютъ женщины въ мірѣ, а о томъ, каковы души поэтовъ.

Если Рембрандъ изображалъ свою Саскю ванъ-Эйнъ, а Рубенсъ — Елену Фурманъ, то ни та, ни другая не явилась въ творчествѣ самими собой. Это образы поэтовъ, ихъ созданія, ихъ чувства. Ни одна возлюбленная поэта не можетъ надѣяться получить подлинное личное безсмертіе въ его твореніяхъ. Безсмертіе она получитъ лишь какъ образъ и идея поэта, во что-то претворенная и душой его *преображенная*. Душа поэта замкнута, какъ замкнутъ и міръ его творчества; туда входитъ женщина его воображенія, имъ созданная; реальной женщинѣ туда не войти.

...Только тогда, когда художникъ списывалъ ее съ натуры и считался съ той, какова она есть, она являлась живой и реальной — въ „Аннѣ Карениной“ Толстого, въ „М-мъ Бовари“ Флобера, въ Наташѣ Ростовой Толстого, въ романахъ Мопассана, въ разсказахъ Чехова, въ изображеніяхъ Стриндберга, Гоголя, Зола... Онѣ разнообразны, эти героини, красивыя, некрасивыя, злыя, пассивныя, гибнущія или торжествующія, но во всякомъ случаѣ — здѣсь мы сразу падали съ высоты мечтаній и влеченій лирическихъ и возвращались внизъ, къ нашей плоскости, на которой всѣ мы волнуемся.

Тамъ, гдѣ объективно воспроизводится жизнь,— женщина является персонажемъ произведенія, идейный смыслъ котораго *нигдѣ* не связывается съ личностью героини, а является совершенно самостоятельнымъ отъ нея. „Анна Каренина“, по своему идейному содержанію, является характернымъ въ данномъ случаѣ произведеніемъ, занятымъ судьбой женщины. То, что составляетъ душу этого романа—идейныя исканія автора, не находится ни въ какой связи съ личностью и жизнью героини.

Какъ бы отгороженное высокой стѣной, какъ бы закрытое какимъ то неожиданымъ облакомъ, проходитъ внутреннее душевное существованіе мужчины, воздвигается и непрерывно устраивается духовный градъ его жизни, гдѣ кипятъ интересы душевные, умственные. Даже прикованный страшной силой любовнаго очарованія „мозговикъ“, теоретикъ, умственникъ Левинъ не связанъ ни единой нитью внутреннихъ интересовъ со своей возлюбленной Китти. Цѣлую ночь просижываетъ онъ у открытаго окна, весь преисполненный смутныхъ и сильныхъ чувствъ, цѣлый періодъ жизни его отнятъ, захваченъ непобѣдимымъ влеченіемъ, но когда влеченіе удовлетворяется и „гнѣздо свито“,—снова уходитъ онъ въ свой „мужской“ міръ думъ, душевныхъ заботъ, исканій, идей, каждый разъ съ этимъ уходомъ какъ бы пропадая изъ глазъ своей жены и самъ переставая видѣть ее въ полѣ своего зрѣнія.

...Итакъ, признаемъ же, что создаваемые голодомъ и фантазіей поэтической души женскіе облики не есть документы о женщинѣ, а, наоборотъ, свидѣтельства о мужской душѣ.

Въ художественной литературѣ нѣтъ ни одного произведенія женскаго творчества, въ которомъ сіялъ бы намъ обликъ высшаго сознанія и высшей человѣческой силы, равный Фаусту, Манфреду, Прометею Шелли, князю Мышкину и Ивану Карамазову... Вянутъ и никнутъ, какъ истлѣвшіе клочки бумаги, вспоминаемыя при этомъ имена Жоржъ-Зандъ, Джорджъ Эліотъ, Лагерлефъ, Гемфри Уордъ и др. Маленькое и убогое (надо же признать это!) женское творчество, подобное крохотному островку среди милліоновъ женскихъ жизней, питается крохами отъ обилія кипучей внутренней жизни, созданнаго мозгомъ творческимъ, инициативнымъ, въ отличіе отъ пассивнаго интеллекта женщины.

Если условія жизни таковы, что ставятъ преграды подлинному развитію женскаго сознанія и, слѣдовательно, проявленію женскаго духа,—то почему же самыя тяжкія жизненныя условія не мѣшали Кольцову, Бернсу, Краббу, Диккенсу, Андерсену, Гамсуну, Горькому и др. подняться изъ житейскихъ низинъ, изъ нищеты, безправія, безсилія, оброшенности и проявить свое творческое „я“? Если самоучки, самородки преодолѣваютъ сословныя, имущественныя и всякія другія затрудненія, то почему же женщины высшихъ сословій, того барства, которое взлелѣяло у насъ таланты Толстого, Тургенева, Гончарова, — не выдвинули хотя бы и меньшаго калибра носительницъ духа?

На протяженіи вѣковъ встрѣчаемся съ рѣдкими одиночками, чьи облики сохранились въ исторіи. Изъ древней Греціи, отъ лирики страсти Сафо переносимся въ средневѣковье,—къ поэзіи религіозной страсти святой Терезы, оттуда къ предреволюціонной Франціи—къ м-мъ Савиньи и ея знаменитымъ письмамъ; снова большой скачокъ — и передъ нами нѣсколько женщинъ „Молодой Германіи“, окруженныхъ поэтами и критиками, — Рахиль Варнгагенъ, Беттина Арнимъ.

Какъ бы много женскихъ именъ въ настоящее время ни пестрѣло въ литературѣ всѣхъ странъ и сколько бы романовъ и повѣстей ни выходило изъ-подъ ихъ пера,—все же женское творчество реально отсутствуетъ, его нѣтъ, какъ проявленія человѣческаго духа, самобытнаго внутренняго „я“. Въ лучшемъ случаѣ оно представляется осколками болѣе или менѣе чистыхъ зеркалъ, отражающихъ идейную жизнь

современности, какъ она создалась усиліями творческихъ умовъ. Женщина-писательница идетъ въ обозѣ литературнаго движенія, она подхватываетъ и повторяетъ отдѣльные моменты идейной жизни. Она лишена главнаго въ этомъ смыслѣ:—иниціативы творческой, самостоятельности. Ей не дано выразить подлинной творческой глубины сознанія, что объясняется отсутствіемъ у нея такой творческой сущности духа. Только мотивы любовной страсти и религіозной лирики могли бы быть подвластны ей, какъ творцу.

И если бы женщина была смѣла и искренна въ словѣ, какъ въ дѣйствіи,—она съ громадной силой должна была бы воспѣть чудовищную мощь и хмель золота, денегъ, а также притягательную, жгучую для нея прелесть вещей".

Тайна творчества.

Въ лекціяхъ, читанныхъ Анри Бергсономъ въ Оксфорскомъ университетѣ весною 1911 г. о „воспріятіи измѣнчивости" (и напечатанныхъ уже и на рус. языкѣ, отдѣльной брошюрой, подъ такимъ именно заглавіемъ), модный философъ въ связи съ главной своей темой затронулъ вопросъ, имѣющій отношеніе къ психологіи художественнаго творчества. Приведемъ это мѣсто, представляющее самостоятельный интересъ.

„Во всѣ времена встрѣчаются люди, назначеніе которыхъ какъ бы въ томъ и состоитъ, чтобы видѣть самимъ и заставляетъ видѣть другихъ то, что естественнымъ образомъ мы не замѣчаемъ. Это художники.

Чего добивается искусство, если не того, чтобы заставить насъ открыть въ природѣ и духѣ, внѣ насъ и въ насъ самихъ, массу вещей, которыя не обнаруживаются съ ясностью нашими чувствами и нашимъ сознаніемъ? Поэтъ и романистъ, изображающіе состояніе души, конечно, не создаютъ его цѣликомъ. Они не были бы поняты намп, если бы мы сами не испытывали, хотя бы въ зачаточномъ состояніи, то, что они намъ описываютъ. По мѣрѣ того, какъ они говорятъ, передъ нами встаютъ оттѣнки эмоцій и мыслей, которыя безъ сомнѣнія были въ насъ въ теченіе долгаго времени, но которыя оставались невидимыми; таково фотографическое изображеніе, когда оно не было еще погружено въ ванночку, гдѣ долно проявиться. Поэтъ и есть этотъ проявитель. Но нигдѣ значеніе художника не является столь очевиднымъ, какъ въ томъ изъ искусствъ, которое стоитъ тѣснѣе всего къ матеріальной природѣ, т.-е. въ живописи. Великіе живописцы—это люди, передъ которыми открывается особенное видѣніе вещей; оно сдѣлалось или сдѣлается видѣніемъ всѣхъ людей.

Согласно общему мнѣнію, художникъ всегда „идеалистъ", понимая подъ этимъ то, что онъ занятъ менѣе, чѣмъ большинство изъ насъ, положительной и матеріальной стороной жизни. Художникъ „разсѣянъ" въ собственномъ смыслѣ слова. Почему же, будучи болѣе *оторванъ* отъ реальности, онъ умѣетъ видѣть въ ней болѣе вещей, чѣмъ обыкновенный человѣкъ?

Этого нельзя было бы понять, если бы то видѣніе, которое мы обычно имѣемъ о внѣшнихъ предметахъ и о насъ самихъ, не было видѣніемъ съуженнымъ и опустошеннымъ: къ этому насъ приводитъ наша привязанность къ дѣйствительности, наша потребность жить и дѣйствовать. Фактически было бы легко показать, что чѣмъ болѣе заняты мы жизнью, тѣмъ менѣе мы склонны къ тому, чтобы созерцать, и что необходимость дѣйствія стремится ограничить поле видѣнія. Я думаю, что много психологическихъ и психофизіологическихъ вопросовъ освѣтились бы новымъ свѣтомъ, если бы рѣшится смотрѣть на наше воспріятіе просто какъ на выдѣленное потребностями практической жизни изъ болѣе обширнаго цѣлаго. Мы охотно идемъ, въ психологіи и повсюду, отъ части къ цѣлому, и наша обычная система объясненія состоитъ въ томъ, что мы мысленно строимъ нашу умственную жизнь изъ простыхъ элементовъ и затѣмъ предполагаемъ, что сочетаніе этихъ простыхъ элементовъ реальнымъ образомъ создало нашу умственную жизнь. Если бы вещи происходили такимъ образомъ, наше воспріятіе было бы дѣйствительно не способно къ расширенію; оно было бы составлено изъ совокупности опредѣленныхъ матеріаловъ въ опредѣленномъ количествѣ, и мы никогда не нашли бы тамъ ничего другого кромѣ того, что было тамъ заложено сначала. Но факты, если ихъ разсматривать безъ предвзятой мысли дать механическое объясненіе дѣятельности духа, внушаютъ толкованіе иного рода. Они показываютъ намъ, въ нормальной психической жизни, постоянное усиліе духа ограничить свой горизонтъ, отвернуться отъ того, что не составляетъ его матеріальнаго интереса.

Прежде чѣмъ философствовать, нужно жить; а жизнь требуетъ, чтобы мы надѣли наглазники, чтобы мы не смотрѣли ни направо, ни налѣво, но прямо передъ нами въ томъ направленіи, куда намъ нужно будетъ итти. *Наше знаніе вовсе не составляется изъ постепеннаго соединенія простыхъ элемен-*

товъ; оно есть слѣдствіе быстраго расчлененія: въ безконечно обширномъ полѣ нашего возможнаго познанія мы собрали все то, что полезно для нашего дѣйствія на вещи, чтобы создать изъ этого нынѣшнее знаніе; остальнымъ мы пренебрегли. Мозгъ, повидимому, построенъ въ виду этой работы подбора, что можно показать безъ труда на дѣятельности памяти. Наше прошлое сохраняется съ необходимостью, автоматически. Оно живетъ цѣликомъ. По нашъ практическій интересъ требуетъ его устраненія, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы допускать изъ него не только то, что можетъ освѣтить или дополнить, съ большей или меньшей пользой, настоящее положеніе. Мозгъ служитъ къ выполненію этого выбора: онъ выявляетъ полезныя воспоминанія и держитъ въ подпочвѣ сознанія тѣ, которыя не послужили бы ни къ чему. То же самое можно сказать о воспріятіи: помощникъ дѣйствія, оно выдѣляетъ изъ реальности, какъ цѣлаго, то, что насъ интересуетъ; оно намъ показываетъ менѣе самыя вещи, чѣмъ то, что мы можемъ извлечь изъ нихъ. Заранѣе оно ихъ классифицируетъ, заранѣе оно наклеиваетъ на нихъ ярлычки; мы едва взглядываемъ на предметъ; намъ достаточно знать, къ какой категоріи онъ принадлежитъ.

Но время отъ времени, по счастливой случайности, рождаются люди, которые своими чувствами или сознаніемъ менѣе привязаны къ жизни. Природа позабыла связать ихъ способность воспріятія съ ихъ способностью дѣйствія. Когда они смотрятъ на вещь, они ее видятъ *не для себя*, а *для нея самое*. Они воспринимаютъ не для того только, чтобы дѣйствовать; они воспринимаютъ, чтобы воспринимать,—изъ-за ничего, изъ за удовольствія. Извѣстной стороной своего существа, сознаніемъ-ли или своими чувствами, они рождаются *оторванными*; и смотря потому, касается-ли эта оторванность того или иного ихъ чувства или ихъ сознанія, они будутъ живописцы или скульпторы, музыканты или поэты. Такимъ образомъ то, что находимъ мы въ различныхъ искусствахъ, есть не что иное, какъ болѣе прямое, болѣе непосредственное видѣніе реальности; и именно потому, что художникъ менѣе думаетъ о томъ, чтобы утилизировать свое воспріятіе, онъ и воспринимаетъ большее количество вещей".

Чтеніе какъ творчество.

Какъ читать—это новый вопросъ, выдвинутый нашей эпохой, вопросъ значительный и острый. Прежде всего,—это вопросъ психологическаго порядка, и именно съ этой точки зрѣнія дѣлаются попытки подойти къ нему со стороны тѣхъ, кто такъ или иначе останавливался на немъ. Одну изъ такихъ попытокъ, какъ наиболѣе характерную и въ основѣ значительную, считаемъ нужнымъ отмѣтить. Дѣлится своими мыслями по этому поводу г. Евг. Кузьминъ въ „Вѣст. Теософіи" (декабрь).

Трудно,—говоритъ онъ,—писать для современнаго читателя. Трудно потому, что въ лучшемъ случаѣ прочтетъ лишь то, что написано чернымъ по бѣлому. Но чаще и этого не прочтетъ.

Знаю умныхъ и вполнѣ культурныхъ людей, что искренно хвастались тѣмъ, что въ день могутъ усвоить двѣ довольно объемистыя книги! И дѣйствительно „усваиваютъ", т.-е. ухитряются гладко и правильно передать „основное содержаніе"—„главную суть", а это, по ихъ мнѣнію, даетъ имъ полное право со спокойной совѣстью взяться за „основное содержаніе" и „главную суть" другого автора.

Нечего и говорить, что до нѣкоторой степени сама жизнь привела къ такимъ упрощеннымъ пріемамъ чтенія.

Ежегодно книжный рынокъ наводняется милліонами новыхъ произведеній, хочется быть въ курсѣ всего, и система „глотанія" книгъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ этому стремленію современности съ большой экономіей силъ объять необъятное.

Но вотъ бѣда: не только то, что считается „главной сутью" и „основнымъ" содержаніемъ часто, очень часто, едва замѣчаетъ десятую долю тѣхъ мыслей, чувствъ, переживаній, которыми хотѣлъ подѣлиться авторъ, но этого не достигаетъ никогда и все произведеніе—отъ начала до конца со всѣми примѣчаніями, предисловіями и послѣсловіями.

„Хочешь, чтобъ плакали звѣзды, горестно признавался Флоберъ, а на дѣлѣ и медвѣди не пляшутъ".

Въ каждой искренней серьезной работѣ (я только объ этихъ и говорю) вложено гораздо болѣе содержанія и мысли, чѣмъ это выявилось во-внѣ. Не будь этого—не было бы и такъ называемыхъ мукъ творчества, когда безконечно широкіе горизонты, титаническіе образы, сложнѣйшія ощущенія приходится вмѣщать въ неподвижные *условные* образы линій, красокъ, формъ, звуковъ и словъ.

Мерещатся солнца, а на палитрѣ вялая, тусклая грязь покупныхъ красокъ; рыдаютъ міры—а подъ руками десятокъ-другой дребезжащихъ струнъ, ревущихъ трубъ, громыхающихъ барабановъ. Замѣчаются тончайшія переживанія, со-

тканныя изъ лучей мудрости и любви — и все это надо облечь въ ходячую монету давно истрепанныхъ словъ.

Захочетъ поэтъ передать пережитое безумнымъ сочетаніемъ новыхъ созвучій—не поймутъ, засмѣютъ, отвернутся.

Станетъ „понятнымъ“—потускнѣетъ, поблекнетъ пережитый имъ блескъ, и онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что райское пѣніе замѣнилъ визгливымъ грамофономъ.

Поэтому всѣ, кому дороги именно „звуки небесъ“, а не грамофонъ, читая, должны продѣлывать особую работу. Во-первыхъ, признать, что самыя точныя опредѣленія, изысканныя фразы, поэтическіе обороты — только слабыя, почти безсильныя попытки передать нѣчто гораздо большее, значительное и цѣнное, чѣмъ все, что вмѣстилось въ опредѣленныхъ, напечатанныхъ словахъ. Во-вторыхъ, что въ этихъ словахъ, формахъ, линіяхъ, образахъ только *намеки на путь*, по которому надо итти уже самому читателю, чтобъ добраться до *подлиннаго*. Проще сказать, необходимо не столько *воспринимать*, сколько *наново творить* „по образу и по подобію“ того, изъ чего творилъ авторъ. Это и есть *художественный* или (что то же) *мистическій* способъ воспріятія въ отличіе отъ *раціоналистическаго*, не повторяющаго акта „творчества“, а лишь пассивно перенимающаго уже сотворенное.

Поясню мысль примѣромъ. Представьте, что нужно передать кому-либо основательное знаніе о дубѣ.

Раціоналистъ подведетъ къ дубу, оторветъ листокъ, подробно о немъ разскажетъ, сравнитъ съ другими листьями, затѣмъ перейдетъ къ изученію вѣтокъ, корней, ствола, цвѣтовъ, жолудей и т. д.

Изъ кропотливаго изученія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ разрозненныхъ частей въ концѣ концовъ должно получиться знаніе о всемъ деревѣ въ его цѣломъ.

Способъ этотъ, по которому въ большинствѣ случаевъ идетъ современная научная мысль—способъ безусловно правильный, цѣнный, точный, но, пожалуй, нѣсколько громоздкій, такъ какъ раньше всего приходится имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ *разрозненныхъ* и мелкихъ фактовъ, на которые разбивается вся вселенная. Каждый выводъ требуетъ огромной затраты энергіи, расходуемой по мелочамъ.

Мистикъ съ той же цѣлью даетъ одни только жолуди и говоритъ: „вотъ въ этомъ жолудѣ скрыта возможность (въ потенціи) цѣлаго дуба. Правильнѣе сказать—весь дубъ тутъ *уже находится*, только надо сумѣть вызвать его къ бытію. Вникни въ то, что можно назвать душою жолудя и для тебя станетъ яснымъ самая сущность того явленія, которое воспринимается нами какъ дубъ.

Жолудь этотъ упалъ вотъ съ того большого дерева, которое ты видишь на горѣ, и связанъ съ нимъ священной нитью жизни. Когда-то это развѣсистое дерево было порождено такимъ же маленькимъ жолудемъ, какой держишь въ рукѣ.

Въ каждомъ деревѣ тайна новой жизни, въ каждомъ жолудѣ притаившійся дубъ.

Когда ты это постигнешь,—то для познанія дуба достаточно тебѣ жолудя, который ты какъ бы посѣешь въ собственной душѣ и увидишь, какъ вскорѣ выростетъ въ ней познаніе о дубѣ, *твоемъ тобою рожденномъ*.

Ты познаешь его какъ часть себя самого, а вмѣстѣ съ тѣмъ это все же будетъ подлиннымъ дубомъ, потому что изъ жолудя можетъ вырости лишь дубъ, какъ изъ зерна ржи вырастетъ лишь рожь.

Въ жолудѣ въ одно и то же время сѣмя того, что было и залогъ того, что будетъ—мостъ изъ прошлаго въ грядущее“.

То же человѣческое слово, передающее человѣческую мысль, то же всякое произведеніе искусства, даже часть его. Не принимайте ихъ за дубы. Это только отдѣльные жолуди, упавшіе съ дуба міровой души. Ихъ можно собрать и... сдѣлать жолудовое кофе. Оно будетъ питательно, а потому принесетъ свою долю пользы. Но можно ихъ посадить въ нѣдра собственнаго духа и дать имъ вырости—и вырастетъ тогда новое дерево, которое въ свою очередь принесетъ много жолудей, много сѣмянъ новой жизни.

Одни собираютъ жолуди, много жолудей, и считаютъ, что чѣмъ больше ихъ наберутъ—тѣмъ станутъ богаче. Въ результатѣ—мѣшки полузасохшихъ жолудей. Другіе довольствуются однимъ жолудемъ, но изъ этого жолудя выращиваютъ дерево, а изъ этого дерева—цѣлый лѣсъ, полный безконечно разнообразныхъ формъ жизни.

Такимъ образомъ отъ самого читателя зависитъ имѣть или мѣшокъ жолудей, или цѣлый лѣсъ.

„Красота тревожной жизни“.

(Памяти Ильи Саца).

Эти трогательныя слова украшаютъ надгробный вѣнокъ Московскаго Художественнаго театра своему безвременно умершему собрату,

композитору Сацу. Какъ мятежно-красива и какъ своеобразна въ своей мятежности была эта душа, объ этомъ въ небольшомъ очеркѣ *) разсказываетъ Л. Сулержицкій.

Со смертью талантливаго, своеобразнаго Ильи Саца, — пишетъ онъ, — Художественный театръ понесъ тяжелую, трудно замѣнимую утрату. Трудно замѣнимую потому, что Сацъ, помимо своего чисто музыкальнаго таланта, обладалъ еще двумя, необходимыми композитору, пишущему для театра качествами. Во-первыхъ, онъ чувствовалъ и любилъ сцену, во-вторыхъ— былъ способенъ къ коллективному творчеству.

Какъ бы ни былъ талантливъ музыкантъ, желающій писать для драмы, но если онъ не одаренъ этими двумя свойствами,—работа его остается чуждой театру, такъ какъ задачи и условія музыкальнаго творчества въ драмѣ совершенно исключительны.

Съ одной стороны, музыка въ драмѣ не должна быть безличнымъ аккомпанементомъ или иллюстраціей тому, что происходитъ на сценѣ; такая музыка, несмотря на всю свою угодливость, всегда будетъ чувствоваться какъ что-то чуждое, пришедшее со стороны, и потому лишнее, мѣшающее сценическому творчеству; съ другой стороны, если музыка написана въ сторонѣ отъ сцены, на тему пьесы, или хотя бы даже на темы отдѣльныхъ моментовъ ея, какъ написалъ геніальный Григъ своего Пера Гюнта,—то и такая музыка непримѣнима для сцены. Въ лучшемъ случаѣ такую музыку можно играть въ антрактахъ, а еще лучше совсѣмъ выдѣлить ее изъ театра, гдѣ ей тѣсно и неудобно, гдѣ пьеса мѣшаетъ музыкѣ, а музыка пьесѣ, и перенести ее въ симфоническій концертъ, гдѣ она сразу становится на свое мѣсто, гдѣ мы годами не устаемъ наслаждаться ею, хотя можетъ быть, ни разу при этомъ не вспомнимъ „Пера Гюнта“ Ибсена, по поводу котораго она написана.

Написать музыку для сцены такъ, чтобы она не была аккомпанементомъ къ словамъ и въ то же время не являлась бы сочиненіемъ на данную въ пьесѣ тему, написать ее такъ, чтобы она вплеталась въ самую жизнь пьесы и сдѣлалась чѣмъ-то проникающимъ ее, чѣмъ-то связаннымъ съ нею, такъ сказать, „изнутри“, не теряя при этомъ ни единой черты изъ того, что составляетъ индивидуальность композитора,—дѣло не легкое.

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, можно творить нѣчто самостоятельное, какъ пѣть свою пѣсню, какъ искренно переживать свою музыку, будучи связаннымъ въ малѣйшихъ деталяхъ со всѣмъ, что происходитъ на сценѣ?..

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ и ограниченіяхъ и во времени, и въ краскахъ никакой мало-мальски самобытный музыкантъ не напишетъ ни строчки. А если знать Саца, если присмотрѣться поближе къ этой яркой, остро выраженной музыкальной личности, стремящейся вездѣ и всегда гнуть свою линію во что бы то ни стало, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, то ужъ съ нимъ-то, казалось бы, нечего было и думать надѣяться на какое бы то ни было „сліяніе“ сцены съ музыкой.

Старая ошибка думать, будто бы яркія индивидуальности не могутъ слиться, будто для ансамбля нужно отсутствіе индивидуальности, будто гармонія возможна для безличнаго.

Случилось совершенно обратное. Сацъ, рѣзко рвавшій со всѣмъ, что мѣшало ему проявляться какъ бы то ни было—въ музыкѣ ли, въ жизни ли, — страшно увлекся работой для театра и не только не потерялъ при этомъ себя, но, напротивъ, въ этой работѣ онъ выросъ, окрѣпъ и сложился, какъ музыкантъ, окончательно.

Случилось такъ не потому, что Сацъ былъ музыкантъ минусъ что-то, отсутствіе чего давало ему возможность работать для театра, а потому, что онъ музыкантъ плюсъ нѣчто, что рѣдко встрѣчается, и плюсъ этотъ и была та горячая любовь къ сценѣ и пониманіе ея и способность къ коллективному творчеству, о которыхъ я уже говорилъ выше.

Для Саца всѣ эти ограниченія не были ограниченіями, такъ какъ онъ жилъ нервомъ пьесы такъ же, какъ и актеръ, и режиссеры, работавшіе надъ пьесой. Онъ самъ пережилъ вмѣстѣ съ актерами то мѣсто діалога, гдѣ надо говорить попотомъ и если у него музыка въ этомъ мѣстѣ не гремѣла, то не потому, что ему объ этомъ сказали, а потому, что, живя вмѣстѣ со сценой, находясь всей своей душой въ непосредственной связи съ тѣмъ, что происходитъ на сценѣ, онъ не могъ написать иначе.

На репетиціяхъ Сацъ сидѣлъ не простымъ наблюдателемъ, а такимъ же творцомъ, какъ и режиссеръ, и актеры, онъ былъ равноправнымъ участникомъ постановки, онъ всегда былъ въ нервѣ пьесы настолько, что послѣ репетиціи обсуждалъ ее вмѣстѣ съ режиссерами и актерами, дѣлалъ свои замѣчанія по поводу всего, что онъ пережилъ во время репетиціи, и часто даже показывалъ очень смѣшно, но всегда мѣтко и интересно, какъ, по его мнѣнію, надо было бы сыграть то или иное мѣсто.

*) Журн. „Маски“, № 2.

Иногда онъ давалъ совершенно новое освѣщеніе сценѣ. И театръ чутко прислушивался къ его замѣчаніямъ. Онъ чувствовалъ въ Сацѣ своего, смотрѣлъ на него, какъ на желаннаго участника каждой постановки, зналъ, что онъ участвовалъ въ созданіи пьесы шагъ за шагомъ, понимая и переживая всѣ подводныя теченія чувствъ, настроеній и темпа, въ которыя въ концѣ концовъ выливалась пьеса.

На репетиціяхъ Сацъ сидѣлъ, вытянувъ шею и впившись глазами въ актера, морщился на всѣ лады и двигалъ бровями, помогая ему пережить то или иное чувство. Иногда онъ что-то быстро записывалъ на манжетѣ или обрывкѣ старой концертной программы, завалявшейся въ карманѣ, и уходилъ домой весь заполненный пьесой, съ цѣлымъ ворохомъ чувствъ и настроеній.

Ночью, когда всѣ ложились спать и наступала тишина, Сацъ садился за рояль, открывалъ модераторъ и начиналъ играть, перенося въ звуки все, что онъ переживалъ.

Въ поискахъ другого звучанія, въ поискахъ уничтоженія матеріала, Сацъ велитъ хору пѣть съ закрытыми ртами, присоединяетъ къ оркестру шуршаніе брезентовъ, примѣняетъ какимъ-то особымъ образомъ мѣдныя тарелки, ударами воздуха изъ мѣховъ заставляетъ звучать гонгъ и т. д. И добивается, наконецъ, впечатлѣнія, котораго не забыли до сихъ поръ всѣ, кто присутствовалъ на этой репетиціи.

Кромѣ способности быть глубоко психологичнымъ въ своемъ музыкальномъ творчествѣ, кромѣ того, что Сацъ, обладая темпераментомъ драматическаго актера, шелъ всегда неразрывно въ связи съ тѣмъ, какъ складывалась пьеса въ душѣ актера, онъ еще прекрасно чувствовалъ стиль, угадывалъ основной принципъ той или иной постановки.

Въ „Жизни Человѣка“, напримѣръ, въ первыхъ же ходахъ его польки на балу у Человѣка, гротескъ, въ которомъ шла постановка, выраженъ такъ, какъ, можетъ быть, не выразился онъ нигдѣ такъ цѣльно и ярко въ самой постановкѣ. Въ этихъ аккордахъ, написанныхъ параллельными квартами, звучащими жутко, тяжело и самодовольно-пусто, квинтъ-эссенція всей идеи постановки.

Тутъ въ звукахъ давъ весь ужасъ черной пустоты, въ которую брошенъ человѣкъ, это маленькое самодовольное существо, даже не сознающее своей безпомощности.

Говорятъ, съ точки зрѣнія академической музыки, эти параллельныя кварты недопустимы. Но для насъ — именно въ нихъ-то, въ этихъ пусто звучащихъ и неразрѣшенныхъ аккордахъ сказано все, о чемъ говорится въ теченіе четырехъ актовъ на сценѣ. Тутъ и черный бархатный бездонный фонъ, и тупость гостей и дальше, во второй части польки, полной безконечной тоски по чемъ-то прекрасномъ, но недостижимомъ,—тѣ блѣдныя, изуродованныя жизнью дѣвушки, которыя танцуютъ въ какомъ-то трансѣ на балу у Человѣка.

Поручаетъ театръ Сацу написать музыку къ „Синей Птицѣ“ и Сацъ все лѣто ходитъ окруженный дѣтьми, заставляетъ ихъ сочинять пѣсни, танцуетъ и поетъ вмѣстѣ съ ними, и дѣти, всегда любившія Сацa, легко раскрываютъ передъ нимъ свои тайны, и дѣлятся съ нимъ всѣмъ, что было въ ихъ душѣ. Сацъ садится за рояль и играетъ имъ все то, чѣмъ онъ наполнился отъ общенія съ наивной дѣтской душой. Но солидный, серьезный, полный звукъ рояли мѣшаетъ Сацу искренно жить наивными дѣтскими темами. Тогда онъ отправился къ рѣкѣ, нарѣзалъ тонкихъ, сухихъ камышинокъ и положилъ ихъ на струны рояля. Камышинки прыгали, струны дребезжали какъ въ клавессинѣ, а Сацъ игралъ и радовался вмѣстѣ съ дѣтьми и, наигрывая имъ разныя танцы, нашелъ прелестную по изяществу и наивности польку, которую играютъ въ 1-мъ актѣ „Синей Птицы“.

Нужно найти музыку для превращенія душъ воды, огня, хлѣба и т. д., и Сацъ цѣлыми часами льетъ воду на желѣзные листы, ходитъ на мельницу, прислушивается къ капанію капель съ крыши во время дождя и потомъ, однако, въ своей музыкѣ не старается внѣшне подражать этимъ звукамъ отъ уха, а, уловивъ сущность, самую жизнь этихъ явленій, передастъ именно ее, эту жизнь, а не сопровождающіе ее звуки...

Игралъ онъ неважно, пѣлъ сиплымъ фальцетомъ, вытягивая при этомъ губы и сморщивъ лобъ, трясъ головою въ тактъ своимъ чувствамъ, а изъ-подъ пальцевъ летѣли параллельныя секунды, кварты,—все то, чего „нельзя“ по правиламъ, но что составляло самую сущность души Сацa, не подошедшей ни подъ какія правила, которая сама для себя составила свои правила, написанныя въ ней Самимъ Богомъ.

Здѣсь онъ игралъ вмѣстѣ съ феей дѣтей въ „Синей Птицѣ“, превращался вмѣстѣ съ водой въ капризно-хлюпающую женщину, встрѣчалъ вмѣстѣ съ жителями еврейскаго городка Цанда Лейзера и плакалъ въ этой атмосферѣ музыкальныхъ призраковъ до глубокой ночи, часто до разсвѣта.

Завтра опять репетиція, опять новые горизонты, новыя настроенія и новые вопли Сацa ночью за роялью.

Часто у Саца поспѣвало раньше, чѣмъ у насъ, и тогда найденное имъ освѣжало нашу работу, давало ей новый толчокъ.

Бывало и такъ, что ключъ къ сценѣ, самую интерпретацію той или иной сцены, Сацъ находилъ въ музыкѣ раньше, чѣмъ режиссеры находили ее на сценѣ. Тогда сцена ставилась, шла отъ Саца,—сцена шла за музыкой.

Но шла ли сцена за музыкой, или музыка за сценой, все же въ этой коллективной работѣ самымъ тяжелымъ періодомъ былъ моментъ, когда у Саца все готово, пьеса срепетована и надо было окончательно спаять одно съ другимъ чисто механически.

Тутъ оказывалось длиннѣе, чѣмъ казалось раньше, тамъ надо было сократить на 2—3 такта, здѣсь надо придумать такой конецъ, чтобы оркестръ могъ стройно кончить, по сигналу и т. д.

Сацъ настолько хорошо зналъ и чувствовалъ сцену, что всегда шелъ на эту операцію, уступая ея требованіямъ, такъ сказать, количественно, чисто внѣшне, никогда не допуская въ этой работѣ до измѣненій, задѣвающихъ его музыкальное „я“. Дойдя до этой черты, Сацъ становился твердымъ, какъ кремень, упрямъ, какъ быкъ, и тогда наступала наша очередь раздвигать или сокращать ту или иную паузу на сценѣ и наполнять ее содержаніемъ, болѣе близкимъ къ Сацу.

Такъ Сацъ,—яркій, рѣзкій въ своихъ краскахъ, капризный и упрямый въ своей правдѣ, какъ ребевокъ, привыкшій дѣлать все только такъ, какъ онъ хочетъ, — обладая даромъ коллективнаго творчества и любя, и чувствуя сцену, могъ съ ней сливаться воедино, до полной нераздѣльности...

Когда Сацу нужно было писать музыку для „Анатемы“, онъ бросился въ еврейскіе городки юго-западнаго края, перезнакомился здѣсь съ кантарами синагогъ и мѣстными музыкантами. Онъ сталъ посѣщать еврейскія свадьбы и тамъ уловилъ тотъ скорбный вопль Израиля, которымъ онъ хотѣлъ наполнить „Анатему“. Онъ уловилъ въ еврейской музыкѣ ея тоску и плачъ по Мессіи, который медлитъ и не идетъ спасти свой народъ, уловилъ и наполнилъ этою тоскою и плачемъ музыку драмы. Уловилъ также и наивную радость этихъ дѣтей скорби, ихъ дѣтское веселье, охватывающее ихъ, когда имъ кажется, что страданьямъ ихъ приходитъ конецъ...

Такъ работалъ Сацъ для театра. Но кромѣ этой работы, онъ вѣчно былъ полонъ жаждой исканій въ музыкѣ, всегда былъ заряженъ цѣлымъ рядомъ стремительныхъ плановъ, которые онъ выполнялъ, не обращая вниманія на препятствія, не справляясь о степени ихъ трудности и не расчитывая, какія послѣдствія можетъ принести ему та или иная его работа...

Я упомяну лишь о нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ эпизодахъ его музыкальной дѣятельности.

Въ 1900 году Сацъ, бросивъ музыку, уѣзжаетъ работать на голодъ. Черезъ нѣкоторое время тамъ его арестовываютъ по политическому дѣлу и Сацъ на нѣсколько лѣтъ попадаетъ въ Иркутскъ. Тамъ онъ увлекается духовой музыкой и принимается за организацію огромнаго хора. Хоръ собирается совершенно необыкновенный по количеству и составу пѣвцовъ, — тутъ и ссыльные, тутъ и власть имущіе, тутъ и мѣстные тузы и бѣднота, — все это, увлеченное Сацомъ, соединялось и репетировало съ нимъ дни и ночи, пока онъ не довелъ хоръ до такого совершенства, что можно было, наконецъ, дать грандіозный концертъ. И концертъ, говорятъ, былъ замѣчательный.

Между прочимъ, хоръ былъ такъ великъ, что подмостки, на которыхъ онъ стоялъ, не выдержали его тяжести и въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, когда хоръ грянулъ fortissimo, вмѣстѣ съ Сацемъ рухнули, и концертъ долженъ былъ самъ собою прекратиться...

Въ послѣдніе годы жизни Сацъ, всегда увлекавшійся народной музыкой, зажигается новой идеей — привести народную музыку въ городъ, освѣжить вкусы публики, влить въ музыку отъ первоисточника свѣжей воды. Создать всемірный этнографическій концертъ.

И вотъ цѣлыми мѣсяцами онъ странствуетъ по глухимъ деревнямъ Тверской губерніи и привозитъ оттуда какихъ-то полуодичалыхъ пастуховъ-жалейщиковъ, потомъ перебирается въ Малороссію и бродитъ тамъ съ ярмарки на ярмарку, окруженный цѣлымъ таборомъ слѣпцовъ, брянчащихъ ему на бандурахъ сказанія про Сагайдачнаго, про турецкій плѣнъ, про богача и Лазаря, потомъ попадаетъ къ татарамъ въ степи и забирается въ самыя дебри Средней Азіи, и тамъ, на базарѣ, со складной фисгармоніей подъ мышкой, среди сонныхъ верблюдовъ и бродящихъ между ними, назойливо верещащихъ ишаковъ, слушаетъ сазандаровъ, посвящающихъ его въ тайны своей примитивной музыки. Всѣ они — и слѣпецъ-кобзарь, и жалейщикъ, и туркменъ со своей зурной—всѣ одинаково близки Сацу, всѣ считаютъ его своимъ, роднымъ, всѣ легко и радостно раскрываютъ передъ нимъ свою душу, такъ какъ сразу угадываютъ въ немъ своего брата, музыканта, для котораго такъ же, какъ и для нихъ, дороже музыки нѣтъ ничего въ

жизни. И вотъ Сацъ уже мечтаетъ вмѣстѣ съ ними, что привезетъ ихъ съ собою въ Москву, Петербургъ, Берлинъ, — тутъ ужъ остановки нѣтъ, такъ это хорошо, что зачѣмъ же обижать другіе города,—и покажетъ людямъ все неисчерпаемое богатство и красоту самобытной, дѣвственно прекрасной музыки.

И потомъ, когда оказывалось, что кромѣ музыки на свѣтѣ бываютъ еще и версты, и желѣзная дорога, и деньги, тутъ съ этими вещами Сацъ справлялся плохо.

Онъ могъ мѣсяцами просиживать всѣ ночи за роялью, жить музыкой, сочинять романсы или оркестровыя вещи, но разъ пережившъ и кое-какъ набросавъ на бумагу пережитое, сейчасъ же охладѣвалъ къ сдѣланному и листокъ съ записью отправлялся не въ папку съ надписью — „законченныя произведенія“, а на рояль, подъ рояль, могъ завалиться куда ему угодно—Сацъ былъ уже равнодушенъ къ своей записи, жилъ уже новымъ, а написанное сохранялось семейными или близкими Сацу, если не пропадало безвозвратно...

Потомъ, когда вдругъ оказывалось, что денегъ нѣтъ, кругомъ долги, въ лавкѣ большой счетъ, Сацъ хваталъ первые попавшіеся листки и несъ, и продавалъ ихъ, какъ попало и кому попало, пока и тутъ не явились близкіе люди, которые сумѣли упорядочить эту сторону жизни.

Въ практической жизни, гдѣ надо было умѣть считать и соображаться съ дѣйствительностью, Сацъ является человѣкомъ внезапныхъ, неожиданныхъ рѣшеній и поступковъ, вытекающихъ вполнѣ естественно изъ его душевнаго склада, но плохо согласующихся съ общепринятыми нормами жизни. Ему ничего не стоило, напримѣръ, неся домой, гдѣ нѣтъ ни гроша, полученныя за работу деньги, по дорогѣ отдать ихъ нуждающемуся товарищу. Въ хорошій лѣтній день онъ вдругъ рѣшалъ, что надо собрать со всего двора дѣтей, покупалъ имъ билеты до Подсолнечной, садился съ ними въ поѣздъ и, прогулявъ въ лѣсу цѣлый день съ дѣтьми, не могущими выбраться изъ пыльнаго города, привозилъ ихъ вечеромъ домой.

Однажды въ сочельникъ, идя ко мнѣ съ дѣтьми на елку, онъ увидѣлъ конюха съ женой, тащившими за руки дѣвочку. Дѣвочка оглядывалась на освѣщенныя окна и кричала, упираясь ногами въ землю:

— Хочу на елку, елку хочу, елку!..

Сацъ остановился.

— Такъ ты хочешь на елку?

— Да, на елку!

— Ну, такъ и пойдемъ, мы тоже идемъ на елку.

И привелъ къ намъ и дѣвочку, и ея родителей. И какъ было весело въ этотъ вечеръ!

Иногда, я слышалъ, Саца подозрѣвали въ томъ, что его параллельныя квинты, его срывчатый ритмъ въ нѣкоторыхъ его работахъ, неожиданныя модуляціи, порой жесткія, порой вѣжныя, часто странныя по гармоніи, были чѣмъ-то нарочитымъ, притянутымъ для большей оригинальности.

Не вѣрно.

Это онъ самъ былъ такой, съ острыми, неожиданными поворотами души, въ соединеніи несоединимыхъ, неразрѣшенныхъ частей души. Онъ и жилъ такими же квартами и секундами и неожиданными модуляціями, какъ писалъ, а писалъ, какъ жилъ.

Онъ былъ цѣленъ до конца, до послѣдней минуты, этотъ остроугольный, неутомимый, бодрый, или впавшій въ отчаяніе, никогда не спавшій, всегда чѣмъ-нибудь увлеченный, нескладный, очаровательный Сацъ.

Онъ былъ настоящій музыкантъ, такъ какъ все, чѣмъ жила его душа, лучше всего можно было понять не изъ разговоровъ, не изъ поступковъ, а изъ музыки, которая была онъ самъ.

Какъ хотѣлось, чтобы Сацъ написалъ что-нибудь большое, отдѣльно отъ театра, совсѣмъ самостоятельное. Какъ часто ему говорили объ этомъ! Сацъ всегда отвѣчалъ:

— Не имѣю права. Лучше писать небольшое и быть въ немъ самимъ собою, чѣмъ тащить себя насильно на большое и тамъ потерять самого себя.

Но въ самое послѣднее время, Сацъ, встрѣчаясь со мной, радостно удивляясь самому себѣ, говорилъ таинственнымъ шопотомъ:

— Вы не знаете, до какой степени я сейчасъ занятъ интересной, большой работой. Я начинаю думать, чортъ возьми, что можетъ быть я могу написать, что-нибудь большое и интересное—ей Богу!

Онъ работалъ надъ большой ораторіей „Смерть“. И судьба, точно испугавшись, чтобы Сацъ не разгадалъ загадки, которую она поставила передъ человѣкомъ, порвала нить его жизни въ разгарѣ порывовъ вглубь, въ самого себя, порвала такъ неожиданно и странно, какъ неожиданно обрывается его бурное соло на рояли въ „Драмѣ жизни“...

Для полноты духовнаго облика покойнаго художника приведемъ въ заключеніе нѣсколько замѣтокъ изъ его записной книжки, помѣщенныхъ въ томъ же № журнала „Маски“. Замѣтки касаются еще неразгаданной человѣчествомъ тайны, тайны художественнаго творче-

ства. Въ устахъ Ильи Саца, художника, одержимаго мятежнымъ духомъ исканій, слова о тайнѣ творчества звучатъ особенно убѣдительно. Въ книжкѣ у себя онъ пишетъ:

„Случайность“ (если это не кривляніе) есть угаданный вѣковой, желѣзный законъ.

Когда напряженіемъ духа и воли приподымается завѣса тайны,—то это первое нечаянное свиданіе съ новымъ закономъ міра называется „случайностью“.

И это „непонятное“ глубже и подсознательнѣе понятнаго, точнѣе, единственнѣе, необходимѣе.

Въ этомъ выявленіи глубокаго, подсознательнаго, духовнаго процесса черезъ внѣшнія средства: слова, жесты, краски или звуки—и есть искусство.

Я всегда хотѣлъ понять, что это такое, какъ, почему приходитъ мнѣ такая музыкальная фраза, а не иная?

Иногда мнѣ кажется, что я просто дуракъ, или мошенникъ въ музыкѣ, что у меня нѣтъ никакого таланта.

И когда напишешь что-то, что похвалятъ, что имѣетъ успѣхъ, я всегда попадаюсь врасплохъ: когда же то? Почему это такъ?

У меня бываетъ, я знаю, я бы назвалъ это „безуміемъ ночи“, когда я подъ вліяніемъ мысли, которая меня преслѣдуетъ, упорно тяготитъ и которой я обычно не замѣчаю, вдругъ ясно реально услышу звуки и именно тѣ, а не иные.

Но вотъ я написалъ.

На утро поглядишь и подумаешь: что же тутъ?

Просто — не интересно.

Потомъ на репетиціяхъ, поддаваясь сонному чиновничьему отношенію утомленныхъ музыкантовъ, я просто перестаю что бы то ни было понимать.

Мнѣ просто гадко и стыдно до того, что я удерживаюсь, чтобы не порвать и не выкинуть все это къ чорту.

И подъ конецъ совершенно теряю чувство того, что написалъ.

Но инстинктивно, подсознательно я очевидно прочно знаю, чего хочу и потому мнѣ всегда удается зажечься самому и зажечь оркестръ и въ концѣ концовъ получается нѣчто цѣльное.

Но вотъ получился успѣхъ, и только когда мнѣ начинаютъ объяснять меня, тогда только я вспоминаю: „да вѣдь это я не просто такъ себѣ!“

Вѣдь въ „безуміи ночи“ я именно это и зналъ.

Я зналъ, но потомъ забылъ.

И все, что я пишу, глубоко сознательно. Это вовсе не такъ себѣ.

Я счастливъ, что еще не дошелъ до этого рабскаго состоянія угодливости передъ публикой.

Только лѣстецы могли сдѣлать музыку такой сладкой, преслѣдующей одни интервалы и изгоняющей другіе.

Поэтому диссонансы считались неприличными, невозможными, но въ концѣ концовъ я такъ чувствовалъ и не могъ писать иначе.“

Изъ покаяннаго письма Иліодора.

Беремъ изъ обширнаго письма бывшаго іеромонаха Иліодора (нынѣ—Василія Труфанова) заключительную его часть, какъ наиболѣе характерную, свидѣтельствующую о полномъ духовномъ перерожденіи его автора. Насколько искренень этотъ покаянный вопль Иліодора—пусть судитъ самъ читатель. Съ нашей точки зрѣнія—человѣческій документъ этотъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ глубокаго вниманія.

„Поруганіе правды, какъ тяжелый камень, надавило на меня, губку, и выдавило всю воду ученія и убѣжденій, которыя я воспринялъ когда-то отъ своихъ учителей. Пошелъ ураганъ сильный, могучій и однимъ бурнымъ дыханіемъ своимъ обратилъ въ жалкія развалины домъ души моей. Какая-то невидимая сила какъ будто бы взяла старые мозги мои, кровь мою, сердце мое, воду мою и дала мнѣ новые мозги, новую кровь, новое сердце, новую воду. Но случилось все это не мгновенно. Произошло это постепенно, въ теченіе 10 мѣсяцевъ, и мнѣ больно было переживать это перерожденіе. Мнѣ жалко было и старой мельницы, корабля, дома, мозговъ, крови. Мнѣ жалко было разставаться съ старымъ, прежнимъ Богомъ. Я плакалъ... Плакалъ слезами одного подвижника, который, когда молился Богу, то всегда представлялъ себѣ Бога въ образѣ человѣка. Однажды онъ по обычаю сталъ на молитву и не увидѣлъ человѣка-Бога. Онъ заплакалъ и сказалъ: „гдѣ же Богъ мой? куда Онъ дѣлся? кто Его отнялъ отъ меня?“. Такъ плакалъ и я. Теперь же я спокоенъ. У меня опять есть все. У меня опять мой Богъ. Все есть, но все это новое, истинное. По этому случаю, не могу не воскликнуть: „Благословеввa ты, темница моя, тѣсная, темвая. Въ тебѣ узрѣлъ свѣтъ истины. Благословенны вы, узы мои. Черезъ васъ спали узы съ души моей, мучительныя узы. Цѣлую грязные косяки темницы моей: они

были собесѣдниками моими, когда я, видя крушеніе старыхъ боговъ своихъ, прижимался къ нимъ, какъ дитя къ матери и орошалъ ихъ своими слезами.

Гнилые полы склепа моего, по которымъ я ходилъ въ минуты скорби и страданій духа, для меня теперь дороже малахита и ясписса. Желѣзныя рѣшетки оконъ тюрьмы моей, которыя меня прежде удручали своимъ непривѣтливымъ видомъ, теперь кажутся золотыми узорами, украшающими мое жилище. Благословенны вы всѣ, гнавшіе меня! Вы благодѣтели. Черезъ васъ я пришелъ къ вѣчной истинѣ, я сдружился съ нею, обвѣнчался съ нею. Когда я выйду изъ темницы на свободу, міръ, въ которомъ я жилъ 32 года и два мѣсяца, то выйду матеріально нищимъ, ибо я служилъ безкорыстно, расшаталъ только здоровье свое, истрепалъ нервы, испортилъ кровь, надорвалъ грудь и сердце, и ничего, ничего не приберегъ себѣ про червый, какъ говорятъ, день. Выйду, быть можетъ, совершенно одинокимъ, безъ дѣтей духовныхъ, безъ друзей, безъ знакомыхъ... Но это меня нисколько не удручаетъ. Готовъ и на голодную смерть, ибо со мной истина. Я истинный богачъ, нашедшій полное истинное сокровище.

Народъ израильскій! Свѣточъ міра! ты особенно прости меня. На тебя я всѣхъ больше нападалъ. Повѣрь мнѣ: крови твоей я никогда не хотѣлъ, но людей противъ тебя я настраивалъ. Прахъ убитыхъ во время погромовъ младенцевъ твоихъ мучитъ мою совѣсть. Прости меня, самый даровитый, самый блистательный народъ изъ всѣхъ народовъ. Искренне я о тебѣ до сихъ поръ заблуждался, искренне и каюсь. Ты разсѣянъ среди всего человѣчества для того, чтобы вести все человѣчество къ вѣчной истинѣ. Веди! тебѣ много дано, много и дѣлай.

Прости и ты меня, священный прахъ великаго... старца, великолѣпнаго и блистательнаго Льва! Безъ мѣры я издѣвался надъ тобою, какъ только могъ. Я старался въ глазахъ окружавшихъ меня, унизить тебя и обезславить твое ученіе. Тайный разумъ мой соглашался съ тобою почти во всемъ твоемъ право- и вѣро-ученіи, но явный разумъ возставалъ на тебя и понуждалъ меня бить тебя. Я билъ. И хотя мои удары не сокрушали и не уязвляли твоего величія, но я все же виноватъ тѣмъ, что черезъ нападки на тебя отводилъ народъ отъ святой истины дальше и дальше... Прости, прости меня... Путеводная звѣзда мятущагося и блуждающагося по ложнымъ путямъ человѣчества! утренняя зарница истинной, свободной русской жизни! веди людей къ вѣчному солнцу Правды и меня убогаго сопричисли къ созвѣздію, тебя окружающему. Былъ я Савломъ имени твоего, теперь же, если живъ останусь, стану Павломъ.

Если суждено мнѣ еще потрудиться въ Россіи, то постараюсь сколько возмогу, перекинуть вмѣстѣ съ другими учителями вѣчной истины мостъ черезъ бездну, раздѣляющую русскую интеллигенцію, уже пошедшую за тобою, и простой народъ... Вѣчная истина дала мнѣ три силы: слово, любовь и искренность. Въ вѣрѣ въ истину я средину не знаю. Если во что я вѣрую, то вѣрую безъ конца, полно, совершенно. Такова моя казацкая натура. Убѣдился давно, что слово, любовь и искренность—залогъ могущественнаго вліянія на каждаго человѣка въ отдѣльности и особенно на народныя массы. Въ удобное время я явлюсь на твою могилу и еще скажу: „прости, прости меня, вѣчно живой въ истинѣ своей, старче праведный и благодѣтель всего міра".

Послѣднее слово науки о зарожденіи жизни.

На вопросъ: какъ произошла жизнь на землѣ—наука, какъ извѣстно, выдвинула двѣ гипотезы: гипотезу панспермін и гипотезу самопроизвольнаго зарожденія. По существу, обѣ гипотезы не исключаютъ одна другую, но степень достовѣрности каждой изъ нихъ колеблется въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ завоеваній науки. П. Березинъ въ „Нов. Ж." (ноябрь) останавливаетъ вниманіе читателя на судьбѣ первой изъ названныхъ гипотезъ — гипотезѣ панспермін, къ которой въ настоящее время научная мысль, послѣ нѣкотораго охлажденія, проявляетъ особенную благосклонность.

„Гипотезу панспермін, — говоритъ онъ, — формулировалъ впервые Рихтеръ въ 1865 г., затѣмъ ее поддержалъ знаменитый англійскій физикъ лордъ Кельвинъ, новую силу придалъ ей высокій авторитетъ Гельмгольца. Въ сжатыхъ чертахъ гипотеза панспермін представляла въ то время слѣдующее содержаніе: метеориты, эти осколки мертвыхъ небесныхъ тѣлъ, попадаютъ на пути своего движенія въ сферу притяженія небеснаго тѣла, планеты или звѣзды, падаютъ на нее и приносятъ на ея поверхность зародыши существъ, которые не погибли въ короткое время разрушительнаго столкновенія, результатомъ котораго явились метеоритные осколки...

Въ этой простой формѣ гипотеза панспермiи вызывала, конечно, возраженiя, въ числѣ которыхъ самымъ убiйственнымъ для нея являлось указанiе на низкую температуру междупланетнаго пространства. Далѣе указывалось, что если уже простая, внезапная остановка движущейся земли должна привести всю ея массу не только въ расплавленное, но въ раскаленно-газовое состоянiе, то тѣмъ болѣе трудно допустить, чтобы энергiя движенiя, превращающаяся при столкновенiи двухъ небесныхъ тѣлъ въ теплоту, благодаря которой вещество ихъ накаляется до высокой температуры, позволило бы уцѣлѣть какому-либо существу. Такимъ образомъ, въ подобномъ видѣ оригинальная и красивая гипотеза представляла не болѣе, какъ игру ума, которую въ свое время смѣнило бы другое проявленiе его остроты, если бы новое движенiе, вложенное въ нее построенiями шведскаго ученаго Сванте Арревiуса, основанными имъ на послѣднихъ завоеванiяхъ физики, не вдохнуло въ безпочвенную гипотезу жизненность, которая придала ей большую степень вѣроятности.

Покойный московскiй профессоръ Лебедевъ доказалъ опытнымъ путемъ существованiе давленiя радiацiи, явленiя, принципъ котораго былъ теоретически обоснованъ Кларкъ Максвеллемъ. Всѣ тѣла испытывающiя на себѣ дѣйствiе лучей, въ частности свѣтовыхъ, подвергаются на своей поверхности ихъ давленiю, состоящему изъ безчисленнаго множества ничтожныхъ ударовъ или толчковъ, дѣйствующихъ въ направленiи свѣтового луча. Вычисленiя обнаруживаютъ, что въ непосредственной близости солнца радiацiонное давленiе испускаемыхъ имъ лучей достигаетъ постепенной величины 2 миллиграммовъ на каждый квадратный сантиметръ освѣщаемый поверхности, т. е. 20 килограммовъ на квадратный метръ. Съ увеличенiемъ разстоянiя, т. е. съ уменьшенiемъ напряженности свѣта, давленiе соотвѣтственно, конечно, падаетъ. По отношенiю къ крупнымъ окружающимъ насъ тѣламъ подобное давленiе свѣтовыхъ лучей на землѣ, конечно, ничтожно. Но значенiе его соотносительно возрастаетъ съ уменьшенiемъ тѣла—и при продолжающемся уменьшенiи размѣровъ тѣла давленiе радiацiи можетъ достигнуть величины, при которой оно уравновѣшиваетъ, а затѣмъ и перевѣшиваетъ дѣйствiе тяготѣнiя, т. е. ничтожныя тѣльца могутъ быть угоняемы отъ поверхности планеты и изъ ея атмосферы давленiемъ отраженныхъ солнечныхъ лучей, преодолѣвая силу тяжести или тяготѣнiе. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя. Дѣйствительно, всякiй, знакомый съ элементарной геометрiей и помнящiй формулы объема и поверхности шара, понимаетъ, что сила тяжести пропорцiональна массѣ тѣла и стоитъ въ зависимости отъ куба его радiуса, тогда какъ давленiе радiацiи, пропорцiональное поверхности тѣла, стоитъ въ такой же зависимости къ квадрата радiуса. Чѣмъ меньше размѣры тѣла, тѣмъ большее значенiе прiобрѣтаетъ его поверхность—и при дальнѣйшемъ уменьшенiи неизбѣжно наступаетъ моментъ, когда сила, дѣйствующая на массу, уравнивается силѣ, дѣйствующей на поверхность. Вычисленiя показываютъ, что подобное равновѣсiе этихъ силъ наступаетъ при размѣрѣ непрозрачнаго шарового тѣльца дiаметромъ въ 0,0015 миллиметра. Если размѣръ падаетъ ниже этого, наступаютъ условiя, при которыхъ давленiе свѣтовыхъ лучей отталкиваетъ тѣльце отъ притягивающей его, но свѣтящейся массы. Для крупинокъ дiаметромъ въ 0,00016 миллиметра давленiе радiацiи уже въ десять разъ больше силы притяженiя. Споры бактерiй достигаютъ этихъ ничтожныхъ размѣровъ. Принимая въ расчетъ малый удѣльный вѣсъ ихъ вещества, неудивительно, что одно сопротивленiе воздуха, дѣйствующее, когда эти ничтожныя тѣльца, плавая въ атмосферѣ, обнаруживаютъ стремленiе опускаться подъ дѣйствiемъ притяженiя, таково, что подобнаго размѣра крупинка опускается внизъ на сотню метровъ въ теченiе цѣлаго года и даже далѣе. Ничтожное дуновенiе взметаетъ ихъ высоко вверхъ и легко можетъ угнать въ высшiе горизонты атмосферы—на высоту 100 и болѣе километровъ.

Въ давленiи радiацiи наука обрѣтаетъ силу, антагонистическую притяженiю, способную въ извѣстныхъ условiяхъ преодолѣвать его, и для переноса жизнеспособныхъ мелкихъ тѣлецъ нѣтъ надобности прибѣгать къ сомнительному посредничеству метеоритовъ. Конечно, въ земной атмосферѣ сила радiацiи ничтожна и врядъ ли въ состоянiи выталкивать въ мiровое пространство попавшiе въ верхнiе слои атмосферы споры микроорганизмовъ. Но, по ученiю Сванте Арреніуса, въ помощь ей являются новыя силы.

Допустимъ, что микроорганическая спора поднята движенiемъ самой атмосферы, т. е. вѣтромъ, на 100 к.,—на высоту, на которой разыгрывается явленiе полярныхъ сiянiй. Какъ теперь признается наукой, полярныя сiянiя—эта цвѣтовая, нѣмая музыка полярныхъ странъ—производятся массами космической пыли, прибывающими въ земную атмосферу изъ небеснаго пространства, главнымъ образомъ — съ солнца.

Пыль заряжена отрицательно, и разрядъ ея въ разрѣженномъ слоѣ земной атмосферы вы-

зываетъ явленіе свѣченія послѣдней. Если въ этихъ условіяхъ наша спора отъ соприкосновенія съ пылью получитъ также отрицательный зарядъ, то она, въ силу взаимнаго отталкиванія двухъ сходно заряженныхъ тѣлъ, можетъ быть вытѣснена въ междузвѣздное пространство"...

И вотъ наша спора отправляется въ свой далекій путь. Путь этотъ она, однако, можетъ совершить и не въ одиночествѣ: въ міровомъ пространствѣ она можетъ встрѣтить и болѣе крупнаго по своимъ размѣрамъ спутника, прилѣпившись къ которому она можетъ путешествовать и быстрѣе и съ большею увѣренностью попасть въ сферу притяженія какого-нибудь мірового тѣла съ благопріятными условіями для ея развитія *). Но вотъ вопросъ: не разрушается ли жизнеспособность споры подъ дѣйствіемъ очень низкой температуры междузвѣзднаго пространства, времени и пр. неблагопріятныхъ условій ея путешествія?

На этотъ вопросъ наука отвѣчаетъ отрицательно.

„Однако, — продлжаетъ авторъ, — блестяще обосвованная Арреніусомъ гипотеза оказалась уязвимой, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Знаменитому ученому указали, что онъ забылъ объ убійственномъ дѣйствіи на живыя споры ультрафіолетовыхъ или химическихъ лучей. Дѣйствительно, подобное вліяніе ихъ имѣетъ мѣсто, и въ настоящее время техника стерилизаціи уже широко пользуется микробо-убійственнымъ свойствомъ этихъ лучей. Но, вѣдь, подобные лучи пронизываютъ вмѣстѣ съ другими небесное пространство. Не убиваютъ ли они наши блуждающія въ міровой пучинѣ споры, подавляя ихъ производительность навѣкъ?".

И на этотъ вопросъ, благодаря опытамъ Н. Беккереля и Ру, можно отвѣтить, если не вполнѣ, то въ значительной степени тоже отрицательно.

„Такимъ образомъ — заключаетъ г. Березинъ,—согласно широкой концепціи шведскаго ученаго, жизнь можетъ переноситься съ одной планеты на другую. Она блуждаетъ, отыскивая и находя въ концѣ концовъ благопріятное пристанище. Вещество низшихъ родоначальниковъ жизни состоитъ изъ непосредственныхъ соединеній углерода, водорода, азота и другихъ органогеновъ, и поэтому понятно, что безчисленныя вереницы произшедшихъ изъ подобнаго зародыша существъ упорно повторяютъ химическій составъ и структуру своего родоначальника. Если, такимъ образомъ, начало жизни, происхожденіе населяющихъ землю организмовъ можетъ быть перенесено съ земли въ нѣдра мірового пространства, въ глубь космическихъ временъ, то всѣ ухищренія открыть условія превращевія мертваго вещества въ живое тѣло здѣсь, въ земныхъ условіяхъ, могутъ быть оставлены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, время, въ теченіе котораго оживленіе существуетъ въ мірѣ, превосходя безмѣрно срокъ жизни нашей планеты, приближается къ вѣчности. Иными словами—время и мѣсто, гдѣ и когда неорганическая матерія сложилась въ живой организмъ, удаляются отъ насъ на совершенно недоступное разстояніе, и приходится, пожалуй, признать, что жизнь вѣчна, какъ вѣчны организованныя ею вещество и сила.

Далѣе, если допустима эта гипотеза трансляціи жизни съ одного мірового тѣла на другое, то вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ предположеніе о значительномъ сходствѣ между живыми существами, обитающими въ разныхъ стадіяхъ эволюціоннаго процесса въ безконечныхъ частяхъ вселенной, и наивны должны казаться фантазіи, надѣляющія, напримѣръ, „марсіянъ" формами и свойствами, совершенно отличными отъ тѣхъ, какія мы знаемъ для живыхъ существъ нашей земли".

*) Кстати здѣсь припомнить слѣдующія слова Старца Зосимы („Братья Карамазовы" Достоевскаго) о „Сѣменахъ жизни".

„Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и возростилъ садъ свой, и взошло все, что могло взойти, но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ"...

Отзывы о книгахъ.

290. [. . . . .] 017:792

„Библіотека В. В. Протопопова.— Театръ". Спб. 1912. Стр. 145. Ц. не обозначена.

Изданіе каталоговъ частныхъ книжныхъ собраній—большая у насъ рѣдкость; стали появляться такого рода изданія, которыхъ интересъ, и библіографическій, и библіофильскій, несомнѣненъ лишь въ самые послѣдніе годы. А для собраній спеціально театральныхъ каталогъ „Библіотека В. В. Протопопова" является первымъ русскимъ опытомъ. Театральная библіографія у насъ вообще въ полномъ загонѣ, описанія книгъ по этой области отсутствуютъ, и оріентироваться въ литературѣ по театру, несмотря на ея относительную скудость,—дѣло весьма трудное. Изданіе, выпущенное теперь г. П., драматургомъ и коллекціонеромъ, въ нѣкоторой мѣрѣ облегчитъ этотъ трудъ для занимающагося театромъ. Самая библіотека, хотя и не отличается особою полнотою, собрана со вниманіемъ и заботливостью, а каталогъ составленъ съ большою любовью и изданъ съ большимъ вкусомъ и нарядно. Библіофилъ будетъ съ признательнымъ къ составителю и издателю чувствомъ перелистывать пзящныя страницы этой любовно изданной книги, обильно иллюстрированной воспроизведеніями гравюръ изъ наиболѣе рѣдкихъ изданій, коллекцій и факсимиле объ имѣющихся въ ней рукописныхъ матеріаловъ. (*Н. Э. „Рус. Вѣд." 1912—292*).

Въ книгѣ перечисленно свыше двухъ тысячъ систематически подобранныхъ сочиненій, относящихся къ театру на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Исключительное богатство этой коллекціи вызываетъ удивленіе. Каталогъ можетъ служить превосходнымъ справочникомъ для лицъ, интересующихся театральнымъ искусствомъ. Въ приложеніи къ книгѣ имѣются очень хорошо исполненныя репродукціи съ рѣдкихъ рисунковъ и гравюръ, такъ, напримѣръ, снимокъ съ литографированной программы солдатскаго спектакля, устроеннаго французами при осадѣ Севастополя, портретъ И. С. Тургенева работы М. Микѣшина, съ автографомъ писателя и т. д. (*„Одесс. Листъ." 1912—256*).

291. Чеховъ, А. П. 081

Письма Т. П. Съ иллюстраціями. Изд. М. П. Чеховой. М. 1912. Стр. 452. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящій томъ вошли письма, относящіяся къ 1888—1889 годамъ. Это года выступленія Чехова на поприщѣ драматурга, и потому большая часть писемъ посвящена пьесѣ „Ивановъ" и „Лѣшій". Передъ читателемъ проходитъ длинная, большая, нервная работа Чехова надъ текстомъ пьесъ и надъ ихъ постановкой. Любопытны его волненія по поводу того, что „Ивановъ" вовсе не былъ понятъ не только публикой, но даже такими присяжными критиками, какъ А. С. Суворинъ. Самъ Ивановъ почему-то показался Суворину подлецомъ, и Чеховъ посвятилъ длинное письмо, разъясняющее суть пьесы. Интересъ тома сосредоточивается на перепискѣ Чехова съ Суворинымъ. Этихъ писемъ больше всего и они проливаютъ свѣтъ на отношенія этихъ двухъ писателей. Интересны также его письма къ Плещееву, Пл. Щеглову, Короленкѣ и другимъ. Большая часть писемъ, впрочемъ, появляется не впервые. Издатели хорошо сдѣлали, что иллюстрировали изданіе портретами и снимками разнаго рода мѣстностей. Ни не хорошо, что снимки эти плохи. И еще не хорошо, что они очень скупы на комментаріи. Въ письмахъ встрѣчается много именъ, которыя остаются безъ пояснительныхъ примѣчаній. Для теперешняго читателя многое понятно. Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и комментаріи будутъ далеко не излишни. Такія изданія печатаются не на одинъ день. (*—скій. „День" 1912—69*).

Второй томъ содержитъ чеховскую переписку лишь за два года, 1888 и 1889. Но въ эти годы А. П. Чеховъ переписывался особенно энергично и со своими родными, и съ литературными друзьями. За короткій двухлѣтній періодъ издательницѣ удалось собрать 247 писемъ, изъ которыхъ иныя очень обширны, занимаютъ иногда нѣсколько печатныхъ страницъ. Письма писаны 27-ми лицамъ. Частью эти письма уже публиковались въ журналахъ, въ двухъ сборникахъ чеховскихъ писемъ, изданныхъ г. Бочкаревымъ и г. Бендеромъ. Но въ этихъ сборникахъ письма печатались въ обрывкахъ, часто—отдѣльными клочками, а главное — безъ вѣрнаго указанія датъ. И это создавало, при пользованіи указаннымъ эпистолярнымъ матеріаломъ, большую путаницу. Къ тому приложены два указателя. Внѣшность изданія — прекрасная. Томъ иллюстрированъ нѣсколькими портретами Чехова поры 1888 и 1889 гг., снимками съ мѣстностей, о которыхъ говорятъ письма, факсимиле писемъ. (*Н. Э. „Рус. Вѣд." 1912—280*).

292/293. Толстой, Л. Н. 087

Сказки, басни и разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рис. художника В. А. Маныкина-Невструева. М. 1913. Стр. 278. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ. **Его же.** Дѣтство и отрочество. Рисунки художника А. П. Апсита. М. 1913. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, подъ ред. И. В. Тулупова („Русскіе писатели для дѣтей и юношества").

Еще много разъ будетъ переиздаваться для дѣтей великій писатель. Много поколѣній русскихъ дѣтей будетъ учиться у него родному слову и мудрости жизни. Толстовскія притчи, басни, сказки, разсказы, столь простые и столь мудрые, это—своеобразная жизненная энциклопедія, нашедшая свое воплощеніе въ яркихъ по своей правдивости образахъ, вполнѣ понятныхъ дѣтскому уму. Именно у Толстого ребенокъ можетъ

научиться величайшей тайнѣ,—творить правдиво и образно.

Въ первый сборникъ вошло большинство статеекъ и разсказовъ изъ первыхъ четырехъ книжекъ для дѣтскаго чтенія, пополненныхъ нѣкоторыми позднѣйшими разсказами („Большая Медвѣдица", „Ягоды" и др.). Во второй включены всѣ главы „Дѣтства и отрочества". Цѣнность и интересъ изданію придаютъ многочисленные рисунки, но далеко не всѣ изъ нихъ удачны: въ иныхъ совсѣмъ не схвачены характерныя движенія, въ другихъ странна и самая композиція, но есть и достаточно выразительные, соотвѣтствующіе эпической простотѣ толстовскаго творчества. И странно, что до сихъ поръ это творчество какъ-то мало вдохновляетъ художниковъ. А между тѣмъ это—задача поучительная и благодарная, почему и можно привѣтствовать этотъ починъ настоящаго изданія. (*И. Соловьевъ „Рус. Вѣд."* *1912—257*).

Превосходный подарокъ представляютъ толстовскія книги—„Сказки, басни и разсказы для маленькихъ дѣтей" и „Дѣтство и отрочество" (изд. т-ва И. Д. Сытина). Въ мастерствѣ пониманія дѣтской души Толстой безпримѣренъ. Онъ самъ учился у дѣтей, и оттого какой-нибудь разсказъ о „Мильтонѣ и Булькѣ" врѣзается въ память навсегда. Первая книга хорошо иллюстрирована рисунками Маныкина-Невструева, вторая—художникомъ Апситомъ. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл."* *1912—277*).

294. Сковорода, Г. С. 1:281.93.01

Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 1912. Стр. 542. Ц. 4 р.

Новое изданіе сочиненій украинскаго народнаго философа XVIII вѣка, выполненное извѣстнымъ изслѣдователемъ русскаго сектантства В. Бончъ-Бруевичемъ, выгодно отличается отъ прежнихъ,—напр., харьковскаго (1894), — какъ своей полнотой (опубликована полностью рукопись „Израильскій змій"), такъ и точностью текста. Редакторъ ознакомился со всѣми рукописными подлинниками и копіями сочиненій Сковороды, какіе только можно было достать въ различныхъ книго-хранилищахъ и частныхъ архивахъ, и, сличивъ съ ними изданіе 1894 г., обнаружилъ въ послѣднемъ значительные недостатки, пропуски, измѣненія. Въ первый томъ вошли оригинальныя прозаическія сочиненія Сковороды; къ нему приложена біографія Сковороды, составленная М. И. Ковалинскимъ, портретъ Сковороды. Многочисленныя замѣтки и примѣчанія редактора увеличиваютъ значеніе новаго изданія сочиненій Сковороды, въ которомъ г. Бончъ-Бруевичъ видитъ одного изъ главныхъ теоретиковъ русскихъ „духовныхъ христіанъ, талантливо изложившаго то, что говорилось и обсуждалось въ тайныхъ общинахъ народной массы. Что мысли Сковороды отвѣчаютъ религіознымъ запросамъ людей изъ народа, продолжаютъ быть притягательными для современныхъ намъ правдоискателей, подтверждаетъ тотъ фактъ, что г. Б.-Б. помогъ напечатать этотъ томъ „просто одѣтый, по виду крестьянинъ южныхъ губерній", служившій машинистомъ на жел. дорогѣ: узнавъ о предполагаемомъ изданіи сочиненій Сковороды, онъ прислалъ двѣ тысячи рублей, отцовскія сбереженія... (*Н. Бродскій. „Рус. Вѣд."* *1912—292*).

Изданіе изобилуетъ примѣчаніями редактора, объясняющими то или иное мѣсто текста или устанавливающими его связь съ ученіемъ „духовныхъ христіанъ". В. Д. Бончъ-Бруевичъ взялъ на себя редактированіе сочиненій С., главнымъ образомъ, потому, что считаетъ его духовнымъ представителемъ народнаго религіозно-общественнаго творчества, выразившаго въ такъ называемомъ, „хлыстовствѣ". (*И. Книжникъ. „Запр. Ж."* *1912—47*).

295. Успенскій, П. Д. 13

„Внутренній кругъ". О „послѣдней чертѣ" и о сверхчеловѣкѣ. Ц. 1 р. 20 к.

П. Д. Успенскій среди пишущихъ занимаетъ обособленное мѣсто. Его книги: „Четвертое измѣреніе", „Tertium organum", „Символы таро" сразу создали автору, если и не большую, то внимательную аудиторію. Автора интересуютъ вопросы прреальнаго существованія, „потусторонняго", все то, что не „Евклидова геометрія". Тема „четвертаго измѣренія" есть именно четвертое измѣреніе. Впрочемъ, авторъ разбираетъ вопросъ даже о пятомъ и шестомъ измѣреніи. Въ „Tertium organum" разбирается тайна пространства и времени, логика экстаза, мистическая теософія и пр. Глава, заканчивающая „Tertium organum", носитъ названіе „Рожденіе сверхчеловѣка". Новая же книга Успенскаго — „Внутренній кругъ"—какъ бы продолжаетъ эту тему „о сверхчеловѣкѣ". Впрочемъ, почти всѣ мысли автора такъ или иначе касаются „сверхчеловѣка". У. понимаетъ этотъ вопросъ по-своему: сверхчеловѣку доступна тайна природы, онъ слышитъ „голоса камней", онъ знаетъ, что время и пространство одно и то же; для него мораль—не внѣшне-обязательное начало, зачастую „обузное", а такая же неотъемлемая сущность, какъ способность дышать и наслаждаться. Мораль по У. связана съ космическими задачами вселенной, она краситъ жизнь, она — стержень ея... Быть можетъ, авторъ порою и услышитъ упреки въ парадоксальности, въ излишней популярности. Но за всѣмъ тѣмъ остается большая чуткость, умъ, начитанность, способность свободно разбираться въ рядѣ сложнѣйшихъ и труднѣйшихъ темъ и умѣніе простымъ доступнымъ языкомъ дѣлиться своими мыслями съ читателями.

А самое главное, что очаруетъ внимательнаго друга этихъ темъ — благородство и чистота, какими проникнуты книги У. За интересными темами и умными выкладками чувствуется прекрасное, горячее сердце, пульсъ котораго бьется въ каждой страницѣ. Это качество очень рѣдкое и умилительное, особенно въ наше сумеречное время, когда, точно кошки—„всѣ книги сѣры"... (*Д. „День"* *1912—76*).

Половина книги посвящена анализу послѣдняго романа Арцыбашева о самоубійцахъ,—трудъ, едва ли стоившій свѣчъ, ибо написанный на тезисъ малохудожественный романъ не даетъ достаточно устойчиваго матеріала для изслѣдователя.

Интереснѣе вторая лекція, гадающая фактически о томъ, чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть тотъ сверхчеловѣкъ, о которомъ мечтаетъ міръ, начиная отъ индійскихъ мистическихъ поэмъ и кончая сегодняшними выкриками модернистовъ. Успенскій помогаетъ разобраться въ этомъ пунктѣ своимъ большимъ философскимъ и мистическимъ опытомъ. Научно слабая сторо-

на его въ томъ, что свои доказательства онъ предлагаетъ не логически взять, а почувствовать. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1912—283*).

296. Фридманъ М., д-ръ. 158

Психологія ревности. К-но „Современныя проблемы“. М. 1913 г. Ц. 1 р.—Д-ръ М. Фридманъ. Психологія ревности „Универс. книгоизд.“, Л. А. Столяръ. М. 1913 г. Ц. 80 к.

Авторъ правильно отмѣчаетъ въ своемъ предисловіи, что до сихъ поръ человѣка изучали преимущественно съ интеллектуальной стороны. Что же касается области чувства, то она стояла у изслѣдователей сравнительно на заднемъ планѣ. Такое отношеніе къ чувствамъ, весомнѣнно, вредно отражалось не на одной только психологической наукѣ; работы соціологовъ, историковъ, юристовъ и моралистовъ очень выиграютъ, если въ ихъ распоряженіи окажется разработанная психологія чувствъ. Вся эволюція человѣческаго рода получитъ въ значительной степени иное освѣщеніе, если въ должной степени принято будетъ во вниманіе то огромное значеніе, которое всегда въ ней играло чувство въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Для этой цѣли необходимо разработать не только общую теорію чувства, но и теорію отдѣльныхъ страстей и чувствованій, и притомъ взять вопросъ не только съ связи съ психической жизнью современнаго культурнаго человѣка, но и въ историческомъ разрѣзѣ; вѣдь и характеръ чувствованій, и внѣшнія формы ихъ проявленія мѣняются по мѣрѣ культурной эволюціи человѣчества, и только съ этой точки зрѣнія можно понять многія загадочныя явленія исторіи. Д-ръ Ф. въ своей книгѣ подвергаетъ изученію чувство ревности не только въ смыслѣ половой ревности, но и въ другихъ формахъ ея проявленія, каковы, напр., ревность къ соперникамъ на какомъ-либо поприщѣ дѣятельности, ревность отдѣльныхъ партій и классовъ въ предѣлахъ одного и того же народа и ревность международная. Во всѣхъ случаяхъ въ основѣ чувства ревности лежитъ стремленіе человѣка проявить ту же дѣятельность, которой предается другое лицо, и устранить для этого препятствіе, возникающее именно въ лицѣ этого соперника. Возникая на почвѣ благороднаго стремленія къ соревнованію, ревность, при наличности постоянно дѣйствующихъ стимуловъ и недостаточной борьбы съ ней со стороны человѣка, можетъ превратиться въ опасную и мучительную страсть, разрушающую семейную жизнь, ведущую къ упорному непризнанію научныхъ открытій и эстетическихъ цѣнностей, вызывающую совершенно ненужныя и вредныя столкновенія между народами, классами общества и политическими партіями. Первымъ условіемъ борьбы съ такими вредными явленіями, конечно, въ этой области, какъ и повсюду, должно быть ихъ научное изученіе. Въ этомъ состоитъ практическое значеніе работы д-ра Ф. Конечно, во всей полнотѣ вопросъ здѣсь не разсмотрѣнъ; особенно много оставляютъ желать отдѣлы, посвященные ревности въ мірѣ животныхъ и исторической эволюціи ревности въ человѣческомъ мірѣ, но все-таки данную книгу слѣдуетъ привѣтствовать. Нельзя не пожалѣть, однако, что оба русскіе перевода оставляютъ желать весьма многаго и съ точки зрѣнія правильности и точности въ передачѣ нѣмецкаго текста, и съ точки зрѣнія чистоты и легкости русскаго языка; переводъ въ первомъ изъ поименованныхъ изданій все-таки нѣсколько лучше, чѣмъ во второмъ. (*В. Хвостовъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—286.*)

Донынѣ ревность изслѣдовали только въ патологическихъ ея проявленіяхъ. Этому виду ея авторъ посвящаетъ лишь одну главу своей книги, главная же часть ея занята анализомъ ея нормальныхъ психическихъ проявленій и причинъ, при чемъ изслѣдуется ревность въ мірѣ животныхъ и на различныхъ ступеняхъ исторіи культуры. Попутно авторъ даетъ опредѣленіе другихъ смежныхъ съ ревностью чувствъ, на основаніи трудовъ различныхъ психологовъ, и сопровождаетъ свое изложеніе многочисленными примѣрами изъ образцовъ литературы различныхъ странъ. По мнѣнію автора, ревность возможно искоренить посредствомъ цѣлесообразнаго педагогическаго и нравственнаго воздѣйствія. Чтеніе книги требуетъ нѣкоторой сосредоточенности, потому что написана она, несмотря на обиліе примѣровъ, довольно сухо и напоминаетъ нѣкоторыя университетскія диссертаціи по обилію цитатъ. (*К. К. „День“ 1912—69.*)

Книга Ф. „Психологія ревности“ разрабатываетъ любопытную тему, но она лишена строго научнаго духа и выдаетъ въ нѣмецкомъ авторѣ не слишкомъ много прирожденнаго вкуса. Ф. слѣдилъ это чувство во всѣхъ проявленіяхъ: у двухъ страстныхъ любовниковъ, у тещи, ревнующей дочь, въ политикѣ, въ спортѣ, у животныхъ, въ безумныхъ, болѣзненныхъ проявленіяхъ. Минуя классическое для русскихъ воплощеніе пытки ревности въ пушкинскомъ Сальери, Фридманъ ищетъ его въ художественныхъ созданіяхъ, въ столпахъ науки—Джіордано Бруно и Галилеѣ, въ Гейне, оклеветавшемъ Берне, въ великомъ Кювье, подавившемъ расцвѣтъ ученія Ламарка и т. д. (*А. Шумайковъ. „Рус. Сл.“ 1912—283.*)

297. Леви. П. 159

Раціональное воспитаніе воли. Практическое руководство къ духовному самолѣченію и самовоспитанію. Пер. съ 7 франц. изд. А. Е. Никифораки. Спб. 1912. Изд. О. Богдановой. Стр. 190. Ц. 1 р.

Живо и легко написанная книга П. Леви затрагиваетъ очень интересный вопросъ, именно о возможности примѣненія самовнушенія къ самовоспитанію и къ самолѣченію. Авторъ исходитъ изъ того вполнѣ правильнаго принципа, что психическое и физическое неразрывно слиты въ насъ и постоянно вліяютъ другъ на друга. Врачи недостаточно обращаютъ вниманія на ту громадную роль, какую играютъ психическіе факторы въ ходѣ различныхъ болѣзней. Надежда на благополучный исходъ заболѣванія даетъ организму новыя силы для борьбы съ этимъ заболѣваніемъ, въ то время какъ угнетенное состояніе духа можетъ только ухудшить положеніе больного и привести его къ печальному концу. Дѣйствіе лѣкарства основывается не только на немъ самомъ, а, главнымъ образомъ, на той вѣрѣ, которую питаетъ къ этому лѣкарству больной. Чудесныя исцѣленія, столь частыя у гробницъ святыхъ, прекрасно объяс-

няются дѣйствіемъ внушенія. Одной изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней нашего вѣка является слабость воли, которая требуетъ для своего излѣченія прежде всего психотерапіи, т. е. лѣченія съ помощью психическаго воздѣйствія—безразлично, будетъ ли послѣднее обусловливаться внушеніемъ, получаемымъ извнѣ, или самовнушеніемъ. Но внушеніе извнѣ предполагаетъ наличность опытнаго врача, между тѣмъ, какъ самовнушеніе доступно всякому сколько-нибудь интеллигентному человѣку. Мало того, внушеніе и самовнушеніе связаны между собой тѣснѣйшимъ образомъ: въ концѣ-концовъ внушеніе осуществляется только благодаря самовнушенію. Книга Л. и посвящена разработкѣ вопроса о практическомъ примѣненіи самовнушенія къ воспитанію воли и къ лѣчевію разнообразныхъ, болѣе или менѣе обыденныхъ болѣзней, напр., головной боли, безсонницы, запора, кашля и т. п. Этимъ опредѣляется ея значеніе. Нельзя сказать, чтобы примѣры, приводимые авторомъ, были всегда достаточно убѣдительны, но, во всякомъ случаѣ, его изложеніе заставляетъ задуматься надъ тѣмъ всеобъемлющимъ значеніемъ, которое имѣетъ внушеніе въ нашей жизни. Во множествѣ случаевъ книга Л. можетъ оказаться чрезвычайно полезной, такъ какъ она предлагаетъ, помимо теоретическаго обоснованія разсматриваемаго вопроса, драгоцѣнные практическіе совѣты. Основной законъ психотерапіи—всякая идея есть дѣйствіе въ зародышѣ,—будучи приложенъ къ повседневной жизни, въ состояніи дать крайне плодотворные результаты. Думается поэтому, что книга Л., благодаря ясности, увлекательности и доступности своего изложенія, найдетъ себѣ широкій кругъ читателей. Издана книга очень изящно, какъ большинство изданій О. Богдановой. (*А. Левоневскій „Рус. Шк.“ 1912—9*)

Авторъ доказываетъ, что изучая законы, руководящіе нашимъ духомъ, можно не только предохранить себя отъ разныхъ заболѣваній, но и достигнуть полнаго возстановленія здоровья, т. к. вліяніе духа на тѣло громадно, при чемъ необходима физическая и нравственная дисциплина, т. к. всякая идея есть начало дѣйствія и каждая мысль имѣетъ отзвукъ въ нашемъ организмѣ. Всякому извѣстно, что душевныя страданія часто ведутъ ко многимъ тяжкимъ заболѣваніямъ, по этому же закону и свѣтлыя эмоціи должны дѣйствовать возстановляюще... Цѣлая глава посвящена гигіенѣ духа. Книга интересна и читается легко. (*М. Ф. „Вѣст. Тсос.“ 1912—12.*)

Какъ въ первой такъ и во второй части очень много повторевій. Авторъ подходитъ къ своей темѣ, главнымъ образомъ, какъ врачъ и не возвышается надъ матеріалистической точкой зрѣнія въ данномъ вопросѣ. Принципіально, вопросъ о волѣ хотя и поставленъ, но освѣщенъ очень скудно. Судя по подзаголовку книги „Практическое руководство къ духовному самолѣченію и самовоспитанію“ книга имѣетъ педагогическія цѣли, но читатель врядъ ли вынесетъ имъ нея дѣйствительно полезныя свѣдѣнія, кромѣ разсказа о нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, которыя могли произойти въ одномъ случаѣ, но не повторяются при другихъ. Написана книга очень скучно. (*К. „Рѣчь“ 1912—339.*)

298. Каптеревъ, Н. Ѳ., проф. 281.93.01

Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Изд. 2-е. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. 271. Ц. 2 р.

Наконецъ-то эта талантливая книга опять станетъ общедоступной. До сихъ поръ она, какъ и другія вещи проф. К., была библіографической рѣдкостью и достать ее можно было лишь случайно, притомъ за большія деньги. Это трудъ, которымъ дорожитъ каждый спеціалистъ по исторіи раскола, но онъ имѣетъ также и большой общественный интересъ. Борьба Никона съ старообрядчествомъ, отличавшаяся большой страстностью, въ культурной жизни страны оставила послѣ себя большой слѣдъ. Проф. К. не просто спеціалистъ, а талантливый, притомъ безпристрастный изслѣдователь. Онъ собралъ много интереснаго матеріала, сдѣлалъ много интересныхъ сопоставленій и сумѣлъ это передать въ живой, интересной формѣ. Впрочемъ, всѣ эти достоинства трудовъ К. общеизвѣстны. Большой интересъ представляетъ также полемика К. съ спеціалистомъ по расколу, только другого типа, г. Субботинымъ, присоединенная издателями къ настоящему тому. (*Б. „День“ 1912—69*).

Нельзя не поблагодарить почтеннаго профессора Н. Ѳ. Каптерева за то, что онъ 25-лѣтній юбилей одной изъ лучшихъ своихъ книгъ рѣшилъ ознаменовать ея вторымъ изданіемъ.

Главная историческая заслуга этой книги, какъ и монографія академика Е. Голубинскаго „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“ (1892 г.) въ томъ, что онѣ безповоротно осудили старые, некрасивые пріемы нашей казенно-миссіонерской борьбы со старообрядчествомъ, основанной на ложномъ охудшеніи древняго обряда, и указала новые пути—разумно-просвѣщеннаго отношенія къ нему. (*Прив.-доц. А. Покровскій. „У. Рос.“ 1912—283*).

* **Сковорода, Г. С.** 281.93.01:1.

См. пор. № 294.

299. Перцовъ, П. 323.1.

Панруссизмъ или панславизмъ? М. 1913. Ц. 50 к.

Настоящая книга представляетъ собой рядъ статей, объединенныхъ общей идеей; эта идея—панславизмъ. Авторъ полагаетъ, что славянофильство, будучи оригинальнымъ философскимъ теченіемъ (особенно въ гносеологіи, гдѣ оно представляетъ собою яркій протестъ противъ западно-европейскаго отвлеченнаго логизма), практически, и особенно для нашего времени, несостоятельно. Оно хотѣло осуществить идею всеславянства, какъ только русскую идею: въ элементы „культурнаго содержанія будущаго всеславянскаго организма славянофильство вкладывало элементы исключительно русскіе. И даже болѣе того—„истинно-русскіе“ (стр. 7), такимъ образомъ, идея всеславянства получала формулу панруссизма, часто дурного тона. Противъ этой утопической части славянофильскаго теченія русской мысли г. П. выдвигаетъ новославизмъ, какъ политическій реализмъ. Это практическое движеніе славянства выдвигаетъ тотъ реальный фактъ, что въ вопросѣ всеславянства мы имѣемъ наряду съ Россіей въ ея составѣ „крупныя (славянскія) величины съ иной религіозной и политической исторіей, чѣмъ Россія,—просто, съ другой психологіей, и эти слагаемыя

общей суммы мы должны брать въ полномъ ихъ значеніи, если хотимъ, чтобы итогъ не остался фикціей" (стр. 9). Такимъ образомъ, осуществленіе общеславянской культуры можетъ дать „только равнодѣйствующая всѣхъ частныхъ (славянскихъ) культуръ и психологій, впадающихъ въ общее русло" (тамъ же). Вотъ это-то обстоятельство и упускали славянофилы. Эта книжка г. П. какъ разъ ко времени. Идея всеславянства, дорогая всякому русскому сердцу, получила какъ бы внутренній подъемъ, особенно въ наши дни, когда мы являемся свидѣтелями того героизма и жизнеспособности славянскаго духа, какіе проявили передъ лицомъ всего міра наши братья-славяне, доблестно борющіеся за свою свободу и независимость.

Кромѣ этой свѣтлой идейности настоящей книги г. П., мы не можемъ не отмѣтить ея литературной талантливости. Литературная талантливость должна быть присуща всякой книгѣ: безъ нея даже самыя свѣтлыя идеи выступаютъ какъ бы лишенныя крыльевъ. У книги г. П. есть эти крылья. (*К. „Изв. Обозр. Гол. М." 1912*).

300. Данскій, Б. Г. 331(47)

Страхованіе рабочихъ. (Существенныя черты новыхъ страховыхъ законовъ. Какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ они могутъ быть использованы въ интересахъ рабочаго класса). Съ приложеніемъ полнаго текста страховыхъ законовъ 23 іюня 1912 г. Спб. 1912. Стр. 120. Ц. 20 к.

Книжка г. Д. оставляетъ какое-то смутное впечатлѣніе—все въ ней фрагментарно: вмѣсто связнаго, логически развивающагося изложенія читатель наталкивается на отрывочныя мысли, необоснованныя положенія. Автора спасаетъ только то, что его работа—первый критическій комментарій къ законамъ 23 іюня, написанный съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ. Бросивъ нѣсколько мыслей о томъ, чѣмъ должно быть вообще и чѣмъ является соціальное страхованіе, указавъ, что законы 23 іюня 1912 г. должны быть замѣнены новыми законами, болѣе считающимися съ интересами рабочихъ, г. Д. на 20-ти стр. даетъ изложеніе самихъ законовъ (всѣхъ четырехъ), сопровождая его критическими замѣчаніями и указаніемъ тѣхъ уязвимыхъ мѣстъ въ законѣ, которыми смогутъ воспользоваться рабочіе въ своихъ интересахъ. Болѣе выпукло эти уязвимыя мѣста подчеркнуты въ послѣдующемъ „обзорѣ законовъ", которымъ и исчерпывается содержаніе книжки, если не считать текста самихъ законовъ, которому отведено больше половины ея. Пока рабочая „страховая" литература еще въ зачаточномъ состояніи, работа г. Д. сослужитъ свою службу. Ее нельзя не привѣтствовать, какъ первую ласточку. (*В. Е. „Совр. М." 1912—11*).

Очень полезное изданіе. Страховые законы, созданные третьей Думой и составляющіе предметъ ея гордости, на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, полны недоразумѣній, недомолвокъ и прямыхъ невыгодъ для рабочихъ. При осуществленіи этихъ законовъ на практикѣ, редактированіи уставовъ и пр.—необходимо очень осторожное и бдительное отношеніе ко многимъ пунктамъ. Брошюра г. Д. разъяснитъ эти подводные камни для рабочаго класса. (*„Совр. Сл." 1912—1749*).

Г. Д. популярнымъ языкомъ излагаетъ какъ существующіе виды страхованія рабочихъ на Западѣ и въ Россіи, такъ и то, въ какой мѣрѣ новые законы могутъ быть использованы въ интересахъ рабочаго класса. (*„Алт. Дѣло" 1912—17*).

301. [. . . . .] 342.7(47)

Свобода печати при обновленномъ строѣ. Сборникъ статей. Спб. 1912. Стр. 244. Ц. 1 р. 25 к.

Выяснить правовое положеніе нашей печати, начиная съ поворотнаго 1905 г., указать сложныя сплетенія административныхъ и судебныхъ воздѣйствій, которыя ей приходится испытывать, и подчеркнуть всю тяжесть и ненормальность существующаго положенія — такова непосредственная задача новаго сборника, изданнаго группою литераторовъ и ученыхъ, стоявшихъ близко къ спб. Литературному О-ву. Ближайшимъ поводомъ къ осуществленію ея послужила предпринятая въ 1909—10 г. анкета о правовомъ положеніи печати, давшая въ распоряженіе Литер. О-ва хотя и весьма неполные, но все же характерные матеріалы. Съ того времени само Литер. О-во было закрыто администраціей; скончался и предсѣдатель его Н. Ф. Анненскій, свѣтлой памяти котораго посвящена настоящая книга. Оставшіеся отъ анкеты матеріалы были разработаны нѣсколькими авторами. Къ нимъ присоединены отдѣльныя статьи, уже и ранѣе появлявшіяся въ печати, но тѣсно соприкасающіяся съ первыми по содержанію. Несмотря на нѣкоторую неоднородность разработки, сборникъ въ общемъ производитъ цѣлостное впечатлѣніе. Онъ открывается обстоятельной статьей В. Д. Набокова „Къ исторіи обновленнаго законодательства о печати", посвященной обзору и критикѣ трудовъ „особаго совѣщанія для составленія новаго устава о печати", засѣдавшаго въ 1905 г. подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Авторъ даетъ здѣсь не только изложеніе трудовъ комиссіи, но и мѣткую ихъ критику, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ органическія причины постигшей ихъ полной неудачи. Положенію печати въ 1905 г. посвящена статья М. Ганфмана: „Явочный періодъ свободы столичной печати". Въ тщательно составленныхъ очеркахъ г. Г. напоминаетъ читателю наиболѣе бурную полосу жизни столичной печати и въ частности дѣятельность спб. союза въ защиту свободы печати. Онъ показываетъ, что приписываемые позднѣе печати эксцессы этого времени явились только отраженіемъ настроенія эпохи, а „явочный порядокъ"—мѣрой обороны печати противъ юридически неотмѣненныхъ старыхъ правилъ. Впервые печатающаяся въ сборникѣ статья А. Горбунова „Дѣйствующее законодательство о печати" даетъ изложеніе въ популярной формѣ правилъ о періодическихъ изданіяхъ 24 ноября 1905 г. и правилъ 26 апрѣля 1906 г. о печати непериодической въ связи съ послѣдующими новеллами. Она затрагиваетъ кратко и постановку судебной отвѣтственности печати. Въ общемъ авторъ приходитъ къ заключенію о томъ, что наше законодательство о печати стоитъ въ противорѣчіи съ принципіальнымъ признаніемъ свободы печати въ основныхъ законахъ и нисколько не ограждаетъ печать отъ „скорпіоновъ"

администраціи. Очеркъ гр. П. М. Толстого „Обязательныя постановленія о печати въ порядкѣ охраны“ представляетъ собою переработку статьи автора „Ограниченіе свободы печати обязательными постановленіями“. Авторъ въ новой переработкѣ нѣсколько сократилъ отдѣлъ, посвященный анализу принципіальнаго права администраціи издавать обязательныя постановленія касательно печати, и, наоборотъ, значительно развилъ отдѣлъ, дающій иллюстраціи самостоятельнаго „законодательнаго“ творчества мѣстной администраціи въ этой области. Въ прекрасно написанной, хотя и не столь богатой фактическими матеріалами статьѣ С. П. Ордынскаго—„Печать и судъ“, читатель найдетъ характеристику современныхъ процессовъ по дѣламъ печати. Авторъ посильно отвѣчаетъ на вопросъ, за что происходили преслѣдованія печати въ періодъ 1907—11 гг. Рядъ приведенныхъ имъ судебныхъ рѣшеній даетъ поистинѣ печальную картину произвола, царящаго въ этой области. Путемъ отдѣльныхъ примѣровъ онъ показываетъ также, въ какомъ противорѣчіи со справедливостью стоитъ наблюдавшееся въ послѣдніе два-три года привлеченіе къ суду авторовъ и издателей произведеній, относящихся къ 1906 г., когда общество вѣрило въ то, что архаическіе законы о печати потеряли свою силу. Внимательная работа Викт. Обнинскаго освѣщаетъ бытовое положеніе нашей печати въ ея отношеніяхъ къ администраціи. Авторъ воспользовался матеріалами, собранными анкетою Литер. О-ва, для того, чтобы иллюстрировать всѣ тѣ способы, которыми послѣ отмѣны цензуры печать, въ особенности провинціальная, „приводится къ послушанію и смиренію“; наряду съ „домашними“ способами довольно обстоятельно разслѣдуется и практика обязательныхъ постановленій. Наконецъ, В. Розенбергъ подводитъ „Нѣсколько цыфровыхъ итоговъ“ современному положенію печати. Онъ опровергаетъ оптимистическую статистику главнаго управленія по дѣламъ печати относительно роста у насъ числа періодическихъ органовъ за послѣдніе годы; даетъ сводку прекращенныхъ и пріостановленныхъ администраціей періодическихъ изданій и конфискованныхъ книгъ и, наконецъ, приводитъ нѣсколько цыфровыхъ подсчетовъ относительно штрафовъ и судебныхъ преслѣдованій печати. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сборника. Заключающійся въ немъ матеріалъ едва ли представитъ интересъ новизны для всякаго, кто слѣдилъ за общественною жизнью послѣднихъ лѣтъ. Но сведенный вмѣстѣ, изложенный на краснорѣчивомъ языкѣ цыфръ и официальныхъ актовъ, разработанный въ извѣстной системѣ, онъ несомнѣнно дастъ яркую и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безотрадную картину, которую не безъ справедливости нѣкоторые изъ авторовъ сборника называютъ „мартирологомъ“. Но сборникъ этотъ не есть только памятникъ переживаемой нами эпохи. Сквозь грустные тоны окружающей жизни проходятъ и бодрящія ноты надежды на скорое лучшее будущее. (*И. Л. „Журн. Угол. Права и Проц.“. 1912—4*).

Грустной проніей звучитъ самое заглавіе этой интересной и поучительной книги. Съ строемъ, обновленнымъ больше по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, насѣоящая свобода печати оказалась несовмѣстимой. Противоположность между закономъ и дѣйствительностью, существовавшая и прежде, достигла крайнихъ предѣловъ. Поистинѣ удручающее впечатлѣніе производятъ тѣ главы книги, въ которыхъ говорится о содержаніи и примѣненіи обязательныхъ постановленій, направленныхъ противъ печати. (*„В. Евр.“ 1912—11*).

Печальной проніей звучатъ слова заглавія. Познакомьтесь съ содержаніемъ книги и вы увидите, что надо подразумѣвать подъ нашей „свободой печати“, въ какую форму вылились тѣ надежды, которыя были связаны съ провозглашеніемъ „дѣйствительныхъ началъ гражданской свободы“ 17 октября 1905 года. Книга-сборникъ состоитъ изъ статей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и дающихъ послѣдовательную исторію положенія нашей печати отъ учрежденія комиссіи Кобеко до послѣднихъ дней.

Положеніе печати сейчасъ нисколько не лучше, а даже хуже того, чѣмъ оно было до 1905 года, хуже потому, что печать не можетъ отвѣчать на требованія читателя въ такой мѣрѣ, какъ отвѣчала въ „дообновленный“ періодъ. Сравнивать положеніе печати нельзя только на основаніи того, что есть предметы, о которыхъ печать можетъ говорить теперь, тогда какъ прежде о нихъ принуждена была молчать; нельзя также на основаніи того, что рѣзкость сужденій по нѣкоторымъ вопросамъ теперь возможна большая, чѣмъ прежде. Можно измѣрять свободу печати лишь степенью удовлетворенности читателей, поставленныхъ въ иныя условія жизни. Читатель выросъ; онъ какъ-ни-какъ живетъ въ представительномъ строѣ, при существованіи свободной трибуны; онъ требуетъ и отъ печати не эзоповскаго, а гражданскаго языка. Печать, не могущая отвѣчать на его требованіе,—печать рабская, и положеніе ея—положеніе жалкое. Сборникъ, о которомъ мы говоримъ, разъясняетъ это въ достаточной мѣрѣ. Какъ отчетъ о внѣшнемъ положеніи печати, онъ, можно сказать, исчерпываетъ въ короткой формѣ свою задачу. Но если бы представилась возможность продолженія сборника, оно должно было бы поставить передъ собой другую задачу — найти въ самомъ содержаніи печати дискредитированіе тѣхъ мѣръ, которыя противъ нея принимаются. Слѣдующій сборникъ долженъ показать, что достигается современными карами. Дѣйствительно ли „излишества“ печати становятся невозможными? Какое на самомъ дѣлѣ уродованіе человѣческой мысли и чувства получается при этомъ, въ какую сторону принудительно направляются они, какой пышный цвѣтникъ дѣйствительной разнузданности получается тамъ, гдѣ принятыми мѣрами желаютъ воспитать лишь кроткій и незлобивый „простой цвѣточекъ дикій“. (*Игнатовъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—226*).

Прочитавъ всю книгу, получается тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное чувство. Тяжелое потому, что судьба русскаго печатнаго слова—это сплошная трагедія. Отрадное же является слѣдствіемъ гордаго сознанія, что всѣ скорпіоны не убили русской печати и не могли вытравить той искры, которая при первой возможности всегда превращается въ яркое пламя, освѣщающее мракъ нашей жизни. И вѣрится, что мощное русское слово пробьетъ себѣ дорогу къ свободѣ безъ кавычекъ. Хорошая книга „Свобода печати при обновленномъ строѣ“, и болѣе чѣмъ желательно ея широкое распространеніе. (*И. П. „Утро“ 1912—1764*).

302. Мишле, Ж. 398.3

Вѣдьма. Пер. съ франц. подъ ред. В. Фриче. Изд. „Современ. Проблемъ". М. 1912. Ц. 2 р.

Вопросъ о вѣдьмахъ и вѣдовствѣ въ средніе вѣка не разъ привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ западной литературѣ ему посвящены научные труды Рицлера и Бухвальда, Янсенъ-Пастора и Бэссака, Гансена и Дифенбаха, Зольданъ-Геппе и многихъ другихъ. Русская литература по этому предмету несравненно менѣе богата. Кромѣ данныхъ, содержащихся въ такихъ переводныхъ трудахъ, какъ „Исторія раціонализма" Лекки, „Исторія инквизаціи" Ли и „Исторія суевѣрія и волшебства" Леманна, нашему читателю приходилось до послѣдняго времени довольствоваться устарѣлой работой Канторовича („Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ") или недавно, сравнительно, вышедшими очерками г. Сперанскаго („Вѣдьмы и вѣдовство"). Изданіе знаменитой книги Мишле „La Sorcière" въ русскомъ переводѣ является чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы. Методъ М., по преимуществу, художественно-синтетическій, но поразительная вѣрность его интуиціи помогаетъ ему угадывать истину тамъ, гдѣ другимъ она дается лишь въ результатѣ упорнаго и кропотливаго анализа. Вотъ почему картины, набросанныя его геніальной кистью, захватываютъ и потрясаютъ насъ донынѣ съ такой силой. Несомнѣнно, что онѣ даютъ удовлетвореніе не только непосредственному чувству, но и самой пытливой любознательности.

Этого мало. Въ качествѣ убѣжденнаго народника, М. разсматриваетъ вѣдовство, какъ своеобразный феноменъ массовой психологіи. Въ его изображеніи это чудовищное порожденіе средневѣковья оказывается дѣтищемъ угнетеннаго народа, который взлелѣялъ въ немъ свое отчаяніе и гнѣвъ, свою месть и мечты о лучшей долѣ. Правда, намъ извѣстно въ настоящее время, что эпидеміи вѣдовства во многихъ случаяхъ создавались искусственно. Очень часто имъ содѣйствовали сами духовныя и свѣтскія власти, заинтересованныя въ конфискаціи имущества осужденныхъ; нерѣдко того же достигали и частныя лица, стремившіяся посредствомъ доноса инквизиціи свести личные счеты со своими врагами. И все же основной тезисъ М. заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Отвергнуть его—значитъ разрушить фундаментъ, на которомъ должно покоиться научное объясненіе средневѣковаго вѣдовства. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что новое изданіе найдетъ себѣ широкое распространеніе среди читателей. Нельзя не пожалѣть, однако, что книга Мишле, которую Сеайль правильно сравниваетъ съ поэмой, появляется у насъ въ самомъ плачевномъ переводѣ. На каждой страницѣ русскаго изданія бросаются въ глаза непростительныя погрѣшности языка. (*В. п. Потемкинъ* „*У. Рос.*" *1912—289*).

303. [. . . . .] 5(05)

„Природа" ежемѣсячный популярный, естественно-историч. журналъ для самообразованія. Подъ ред. проф. В. А. Вагнера и проф. Л. В. Писаржевскаго. М. 1912 г. Ц. 4 р. въ годъ.

„Русскій пишетъ въ природѣ болѣе глубокаго смысла, ея философіи, онъ подходитъ къ ней критически, глубоко и осмысленно. Эта особенность русскаго міросозерцанія находитъ себѣ яркое отраженіе въ журналѣ „*Природа*". Выдвигая на первый планъ философію природы и общія законности ея явленій, журналъ не замыкается въ узкотеоретическое изложеніе современныхъ научныхъ теченій, но въ простой и по возможности доступной формѣ пытается ввести читателя въ тѣ кросоты научной мысли и научныхъ обобщеній, которыя вырисовываются на фонѣ современнаго естествознанія. Сравнительно меньше мѣста отведено статьямъ описательнаго характера; цѣлые отдѣлы въ каждомъ номерѣ посвящены научнымъ новостямъ, мелкимъ замѣткамъ по отдѣльнымъ вопросамъ естествознанія, краткимъ астрономическимъ и метеорологическимъ наблюденіямъ. Журналъ долженъ дать натуралисту, оторванному отъ жизни университетовъ, ту связь съ научной мыслью, которая такъ легко теряется въ глуши провинціи; онъ долженъ дать каждому любителю природы то теоретическое объясненіе явленій, безъ которыхъ окружающая его природа мертва и непонятна; онъ долженъ дать учащейся молодежи ту красоту научной мысли и научныхъ обобщеній, которыя такъ подымаютъ и облагораживаютъ человѣка; онъ долженъ дать также и спеціалисту отдѣльныя странички изъ философіи науки. Трудна задача такого журнала и не сразу она достигается. Но въ общемъ въ вышедшихъ книжкахъ уже обрисовывается это общее направленіе Журналъ „*Природа*" несомнѣнно начинаетъ большое дѣло, онъ идетъ на встрѣчу давно назрѣвшей въ обществѣ потребности, пытается укрѣпить и внести ту любовь къ природѣ, отъ которой, по словамъ поэта, легче жить!

Нельзя не пожелать журналу большого распространенія (*А. Е. Ферсманъ*. „*Р. М.*" *1912—12*).

304. Таннери, Жюль. 511(07)

Курсъ теоретической и практической ариѳметики. Перев. съ послѣдняго французскаго изданія А. А. Котляревскаго, подъ ред. Д. Л. Волковскаго. М. 1913. Ц. 2 р. 60 к.

Во Франціи подъ редакціей извѣстнаго геометра Дарбу вышла цѣлая серія математическихъ учебниковъ, получившихъ широкое распространеніе не только у себя на родинѣ, но и за границей; вышеназванная книга является русскимъ переводомъ учебника ариѳметики изъ этой серіи. Ариѳметика Таннери даетъ обильный и чрезвычайно разнообразный матеріалъ: здѣсь, кромѣ общеизвѣстныхъ отдѣловъ теоретической и практической ариѳметики, читатель найдетъ изложеніе теоріи ирраціональнаго числа по Дедекинду, понятіе о предѣлахъ, „Комплексахъ" (ensembles), начало теоріи чиселъ. Но не всѣ отдѣлы равноцѣнны; поэтому редактору русскаго перевода, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы болѣе критически отнестись къ матеріалу, предлагаемому французскимъ авторомъ: нѣкоторыя главы совсѣмъ выкинуть, а нѣкоторыя значительно сократить. Что касается перевода, то здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, зачѣмъ понадобилось вводить взамѣнъ установившихся въ русской математической литературѣ терминовъ новые въ родѣ: естественное число, естественный рядъ чиселъ, простой интересъ, сложные

интересы. Встрѣчаются выраженія неясныя и неточныя. (*А. Игнатовъ.* „*Рус. Вѣд.*“ *1912—280*).

305. Цингеръ, А. В. 53(075)

Задачи и вопросы по физикѣ. М. 1912. Ц. 1 р. 40 к.

Обычные задачники по физикѣ имѣютъ въ виду усвоеніе формулъ, выражающихъ законы физическихъ явленій: требуется правильное составленіе уравненія, изъ котораго должно быть найдено нѣкоторое искомое. Навыки, пріобрѣтаемые учащимися, мало отличаются отъ тѣхъ, которые вырабатываются рѣшеніемъ алгебраическихъ и ариѳметическихъ задачъ. Конструкція задачи приспособлялась къ той формулѣ, которая должна была примѣняться въ данномъ случаѣ. Передъ мыслью учащагося не проходила реальная, дѣйствительная природа съ ея загадками, а выдуманная, спеціально созданная примѣнительно къ школьнымъ программамъ.

Но глубоко различіе между усвоеніемъ формулы и пониманіемъ законовъ и явленій природы. Раскрывая задачникъ г. Ц., вы чувствуете, что входите не въ лѣсной сушнякъ, а въ живую природу, требующую отклика не только отъ вашихъ чувствъ, но и отъ вашей мысли,—отклика связнаго, перебрасывающаго мысль отъ одного явленія къ другому, отъ растущаго лѣса къ солнцу, давшему ему ростъ. Природа, изображаемая Ц., наводитъ вашъ умъ на оцѣнку ея даровъ и степени ихъ использованія и растраты какъ въ ея жизни, такъ и въ трудахъ человѣка. Умъ пріучается отличать въ явленіи существенное отъ несущественнаго и искать причины неудачъ человѣческой изобрѣтательности не въ техническихъ недостаткахъ, а въ несоотвѣтствіи основной идеи законамъ природы. Канвой для задачъ, сюда относящихся, какъ, напримѣръ, въ машинахъ вѣчнаго движенія, послужили реальные факты. Въ задачникѣ отведено достаточно мѣста и для карандаша и для расчета. Но въ немъ учащійся находитъ прекрасную подготовку къ переходу не только въ лабораторію практическихъ упражненій по физикѣ, но и въ природу, т.-е. въ ту область, въ которой требуется иниціатива въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ. Начала лабораторныхъ навыковъ въ измѣреніи, сравненіи, пользованіи таблицами положены уже въ книгѣ. Она даетъ понятіе и о примѣненіи физическаго знанія къ обширному кругу явленій, которыя цѣликомъ еще не могутъ быть имъ охвачены, и выводитъ учащагося за предѣлы того учебника, по которому онъ проходилъ физику. Изящно изданная книга, привлекательная своею свѣжестью и оригинальностью, будетъ полезна и преподавателю, который найдетъ въ ней указанія на пріемы, подымающіе умъ ученика до пониманія смысла законовъ природы и ея явленій, недостижимаго однимъ рѣшеніемъ хитроумно составленныхъ задачъ. (*Н. Умовъ.* „*У. Рос.*“ *1912—289*).

До сего времени у насъ въ Россіи не было сколько-нибудь удовлетворительныхъ сборниковъ задачъ по физикѣ, въ особенности для средней школы, и книга г. Ц. предназначена для того, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ. Задача, поставленная Ц., выполнена имъ мастерски. Внимательный просмотръ книги убѣждаетъ, что для всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики имѣется рядъ прекрасно задуманныхъ задачъ, и вопросы, сопровождающіе числовые примѣры, позволяютъ ученику лучше вдуматься въ изучаемые законы. Нѣкоторыя изъ задачъ, предложенныхъ Ц., требуютъ для своего разрѣшенія несложныхъ измѣреній и вводятъ, такимъ образомъ, ученика въ кругъ простѣйшихъ физическихъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что не только учащіеся, но и преподаватели съ пользой для себя просмотрятъ этотъ задачникъ. Появленіе книги Ц. можно горячо привѣтствовать и пожелать ей широкаго распространенія. (*П. Лазаревъ.* „*Русс. Вѣд.*“ *1912—280*).

306. Бюрнэ, Е. 576.8

Микробы и токсины. Подъ ред. проф. И. И. Мечникова. М. 1912. Изд. „Научнаго Слова“. Ц. 2 р.

Книга эта по сравненію съ французскимъ изданіемъ въ значительной степени расширена и дополнена. Въ предисловіи, написанномъ проф. Мечниковымъ, въ сжатой формѣ, но чрезвычайно рельефно представлено значеніе бактеріологіи въ различныхъ областяхъ знанія. Книга предназначена, какъ это видно изъ самаго предисловія, не только для врачей, но и вообще для образованной публики. Книга издана хорошо и текстъ иллюстрированъ многочисленными рисунками. Въ первыхъ главахъ авторъ касается морфологіи и физіологіи микробовъ, затѣмъ знакомитъ съ понятіемъ объ инфекціи, воспаленіи и переходитъ къ ученію объ иммунитетѣ. Здѣсь мы находимъ подробное изложеніе ученія Мечникова о фагоцитозѣ, но, къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о гуморальной теоріи иммунитета, значеніе которой представлено авторомъ недостаточно выпукло. Особыя главы посвящены анафилаксіи и химіотерапіи. Большой интересъ представляютъ также для читателя страницы книги, гдѣ излагаются практическія примѣненія бактеріологіи. Изложеніе чрезвычайно живо и изобилуетъ интересными данными. Книга, несомнѣнно, получитъ большое распространеніе въ Россіи. Имѣются въ книгѣ кое-какіе мелкіе дефекты, но несмотря на все это ее можно рекомендовать для широкаго круга читателей, которые найдутъ въ ней чрезвычайно много интереснаго. Книга снабжена массой рисунковъ, и къ ней приложены два великолѣпно изданныхъ портрета: директора Пастеровскаго института Э. Ру и проф. И. И. Мечникова. (*Д. Е. Марциновскій.* „*Рус. Вѣд.*“ *1912—286*).

307. Сухановъ, С. А., д-ръ. 616

Патологическіе характеры. (Очерки по патологической психологіи). Спб. 1912 г. Стр. 373. Ц. 1 р. 75 к.

Интересная книга д-ра С. посвящена изученію той области, которая лежитъ по серединѣ между психологіей и психіатріей. Въ обыденной жизни людей, надѣленныхъ патологическимъ характеромъ, считаютъ чудаками, людьми съ тяжелымъ характеромъ, неуживчивыми, нелѣпыми и т. п., но о томъ, что въ глубинѣ души этихъ людей идетъ, собственно, патологическій процессъ—объ этомъ, обыкновенно, никто не подозрѣваетъ. Книга д-ра С. посвящена изображенію четырехъ патологическихъ характеровъ: психостеническаго, резонирующаго, истерическаго и эпилептическаго. Отдѣльная глава посвящена циклотиміи, т.-е. патологической смѣнѣ угнетенія и возбужденія душевной дѣятельности. Образованные люди съ пользой для себя прочтутъ книгу д-ра

С., написанную весьма легко и популярно. Особенный интересъ для читателей представляетъ знакомство со столь, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчающимся психастеническимъ характеромъ, надѣленнымъ тревожностью, подозрительностью, мнительностью и тѣсно связаннымъ съ „навязчивыми психическими состояніями". Эти навязчивыя состоянія, являясь всегда источникомъ страданія для ихъ носителя, иногда подбиваютъ его и къ антисоціальнымъ поступкамъ. (*„Рус. Бог." 1912—11*).

Очерки д-ра С. представляютъ интересъ не для однихъ спеціалистовъ, но и для болѣе широкаго круга образованной публики. Въ своихъ описаніяхъ различныхъ формъ болѣзненныхъ разстройствъ характера и воли, авторъ руководствовался главнымъ образомъ наблюденіями, сдѣланными имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ надъ лицами, обнаружившими признаки психической неуравновѣшенности. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ были уже напечатаны въ спеціальныхъ журналахъ и появляются теперь отчасти въ дополненномъ видѣ. (*„Вѣст. Евр." 1912—11*).

308. Ивановъ, Д. Л. 741

Дошкольное рисованіе. Пособіе матерямъ.

Младенческій возрастъ. Съ 636 рис. въ текстѣ и на 34 таблицахъ, изъ коихъ 70 рисунковъ въ краскахъ. Ц. 2 р. Въ переплетѣ 2 р. 40 к.

Книга г. И. представляетъ настоящій кладъ для русскихъ семей, особенно же для матерей, которыя, внявъ совѣту автора, пожелаютъ сами руководить рисованіемъ своихъ маленькихъ дѣтей, начиная съ 3—4-лѣтняго возраста.

Это вовсе не такъ трудно: „Та особа",—читаемъ мы въ предисловіи автора къ книгѣ,—„которая умѣетъ писать, которая способна начертить узоръ или выкройку, уже можетъ, при желаніи, взяться за карандашъ и за кисть, и толково, настойчиво попрактиковавшись, лично вести первоначальное обученіе маленькихъ дѣтей рисованію и черченію".

Для матерей, которыя заинтересуются этимъ дѣломъ, авторъ даетъ въ текстѣ книги необходимыя свѣдѣнія и практическія указанія, которыя понятны всякому едва грамотному человѣку. Вслѣдъ за „нѣсколькими словами о воспитательномъ значеніи рисованія" въ книгѣ послѣдовательно идутъ: „общія замѣчанія", „принадлежности рисованія", „первые пріемы обученія", „первые пріемы рисованія съ натуры", „собственное творчество дитяти".

Далѣе слѣдуютъ „спеціальные отдѣлы": „указанія для руководителей", первыя понятія о перспективѣ", „первый пріемъ рисованія красками" и „заключеніе".

Все это изложено не только просто и общедоступно, но и такъ увлекательно, что отъ книги не оторвешься. Нѣкоторыя части представляютъ бесѣду матери съ дѣтьми.

Вообще же всѣ рисунки сопровождаются разговорами, интересными для малышей и малютокъ разсказами.

Рисованіе начинается съ самыхъ простыхъ фигуръ и непремѣнно цѣлыхъ фигуръ.

Изложеніе пріемовъ рисованія и разговоровъ, которые при этомъ ведутся, чередуются въ книгѣ съ разсказомъ о личныхъ опытахъ и наблюденіяхъ автора, и этотъ живой опытъ, изложенный живымъ языкомъ, дѣлаетъ книгу еще болѣе интересной.

Искусно выполненные рисунки какъ въ самомъ пособіи, такъ и въ приложеніи къ нему, удорожили, конечно, изданіе, но не настолько, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для семьи средняго достатка.

Книга г. И., посвященная матерямъ, отдающимъ себя духовному воспит. своихъ дѣтей преслѣдуетъ двѣ ближайшія цѣли: 1) намѣтить путь художественнаго развитія ребенка, пріохочивая его къ самостоятельному рисованію, облегчая первые шаги маленькаго рисовальщика подборомъ удобныхъ и интересныхъ образцовъ; 2) показать матери, отцу, воспитателю не изъ рисовальщиковъ простые пріемы, которые легко усвоить каждому и при помощи которыхъ нетрудно направить малютку въ его инстинктивномъ стремленіи къ рисованію. (*Н. И. „Вятск. Р." 1912—273*).

Среди всевозможныхъ руководствъ къ дошкольному дѣтскому рисованію руководство г. И. займетъ несомнѣнно первое мѣсто, благодаря своей послѣдовательности, понятности и серьезности. Очень можно порекомендовать родителямъ обратить вниманіе на это новое руководство, которое несомнѣнно должно принести большую пользу ихъ ребенку. (*Н. Т. „Моск. Вѣд." 1912—284*).

Трудъ г. И. займетъ въ русской педагогической литературѣ почетное мѣсто. Г. И. не только ставитъ вопросъ о воспитательномъ значеніи рисованія, но и указываетъ правильный, живой и легкій методъ рисованія. Трудъ г. И. написанъ прекрасно и даетъ возможность всѣмъ, кто интересуется развитіемъ дѣтей, примѣнить правильный путь въ дѣлѣ развитія способностей не только по рисованію, но и для выработки въ дѣтяхъ любви къ самостоятельному труду, къ сосредоточенности. (*„Одес. Лист." 1912—290*).

* **Воскресенскій, А.** 75 : 92(Р)

См. пор. № 319.

* **[. . . . .]** 792 : 017

См. пор. № 290.

309. [. . . . .] 8—8

„Земля". Сборн. Х. Московское к-во. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Романъ Сологуба („Дымъ и пепелъ")—только часть его давно начатыхъ „Навьихъ чаръ". Передъ нами все знакомые герои—королева Ортруда Танкредъ, Дульцинея, Альдонса и т. д. Авторъ обѣщаетъ дать окончаніе, котораго ожидаютъ въ литературныхъ кружкахъ съ нетерпѣніемъ. Очень ужъ оригинально пишетъ свою вещь Сологубъ и крайне интересно, какъ будетъ завершена творимая имъ легенда. Арцыбашевъ далъ небольшой, хорошій разсказъ „Деревянный чурбанъ". Сюжетъ его анекдотиченъ. Ссыльный случайно натыкается въ лѣсу на бурятскаго шамана, стрѣляетъ изъ ружья по идолу и за это черезъ нѣкоторое время гибнетъ самъ отъ бурятской пули. Фабула, какъ видно, носитъ на себѣ печать случайности, но разработана прекрасно. Лѣсъ написанъ великолѣпно. Отъ страницъ разсказа точно вѣетъ тепломъ, пахнетъ молодымъ боромъ. Хорошо также переданы настроенія совершившаго это преступленіе юноши... Повѣсть Юшкевича „Вышла изъ круга" не можетъ быть причислена къ лучшимъ вещамъ этого писателя.

Прежде всего, она не изъ еврейскаго быта. Получилось, поэтому, нѣчто интернаціональное и безкровное. Очевидно, Юшкевичу надоѣли постоянные нападки на него за его якобы юдофобство. Мѣстами, однако, подъ интернаціональной окраской чувствуется хорошо извѣстный автору бытъ. Сама повѣсть нѣсколько схематична. Показать, какъ у нѣжно любящей жены рождаются преступныя желанія и мысли—задача не очень новая. Ю. давно уже интересующійся комедіей брака и распадомъ современной семьи, ее разработалъ довольно скучно, скорѣе какъ публицистъ, нежели художникъ. Чувствуется нестрота: живыя картины какъ-то теряются въ остальномъ „матеріалѣ". Повѣсть, въ общемъ, однако, не лишена интереса. (*Б. „День" 1912—55*).

Альманахъ „Земли" на этотъ разъ по своему содержанію едва ли удовлетворитъ даже скромныя ожиданія средняго читателя. И прочесть этотъ очередной альманахъ приходится лишь потому, что вообще эти сборники читаются. Разсказъ Арцыбашева „Деревянный чурбанъ" не принадлежитъ къ лучшимъ его вещамъ, хотя характеренъ для тѣхъ воззрѣній, которыя въ послѣднее время высказываетъ этотъ писатель: жизнь держится лишь на условномъ фетишизмѣ, а вѣра въ жизнь есть только печально-мудрая необходимость, но является такимъ же идолопоклонствомъ, обожаніемъ деревяннаго чурбана, какъ любое суевѣріе, любая изъ религій. Весьма неновая тема въ разсказѣ С. Юшкевича „Вышла изъ круга": первый адюльтеръ семейной женщины. Впрочемъ, разсказъ написанъ свѣжо, и авторъ хотѣлъ высказать въ немъ много значительнаго. Но остается открытымъ вопросъ: удалось ли это автору?... Новый романъ Ѳедора Сологуба „Дымъ и пепелъ" лишенъ и новизны и подлиннаго творчества, которыя такъ присущи прекрасному таланту этого оригинальнѣйшаго изъ писателей-творцовъ. Ни свѣжести, ни силы. Несмотря на непринужденно-легкое многоцвѣтное развитіе фабулы, многосложное обиліе приключеній, повѣствованіе ничѣмъ не заинтересовываетъ, ничѣмъ не убѣждаетъ. Авторъ неустанно повторяетъ свои образы, давно ставшіе у Сологуба истертыми клише. Впрочемъ, въ сборникѣ помѣщена лишь первая половина романа, и слѣдуетъ подождать его продолженія и вмѣстѣ съ этимъ отложить окончательное о немъ сужденіе. (*П. Кожевниковъ „У. Рос." 1912—277*).

310. Венгерова, З. А. 82.09 „18"

Собраніе сочиненій. Т. I. Англійскіе писатели XIX в. Кн-во „Прометей". Спб. 1913. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

„Я должна оговориться — пишетъ авторъ въ предисловіи къ I тому, — что менѣе всего задаюсь цѣлью дать полную и исчерпывающую исторію литературы этихъ странъ. Моя задача болѣе скромная: я стараюсь отмѣтить лишь то, что кажется мнѣ наиболѣе показательнымъ въ идейной жизни страны, то, что составляетъ какъ бы миссію каждаго народа въ области идей такъ же, какъ и въ развитіи художественныхъ нормъ". Попутно авторъ преслѣдуетъ и другую задачу — „показать духовную связь русскихъ творческихъ началъ съ таковыми же на Западѣ". Обѣ задачи выполнены писательницей умѣло, со знаніемъ предмета и любовью къ нему; оттого „сочиненія" ея являются культурной заслугой, знакомя съ духовными цѣнностями національныхъ литературъ въ ихъ міровомъ взаимодѣйствіи. Въ первомъ томѣ, посвященномъ англійскимъ писателямъ XIX в. г-жа В. подробно говоритъ о прерафаэлитизмѣ въ живописи, не потому, что нѣкоторые изъ характеризуемыхъ ею писателей въ своемъ лицѣ соединяли художника красокъ и художника слова, а потому, что новыя тенденціи искусства того времени, и въ живописи, и въ литературѣ, дѣйствительно, шли въ одномъ направленіи. Очерки о прерафаэлитахъ и писателяхъ, вышедшихъ изъ прерафаэлитизма или близкихъ ему,—лучшіе въ книгѣ. Наименѣе удачнымъ является послѣдній очеркъ—объ Оскарѣ Уайльдѣ. Поверхностно характеризованъ „эстетизмъ" первой полосы и не раскрытъ, ибо не прочувствованъ „огонь страданій", сжегшій поэта... Цѣну книги — 1 р. 25 к. за 191 стр. обычнаго формата, слѣдуетъ признать непомѣрно высокой". (*М. М. „Запр. Ж". 1912—49.*)

Г-жа В. слѣдитъ за европейской литературой и, шире того, за европейской духовной культурой вообще внимательно. Каждый въ отдѣльности очеркъ содержателенъ и интересенъ. Но невольно хочется услышать какое-нибудь обобщеніе всѣмъ этимъ глубоко различнымъ и въ то же время родственнымъ другъ другу идейнымъ исканіямъ. Такой обобщающей, подытоживающей статьи нѣтъ въ сборникѣ, и отсутствіе ея тѣмъ болѣе ощутительно, что самъ авторъ ставилъ своей задачей не только „выявить духовныя цѣнности современной зап. литературы", но также и показать „духовную связь съ ними русскихъ творческихъ началъ". Вотъ стоило бы автору формулировать эту связь, и тогда съ нимъ можно было бы спорить о сущности самыхъ цѣнностей, выдвигаемыхъ имъ; въ настоящемъ же видѣ передъ нами лишь сборникъ литературныхъ характеристикъ, исполненныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ удачно, очень заинтересовывающихъ и, во всякомъ случаѣ, представляющихъ собой превосходный матеріалъ для знакомства съ иностр. литературами. (*„Совр. Сл." 1912—1770.*)

Очерки, входящіе въ настоящее изданіе уже появились раньше въ печати и въ видѣ журнальныхъ статей, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Но все это подверглось здѣсь обработкѣ и въ значительной степени является новымъ. Кромѣ предисловія, въ книгѣ 8 главъ, посвященныхъ Джону Рескину, Вильяму Блэку, Данте — Габріэль Россетти, Вильяму Моррису, Роберту Броунингу, Джону Мередиту и Оскару Уайльду. Написаны очерки популярнымъ и изящнымъ литературнымъ языкомъ. Исчерпывающихъ свѣдѣній о литературѣ они не даютъ, но они достаточны для того чтобы возбудить интересъ къ литературамъ культурныхъ странъ. Въ книгѣ проводится интересная мысль, что стремленіе къ осуществленію красоты въ англійской жизни, начавшееся съ времени Рескина, было связано съ рабочимъ движеніемъ. „Апостолы красоты — говоритъ авторъ—были апостолами правильной постановки рабочаго класса". Мысль едва ли не парадаксальная, но характеризующая міросозерцаніе г-жи Венгеровой. Изданіе изящное. (*Н. П. „Вятск. Р." 1912—260*).

311. Ламоттъ-Фуке, де. 83—1

Ундина. Старинная повѣсть изъ Ламоттъ-Фуке въ стихахъ В. А. Жуковскаго, съ 15

картинами въ краскахъ Артура Рекгама. Спб. Изд. А. Ф. Девріена.

Все чаще русскій книжный рынокъ радуетъ насъ прекрасными изданіями. Благодаря стараніямъ цѣлаго ряда художниковъ, посвятившихъ немало труда разрѣшенію иллюстраціонной проблемы книги, и вслѣдствіе все увеличивающагося художественнаго опыта нашихъ издательствъ, мы достигли того, что можемъ не только смѣло сравнивать наши художественныя изданія съ книжными издѣліями Запад. Европы, но и безъ излишняго самомнѣнія утверждать, что на сторонѣ русской художественной книги есть иногда немало преимуществъ. Главное изъ нихъ то, что русская книга не носитъ еще штампа средней технической ловкости и безличной опрятности, подмѣнивающей индивидуальную физіономію изданія, какой отличаются, напримѣръ, большинство нѣмецкихъ книгъ. Среди художественныхъ книгъ новое изданіе „Ундины" займетъ мѣсто съ честью. Она—не событіе на нашемъ книжномъ рынкѣ, но, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу отрадныхъ новинокъ. Ея главное достоинство—въ рисункахъ Артура Рекгама, воспроизведенныхъ съ рѣдкимъ техническимъ совершенствомъ. Въ художественномъ отношеніи не всѣ они и не все въ нихъ хорошо. Напримѣръ, первый же рисунокъ грѣшитъ слащавой красивостью, несвѣжестью прісмовъ, — такую манеру рисовать, такой подходъ къ темѣ можно встрѣтить очень часто и у очень многихъ. Но въ большинствѣ рисунковъ художникъ удачно справился съ чуднымъ міромъ романтической сказки, — данные имъ образы свѣжи, оригинальны и убѣдительны. (*Россій. „Рус. Вѣд". 1912—286*).

Взглянувъ на это изданіе, можно съ чувствомъ удовлетворенія сказать, что вотъ, наконецъ, „Ундина" Жуковскаго, эта поэтичная сказка выходитъ изъ печати въ достойномъ видѣ. Изданіе съ внѣшней стороны—великолѣпное; изящный переплетъ, бумага, шрифтъ, — все не оставляетъ желать лучшаго, но главное украшеніе его—это, конечно, рисунки.

Они исполнены въ изящныхъ гобеленовыхъ тонахъ, слегка стилизованы и даютъ впечатлѣніе сразу и какое-то средневѣковое—миніатюру и картины къ волшебной фантастичной сказкѣ, которую рисуетъ поэтъ—

Бывали дни восторженныхъ видѣній:
Моя душа поэзіей цвѣла,
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній,
Природа вся мнѣ пѣснею была.

Такъ говоритъ поэтъ въ своемъ посвященіи, то же самое говорятъ и картины, иллюстрирующія здѣсь поэму. (*Н. Т. „Моск. Вѣд." 1912 — 282*).

Нѣжная, грустная, старинная сказка объ Ундинѣ, нѣкогда переведенная Жуковскимъ, конечно, стоила прекраснаго перепзданія (Девріена), со стильными картинами Артура Рекгама. У художника много фантазіи и своеобразный капризный рисунокъ, иногда ударяющій въ манеру Дюрера. Строгій ободокъ, киноварныя буквы и эти рисунки придаютъ книгѣ характеръ какого-то старинпаго нѣмецкаго изданія, и для полноты впечатлѣнія недостаетъ только готическаго шрифта. Семьдесятъ лѣтъ пронеслись надъ чудесной сказкой, но не испортили ея, не помутили той прекрасной печали, какую такъ чудесно почувствовалъ Жуковскій. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл." 1912—277*).

312. Рогова, О. И. 891.7—3:9(496)

Подъ игомъ Турціи. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1913. Стр. 332. Ц. 3 р. 75 к.

Воспроизводя въ беллетристической формѣ отношенія Турціи и прежнихъ „господствъ"— Молдавіи и Валахіи (Румыніи) конца XVII в., *историческая* повѣсть г-жи Р. отчасти задѣваетъ и современность въ книгѣ, обнаруживающей въ авторѣ извѣстную начитанность и литературную опытность, много чисто описательныхъ мѣстъ, имѣющихъ нѣкоторое образовательное значеніе: съ подробностями представлена внѣшняя культура „верховъ" Турціи и Румыніи, охарактеризованы обычаи Молдавіи и Валахіи, своеобразное „охраненіе горъ" (бандитство) и т. д. Центральнымъ лицомъ разсказа является Дмитрій Кантеміръ, сынъ молдавскаго господаря Константина (отецъ нашего перваго сатарика). На его судьбѣ отразились всѣ характерныя черты придворнаго быта и государственнаго уклада Турціи. Дмитрію пришлось побывать и заложникомъ въ Константинополѣ, получить и потерять господарство, участвовать въ дворцовомъ заговорѣ и т. д. Повѣсть заключается счастливымъ бракомъ и достиженіемъ отцовскаго престола. Драматизмъ повѣсти придаетъ главнымъ образомъ изображеніе константинопольскихъ интригъ и придворно-политической борьбы, свержепій и возведеній султановъ. Разсказъ г-жи Р. въ занимательной формѣ такъ или иначе освѣщаетъ интересующій всѣхъ въ наше время турецкій вопросъ. Дмитрій и его жена Кассандра выставлены у автора весьма благородными патріотами и умницами. Книга изящно издана и довольно удачно иллюстрирована. (*А. Налимовъ. „Рус. М." 1912—12*).

Въ настоящій моментъ молодое поколѣніе съ особеннымъ интересомъ прочтетъ повѣсть О. И. Роговой. Книжка украшена прекрасными иллюстраціями и издана очень изящно, на прекрасной бумагѣ и въ роскошномъ переплетѣ. (*Н. Т. „Моск. Вѣд." 1912—284*).

313. Ремюза, г-жа. 9(44)(003):92(H)

Мемуары. Пер. О. И. Рудченко, ред. и вступ. статьи С. Ѳ. Фортунатова. Т. I. Ц. 2 р.

А. Леви объясняетъ отрицательное отношеніе г-жи Р. къ Наполеону обманутыми ожиданіями ея во время ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Понъ-де-Брикъ, гдѣ она надѣялась получить большое вліяніе при немъ. Иначе, дѣйствительно, трудно примирить восторженный тонъ ея письмахъ г-жи Р. къ мужу (до 1808 г.) и такія чисто женскія, тонкія, язвительныя, порою очень остроумныя инвективы въ „Мемуарахъ", написанныхъ позднѣе. Отношеніе къ Наполеону — наиболѣе уязвимое мѣсто мемуаровъ, какъ историческаго документа. Чисто беллетристическому интересу оно совершенно не вредитъ. Наоборотъ, порой даже поднимаетъ его. Г-жа Р.— женщина живая и наблюдательная. Она умѣетъ подмѣчать, а при новоиспеченномъ дворѣ перваго консула и императора было, что подмѣчать. Въ безконечной серіи современныхъ мемуаровъ, посвященныхъ Наполеону, его родинѣ, его близкимъ, мало можно найти такихъ увлекательныхъ, какъ мемуары г-жи Р. Читатель не будетъ жалѣть времени, которое уйдетъ у него на зна-

комство съ нимп. Мемуары Р. снабжены все болѣе и болѣе рѣдкимъ въ послѣднее время приложеніемъ: предисловіемъ проф. Фортунатова. Ово очень коротенькое, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера почтеннаго историка, но, какъ всѣ его писанія, содержательно и интересно. (*А. Дживелеговъ. „Рус. Вѣд." 1912—286*).

Ремюза была придворной дамой при дворѣ Жозефины, жены Наполеона. Это былъ внимательный, тонкій, немного злой умъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ превосходно удаются записки. Кто хотѣлъ бы изучать личность Наполеона, этого человѣка, „поднявшаго корону изъ грязи кончикомъ своей шпаги", тотъ не долженъ пройти мимо записокъ Ремюза. Нашъ Толстой не могъ пользоваться этими записками, опубликованными впервые лѣтъ черезъ десять послѣ окончанія „Войны и Мира", но мѣстами онъ до буквальности совпалъ съ Ремюза. Такъ жизнь оправдываетъ творчество, и творчество контролируетъ жизнь. (*А. Изманловъ. „Рус. Сл." 1912—283*).

Мемуары написаны очень увлекательно, такъ какъ авторъ ихъ былъ одаренъ способностью строгой критической оцѣнки разыгравшихся у него на глазахъ событій и обладалъ также даромъ запечатлѣвать тончайшіе оттѣнки въ достоинствахъ и недостаткахъ дѣйствующихъ фигуръ. Въ общемъ мемуары г-жи де-Ремюза, большею частью описывающей очень тѣсную, придворную обстановку (по крайней мѣрѣ въ I томѣ), проливаютъ все же яркій свѣтъ на эпоху. Со многими сужденіями автора можно и не соглашаться, но его личныя впечатлѣнія, лишенныя къ тому же всякой сантиментальности, пріобрѣтаютъ тѣмъ большій интересъ, что они являются впечатлѣніями очевидца и служатъ, такимъ образомъ, первоисточникомъ для подробнаго изученія дѣятельности Наполеона въ качествѣ перваго консула и въ качествѣ императора. (*Н. Б—ій. „Рѣчь". 1912—332*).

314. Чарторижскій, Адамъ, кн. 9(47)(003)

Мемуары. Т. I. Перев. съ франц. подъ ред. и со вступительной статьей А. Кизеветтера. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Нельзя не привѣтствовать появленія русскаго перевода „Мемуаровъ". Въ такомъ видѣ они могутъ сдѣлаться достояніемъ не только спеціалистовъ, но и широкой публики. Мемуары же эти заслуживаютъ того, чтобы ихъ прочиталъ каждый, интересующійся русской исторіей. Написанные ярко и живо, „Мемуары" читаются легко, съ неослабѣвающимъ интересомъ. Передъ глазами читателей проходятъ картины жизни польскихъ магнатовъ конца XVIII столѣтія, затѣмъ придворной жизни при императрицѣ Екатеринѣ II, встрѣчаются яркія, сочныя характеристики нѣкоторыхъ екатерининскихъ вельможъ; много характерныхъ эпизодовъ и фактовъ, живо рисующихъ царствованіе императора Павла I. Главную же цѣнность для русской исторіи представляютъ страницы, относящіяся къ личности императора Александра I и первымъ годамъ его царствованія. Принужденный, по волѣ императрицы Екатерины II, жить послѣ III польскаго раздѣла въ Петербургѣ въ качествѣ заложника, кн. Адамъ Чарторижскій сблизился съ В. Кн. Александромъ Павловичемъ и сталъ однимъ изъ ближайшихъ его друзей. Ему повѣрялъ Александръ Павловичъ свои мечты, передъ нимъ откровенно высказывалъ свои затаенные взгляды. Въ то время Александръ выражалъ ненависть къ „деспотизму вездѣ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся", „любилъ свободу, которая, по его мнѣнію, равно должна принадлежать всѣмъ людямъ", чрезвычайно интересовался французской революціей, желалъ ей успѣха, радовался таковому (стр. 85). Наслѣдственность престола онъ призвавалъ „несправедливымъ и безсмысленнымъ установленіемъ", утверждая, что „передача верховной власти должна зависѣть не отъ случайностей рожденія, а отъ голосованія народа, который сумѣетъ выбрать наиболѣе достойнаго правителя" (91). Уже ставъ наслѣдникомъ престола, при Павлѣ I, Александръ Павловичъ просилъ кн. Ч. составить проектъ манифеста, гдѣ объяснялось бы намѣреніе императора дать Россіи новое государственное устройство на началахъ свободы и удалиться затѣмъ въ частную жизнь. Манифестъ этотъ былъ составленъ кн. Адамомъ, одобренъ Александромъ Павловичемъ, но конечно, не получилъ никакого движенія; кн. Ч. не зналъ даже, какая судьба постигла его произведеніе. Какъ извѣстно, мечта и дѣйствительность у Александра I отстояли другъ отъ друга на достаточно приличной дистанціи, чтобы можно было ожидать воплощенія мечты въ фактъ. Въ „Мемуарахъ" хорошо обрисовывается личность Александра I, его порывы въ высь, склонность къ свободолюбивымъ мечтаніямъ и фактическое безволіе при реализаціи ихъ въ жизнь, отвращеніе къ деспотизму въ теоріи и неспособность отказаться отъ деспотическихъ замашекъ и самодержавныхъ понятій на практикѣ. Очень цѣнна та часть „Мемуаровъ", которая относится къ перевороту 11-го марта 1801 г. Изъ многочисленныхъ воспоминаній о заговорѣ 1801 года. „Мемуары" кн. Ч. выдѣляются тѣмъ, что многое о событіи 11-го марта авторъ говоритъ на основаніи словъ самого Александра I. Самъ кн. Ч. не принималъ участія въ заговорѣ, состоя въ то время посланникомъ при сардинскомъ королѣ. Но послѣ переворота 1801 г. Александръ I много и часто наединѣ бесѣдовалъ съ нимъ по поводу убійства Павла I. Кн. Ч. не разъ приходилось присутствовать при припадкахъ безысходной тоски и отчаянія Александра I, въ которое повергало его сознаніе своей причастности къ убійству отца. Въ воспоминаніяхъ кн. Адама есть много указаній на затруднительное положеніе императора Александра Павловича первое время послѣ переворота 11-го марта, его зависимость отъ заговорщиковъ, вынужденная терпимость по отношенію къ нимъ и вызывающее поведеніе послѣднихъ. Ему лично пришлось передать Александру I претензіи гр. Валеріана Зубова, жаловавшагося, что императоръ не отблагодарилъ лицъ, возведшихъ его на престолъ, такъ какъ это сдѣлала его бабка Екатерина II; гр. Зубовъ давалъ даже косвенно понять, что при такихъ условіяхъ Александръ I не можетъ чувствовать себя прочно на престолѣ (206, 207). Впрочемъ, у кн. Ч. же можно найти факты, какъ сравнительно быстро освободился Александръ I отъ страха передъ заговорщиками и удалилъ ихъ отъ себя. Описаніе убійства Павла I сдѣлано отчасти со словъ генерала Беннигсена, а отчасти по разсказамъ другихъ лицъ. Любопытны указанія, сдѣланныя, повидимому, со словъ того же Беннигсена, на попытки императрицы Маріи Ѳеодоровны, этой безутѣшной вдовы и нѣжной матери, использовать переворотъ въ свою поль-

зу вступивъ на престолъ, при помощи солдатъ, помимо сына. Большую цѣнность имѣетъ характеристика внутреннихъ отношеній между членами неоффиціальнаго комитета, который былъ образованъ Александромъ I вскорѣ послѣ вступленія на престолъ изъ лицъ, близкихъ ему по настроенію и взглядамъ (изъ кн. Чарторижскаго, Кочубея, гр. Строганова и Новосильцова). Читатель найдетъ въ мемуарахъ очеркъ внѣшней политики первыхъ лѣтъ царствованія Александра, руководить которой въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ пришлось кн. Ч. по волѣ императора. Въ воспоминаніяхъ разсыпано много цѣнныхъ чертъ для характеристики современнаго автору общества и вершителей судебъ Россіи и Европы. Наконецъ, въ послѣдней главѣ читатель найдетъ живо написанный разсказъ о переворотѣ въ Швеціи въ 1809 году. По тѣсной связи этого событія съ завоеваніемъ Финляндіи, разсказъ кн. Адама представляетъ интересъ и для исторіи Россіи. При всей исторической цѣнности „Мемуаровъ“, читатель напрасно станетъ искать въ нихъ данныхъ для соціальной исторіи Россіи. Соціальные вопросы почти совершенно игнорируются кн. Ч. Только мимоходомъ, случайно касается кн. Адамъ крестьянскаго вопроса. Кн. Ч. былъ чуждъ русской жизни и той средѣ, въ которой ему пришлось жить по волѣ русскихъ государей. Горячая любовь къ несчастному отечеству, только что растерзанному послѣдовательными раздѣлами, плохо мирилась съ необходимостью жить и дѣйствовать среди ненавистныхъ для него русскихъ, представлять и защищать интересы этихъ послѣднихъ. Онъ не могъ поэтому вполнѣ объективно относиться къ явленіямъ русской жизни, своеобразно понимая и оцѣнивая ихъ со своей польской точки зрѣнія. Но по этому самому его „Мемуары“ сами по себѣ, независимо отъ сообщенныхъ въ нихъ фактовъ, цѣнны для характеристики отношенія высшаго польскаго общества къ русской жизни въ началѣ XIX в. (*И. Игнатовичъ. „Завѣты“ 1912—7*).

Мемуары кн. Ч. съ большимъ интересомъ прочтутся всѣми, интересующимися русской исторіей. Многое изъ того, что видѣлъ и слышалъ дипломатичный мемуаристъ скрываетъ, многое подкрашиваетъ, но не мало остается правдиваго, интересно разсказаннаго. Переведена книга очень хорошо и издана превосходно. (*П. Берлинъ. „Нов. Жизнь“ 1912—11*).

Воспоминанія столь интересны и столь цѣнны, что появленіе ихъ на русскомъ языкѣ можно только привѣтствовать. Кто возьметъ эту книгу, тотъ навѣрное, ее прочитаетъ. (*С. Мельгуновъ „Рус. Вѣд.“ 1912—286*).

Въ рецензируемомъ нами первомъ томѣ описаніе событій Чарторижскимъ доведено до Аустерлицкаго сраженія, и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ читатель будетъ ждать появленія второго тома, что мемуары польскаго патріота и по своему серьезному и большей частью безпристрастному тону, и по своему содержанію рѣзко отличаются отъ обычныхъ записокъ современниковъ, въ которыхъ подлинное съ нымышленнымъ, объективное съ субъективнымъ тѣсно переплетаются между собой, затмения точную картину эпохи и оставляя въ тѣни самое существенное. Отъ всѣхъ этихъ отрицательныхъ качествъ мемуары князя Ч. избавлены, и только въ нѣсколькихъ случаяхъ его характеристики дѣйствующихъ лицъ эпохи не то, что невѣрны, но представлены съ легкимъ налетомъ субъективной оцѣнки. Все же это не умаляетъ достоинства ихъ, какъ первокласснаго историческ. источника. (*Н. Б—ій „Рѣчь“ 1912.*)

315. [. . . . .] 9(47)„16“(08)

Три вѣка Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. т. I.

„Передъ нами начало перваго изданія, имѣющаго отношеніе къ юбилею будущаго года. Пока неизвѣстенъ планъ этого изданія: о немъ слишкомъ ужъ коротко и обще говорится въ предисловіи редактора и во вступительной статьѣ г. Пресняковa. О планѣ, очевидно, придется судить по самому исполненію работы. Разсматривая съ этой точки зрѣнія первый томъ, посвященный первой половинѣ XVII в., необходимо констатировать, что ясно сознаннаго, продуманнаго плана, повидимому, не было: сначала рѣчь идетъ о Смутѣ и ея ближайшихъ послѣдствіяхъ, потомъ дается характеристика царя Алексѣя, далѣе слѣдуютъ статьи о Земскихъ Соборахъ, Соборномъ Уложеніи и финансовыхъ реформахъ царя Алексѣя, потомъ разсказывается о разинскомъ бунтѣ, патріархѣ Никонѣ и, наконецъ, о власти московскихъ государей въ XVII в. Соціальныя, политическія и духовно-культурныя явленія перемѣшаны, такимъ образомъ, въ безпорядкѣ, сопоставлены безъ всякой внутренней связи между собой. Это — важный недостатокъ всегда, въ особенности же въ популярномъ изданіи. Обращаясь къ отдѣльнымъ статьямъ, слѣдуетъ признать лучшими статьи г. Рождественскаго „Соборное Уложеніе 1649 г.“ и г. Каптерева „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“. Статья г. Заозерскаго „Земскіе соборы“ содержитъ въ себѣ не мало цѣнныхъ отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній по исторіи земскихъ соборовъ, но пониманію цѣлаго много помѣшало представленіе автора о русскихъ земскихъ соборахъ, какъ о чемъ-то совершенно своеобразномъ. Послѣ цѣнныхъ сближеній, сдѣланныхъ между земскими соборами и западноевропейскими сословно-представительными учрежденіями поздняго средне-вѣковья М. Н. Покровскимъ въ его „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ“, пора перестать твердить о полномъ своеобразіи соборовъ. Г. Пресняковъ, подводя итоги Смутѣ, къ сожалѣнію, не уяснилъ главнаго—соціально-экономическаго смысла этой революціи XVII в., подготовленной еще предшествующимъ столѣтіемъ, и потому не могъ понять надлежащимъ образомъ и политическія ея послѣдствія, оставшись при устарѣломъ и невѣрномъ изображеніи происхожденія самодержавія изъ внѣшняго положенія московскаго государства. Какъ будто самодержавіе — своеобразное, чисто-русское явленіе, не имѣющее себѣ параллелей въ другихъ странахъ. На дѣлѣ оно — общее для всѣхъ странъ явленіе на извѣстномъ уровнѣ ихъ соціально-экономическаго развитія почему и причины его — общія для всѣхъ странъ. Частными, мѣстными условіями можно объяснять лишь отдѣльныя особенности явленія, а не все явленіе въ цѣломъ. Оторванными отъ почвы — развитія денежнаго хозяйства — являются и финансовыя реформы XVII в. въ изображеніи г. Уланова. Тѣмъ же недостаткомъ отчасти стра-

дастъ и другая статья того же автора — „Разиновщина", при чемъ не уясненъ въ достаточной мѣрѣ и реакціонный характеръ *положительнаго* идеала Разина и его товарищей: отрицая крѣпостное право и неразрывно связанный съ нимъ дворянско-полицейскій абсолютизмъ, разинцы въ тоже время стремились вернуть далекую старину кіевской, до-удѣльной Руси, что было несомнѣнной утопіей. Характеризуя, наконецъ, власть московскихъ государей, тотъ же г. Улановъ не оттѣнилъ, какъ слѣдовало бы, фиктивность неограниченной власти и фактическое господство дворянства, лишь прикрываемое маской абсолютизма. Опытъ характеристики царя Алексѣя, сдѣланный г. Платоновымъ, на нашъ взглядъ неудаченъ по тѣмъ же основнымъ причинамъ, какими объясняются всѣ отмѣченные выше недостатки прочихъ статей сборника: авторъ не показалъ, что царь Алексѣй былъ *типичнымъ* представителемъ *опредѣленнаго соціальнаго слоя*. При такихъ условіяхъ, какъ бы удачны ни были отдѣльныя частныя замѣчанія,— въ цѣломъ *научной* характеристики не получилось. Правда, покойный Ключевскій умѣлъ замѣнять научность художественностью, при чемъ ему нерѣдко удавалось предвосхищать научные выводы посредствомъ художественной интуиціи. Но г. Платоновъ лишенъ художественнаго дарованія; поэтому въ его характеристикѣ нѣтъ и достоинства блестящихъ характеристикъ, данныхъ Ключевскимъ. Въ заключеніе нѣсколько словъ о рисункахъ: здѣсь много цѣннаго, въ особенности поскольку воспроизведены старинные рисунки и портреты и такія произведенія, какъ картины Рѣпина. Но къ чему понадобилось портить изданіе многочисленными репродукціями бездарныхъ, исполненныхъ притомъ въ духѣ квасного патріотизма, рисунковъ и картинъ Угрюмова, Шарлеманя и В. П. Верещагина? Въ общемъ, первый томъ новаго юбилейнаго изданія можно, конечно, признать небезполезнымъ популярно-научнымъ пособіемъ, но нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ томахъ было меньше широты и глубины взгляда. (*Н. Рожковъ. „Совр. М."* 1912—12).

Вышедшій томъ сборника, посвященный первой половинѣ XVII в., начинаетъ собою обширный коллективный трудъ, ставящій цѣлью — „поднести спокойные, объективные итоги трехвѣковому развитію новой Россіи во всѣхъ наиболѣе существенныхъ областяхъ ея политической и соціальной жизни". Отвергая за петровской реформой традиціонное значеніе перелома между старой и новой Русью, авторы такимъ переходнымъ кризисомъ считаютъ смуту, и уже съ начала XVII в. слѣдятъ за характерными признаками новаго времени, выражающимися въ разнаго рода исканіяхъ и реформаторскихъ попыткахъ.

Въ общемъ сборникъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Духъ научной работы и даже литературные пріемы В. О. Ключевскаго чувствуются въ иныхъ статьяхъ очень явственно. Основной типъ статей — не повѣствовательнаго, а аналитическаго характера. Популяризація въ большинствѣ статей искусно достигается не сокращеніями и сжатостью, а цѣлесообразной выборкой и распредѣленіемъ матеріала. Однако, преобладаніе аналитическаго метода грозитъ, при нѣкоторой утрировкѣ, перейти въ черезчуръ отвлеченное, лишенное красокъ изложеніе, и для читателя, необладающаго достаточными фактическими знаніями, можетъ остаться безрезультатнымъ.

Во всѣхъ авторахъ чувствуются спеціалисты, которые въ популярныхъ статьяхъ безъ тяжелаго багажа учености даютъ нерѣдко цѣнные и оригинальные результаты собственной изслѣдовательской работы.

Изданіе, съ внѣшней стороны, чрезвычайно нарядно, снабжено почти сотнею прекрасно выполненныхъ снимковъ со старинныхъ портретовъ и гравюръ, а также историческихъ картинъ современныхъ художниковъ. (*А. М. „Рѣчь". 1912—325.*)

Все изданіе носитъ глубоко серьезный исторический характеръ. Въ основу положены послѣднія научныя переоцѣнки петровской реформы и смутнаго періода. Отброшены всѣ апокрифы въ текстѣ и недостовѣрные портреты. (*А. Изкайловскій. „Рус. Сл."1912—258.*)

316. Дельвигъ, А. И. бар. 9(47)„1820:30"(003)

Мои воспоминанія. Изд. Моск. Публ. и Рум. музеевъ. М. 1912 г. Ц. 2 р.

Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ (род. въ 1813 г. умеръ въ 1887 г.), скончавшійся сенаторомъ, былъ по образованію инженеромъ путей сообщенія, завѣдывалъ, между прочимъ, московскими водопроводными сооруженіями, служилъ на Кавказѣ и т. д. Сама по себѣ жизнь его мало замѣчательна, но онъ оставилъ въ наслѣдство московскому Публичному и Румянцевскимъ музеямъ свои записки, вмѣстѣ со средствами на ихъ напечатаніе. Вышедшій теперь томъ обнимаетъ 1813—1842 гг. Написаны воспоминанія довольно утомительно, съ массой подробностей о людяхъ близкихъ автору, но мало интересныхъ. Не проявляетъ авторъ и той чуткости къ бытовымъ особенностямъ русской жизни, которая иногда дѣлаетъ живыми и интересными мемуары и мало замѣчательныхъ людей. Нѣтъ, наконецъ, и намека на воспроизведеніе психологіи минувшаго. Сравнительно немногое привлекаетъ вниманіе. Племянникъ поэта А. А. Дельвига, А. И. Дельвигъ въ самые юные годы входилъ въ кружокъ своего дяди, и вторая глава содержитъ весьма много мелочей о Дельвигѣ и окружавшихъ его людяхъ. Здѣсь авторъ воспоминаній встрѣчалъ Пушкина и всю плеяду тридцатыхъ годовъ. Но лишенный художественной воспріимчивости, онъ къ 60-тн годамъ своей жизни растерялъ давнія впечатлѣнія и очень блѣдно помнитъ и кругъ интересовъ кружка, и самыхъ людей, его составлявшихъ. По отношенію къ Дельвигу мы еще узнаемъ изъ этихъ мемуаровъ кое-что новое и важное. Такъ, разсказано подробно о томъ гнетущемъ впечатлѣніи, какое произвели на Дельвига грубыя распеканія со стороны начальника III отдѣленія (за четверостишіе Делавиня по поводу іюльской революціи) и закрытіе „Литературной Газеты", они повлекли за собой преждевременную смерть Дельвига. Зато о Пушкинѣ разсказанъ, напр., въ сущности только пустой анекдотъ... Чтобы помочь памяти, авторъ воспоминаній, писанныхъ въ 1872 г., прибѣгаетъ къ обильнымъ цитатамъ изъ статей и стиховъ Пушкина и Дельвига, но это мало помогаетъ дѣлу.

Позднѣе, черезъ сомью Левашевыхъ, Д. былъ близокъ къ нѣкоторымъ замѣчательнымъ людямъ

московской интеллигенціи 40-хъ гг. Но и здѣсь то, что сообщаетъ онъ, напр., о Чаадаевѣ, какъ о мелко самолюбивомъ человѣкѣ, носитъ крайне поверхностный характеръ и даже мало вѣроятно, напр., утвержденіе, будто незадолго до смерти Чаадаевъ собирался писать о необходимости сохраненія крѣпостного права. Или другой примѣръ. На Кавказѣ, въ Ставрополѣ у генерала Граббе, Дельвигъ познакомился съ Лермонтовымъ и не разъ видался съ нимъ, но все, что можетъ сообщить объ этихъ встрѣчахъ, сводится къ одной фразѣ... Затѣмъ вдвое больше мѣста отведено упоминанію о собакѣ Граббе, которая ласкалась къ Дельвигу. Эта крайняя бѣдность воспріимчивости къ дѣйствительно крупному дѣлаетъ утомительнымъ чтеніе воспоминаній Д. Интересы кое-какія черты бытовой старины, сообщаемыя здѣсь и тамъ, воспоминанія объ ученьѣ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, кое-какіе разсказы о помѣщичьихъ нравахъ, о невѣжествѣ и произволѣ администраціи, возмутительное дѣло по ложному обвиненію сестры Д. въ поддѣлкѣ завѣщанія, въ которое вмѣшалась, по просьбѣ обвинителей, жандармская власть, произведшая въ ея домѣ разгромъ. Быть можетъ, въ послѣдующихъ частяхъ воспоминаній, гдѣ рѣчь должна итти о болѣе близкомъ времени, память сохранила Дельвигу больше интересныхъ подробностей (*„Вѣст. Евр.“ 1912—12*).

Воспоминанія сенатора А. И. Дельвига, племянника извѣстнаго поэта пушкинской эпохи, составятъ пять томовъ. Только что вышедшій первый томъ обнимаетъ собой двадцатые и тридцатые годы минувшаго столѣтія. Напечатанная часть этихъ воспоминаній интересна разносторонностью своего содержанія. Передъ читателемъ проходятъ картины и столичной, и провинціальной жизни того времени. Повѣствованіе мемуариста изобилуетъ характерными черточками стараго быта и колоритными фигурами далекаго прошлаго. Здѣсь и патріархальный полицеймейстеръ, издающій приказъ, чтобы пожарныя команды выѣзжали изъ дворовъ „за четверть часа до начала пожара“, и старосвѣтскій помѣщикъ, убѣжденный въ томъ, что всѣ поэты ведутъ безнравственный образъ жизни, залѣзаютъ на деревья, скрываются въ вѣтвяхъ и поютъ оттуда непремѣнно неприличные стихи, и другой помѣщикъ, совершенно на манеръ гоголевскаго персонажа создавшій у себя въ имѣніи сложнѣйшую іерархію конторъ и канцелярій съ колоссальнымъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, и много еще другихъ типичныхъ представителей добраго стараго времени. Подъ перомъ мемуариста раскрываются картины и чиновничьей службы, и помѣщичьяго хозяйства, и домашней обстановки, и общественныхъ нравовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX ст. Наконецъ, немало мѣста удѣлено здѣсь и воспоминаніямъ о литературныхъ кружкахъ того времени. Много говорится о поэтѣ Дельвигѣ и всѣхъ близкихъ къ нему литераторахъ: Пушкинѣ, Плетневѣ, Гнѣдичѣ, кн. Одоевскій, Подолинскій, Рылѣевѣ, Измайловѣ, Бестужевѣ, Гоголь и, съ другой стороны, Булгаринѣ и Гречъ часто фигурируютъ на страницахъ разсматриваемаго тома. Сообщаются подробности по исторіи изданія „Литературной Газеты“ и по исторіи внутреннихъ отношеній въ дельвиговскомъ кружкѣ, дополняющія матеріалы, сообщенные въ монографіи Гаевскаго о Дельвигѣ. Въ дальнѣйшихъ главахъ очерчены московскіе литературные круги. Тутъ выводятся Дмитріевъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Кетчеръ, Хомяковъ, Михаилъ Бакунинъ и въ особенности Чаадаевъ. Никакихъ крупныхъ новыхъ фактовъ изъ міра литераторовъ Дельвигъ не сообщаетъ, но важно то, что онъ, такъ сказать, зарисовываетъ съ натуры всѣхъ этихъ замѣчательныхъ людей, отмѣчая тѣ мелкія повседневныя черточки ихъ жизни, ихъ пріемовъ и привычекъ, которыя порой бываютъ такъ драгоцѣнны для возсозданія личностей былого времени во всей ихъ жизненной конкретности.

Кто цѣнитъ въ историческихъ мемуарахъ не столько отдѣльныя фактическія сообщенія, сколько общую картину жизни минувшихъ эпохъ, тотъ прочтетъ не безъ интереса воспоминанія Дельвига. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“ 1912—280.*)

* **Барятинскій, В. В.** 9(47):92(А)

См. пор. № 318.

* **Васенко, П. Г. и др.** 9(47):929(Р)

См. пор. № 320.

* **Рогова, О. И.** 9(496)(0:8—3)

См. пор. № 312.

317. Амфитеатровъ, А. 9(×91.8)

Славянское горе. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб., 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Книга представляетъ собою сборникъ статей, написанныхъ авторомъ во время его путешествія по балканскимъ государствамъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Интересъ ея тѣмъ не менѣе чисто злободневный. Талантъ автора сумѣлъ предугадать многія изъ событій нашихъ дней, сумѣлъ точно оцѣнить взаимоотношенія тѣхъ силъ, какія борятся теперь, рѣшая судьбы балканскаго союза.

Чрезвычайно интересна, напримѣръ, оцѣнка необходимости порта на Адріатическомъ морѣ для Сербіи. Еще интереснѣе разоблаченіе политики Австріи, которая съ нашей стороны, въ Галиціи и Червонной Руси, представляется культурнымъ государствомъ, съ культурными пріемами управленія инородческими провинціями, а тамъ, на Балканахъ, ведетъ себя какъ хищный спрутъ, стремящійся лишь поглощать, звѣрски и жестоко.

Нечего и говорить, какъ ярко, какъ талантливо изображены г. А. славянскія племена съ ихъ бытомъ, ихъ обликомъ, ихъ нравами. Нечего говорить, какъ выпукло и психологически-интересно описаны имъ личности монарховъ балканскихъ народностей. Достаточно сказать, что этотъ сборникъ почти пророческихъ статей, написанныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ, цѣннѣе и интереснѣе всей литературы о Балканахъ, появившейся въ связи съ переживаемымъ моментомъ. (*И. Лопатинъ „У. Рос.“ 1912—283*).

Изд. „Моск. кн-ва“ Ц. 1 р. 40 к.

Нельзя не привѣтствовать выхода этой книги. Болѣе удобнаго момента выбрать невозможно. Одно имя автора говоритъ за себя и каждый, конечно, прочтетъ книгу съ огромнымъ удовольствіемъ. Издана книга очень хорошо. Хорошая убористая печать, прекрасная бумага и очень оригинальная заставка. (*В. К. „Вѣч. Изв. газ. Коммерсантъ“ 1912—47*).

318. Барятинскій, В. В. 92(А):9(47)

Царственный мистикъ (Александръ I — Ѳедоръ Кузьмичъ).

И. К. Шильдеръ, великій князь Николай Михайловичъ, графъ Л. Н. Толстой—легенда о Ѳедорѣ Кузьмичѣ интересовала ихъ. Всѣ трое старались разрѣшить вопросъ о тожественности императора Александра и старца. Одинъ великій князь Николай Михайловичъ категорически опровергъ легенду. По мнѣнію августѣйшаго изслѣдователя, нѣтъ никакихъ данныхъ, могущихъ подтвердить подмѣну тѣла въ Таганрогѣ и симуляцію кончины императора. Изъ переписки императрицы Елизаветы Алексѣевны съ матерью, маркграфиней Баденской, изъ писемъ кн. Волконскаго и ген.-адъют. Дибича, и изъ дневника лейбъ-медика Вилліе и Тарасова, явствуетъ, что государь простудился въ Крыму, вернулся въ Таганрогъ 5-го декабря больнымъ и, прохворавъ четырнадцать дней, скончался 19-го декабря. Великій князь Николай Михайловичъ не допускаетъ мысли, чтобы почти черезъ сто лѣтъ послѣ таганрогской драмы выплыли на свѣтъ такіе документы, которые подтвердили бы легенду. Если за эти годы историкъ не можетъ найти во всѣхъ секретнѣйшихъ архивахъ даже намека на возможность обмана, то значитъ никакой симуляціи не было: Александръ I умеръ въ Таганрогѣ и вся легенда о Ѳедорѣ Кузьмичѣ есть только красивая сказка. Левъ Толстой одно время былъ убѣжденъ въ тожественности старца съ Александромъ I. Затѣмъ, подъ вліяніемъ великаго князя Николая Михайловича, онъ тоже отказался отъ своего предположенія. Н. К. Шильдеръ въ своей исторіи отказался отъ надежды доказать прекрасную легенду. Архивы были противъ него. Однако до конца своей жизни Н. К. былъ убѣжденъ, что его любимый герой умеръ въ Сибири подъ именемъ Ѳедора Кузьмича. Такое искушеніе было слишкомъ въ характерѣ Александра. Н. К. Шильдеръ былъ мистикъ. Въ тѣсномъ кругу онъ любилъ разсказывать слѣдующіе таинственные случаи въ своей жизни. Страдая невыносимыми невралгическими болями, онъ тщетно обращался къ врачамъ за помощью. Души, купанья, гипнозъ—ничто не помогало. Приступы повторялись съ поразительной точностью и съ каждымъ разомъ дѣлались все болѣе и болѣе невыносимыми. Какъ-то, раздумывая о Ѳедорѣ Кузьмичѣ, Н. К. Шильдеръ,—повторяю, человѣкъ чрезвычайно мистически настроенный, задумалъ разрѣшить свои сомнѣнія слѣдующимъ образомъ. „Если Ѳедоръ Кузьмичъ и Александръ I одно и то же лицо, то невралгическія боли у меня не повторятся. Если же я ошибаюсь, то страданья меня не оставятъ“. На этомъ мѣстѣ разсказа Н. К. Шильдеръ обводилъ своихъ слушателей торжествующимъ взоромъ и добавлялъ: „Боли никогда не повторялись“. Кн. Б., начиная свое изслѣдованіе о царственномъ мистикѣ, говоритъ, что его натолкнулъ на мысль просмотрѣть всѣ документы Н. К. Шильдеръ. По мнѣнію автора, не могъ же историкъ увлечься романической сказкой; долженъ же онъ былъ имѣть какія-нибудь данныя для этого? „А что Шильдеръ допускалъ эту возможность—это я зналъ навѣрное“,—добавляетъ кн. Б. Впрочемъ самъ великій князь Николай Михайловичъ свидѣтельствуетъ, что Шильдеръ былъ убѣжденный защитникъ легендъ. Кн. Б. задался цѣлью собрать въ своей книгѣ все то, что уцѣлѣло въ архивахъ изъ документовъ, относящихся къ кончинѣ императора Александра I. Извѣстно, что документы эти весьма бѣдны: Николай I систематически уничтожалъ всѣ бумаги, имѣвшія касательство къ жизни своего брата. Имъ были сожжены дневники императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елизаветы Алексѣевны, уничтожена переписка государя съ близкими людьми и т. д. Остались лишь сухія данныя да случайно уцѣлѣвшія письма. Кн. Б. сразу вводитъ читателя въ заколдованный кругъ недомолвокъ, противорѣчій, завѣдомыхъ обмановъ и апокрифическихъ документовъ. Авторъ доказываетъ рядомъ ссылокъ и сопоставленій, что официальная исторія болѣзни и смерти государя была написана позже, такъ сказать, по заказу. Всѣ же подлинныя записки доведены лишь до 11 декабря: здѣсь нить порывается и возобновляется лишь въ двадцатыхъ числахъ декабря, т. е. черезъ два-три дня послѣ предполагаемой кончины Александра. По мнѣнію автора, эти дни и были посвящены приготовленіямъ къ симуляціи кончины. Эти дни были полны борьбы государя съ окружающими—вносить такіе разговоры на страницы дневника и писемъ, конечно, никто не рисковалъ. Послѣ окончанія дѣла кн. Волконскій, Дибичъ и Тарасовъ написали все, что полагалось написать, и размѣтили свои письма и записки соотвѣтствующими числами. Въ эпизодахъ изъ жизни старца Б. находитъ подтвержденіе своихъ предположеній. Много лицъ узнавали въ Ѳедорѣ Кузьмичѣ императора, оставленныя старцемъ записки написаны почеркомъ, совершенно схожимъ съ рукой государя, наконецъ, отношеніе къ Ѳедору Кузьмичу высокихъ особъ свидѣтельствуетъ, что старецъ былъ никогда недосягаемымъ лицомъ. Авторъ еще подчеркиваетъ то необъяснимое явленіе, что послѣ смерти государя вездѣ ходили упорные слухи, что императоръ скрылся и вмѣсто него былъ похороненъ фельдъегерь Масковъ. Въ семьѣ Маскова до сихъ поръ хранится легенда о томъ, что ихъ предокъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ, на мѣстѣ, предназначенномъ государю. Послѣдній потомокъ Маскова, по женской линіи, проф. технол. института Курбатовъ, подтверждалъ великому князю Николаю Михайловичу, что такая увѣренность дѣйствительно жила въ семьѣ. Поддерживалась она и тѣмъ, что дѣти Маскова неоднократно получали большія суммы отъ императора Николая Павловича и воспитывались на казенный счетъ въ институтахъ. Книга Б. читается съ неослабѣваемымъ интересомъ; старые годы захватываютъ читателя съ первой строки. Лихорадочно просматриваешь документъ за документомъ и постепенно проникаешься убѣжденіемъ, что Ѳедоръ Кузьмичъ не то лицо, за которое себя выдавалъ, и что легенда хранитъ въ себѣ неразрѣшимую тайну. (*Ил. Кр—ко. „Нов. Вр.“ 1912—13181*).

* **Ремюза, г-жа.** 92(Н) : 9(44)(003)

См. пор. № 313.

319. Воскресенскій, А. 92(Р) : 75

Рябушкинъ. Біографич. очеркъ. Изд. Н. П. Бутковской. С.-пб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Покойный А. П. Рябушкинъ, обладая яркимъ талантомъ, въ продолженіе всей своей недолгой жизни не чуждъ былъ самыхъ разносторонихъ исканій и къ концу своей художественной карьеры остановился на мотивахъ русскаго быта эпохи XVII столѣтія. Составитель монографіи о Рябушкинѣ г. В., товарищъ покойнаго по академіи, съ большой любовью передаетъ извѣстныя

ему черты изъ жизни художника и старательно выясняетъ его роль въ исторіи отечественнаго искусства. Къ книгѣ приложены многочисленные снимки съ работъ А. П. Рябушкина, но исполнены они настолько мелко, что судить по нимъ о достоинствѣ подлинныхъ произведеній довольно трудно. (*Е. „Ил. Обозр. Гол. М.“ 1912—272*).

Нѣкоторые біографы полагаютъ почему-то, что ихъ обязанность только хвалить того, о комъ они пишутъ. Разъ человѣкъ удостоился біографіи, надо мобилизовать весь запасъ хорошихъ словъ и оперировать только ими. Рябушкинъ конечно достоинъ многихъ хорошихъ словъ. Но у В. выходитъ это какъ-то нарочито, мѣстами шаблонно и потому мало убѣдительно... Біографія составлена старательно и содержитъ любопытныя подробности. Характеренъ фактъ, что Рябушкинъ, какъ къ судьямъ своихъ картинъ, обращался къ крестьянамъ. Чѣмъ-то болѣзненнымъ отзывается отъ усилившейся страсти Рябушкина сжигать свои работы, потерпѣвшія неудачу. Досадно, что авторъ не остановился на причинахъ отказа „Міра Художниковъ“ принять рабушкинскаго Ивана Грознаго, отказа, повлекшаго уничтоженіе картины. Изданіе симпатично и прилично, но слишкомъ дорого. Предпринятая серія монографій была бы вдвое цѣннѣе и полезнѣе, если бы была доступнѣе. (*Б. Шуйскій. „День“ 1912—32*).

320. Васенко, П., Платоновъ, С., проф., Тураева-Церетели, Е. 929.1(Р):9(47)

Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Изд. Я. Башмакова. СПБ. 1912 г. Стр. 248. Ц. 1 р. 75 к.

Книжка состоитъ изъ нѣсколькихъ очерковъ, дающихъ въ общемъ связный и послѣдовательный разсказъ о происхожденіи династіи Романовыхъ и объ условіяхъ воцаренія ихъ. Родоначальникамъ династіи отведено два обстоятельныхъ первыхъ очерка, написанныхъ г. Васенко. Профессору Платонову принадлежитъ заключительная глава, носящая названіе „Вся Земля“. Въ этомъ очеркѣ авторъ еще разъ анализируетъ значеніе тѣхъ земскихъ соборовъ, тѣхъ „совѣтовъ всея земли“, которые сыграли такую роль въ государственномъ сложеніи Россіи послѣ смуты и которые принесли съ собой впервые совершенно новую государственную идею—идею народнаго представительства, какъ сказали бы мы теперь. Эта идея не укрѣпилась надолго. Уже при царѣ Алексѣѣ, въ порядкахъ управленія брало верхъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе,—приказное начало, бюрократизмъ; соборы созывались все рѣже и рѣже, и „вся земля“ повеногу становилась не управляющей, а управляемой и опекаемой средой. Но долго еще,—пишетъ проф. Платоновъ,—московскіе люди вспоминали подвиги „всея земли“ и вѣрили, что безъ нея „нѣтъ спасенія въ опасностяхъ“. (*„Совр. Сл.“ 1912—1756.*)

Несмотря на то, что въ общемъ книга составлена очень удачно, а имя проф. С. Ѳ. Платонова, автора лучшаго у насъ сочиненія по исторіи смуты, позволяетъ не сомнѣваться въ строгой научности и полной исторической достовѣрности всѣхъ очерковъ, въ нихъ допущены нѣкоторые промахи и неточности. Такъ, совершенно не обрисованы обстоятельства, предшествовавшія появленію перваго самозванца, между тѣмъ, какъ они отчасти способствовали его появленію и при разсмотрѣніи ихъ яснѣе та роль, какую сыграли въ родной исторіи первые Романовы.

Ограничительныя обязательства Михаила Ѳеодоровича отвергаются учениками проф. С. Ѳ. Платонова безъ всякихъ оговорокъ, хотя за существованіе ихъ стоитъ проф. В. П. Ключевскій. Эти недочеты скорѣе другихъ бросаются въ глаза, и ихъ слѣдовало бы исправить. (*„Ил. Обозр. Гол. М.“ 1912—272*).

О книгѣ „Начало династіи Романовыхъ“ можно сказать только хорошее. За научныя ея достоинства ручаются имена трехъ ученыхъ ея авторовъ. Но авторы не только добросовѣстные ученые, а и настоящіе мастера слова, умѣющіе облекать свои знанія въ популярную и изящную форму. Изложеніе книги отличается всѣми свойствами хорошаго литературнаго слова. (*И. П. „Вятск. Р.“ 1912—251*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

949. Языковъ, Д. Д. 013(47)

Образъ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. 12. (Умершіе въ 1892 году.) Спб. 1912. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Стр. 280. Ц. 1 р. 35 к.

950. Владиславлевъ, И. В. 028

Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Пособіе для учащихся. Кн-во „Наука“. М. 1912. Стр. 20+36 вчнум. Ц. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Къ читателямъ. Мысли о чтеніи и книгахъ. Нѣсколько словъ по поводу записи о книгахъ научнаго содержанія. Примѣрный планъ записи.—Листы для записей.

951. [. . . . .] 05:92(T)

Толстовскій Ежегодникъ 1912 г. М. 1912. Изд. О-ва Толстовск. музея въ Петербургѣ и Толстовскаго О-ва въ Москвѣ. Стр. 306. Съ 3 портр. М. 1912. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе.—Изъ дневника Л. Н. Толстого.—Молитва внучкѣ Сонечкѣ.—*С. А. Толстая.* Воспоминанія (Власть тьмы).—*А. А. Стаховичъ.* Клочки воспоминаній (Власть тьмы).—*Н. В. Давыдовъ.* Откуда Л. Н. почерпнулъ сюжетъ драмы „Власть тьмы“.—*Г. А. Русановъ.* Поѣздка въ ясную Поляну.—*А. Пѣшкова-Толиверова.* Воспоминанія.—*М. Шишкинъ.* Л. Н. въ памяти Голицынскихъ крестьянъ.—Воспоминанія Ясно-Полянскихъ крестьянъ (съ пред. Т. Л. Сухотиной).—*С. Лысухинъ.* Исповѣдь.—*А. Е. Грузинскій.* Ясно-Полянская библіотека.—*С. Л. Толстой.* Л. Н. о поэзіи Тютчева.—*А. Т. Соловьевъ.* Моя переписка съ Л. Н. и М. Н. Толстыми.—*А. Б. Гольденвейзеръ.* Списокъ музыкальныхъ произведеній, любимыхъ Л. Н. Толстымъ.—*С. Л. Толстой.* Муз. произведенія, любимыя Л. Н. Толстымъ.—*С. Л. Толстой.* Общество Руссо въ Женевѣ.—*А. В. Цингеръ.* На женевскихъ торжествахъ въ память Руссо.—*Г. Бенруби.* Толстой—продолжатель Руссо (пер. съ франц.).—*Н. Н. Гусевъ.* Хроника.—*Б. С. Боднарскій.* Библіографія произведеній Л. Н. Толстого, вышедшихъ въ Россіи съ 7 ноября 1910 г.—*П. И. Богдановъ.* Годовой отчетъ О-ва Толстовскаго музея.—*П. И. Бирюковъ.* Краткое описаніе Толстовскаго музея въ Москвѣ.—*П. И. Бирюковъ.* Новыя пріобрѣтенія Толстовскаго музея въ Москвѣ.—Поправка о письмахъ Л. Н. къ А. А. Толстой.—Вальсъ, приписываемый Л. Н. Толстому (записанъ С. И. Танѣевымъ).—Оглавленіе.

952. [. . . . .] 059

Нижегородскій Ежегодникъ. 1913. Иллюстр. литерат. календарь-справочникъ. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Годъ изд. третій. Съ прил. карты Нижегор. губ., 5 плановъ, 20 видовъ и рис., 9 портр. и 4 чертеж. Н.-Новг. 1913. Стр. 319. Ц. 40 к.

Содержаніе: Общій отдѣлъ. Литературный отдѣлъ — Нижегородскій край. Городское дѣло. Земское дѣло. Народное образованіе. Народное здравіе. Ветеринарія. Страховое дѣло. Сельское хозяйство. Кустарная промышленность. Дорожное дѣло. Техника. Вопросы кооперація. Научный отдѣлъ. Историческій отдѣлъ. Годовщины и некрологи. Справочный отдѣлъ.

953. [. . . . .] 06:63

„Ноябрьскія“ засѣданія об-ва взаимопомощи русскихъ агрономовъ (13-го—22 ноября 1911 года). М. 1912. Стр. 52+52.

Содержаніе: І. М. Гольдштейнъ. Русско-германскій торговый договоръ и задачи Россіи.

954. Гурьевъ, А. 08

Отъ скуки. Кн. 1-я Спб. 1913. Стр. 159. Ц. 1 р.

Содержаніе: Женскій парламентъ. Народное благосостояніе. Вымираніе Франціи. Астрологія. Охота. Прейсъ-курантъ министровъ. Проэкты г. Ярмонкина. Вильгельмъ-балетоманъ. Архитектурныя безчинства. Гаремъ. Бѣлыя ночи. Реформа полиціи. Парламентскія дуэли. Мечты о министерскомъ портфелѣ. Диллетанство. Русская исторія. Мебель. Депутатское жалованье. Математика. Государственные люди. Фальсификація. Государственные долги. Дамскія шляпы. Въ ожиданіи холеры. Розсказни иностранцевъ о Россіи. Бумажныя души. Жара. Древніе языки. Телефонныя барышни. Банкиры. Страхованіе жизни. Ругань. Салонные композиторы. Женская красота.

955/977. [. . . . .] 08

Изданія „Посредника“: *Аксаковъ, С. Т.* Аленькій цвѣточекъ. Сказка. Ц. 3 к.—*Вендровъ, Д.* „Безъ кормильца“ Разсказъ. Ц. 1½ к.—*Гоголь, Н. В.* Женитьба. Комедія. Ц. 7 к.—Жемчужина Адальмины. Сказка. Ц. 2 к.—*Лагерлефъ, С.* Ингмаровы сыновья. Разсказъ. Ц. 4 к.—*Лобачевскій, М.* Маруська. Ц. 1½ к.—Въ чужіе люди. Разсказъ. Ц. 1½ к.—*Никитинъ, И. С.* Лѣсъ и др. стих. Ц. 3 к.—Дѣлежъ и др. стих. Ц. 1 к.—Пахарь и др. стих. Ц. 2 к.—Тарасъ. Разсказъ въ стих. Ц. 2 к.—Портной и др. стих. Ц. 2 к.—Ухарь-купецъ и др стих. Ц. 2 к.—*Ожешко, Э.* Братскія узы. Разсказъ. Ц. 4 к.—*Поступаевъ, О.* Сапоги. Разсказъ. Ц. 1 к.—Старый лопарь. Сказка. Ц. 2 к.—*Толстой, Л. Н.* Старикъ и яблони и др. разсказы. Ц. 1½ к.—Карма. Ц. 2 к.—Бесѣда досужихъ людей. Ц. 2 к.—Смерть Трофима Семеновича. Ц. 2 к.—*Яхонтовъ, Е.* Прачкина дѣвчонка. Разсказъ. Ц. 2 к.—Хабарда. Разсказъ. Ц. 2 к.

978. Колмаковъ, М. М. 08

Для вдумчивыхъ, искреннихъ и чуткихъ людей.

I. Четверичность „Царя природы". II. Проблески истины. Этюды. Кіевъ 1912. Стр. 127. Ц. 75 к.

Содержаніе: О „Четверичности". Божія—Боговн. Вѣнецъ творенія. Покровитель природы. Побѣдители природы. Совѣсть. Счастье. Истина. Душа. Чувства. Мысли. „Мы" и природа Животныя и люди. Грѣхи. Свобода воли. Совѣты. Половая любовь. Женщины. Противорѣчія. Жизнь. Любовь и жалость.

979. [. . . . .] 08

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1913. Стр.X+517. Съ 3 портр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Изъ писемъ М. М-ча къ женѣ 1868 г. Письма И. А. Гончарова. Письма кн. В. М. Чегодаевой. Письма С. А. Никитенко, А. Г. Полотебнова. Переписка съ В. А. Арцимовичемъ. „Катковъ" статья Г. Брандеса. Письма В. М. Жемчужникова. Переписка: съ А. М. Жемчужниковымъ, съ А. Ѳ. Кони. Письма Саввы Грунча.

980. Писаревъ, Д. И. 081

Сочиненія. Полное собраніе въ шести томахъ. Дополнительный выпускъ. Спб. 1913. Изд. 2-е, доп., Ф. Павленкова. Стр. 314. Ц. 50 к.

981. Вахтерова, Э. 087

Въ пустынѣ. Разсказъ путешественника. Съ 9 рис. Изд. „Юный чит.", 3-е. Спб. 1912. Стр. 24. Ц. 8 к.

982. Каррикъ, Валерій. 087

Сказки-картинки. Изд. „Задруги". Спб. 1912. Стр. 40. Ц. 60 к.

Содержаніе: Колобокъ. Про сѣраго козлика. Про пѣтуха, кота и лисицу. Красная шапочка. Рукавички. Пѣтухъ и бобокъ. Пословицы.

983. Ливи, В. 087

„Дѣтскій театръ".— Прямо поѣдешь—недруга встрѣтишь. (Дикообразъ.) Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Изд. 3-е, перераб. и доп. Спб. 1913.Стр. 62. Ц. 50 к.

984. Манасеина, Н. 087

Марѳинькины святки и др. разсказы. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1912. Стр. 81. Ц. 50 к.

Содержаніе: Марѳинькины святки. Съ рис. В. Каррика. Сочельникъ царя Алексѣя Михайловича. Цвѣтоносный день. Съ вербы. Тайная милостыня. Съ рис. П. Соловьевой.

985. Манасеина, Н. 087

„На Рождествѣ". Три разсказа для дѣтей. Съ рис. Т. Гиппіусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой (Allegro). Изд. 3-е, журн. „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 71. Ц. 50 к.

Содержаніе: Волшебница. Извозчикъ. Кирюшка.

986. Насвѣтова, Ю. 087

Спинюшки и др. разсказы. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 168. Ц. 1 р.

Содержаніе. Спинюшки. Скокъ. Въ саду. Голубая щука. Бабушкинъ коверъ. Айструшка. Мурзинка и Базиль. Въ ночномъ. Перепелъ о. Савватій. Мордашка.

987. [. . . . .] 087

„Новый міръ" и др. сказки въ перев. Н. Манасеиной и П. Соловьевой. Съ рис. Т. Гиппіусъ, Макса Либензейнъ и др. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 98. Ц. 50 к.

Содержаніе: Новый міръ. Курдо Ласвица. Принцъ Бобикъ и принцесса Горошинка. Шарля Нодье. Пойманная молонія. Курдо Ласвица. Репейникъ. Пер. съ нѣм. Земля и комета. Эвольда. Мухоморъ. Кибера. Слѣпая королевна. Адольфа. Гольстъ.

988. Оксъ, Викторъ. 087

Ла и Джо. Разсказъ. Съ рис. Allegro. Изд. „Юный чит". Спб. 1912. Стр. 31. Ц. 12 к.

989. Паркеръ, Ф. 087

Сузи и ее братья. Какъ жили у себя въ деревнѣ маленькіе американцы. Съ англ. Л. и Ж. Караваевы. Со множ. рис. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 103. Ц. 55 к.

Содержаніе: Тѣнистый уголокъ. Пернатые строители. Барри. Другія собаки. Первый хлѣбъ Сузи. Зерновые хлѣба. Садикъ въ лѣсу. Кролики. Маминъ визитъ въ домикѣ Сузи. На гумнѣ. Птичьи гнѣзда. Садикъ около дома. Письмо дяди Роберта.

990. Рагоза, Н. 087

Король колючихъ зарослей и другіе разсказы изъ жизни животныхъ. Съ рис.—„Библіот. Н. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юнош." № 219. М. 1913. Стр. 55. Ц. 30 к.

Содержаніе: Король колючихъ зарослей. Жако. Въ лѣсу. Птица быстринъ.

991. Рейгенмейеръ, С. 087

Сказки изъ жизни природы. Передѣл. съ нѣм. Е. В. Орловой. Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 50. Ц. 50 к.

Содержаніе: Снѣгъ. О томъ, какъ путешествовалъ вѣтеръ. Солнечный лучъ. Дождевые капли. Радуга.

992. Рербергъ, С. 087

Мальчикъ-чайка и дѣвочка-ласточка. Сказка. Съ рис. худ. С. В. Беклемишева. М. 1913.Стр. 24. Ц. 25 к.

993. Тернеръ, Эртель. 087

Юные австралійцы. Въ переработкѣ Н. Шишкова. Изд. „Юный чит.", 2-е. Спб. 1912. Стр. 186. Ц. 60 к.

Содержаніе: Наши герои. Куры къ обѣду. Добродѣтель не всегда награждается. Генералъ въ походѣ. Понедѣльникъ утромъ. Шестнадцать лѣтъ. Послѣдствія. Пудикъ въ роли героя. Бѣглянка. Бѣдный Пудикъ. Незваные гости. Приглашеніе въ деревню. По желѣзной дорогѣ. Ярранинн. Загонъ быковъ въ Ярранинн. Пикникъ у Кранги-Бату. Голубая ленточка. Опять Жукъ. Ковецъ пикника. Ночь въ лѣсу. Въ погонѣ. Въ лѣсу.

994. Уралоевъ, Я. Н. 087

Школьная елка. Сборникъ. Праздничный подарокъ дѣтямъ. Кн-во К. Н. Тихомірова. М. 1913. Стр. 256. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Святочные разсказы. Святочныя стихотворенія. Легенды. Сказки. Разсказы. Стихотворенія для литературнаго утра или вечера елки. Басни. Дѣтскія сценки. Живыя картинки. Пѣсни. Игры и забавы.

995. Штормъ, Т. 087

Петрушка. Повѣсть. Пер. Н. Манасеиной. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 80 Ц. 25 к.

Философія [1]

996. [. . . . .] 1(05)

„Логосъ". Междунар. Ежегодникъ по Философіи Культуры. Русское изд. Годъ изд. 3-й. 1912—1913 г. Кн. I и II. Кн-во „Мусагетъ". М. 1913. Стр. 418. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Риккертъ, Г. Цѣнности жизни и культурныя цѣнности. Зиммель, Г. Истина и личность. Васильевъ, Н. Логика и математика. Лосскій, Н. Логическая и психическая сторона. утвердит. и отрицательныхъ сужденій. Яковенко, Б. Объ имманентномъ трансцедентизмѣ, трансцендентальномъ имманентизмѣ и дуализмѣ вообще. Гессенъ, С. Философія наказанія. Вайцзекеръ, В. Неовитализмъ. Фосслеръ, К. Отношеніе исторіи языка къ исторіи литературы. Мелисъ, Г. Формы мистики. Лукачъ, Г. Метафизика трагедіи. Зміевъ, А. Значеніе Отечеств. войны въ исторіи русскаго самосознанія. Радловъ, Э. Гносеологія Вл. Соловьева. Фриммейзенъ-Кёлеръ. Вильгельмъ Дильтей, какъ философъ. Библіографія. Обзоръ журналовъ. Замѣтки.

997. Бергсонъ, Анри. 13

I. Психо-фзіологическій паралогизмъ. II. Сновидѣніе. Пер. съ франц. В. А. Флеровой. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 50 к.

Содержаніе: Психо-физіолог. паралогизмъ. (Докладъ, читанный на международ. философскомъ конгрессѣ въ 1904 г.) Сновидѣніе. (Лекція, читан. въ Парижскомъ Психологич. Институтѣ 26 марта 1901 г.)

998. Контъ, Огюстъ. 146(K)

Родоначальники позитивизма. Вып. V. Пер. Л. А. Шапиро. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1913. Изд. Акц. О-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Стр. V+ +200. Ц. 1 р. 50 к.

* **Лямсцусъ, Вильгельмъ.** 17:355

См. пор. № 1010.

Религія [2]

999. Закржевскій, Александръ. 2(08)

Религія. Психологич. параллели. Изд. журн. „Искусство". Кіевъ. 1913. Стр. VII+473. Ц. 1 р.

Содержаніе: Достоевскій. З. Гиппіусъ. Д. С. Мережковскій. Н. М. Минскій. С. Булгаковъ. Н. А. Бердяевъ. В. В. Розановъ. Андрей Бѣлый. Вяч. Ивановъ. Алекс. Блокъ. Алекс. Добролюбовъ.

1000. Боголюбскій, Н. И., проф. 23

Богословіе въ апологетическихъ чтеніяхъ. Вып. I. М. 1913. Изд. Комм. Студ. Моск. Коммерч. Инст. Стр. VIII+271. Ц. 1 р. 50 к.

1001. Каптеревъ, Н. Ѳ., проф. 281.93.01

Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ.—Время патріаршества Іосифа. Приложеніе. Отвѣтъ проф. Субботину. Изд. 2-е М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. VIII+271. Ц.

Содержаніе: Время патріаршеества Іосифа. — Характеръ отношеній къ кіевлянамъ и кіевской литературѣ при патріархѣ Іосифѣ. Характеръ отношеній къ греческой вселенской церкви при патріархѣ Іосифѣ. Книжныя исправленія при патр. Іосифѣ. О книжныхъ справщинахъ при патр. Іосифѣ и происхожденіи двуперстія. О попыткахъ при патр. Іосифѣ устроить въ Москвѣ школу съ помощью ученыхъ грековъ и кіевлянъ. Кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся въ Москвѣ во вторую половину патріаршества Іосифа. Приложенія.

1002. Михаилъ, епископъ, 281.93.01(0:8—3)

Великій разгромъ. Историч. повѣсть изъ временъ первыхъ гоненій на старообрядчество. Въ 3-хъ частяхъ. М. 1912. Изд. Моск. Старообр. Брат. Честн. Креста. Стр. 195. Съ рис. Ц. 75 к.

Соціальныя науки [3]

1003. Гвирцманъ, А. М. 301

Соціологія Уорда и ея отношенія къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. Выпускъ II. Спб. 1913. Стр. 200. Ц. 1 р. 30 к.

1004. Перцовъ, П. 323.1

Панруссизмъ или панславизмъ? М. 1913 Стр. 64. Ц. 50 к.

1005. Богучарскій, В. 329(47)„1870:80"

Активное народничество семидесятыхъ годовъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 383. Ц. 2 р.

1006. [. . . . .] 331

Новый законъ о страхованіи рабочихъ. Больничныя кассы и страховыя товарищества. Полный текстъ закона съ краткими разъясненіями. М. 1913. Изд. П. Д. Сытина. Стр. 64. Ц. 15 к.

1007. Тверской, П. А. 333.5

Земельный голодъ и борьба съ нимъ. Спб. 1912. Стр. 93. Ц. 50 к.

1008. Ковальскій, Д. И. и Рудинъ, Д. П. 333.5(47)

Алфавитный справочникъ къ Положенію о Землеустройствѣ (т. X, ч. 3, Св. Зак., изд. 1912 г.) и къ Наказу землеустр. комиссіямъ по примѣненію Положенія. Кіевъ. 1912. Стр. 87. Ц. 1 р.

1009. Толстой, Павелъ, гр. 342.7(47)

Ограниченіе свободы печати обязательными постановленіями въ порядкѣ охраны. Докладъ въ извлеченіи, прочитанный въ Юридич. Общ. при Спб. унив. 12 мая 1912 г. Спб. 1912 г. Стр. VII+148. Ц. 40 к.

Содержаніе: Предисловіе. Практика изданія Обяз. Пост., ограничивающихъ свободу печати. Обяз. Пост. и дѣянія, не измѣнлющія отношенія къ крамолѣ. Обяз. Пост. и дѣянія, караемыя уголовнымъ закономъ. Обяз. Пост. и законопроекты отклоненныя или еще не проведенныя. Обяз. Пост. и дѣянія, безразличныя въ обыкновенное время. Обяз. Пост. и временныя правила о печати 24 ноября 1905 г. Обяз. Пост. и „права россійскихъ подданныхъ". Режимъ исключит. положеній, какъ основа полномочія по изданію Обяз. Пост., съ точки зрѣнія новыхъ основныхъ законовъ.

1010. Лямсцусъ, Вильгельмъ. 355:17

Человѣческая бойня. Картины грядущей войны. Пер. С. Нестеровой. Съ предисл. П. С. Когана. Кн-во „Совр. проблемы". М. 1913. Стр. 103. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Немногія книги такъ нужны въ настоящую минуту европейскому обще-

ству, какъ это небольшое произведеніе. Это—отрезвляющій голосъ среди опьяненія и безумія, охватившаго широкіе круги".

1011. [. . . . .] 371

Опытъ преподаванія въ двухъ младшихъ классахъ городской начальной четырехгодичной школы. (Докладъ, прочитанный въ 1912 г. въ связи съ выставкой дѣтскихъ работъ). Сост. кружкомъ городскихъ учительницъ. Съ 27 рис. изображающими дѣтскія работы. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 28. Ц. 25 к.

Содержаніе: Вступленіе. Программа бесѣдъ въ первомъ классѣ. Какъ была разработана программа. Ходъ занятій во второмъ классѣ.

1012. Либровичъ, С. Ф. 371(08)

Школа для родителей. Задушевное воспитаніе. Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ. Подъ ред. В. Русакова. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфа. Стр. 36. Ц. 15 к.

* Гиршъ-Зимина и др. 371:68

См. поряд. № 1037.

1013. Хейсинъ, М. Л. 374

Какъ организовать и вести общество самообразованія. Спб. 1913. Стр. 72. Ц. 25 к.

1014. Мукссѣевъ, Б. А. 38(43:47)„1909"

Статистическая характеристика русско-германскаго тонарообмѣна въ 1909 году въ связи со ставками таможеннаго тарифа. Труды комиссіи по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Подъ ред. М. П. Тугань-Барановскаго. Спб. 1912. Стр. 35.

1015. Шабанова, А. Н., д-ръ. 396(47)

Очеркъ женскаго движенія въ Россіи. Спб. 1912. Стр. 32, съ 14 рис. Ц. 50 к.

Филологія [4]

1016. Борисовъ, Ѳ. Лавровъ, Н. 491.7

Планы, темы, статьи и рисунки для изложеній и сочиненій въ начальныхъ училищахъ. Новый путь обученія устному и письменному выраженію мыслей. М. 1913. Изд. К. И. Тихомирова, 7-е. Стр. 122. Ц. 30 к.

1017. Кульманъ, Н., проф. 491.7.07

Методика русскаго языка. Для педагогич. и учительск. институтовъ и семинарій, для педагогическихъ классовъ и для учителей низш. и средн. школы. Съ прил. 6 отд. табл. рисун. и 1 цвѣтн. табл. въ текстѣ. Изд. Я. Башмакова. Спб. 1912. Стр. VIII+304. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Введеніе. Методика обученія грамотѣ. Методика грамматики. Методика обученія орѳографіи. Объяснительное и выразительное чтеніе. Стилистическія упражненія. Приложеніе: Руководящіе вопросы при разборѣ пробныхъ уроковъ.

Чистыя науки [5]

1018. [. . . . .] 5(07)

„Естествознаніе въ школѣ". Неперіод. изд. выходящ. подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 2.—Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 139. Ц. 80 к.

Содержаніе: К. П. Ягодовскій.—Первый курсъ изученія природы. В. Ю. Ульянинскій.—Нѣкоторые вопросы методики природовѣдѣнія. М. В. Усковъ.—Самодѣльные приборы, какъ наглядныя пособія на урокахъ природовѣдѣнія. Б. Е. Райковъ.—Практич. занятія по неживой природѣ.

1019. Никоновъ, Л. Н. 5(07)

Постановка практическихъ занятій по начальному курсу природовѣдѣнія. Статья для преподавателей къ книжкѣ того же автора. „Практическія занятія по начальному курсу природовѣдѣнія". Изд. 3-е Подвиж. музея учебн. пособій И. Р. Т. О. Спб. 1913. Стр. 56. Ц. (не обозн.).

1020. Никоновъ, Л. Н. 5(075)

Практическія занятія по начальному курсу природовѣдѣнія. (Міръ неорганическій). Изд. 2-е. Подвиж. музея учебн. пособій И. Р. Т. О. Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 30 к.

* Савиньи. 5:79

См. поряд. № 1040.

1021. Лямина, А. А. 511(08)

Физико-математическая хрестоматія, т. 1. Ариѳметика. Изд. „Сотрудникъ Школъ", А. К. Залѣсской. М. 1912. Стр. 280. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Малы силы составителя этой книги; трудно исчерпать всю массу интересныхъ вопросовъ, входящихъ въ отрасль знанія, носящую названіе математики. Лучшей наградой за понесенные труды будетъ, если эта книга побудитъ читателя познакомиться съ другими работами родственнаго содержанія и поработать на необъятной математической нивѣ. Въ концѣ тома желающій можетъ найти библіографическій указатель книгъ русской и иностранной математической литературы, освѣщающей нѣкоторые уголки необъятной области интереснаго въ математикѣ и послужившей матеріаломъ при составленіи этого труда".

1022. Содди, Фр. 546

Химія радіоэлементовъ. Пер. съ англ. Я. Р. Шмидтъ, съ примѣч. и подъ ред. В. А. Бородовскаго.—„Пособія при изученіи химіи". Вып. 2-й. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 139. Ц. 80 к.

Изъ предисловія: „Книга С. въ литературѣ радіоактивныхъ веществъ представляетъ собою явленіе исключительное. С. взялъ на себя задачу критически разобрать извѣстныя до сихъ поръ изслѣдованія о химизмѣ радіоэлементовъ и въ предлагаемой книгѣ даетъ систематическій обзоръ химическихъ свойствъ каждаго радіоэлемента въ отдѣльности".

1023. Гайдуковъ, Н. М. 578(06)

Ультрамикроскопическія изслѣдованія. Труды Импер. Спб. общ. естествоисп. Томъ XLIII, 1912. Отдѣленіе ботаники. Подъ ред. В. Комарова. Спб. 1912. Стр. 136+3 табл.+15 рис. Ц. 1 р.

1024. Сетонъ-Томпсонъ, Э. 59(024.7)

Какъ долго живутъ животныя. Очеркъ. Пер. съ англ. П. А. Буланже. Съ рис.—„Библіотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества № 277". М. 1913. Стр. 16. Ц. 10 к.

Прикладныя науки [6]

1025. Александровскій, А., д-ръ. 613
Гигіена чтенія. „Библ. полезныхъ званій". Спб. 1912. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 23, съ 1 рис. Ц. 15 к.

1026. Никольскій, М. 613
Гигіена школьнаго юношества. Краткія общедост. правила для сохраненія здоровья учащихся. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфъ. Стр. 12. Ц. 5 к.

1027. Форель, Августъ. 613
Гигіена нервовъ и духа въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Пер. съ 3-го просмотр. нѣм. изд. врача П. Отть. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Душа, мозгъ и нервы въ нормальномъ состояніи. Патологія нервной жизни. Гигіена душевной жизни и нервной системы.

1028. Гольцовъ, П. 615(02)
Краткій учебникъ фармакогнозіи. Съ 15 рис. Тифлисъ. 1912. Стр. 164. Ц. 90 к.

Изъ предисловія: Предлагаемый краткій учебникъ фармакогнозіи составился изъ чтеній, веденныхъ авторомъ въ Тифлисской военно-фельдшерской школѣ въ теченіе 1904—12 учебныхъ годовъ".

1029. [. . . . .] 62(058)
„Hütte". Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ, съ дополн. для русскихъ техниковъ, подъ ред. инж. Г. Л. Зандберга. Въ 3-хъ частяхъ. М. 1912. Изд. 8-е. Съ рис. Ц. за 3 ч. 8 р.

1030. Піотровскій, Г. 629.13
Гидроавіація. (Опытъ руководства по ознакомленію съ гидроавіаціей). Спб. 1912. Стр. 65, съ рис.

1031. Каратыгинъ, Е. С. 63(489)
Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Очеркъ развитія товарищескаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ Даніи. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. X+164, съ рис., чертеж., планами. Ц. 1 р.

1032. Ускова, О. 636
Краткое руководство по разведенію кроликовъ. М. 1912. Изд. Комиссія кролиководства. Стр. 35, съ рис. Ц. 25 к.

1033. Групе, Марго. 64
Новое рукодѣліе. Книга для школы и семьи, составленная согласно съ новыми программами для женскихъ среднихъ школъ, учительскихъ семинарій и т. д. Составлена при содѣйствіи Г. Гирке, Е. Гассе, Е. Кёллингъ и Г. Вильмсъ. Вып. II. Со многими рис. Съ нѣм. перев. И. Оеттли. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 70. Ц. 45 к.

Содержаніе: Кройка и шитье на куколъ. Шитье на машинѣ. Изобрѣтеніе формъ и украшеній.

1034. [. . . . .] 649
„Дитя". Уходъ и физическое воспитаніе отъ рожденія до зрѣлости. Подъ ред. проф. д-ра П. Зельтера, при участіи проф. д-ра Г. Ашаффенбурга (Кельнъ), проф. д-ра Вицели (Боннъ) и др. Пер. со 2-го нѣм. изд. Съ 143 рис. въ текстѣ. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ". Спб. 1913. Стр. 453. Ц. 3 р. 75 к.

Изъ предисловія: „Книга ставитъ себѣ цѣлью дать родителямъ и воспитателямъ серьезно относящимся къ своимъ обязанностямъ, научно обоснованное и практически осуществимое наставленіе къ раціональному и успѣшному выполненію своей задачи".

1035. Гальперинъ, Н. А. 652
Лексиконъ коммерческой корреспонденціи на 4 главныхъ европейскихъ языкахъ: рус., нѣм., франц. и англ. Практич. руков. для основательнаго изученія коммерч. корреспонденціи изъ 2-хъ книгъ перев. и обраб. для русскихъ по лучшимъ иностр. источникамъ. Одесса. 1912. Изд. „Всемірная б-ка". Стр. 317. Ц. 1 р. 50 к.

1036. Джандіери, И. и Помаскій, А. 66
Методы химическаго анализа почвъ, растеній, удобреній, молока, масла, сыра, вина. Спб. 1913. Стр. XVIII+424. Съ 83 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р.

1037. Гиршъ-Зимина, Фортунатова и Шлегеръ. 68:371
Давайте вырѣзать и наклеивать. Вып. I и II. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1913. Ц. по 75 к. вып.

Изъ предисловія: „1. Предлагаемая работа служитъ главнымъ образомъ для развитія глаза и руки, что, по даннымъ педагогики, имѣетъ огромное значеніе въ общемъ развитіи ребенка.—2. Эта работа развиваетъ способность схватыванія формы и контура, что помогаетъ въ дальнѣйшемъ при рисованіи, лѣпкѣ и многихъ др. работахъ и искусствахъ.—3. Красивые и пестрые цвѣта бумаги привлекаютъ дѣтей и возбуждаютъ къ дѣятельности, къ собственному фантазированію и творчеству.—4. Предлагаемые рис. должны служить только образцомъ и толчкомъ для собственной самостоятельной работы.—5. Работа можетъ быть 3-хъ родовъ: а) копированіе; б) вырѣзываніе по собственной фантазіи и памяти; в) иллюстрація. Иллюстрировать можно разсказы, сказки, событія окружающей жизни, пройденное на различныхъ урокахъ и пр.—6. Для этой работы подбирается подходящая по цвѣтамъ бумага и предлагается вырѣзать изъ нея отъ руки безъ предварительнаго контура (это очень важно) или то, что изображено на листѣ, или что-нибудь свое и наклеить на подходящій фонъ".

Изящныя искусства. [7]

1038. Тэнъ, И. 7.01
Лекціи объ искусствѣ (Философія искусства). Ч. IV. Ваяніе въ древней Греціи. Пер. съ франц. П. Соболевскаго. М. 1912. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. Стр. 114 Ц. 10 к.

* **Н-ва, Н.** 75:92 (Л)
См. пор. № 1082.

* **І. А. М.** 75:92 (Р)
См. пор. № 1083.

1039. Зейфертъ, Б. 771
Какъ самому сдѣлать фотографическій аппаратъ. Со множествомъ рис. худ. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 13. Ц. 12 к.

1040. Савиньи. 79:5
Научныя развлеченія. Первонач. знакомство съ физикой, химіей, физіологіей и математикой въ опытахъ и развлеченіяхъ. Съ франц. обрабо-

тать Алькоръ. Съ рис. Вып. 2-й. Ошибки и обманы чувствъ.—„Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 275". М. 1913. Стр. 52. Ц. 30 к.

Содержаніе: Осязаніе. Слухъ. Запахъ и вкусъ. Зрѣніе.

Литература [8]

1041. [. . . . .] 8—8

„Въ родной долинѣ". Литературно-иллюстр. альманахъ. Кн-во „Дружба". М. 1912. Стр. 74. Ц. 35 к.

Содержаніе: Отъ издательства. Разсказы Гр. Дм. Дѣева-Хомяковскаго, Г. В. Галкина, М. В. Родіонова, Н. Д. Пичужева, С. И. Ляпина. Стихотворенія Влад. Семенова, Алексан. Алексѣева, С. Е. Ганшина, И. Т. Антипова, А. И. Іозефатова-Поцѣлуевскаго, Серг. Филиппова, И. Н. Иванова. М. С. Муравьева, В. В. Горшкова и И. Т. Баранова.

1042. [. . . . .] 8—8

„Земля Сборникъ XI. „Изд. Москов. Кн-ва". М. 1913. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Л. Андреевъ. Профессоръ Сторицынъ. М. Арцыбашевъ. О ревности. Ѳ. Сологубъ. Дымъ и пепелъ (окончаніе.)

1043. [Свифтъ.] 82—3

Гуливеръ въ царствѣ лиллипутовъ. Перев. С. Шейферъ, подъ ред. Е. П. Тихѣевой. Съ иллюстр. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 77. Ц. 30 к.

1044. Скоттъ, Вальтеръ. 82—3

Айвенго. Романъ. Спб. 1913. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 408 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

1045. Уйдъ. 82—3

Нелло и Патрашъ. Пер. съ англ. М. В. Архангельской. М. 1913. Стр. 48. Ц. 15 к.

1046. Лондонъ, Джекъ. 82 (73)—3

Полное собраніе сочиненій. Т. XIV. Дорога. (Автобіографич. очерки.) Авториз. пер. съ англ. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 265. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: „Признаніе". „Дорожные парни" и „Веселые коты". Въ дорогѣ. „Быки". „Зацѣпили". Въ каторжной тюрьмѣ. Путевыя сценки. Двѣ тысячи бродягъ. Въ царствѣ хобо.

1047. Кульбергъ, Николай. 83.09

Исторія нѣмецкой литературы для средне-учебн. завед. и самообразованія. Ч. I. Изд. „Сотрудникъ Школъ", А. К. Залѣсской. М. 1912. Стр. 140. Ц. 50 к.

Содержаніе: Древнѣйшіе вѣка до Карла Великаго (800 г.). Отъ Карла В. до начала XII столѣтія (800—1100 г.) Первый расцвѣтъ нѣмецкой литературы (1100—1300 г.) Расцвѣтъ народнаго эпоса. Разцвѣтъ рыцарскаго и придворнаго эпоса. Поэзія въ рукахъ мѣщанъ и ремесленниковъ съ 1300—1500 г. Поэзія въ эпоху реформаціи, съ 1500—1624 г. Поэзія въ рукахъ ученыхъ или періодъ подражанія съ 1624—1748 г.

1048. Альгренъ, Эрнстъ. 839.7—3

Собраніе сочиненій. Съ портр. автора и критико-біограф. очеркомъ прив.-доц. Б. П. Сильверсвана. Т. I. Маріанна. Романъ. Пер. В. Фирсова. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. VIII+298. Ц. 1 р.

1049. [Бенгтъ Бергъ]. 839.7—3

Въ борьбѣ за жизнь. Съ шведск. А. Острогорской. Изд. „Юный Чит." Спб. 1912. Стр. 133 Ц. 40 к.

1050. Дюфуръ, Пьеръ. 84—3

Куртизанка Парижа. Спб. 1913. Изд. И. Г. Малмыго. Стр. 136. Ц. 2 р.

1051. Прево, М. 84—3

Замужество Жульенны. Повѣсть. Пер. съ франц. Н. Эфроса. М. 1912. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°, 2-е. 62 стр. Ц. 10 к.

1052. Ролланъ, Ромэнъ. 84—3

Жанъ Кристофъ IV. Мятежъ. Пер. А. С. Соколовой. Кн-во „Вечерній Звонъ". М. 1912. Стр. 172. Ц. 80 к.

Содержаніе: Тряспина. Увязающій. Освобожденіе.

1053. Франсъ, Анатоль. 84—3

Собраніе сочиненій. Редакція и критико-біографич. очеркъ прив.-доц. П. Когана. Т. I. Островъ пингвиновъ. Пер. З. А. Венгеровой. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 1912 г. Стр. XX+344. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ кр.-біографич. очерка: „Островъ пингвиновъ", это нашумѣвшее произведеніе, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ элементы политической сатиры Ф. У немногихъ писателей такъ зловѣще раскрывается бездна, въ которую стремится буржуазное общество, какъ въ этомъ романѣ Ф."

1054. Крученыхъ, А. и Хлѣбниковъ, В. 891.7—1

Міръ съ конца. (Безъ м. и г. печ.) Ц. 70 к.

Содержаніе: Стихи А. Крученыхъ и В. Хлѣбникова. Рисунки М. Ларіонова, Н. Роговина, Н. Гончаровой и Татлина.

1055. Рославлевъ, Александръ. 891.7—1

Цѣвница. Стихи 1905—1911 г. Изд-во „Союзъ". Спб. 1912. Стр. 229. Ц. 1 р.

1056. Великопольскій, А. (А. Велскій). 891.7—3

Вечернія жертвы. Разсказы изъ жизни средней школы. Спб. 1911 г. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Вечернія жертвы. Не выдержалъ. Жоржикъ. Осѣчка. Затравили. Дневники. Случайная встрѣча.

1057. Вербицкая, А. 891.7—3

Ключи счастья. V. Побѣдители и побѣжденные. Романъ въ двухъ выпускахъ. Вып. I. М. 1913 г. Стр. 214. Ц. 1 р. 60 к.

1058. Гоголь, Н. В. 891.7—3

Ночь передъ Рождествомъ. Повѣсть. Рис. Д. М. Гаврильцева. Изд. спб. о-во Грамотн. № 76. Спб. 1912 г. Стр. 71. Ц. 8.

1059. Гусевъ-Оренбургскій, С. 891.7—3

Разсказы. Т. IV. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1913 г. Стр. 297. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Дьяконъ и смерть. Отецъ Савватій. Волны. Спорное дѣло. Увѣщаніе. Портретъ. Экзаменъ. Барабановъ. Калика перехожая. Мертвецъ. За бѣлой дверью. Данилушка.

1060. Караскевичъ-Ющенко, С. 891.7—3

Очерки и разсказы. Иллюстр. В. В. Спасскаго. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913 г. Стр. 352. Ц. не обознач.

Содержаніе: Двухъ матерей сынъ. Одна

душа. Зенька и Зиночка. Гусятница. Мальчики, очеркъ. Гимназія въ лѣсу. Васька.

1061. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. III. Бурный потокъ. (На улицѣ). Романъ. Изд. 4. кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 1912 г. Стр. 380. Ц. 1 р. 50 к.

1062 Мужейль, В. В. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Томъ XI. Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". 350 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1063. Наживинъ, Ив. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. VI. Красные маки. Мой дневникъ. Кн-во „Зеленая палочка". Вып. III. М. 1912. Стр. 428. Ц. 1 р. 20 к.

Изъ предисловія: „Всякаго серьезно относящагося къ своему дѣлу писателя часто томитъ—иногда безсознательное—стремленіе высказаться до конца, вылить свою душу въ міръ до дна. Кажется, въ дневникѣ этомъ мой внутренній міръ отразился достаточно ясно и полно, но все же, чтобы понять его, надо прочесть и то, конечно, что мной написано въ другихъ моихъ книгахъ: одно дополняетъ другое... И одно безъ другого—невѣрно, потому что неполно"...

1064. Пушкинъ, А. С. 891.7—3
Дубровскій. Повѣсть. Рисунки. Г. М. Манизеръ. Изд. спб. о-ва Грамотн. № 72. Спб. 1912. Стр. 99. Ц. 15 к.

1065. Пушкинъ, А. С. 891.7—3
Мѣдный всадникъ. (Петербургская повѣсть). Рисунки А. Бенуа. Изд. о-ва спб. Грамотн. № 73. Спб. 1912. Ц. 4 к.

1066. Словцовъ, Владиміръ. 891.7—3
Разсказы. Т. I. М. 1913. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к.

1067. Толстой, Л. Н. 891.7—3
Анна Каренина. Подъ ред. и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова. Т. I. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. 452 стр. Съ 1 портр. Ц. 3 р. за два тома.

1068. Толстой, Л. Н. 891.7—3
Юность. Повѣсть. Подъ ред. Н. В. Тулупова. Рис. А. П. Апсита. Русскіе писатели для дѣтей и юношества. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 213+II+14 лист. рис. Ц. 1 р. 25 к.

1069. Энгельмейеръ, А. 891.7—3
Разсказы. М. 1912. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Талантъ. „Жемчужина". „Интриги". Двойникъ. Одиночество. Среди разъяренныхъ стихій. Святая минута. Жертва общественнаго темперамента. Трушка Смолинъ. „Дурашка" и „Цыпурашка". Зубы. Улыбки. Лунныя ночи. Даръ. Сверхчеловѣкъ. Праздникъ. Стрѣлка. Столпъ отечества. Тайна. Рождественская идиллія. Свѣтлый праздникъ въ лѣсу.

*) **Михаилъ, еписк.** 891.7—3:281.93.01
См. пор. № 1002.

1070. [. . . . .] 891.7—91
Былина о Василіи Буслаевичѣ. Съ рис. Г. М. Манизеръ. Изд. спб. о-ва Грамотн. № 70. Спб. 1912. Стр. 34. Ц. 7 к.

1071. [. . . . .] 891.7—91
Былина объ Ильѣ Муромцѣ. Рисунки И. Я. Билибина. Изд. спб. о-ва Грамотн. № 66. Спб. 1912. Стр. 19. Ц. 7 к.

1072. [. . . . .] 891.7—91
Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ. Рисунки А. П. Вахрамѣева. Изд. спб. о-ва Грамотн. № 67. Спб. 1912. Стр. 20. Ц. 7 к.

1073. Бѣлинскій, В. Г. 891.7.09
Статьи о Гоголѣ. Вступит. статья Иванова-Разумника: Бѣлинскій о Гоголѣ. „Историко-литературная библіотека". Подъ ред. со статьями и примѣч. Иванова-Разумника. № 77. Спб. 1913. XXII+Стр. 87 Ц. 25 к.

Исторія и географія [9]

* **Виллари, П.** 9(45)„15":92(C)
См. пор. № 1085.

1074. Назаревскій, В. В. 9(47)„1725:96"
Русская исторія. II. 1725 — 1796. М. 1912. Изд. 3-е. Стр. 394. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

1075. [. . . . .] 9(47)„18"
Исторія современной Россіи. Подъ ред. В. А. Поссе. Ч. I. Изд. „Жизни для Всѣхъ". Спб. 1912. Стр. LIV+292. Ц. 1 р.

Содержаніе: Введеніе (очеркъ развитія русскаго государства). Крымская война. Царствованіе Александра II и Александра III.

1076. Матвѣевъ, Н. 9(47)„1812"
Москва и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 г. М. 1912. Стр. 253. Ц. 1 р. 20 к.

Отъ автора: „Здѣсь — строки нашихъ поэтовъ и др. писателей, относящіяся къ Москвѣ конца XVIII и начала XIX в.; очеркъ внѣшности города; характерныя черты быта домашняго и общественнаго; увеселенія; москвичи—дѣятели той эпохи; бѣгство обывателей передъ нашествіемъ непріятеля. Иллюстраціи—съ рисунковъ того времени".

1077. Ковалевскій, П. И., проф. 9(47.9)„1877:78"
Возстаніе Чечни и Дагестана въ 1877—78 гг. Зелимъ-ханъ. Спб. 1912. Стр. 95. Съ 25 рис. Ц. 50 к.

1078. Табурно, І. 9(496:497.1)
О сербскихъ битвахъ. (Впечатлѣнія очевидца войны сербовъ съ турками 1912 г.) Спб. 1913. Стр. 144. Ц. 1 р. (Доходъ отъ изданія въ пользу общества сербскихъ сестеръ).

1079. Рубакинъ, Н. 91
Приключенія знаменит. путешественниковъ. I. Среди опасностей. Съ 48 рис. Кн—во „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. X+231. Ц. 75 к.

Содержаніе: Замѣчательный человѣкъ и ученый Арминій Вамбери. Вамбери готовится къ опасному путешествію. Вамбери идетъ пѣшкомъ въ опасную страну безъ денегъ и безъ оружія. Среди грабителей и разбойниковъ. Приключенія въ песчаныхъ степяхъ. Приключенія въ Хивѣ. По дорогѣ въ главное разбойничье гнѣздо. Въ главномъ разбойничьемъ гнѣздѣ. Легко ли выбраться изъ разбойничьихъ странъ. Чему быть, того не миновать. Конецъ разбойничьему гнѣзду.

1080. [. . . . .] 91(07)
„Географія въ школѣ". Неперіод. изд., выход. подъ ред. Я. П. Руднева. Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Изд. „Образованіе". Спб. 1913 г. Стр. 128. Ц. 80 к.

Содержаніе: Я. П. Рудневъ. Изъ прошлаго учебной географіи Россіи.—С. П. Чижовъ. На свѣжую голову.—Э. Лесгафтъ. Курсъ географіи въ средней школѣ.—К. М. Курдовъ. О заключительномъ курсѣ географіи въ средней общеобразов. школѣ.—Н. М. Географія въ начальной школѣ Франціи.—Доклады въ географич. отдѣлѣ учебн. воспит. комитета Педагогич. музея военно-учебн. заведеній.

1031. Грановскій, Т. Н. 92

Четыре характеристики. Тимуръ. Александръ Великій. Людовикъ IX. Бэконъ.„Всеобщая Библ.". Спб. 1912. Изд. „Гермольдъ". Стр. 71. Ц. 10 к.

1032. Н—ва, Н. 92(Л):75

Исаакъ Ильичъ Левитанъ. „Летучая энциклопедія".—Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 48. Ц. 15 к.

1033. І. А. М. 92(Р):75

Рембрандтъ. „Летучая энциклопедія". Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 48. Ц. 15 к.

1034. [. . . . .] 92(С)

Жизнь Стэвли. Автобіографія. Перев. Э. К. Пименовой. Изд. „Юный Чит.". Спб. 1912. Стр. 104. Ц. 35 к.

1035. Виллари, Пасквале. 92(С):9(45)„15"

Джироламо Савонарола и его время. Т. II. Пер. съ итальян. Д. Н. Бережкова. Ред. А. Л. Волынскій. Изд. „Грядущій день". Спб. 1913. Стр. 487. Ц. 4 р.

Содержаніе: Книга четвертая (1497—1498). Письма и рѣчи Савонаролы.

* **[. . . . .]** 92(Т)(05)

См. пор. № 951.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ". (1912—10). С. Маковскій. Мастерство Сѣрова. — П. Грабарь. Дѣтство В. А. Сѣрова (нѣсколько главъ изъ монографіи). — П. П. Нерадовскій. Списокъ работъ В. А. Сѣрова. — Alex. St. Къ исторіи типа Пьерро (о возможности воскрешенія пантомимы).—К. Эрбергъ. Объ импровизаціи. — Хроника: J. von Guenther. Письмо о нѣмецкой литературѣ. — Swastica. Письмо изъ Польши. — П. Наумовъ. Современная русская критика (о книгахъ П. Кранихфельда, А. Горнфельда, Л. Гуревичъ, Г. Чулкова и В. Брюсова). — Н. Гумилевъ. Письма о русской поэзіи. — Н. Р. Художественныя вѣсти съ запада. — Р. Е. Rossica.

„Богословскій Вѣстникъ". (1912 — 12). Прот. А. Бѣлиевъ. Митрополитъ Платонъ, какъ строитель національной духовной школы. — Письмо митрополита московскаго Филарета къ настоятелю Троицкой-Серг. пустыни, архимандриту Игнатію Брянчанинову. Сообщилъ іером. Игнатій (Садковскій). — К. Н. Леонтьевъ. Четыре письма съ Аѳона (1872 г.).—В. А. Кожевниковъ. Повѣсти о перевоплощеніяхъ Готамо-Будды и ихъ значеніе въ исторіи развитія буддизма. — М. Тарѣевъ. Критика экономическаго ученія Маркса. — В. Эрнъ. Письма о христіанскомъ Римѣ. Письмо второе. Въ катакомбахъ Св. Валентина. — Н. Д. Протасовъ. Архитектура храма и настроеніе. (Вступит. лекція).—А. Кондаменъ. Вавилонъ и Библія. Перев. Н. П. Цвѣтковой, подъ ред. С. Глаголева.—Критика.—Изъ академической жизни.

„Вегетаріанское Обозрѣніе". (1912—10). І. Перперъ. Нужно готовиться. — Е. П. Поповъ. Немножко химіи.—Т. Bicsérdy. Вегетаріанское движеніе въ Венгріи. Съ эсперанто А. Шарапова.— Д-ръ мед. А. Ясновскій. О малокровіи.—П. Толстой. Изъ воспоминаній объ отцѣ. — Д-ръ мед. Г. К. Германъ. О сахарной болѣзни.—П. Ярковъ. Три года.—О-во „Духовное пробужденіе".—Вегетаріанскій съѣздъ и выставка. — Пиоагореецъ. Худож. отдѣлъ. Звѣзды жизни, фельетонъ.—Старый Вегетаріанецъ. Въ мірѣ печати. — Его же. По міру. Хроника вег. движенія. — Искусственная кожа. Съ англ. В. Ч. — І. П. Бесѣда съ читателями. — Редакціонныя сообщенія. — І. К. Ч. Кулинарный отдѣлъ.

„Вопросы Философіи и Психологіи". (1912 — V нояб.—дек.). П. Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ.—Г. Челпановъ. О прикладной психологіи въ Германіи и Америкѣ.— Л. Лопатинъ. Спиритуализмъ, какъ монистическая система философіи.—Б. Яковенко. Философская концепція Соломона Маймона. — П. Холоповъ. Къ вопросу о природѣ интуиціи.—Н. Алексѣевъ. Опытъ построенія философской системы на понятіи хозяйства.—Критика и библіографія.—Матеріалы для журнальной статистики.

„Вѣра и Разумъ". (1912—22). — Проф. прот. Т. И. Буткевичъ. Высшее управленіе въ православныхъ автокефальныхъ церквахъ. — Ѳ. Владимірскій. Объ избраніи и постановленіи епископовъ въ первые три вѣка. (Оконч.). — Свящ. Н. Липскій. Когда умеръ Великій Толстой? (Оконч.).—Ал. Вертеловскій. Патріархъ Гермогенъ и его заслуга для отечества. — И. С. Проданъ. Познаніе и его объектъ. (Продолж.). — І. Артинскій. Религіозныя воззрѣнія естествоиспытателей.

„Вѣстникъ Воспитанія". (1912—9). Л. Синицкій. „Новая школа" въ Англіи и Франціи".—А. Студенцовъ. Педагогическій завѣтъ Н. Г. Чернышевскаго.— П. Вороновъ. Педагогическія мысли англійскаго юмориста Честертона.—В. Вороновъ. Городъ въ жизни и рисункахъ дѣтей. — П. Солоньевъ. Мамынъ-Сибирякъ, какъ писатель для дѣтей. — Ю. Веселовскій. Школа въ оцѣнкѣ ея бывшихъ питомцевъ. — А. Петровъ. Анкета на научно-популярномъ отд. московскаго городск. народнаго университета А. Л. Шанявскаго. — Е. Фортунатова. Друзья и враги французскихъ народныхъ университетовъ.—І. Штрассеръ. Слабость, какъ факторъ развитія. — Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Знанія". (1912 — 12). Акад. В. М. Бахтеревъ. Соціальный отборъ и его біологическое значеніе. — А. Маринусъ. Синдикализмъ и интернаціонализмъ. — Проф. П. Каммереръ. Половые признаки и ихъ отношеніе къ половымъ железамъ.—И. Ванъ. О голубомъ цвѣтѣ неба.— Проф. А. Кистяковскій. Новыя изслѣдованія въ области ультрафіолетоваго свѣта. — Проф. Г. Т. Бельби. Отвердѣніе жидкихъ металловъ.—Проф. Сванте Арреніусъ. Физика солнечныхъ отложеній.—Проф. И. Линднеръ. Алкоголь, какъ питательное вещество для микробовъ. — Инж.-техн. А. А. Семеновъ. Чудеса кинематографа.—Рѣзка металловъ кислородомъ. — Э. С. Среди книгъ и журналовъ.—Вѣчное въ искусствѣ. — Библіографія.—Д. Баликъ. Наука и гипотезы. — Научное

обозрѣніе: Взаимоотношеніе между матеріей и эѳиромъ. О принципахъ измѣренія. Клѣточныя основы наслѣдственности. Зеленые и желтые листья. Изъ психологіи рыбъ. Мозговой придатокъ и его роль въ экономіи организма. Къ химіи больного организма и др.

„Для Народнаго Учителя“. (1912—20). П. Цорнъ. О народной школѣ и народномъ учителѣ у насъ и въ Германіи. — Н. Рыбниковъ. Работа памяти въ различное время дня.—П—ій С—инъ. Народное образованіе въ Курмышинскомъ у. Симб. губ.— Л. К—овъ. Что читаетъ народный учитель. — Мих. Безперстовъ. Учительскій клубъ въ Москвѣ. — Д. М. Б — скій. О постановкѣ класснаго чтенія. — Н. Р. Прикладная психологія въ Германіи и Америкѣ.—Объ изученіи дѣтскихъ рисунковъ.—Московское уѣздное земство и новыя правила о народныхъ библіотекахъ. — Д. М. Б — скій. Д. Н. Мамина-Сибирякъ. — Съѣздъ по женскому образованію. — Юбилей сельской учительницы. — П. Воскобойниковъ. Самодѣльные приборы по физикѣ для народной школы. — Письма съ мѣстъ. — Н. Р—онъ. Среди газетъ и журналовъ.—Вопросы и отвѣты.

„Для Народнаго Учителя“. (1913 — 1). М. М. Рубинштейнъ. Память и запоминаніе.—К. Л—а. „Американскій методъ“ въ сельской школѣ. — Д. М. Б—скій. Анкета о преподаваніи исторіи въ средней школѣ.—Н. Рыбниковъ. Обзоръ журнальной и книжной литературы.—Д. М. Б—скій. Второй вечеръ памяти Ж. Ж. Руссо. — П. Шестаковъ. Новости дѣтской литературы.—Его же. Новыя библіографическія пособія при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.—Д. М. Б—скій Къ теоріи и практикѣ внѣшкольнаго дѣтскаго чтенія.—Л. Гальберштадтъ. Московскій музей изящныхъ искусствъ. — М. Тихомировъ. Сельскія просвѣтительныя общества. — П. Ѳ. М. Московское уѣздное земское собраніе послѣдней сессіи.—П. Селяниновичъ. Земство и народное образованіе во Владимірской губ.—Изъ учительскихъ писемъ.—Библіографія.—Понемногу обо всемъ.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1912 — 12). П. А. Ш. Я къ вамъ пришелъ. Стих. — В. І. Дмитріева. Искатель красоты. разск.—С. Кошкаровъ. Стихотв.— Р. Кумонъ. Обыватели, разск. — А. Липецкій. Элегія, стих.—А. Соболь. Листки изъ забытой тетради.—С. Дрожжинъ. Изъ деревенскихъ настроеній, стих.—Е. Шведеръ. Въ конторѣ. разск.— А. Соболевъ. Зимней ночью, стих.—А. Вендребиселя. На озерѣ Беюкъ-Шорѣ, разск.—П. Власовъ. Очерки деревенской жизни.—М. Новорусскій. О началѣ человѣческой жизни. — Г. Лебедевъ. Бесѣда съ депутатами 4-й Гос. Думы.—Б. Яголинъ. Самоубійства и борьба съ ними.—Голоса жизни: М. Hochberg. Къ вопросу о бытѣ банк. служ.— М. Кожушко. Питаніе арест.—С. Басовъ. Д. Н. Мамина-Сибирякъ.—Товарищеская бесѣда.—По поводу бесѣдъ съ депутатами 4-й Гос. Думы. — Къ свѣдѣнію подписчиковъ. — В. Поссе. Общественная жизнь.

„Журналъ Уголовнаго Права и Процесса“. (1912—4). Мих. Герпетъ. Преступность и профессія.—Г. Н. Штильманъ. Отвѣтственность за преступленія періодической печати.—П. И. Люблинскій. Памяти Д. А. Дриля.—Е. М. Кулишеръ. Диккенсъ, какъ криминалистъ.—Ел. Г — гъ. Реферма французскаго уголовнаго процесса.—Н. А. Окуневъ. Первый международный конгрессъ о судахъ для малолѣтнихъ въ Парижѣ.—Современная тюрьма и ея вліяніе.—М. М. Исаевъ. Общая тюремная инструкція 1912 г. — М. Е. Зивгеръ. Соціологическое направленіе въ уголовномъ правѣ въ освѣщеніи ученыхъ классической школы. — Библіографія.—Содержаніе номеровъ журнала за 1912 г.—Приложеніе: труды IX общаго собранія русской группы международнаго союза криминалистовъ 28—31 марта 1912 г. въ Спб.“

„Завѣты“. (1912—9). К. Бальмонтъ. Въ Тихомъ океанѣ, стих.—А. Ремизовъ. Сказъ и розсказни.— В. Винниченко. Хвостатые. Съ украинскаго, перев. автора съ рукописи. — П. Вольный. Повѣсть о днях моей жизни, радостяхъ монхъ и злоключеніяхъ. (Оконч.).—Андерсенъ — Нэксе. Пэллезавоеватель. Великая борьба, ром.—С. Закъ. Поворотный моментъ въ развитіи капитализма. — В. Макушинъ. Чья возьметъ? Къ характеристикѣ отношеній между Китаемъ и иностранцами. — В. Евгеньевъ. Народническія настроенія и общественное міросозерцаніе Н. А. Некрасова. (Къ 35-лѣтію со дня его смерти). — А. Араратскій. Конгрессъ мира. — Ивановъ - Разумникъ. Литература и общественность. Моховое болото.— С. Лагуновъ. Служащіе и рабочіе въ нашей потребительной кооперації. — И. Пришвинъ. По градамъ и весямъ. — С. Метиславскій. Свое и чужое IX. Кривое зеркало. — Отъ редакціи. — Текущая жизнь.—Библіографія.

„Запросы Жизни“. (1912 — 50). Обозрѣватель. Правительственная программа.—В. Я. Богучарскій. Балканская федерація.—Бар. Б. фонъ-Зуттнеръ. Женское движеніе и пацифизмъ. — Emil Basly. Націонализація горнозаводства. — П. С. Юшкевичъ. Овсянико-Куликовскій о роли интеллигенціи.—Проф. В. Зомбартъ. Эволюція любви.— За недѣлю. — Соціально-экономич. обозр. — Театръ.—Наука и техника.

„Запросы Жизни“. (1912 — 51). Е. Д. Кускова. Къ 1-му съѣзду по образованію женщинъ.—Валли Веплеръ. Женское образованіе, какъ культурная проблема.—В. Вальтеръ. 50-лѣтній юбилей Спб. Консерваторіи.—М. П. Невѣдомскій. О Символѣ и бытѣ.—А. Ремизовъ. Мертвецъ. (Сказка). За недѣлю.—Соціально-экономическое обозрѣніе. — Наука и техника.—Фельетонъ.

„Запросы Жизни“. (1912—52). Проф. М. П. Губинскій. На порогѣ новаго года.—Н. М. Соколовъ. Съѣздъ по семейному воспитанію. — Э. Бернштейнъ. Коллективный договоръ въ Германіи. — Лили Браунъ. Право на трудъ и право на материнство. — А. Шрейберъ. Материнство.—Г. Вианандъ. Идеалъ американца. — А. Готье. Психологія изобрѣтателя.—За недѣлю.—Соціально-экономич. обозр. — Наука и техника. — Библіографія.—Новые матеріалы по исторіи 1812 г.

„Маски“. (1912—2). Ѳ. Коммиссаржевскій. Памяти Бравича. — Изъ дневника Бравича. — М. Бончъ-Томашевскій. Сцена и зритель. — Гр. А. Толстой. Объ идеальномъ зрителѣ. — Изъ записной книжки Саца. — М. Попелло-Давыдовъ. Музыкальная теорія и Творчество. (Памяти П. Саца). — С. Глаголь. Похороны театра. — В. Сахновскій. Ассамблея и Турандотъ.—Ѳ. Коммиссаржевскій. Костюмъ и нагота. — Н. Скворцовъ. Прежде и теперь.—Я. Дохманъ. Э. Стукенъ. — Театральная лѣтопись. — Провинція. — Указатель сценической литературы.

„Наша Заря“. (1912—11-12). Мих. Павловичъ. Балканская война и балканская федерація. — К. Каутскій. Война и интернаціоналъ.—П. Масловъ. Новыя искания въ народничествѣ.—Л. Оранскій. Старый вопросъ.—Г. Наумовъ. Каковъ же-

лѣзный законъ заработной платы.—М. Леонтьевъ. Въ избирательной борьбѣ.—М. Панинъ. Споръ объ имперіализмѣ въ германской соціалдемократіи.—А. Михайловъ. Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія въ Россіи. — А. Коллонтай. Новая Англія.—Ф. Данъ. Базельскій конгрессъ Интернаціонала. — Спектаторъ. Либерализмъ въ прошломъ и настоящемъ. — Н. Череванинъ. Дума увязла въ болотѣ. — З. Оловъ. Выборы въ Прибалтійскомъ краѣ.

„Новая Жизнь“. (1912 — 12). П. Соловьева (Allegro). Перекрестокъ, повѣсть въ стихахъ. (Оконч.).—О. Дымовъ. Сынъ, разск.—Ив. Бунинъ. Монастырь, стих.—А. Ремизенъ. Докука и балагурье, сказки.—Вл. Бестуженъ. Элегіи, стихи.— Н. Минскій. Хаосъ, соціальная драма въ 4 д.— Д. Лондонъ. Неожиданное, разск. Авториз. пер. съ англ. М. Андреевой.-Маевской. — Н. Бруни. Старушка, стихи.—В. Г. Танъ. Новая Америка. (Джонъ Лондонъ, неистовый калифорніецъ). (Оконч.). — С. Сватиковъ. И. С. Тургеневъ и русская молодежь въ Гейдельбергѣ. — П. Берлинъ. Зубатовщина.—Антонъ Крайній. Жизнь и литература. Наши журналы. — Ан. Чеботаревская. Полное собраніе сочиненіе Д. С. Мережковскаго. — Е. Аничковъ. Символизмъ „Заложниковъ жизни“ Ѳ. Сологуба. — Л. Клейнбортъ. Отклики русской жизни. Деревенское „хулиганство“. — Л. Василенскій. (Плохоцкій). Австро-Венгерскія настроенія. (Письмо изъ Австріи).— З. Венгерова. Московскіе театры. — Критика и библіографія.—Указатель.

„Новости Дѣтской Литературы“. (1912 — 3). В. Зеленко. Нужны ли дѣтскіе журналы?—Н. Ульяновъ. Дѣтскія отдѣленія въ народныхъ библіотекахъ Германіи.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ.—Рецензіи на новыя дѣтскія книги.—Хроника.

„Новости Дѣтской Литературы“ (1912—4). Н. Ульяновъ. Читальни для дѣтей въ Германіи.— Журналы для дѣтскаго чтенія за 1912 г.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ.— Рецензіи на новыя дѣтскія книги.—Хроника.

„Новый Журналъ для всѣхъ“. (1912—12). Д. Айзманъ. Хабаръ.—С. Подъячевъ. Прошеніе— Н. Тасинъ. Саша Полозовъ.—Д. Лондонъ. Какъ поступаютъ бѣлые люди.—З. Гиппіусъ, Г. Ивановъ, С. Гедройцъ и А. Рубакинъ. Стихотворенія.—С. Сватиковъ. Русскіе студенты въ Гейдельбергѣ.—Н. Ульяновъ. Новый міровой путь.—П. Юшкевичъ. Пролетаріатъ и художественная литература.—Е. Колтоновская. О русскомъ.—Б. Энгельгардтъ. Радостная наука.— Л. Герасимовъ. Наполеонъ и Россія.—Г. Филипповъ. Изъ иностранной жизни.—И. Б. Страницы прошлаго: легенда о живомъ трупѣ.—Новыя книги.—Указатель.

„Обновленіе Школы“ (1912-13 — XIII). Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. (Некрологъ).—Л. Сельскій. О гармоническомъ обученіи. (Оконч).—Ц. Балталонъ. Хрестоматическая система и новые методы. (Оконч.)—В. Лай. Цѣль и постановка преподаванія естествознанія. (Продолж.)—Д-ръ I. H. Badley. Совмѣстное обученіе. — Faria-de-Vasconcellos. Интересъ у дѣтей.—В. Р. Мрачекъ. Программа переднижныхъ педагог. курсовъ. Методика начальной математики.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1912—9). Н. Румянцевъ. Задачи воспитанія и его границы.— М. Феноменовъ. Преподаваніе исторіи въ современной школѣ.—Я. Кузнецовъ. Методы и пріемы преподаванія пѣнія въ начальной школѣ.— А. Левитскій. Новыя теченія въ начальномъ обученіи.—М. Андреевъ. Утилизація науки въ американской начальной школѣ. — Хроника школьной жизни.—Критика и библіографія.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1912—10). Н. Румянцевъ. Задачи обученія.—А. Левитскій. Новыя теченія въ начальномъ обученіи. (Оконч.)— М. Андреевъ. Утилизація науки въ американской начальной школѣ. (Оконч.).—А. Барковъ. Средняя школа въ Германіи. (Оконч.).— В. М — въ. Дошкольно-педагогич. журналы.— Хроника школьной жизни.—Заграничная хроника.—Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„Природа“. (1912—12). Проф. Л. В. Писаржевскій. Энергетическое міровоззрѣніе. II.—А. Рождественскій. Воздухъ.—Проф. П. И. Бахметьевъ. Теоретическія и практическія слѣдствія изъ моихъ изслѣдованій анабіоза у животныхъ.—Проф. С. В. Аверинцевъ. По побережью Чернаго континента. II.—Г. А. Томсонъ. Планъ превращенія Сахары въ море.—Изъ лабораторной практики.—Научныя новости и хроника.— Смѣсь. — Астрономическія извѣстія.— Библіографія.

„Путь“. (1912-13—1). Б. Зайцевъ. Покушеніе. (Отрывокъ изъ романа).—Н. Мѣшковъ. Ранняя весна, стих.—Л. Зиловъ. Моисъ ея свѣтлости, разск.—Черемновъ. Свѣтлый зной, стих.—А. Оедоровъ. Говорящіе камни, очерки.— Н. Мѣшковъ. Н. Бернеръ, Н. Ашукинъ. Стихотворенія.—И. А. Бѣлоусовъ. Памяти Н. Н. Златовратскаго.—Литературный архивъ: 1) Жизнь и смерть. Письмо Эртеля. 2) Письмо Златовратскаго къ Мачтету.—Изъ дневника: 1) А. Серафимовичъ. Писатель и читатель.—2) И. Бѣлоусовъ. Л. Андреевъ о Толстомъ. — Художественная жизнь: 1) Н. В. Некрасовъ. Выставка М. Васнецова. 2) И. Рахмановъ. О выставкѣ Врубеля.— Литературное обозр. О сборникахъ стиховъ Н. Мѣшкова.—В. Горской. Провинціальн. очерки.— И. Поповъ. За мѣсяцъ.—Л. Гальберштадтъ. Иностранное обозрѣніе.—Библіографія.

„Русская Школа“. (1912—11). Законодательныя постановленія и правительств. распоряженія.—П. Андреевъ. Нѣкоторые результаты переписи начальныхъ школъ.—С. Познеръ. Основы системы „физическаго образованія“ П. Ф. Лесгафта. (Оконч.). — С. Знаменскій. Трудовая школа въ теоріи и на практикѣ въ Германіи. (Продож.).—Н. П. Малиновскій. Очерки по исторіи начальной школы. (Продолж.)—П. Шохоль. Къ вопросу о допущеніи женщинъ въ университеты.—Н. Бахтинъ. Руссо и его педагогическія воззрѣнія. (Продолж.). — Н. Бочкаревъ. Американскій методъ обученія грамотѣ. (Продолж.).—В. Колпаковъ. Методическія бесѣды по теоріи пѣнія. (Продолж.)— Экспериментальная педагогика: Н. Смирновъ. Къ вопросу о развитіи сужденій въ школьномъ возрастѣ. (Продолж.). Библіографія.—Новости иностр. литературы.— Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Современникъ“. (1912—12). М. Горькій. Губинъ, очеркъ.—Л. Старкъ. Стихотв.—М. Гершензонъ. Братья Кривцовы. (Оконч.).—М. Коцюбинскій. Лошади не виноваты, разск.—А. Черный. Лѣтомъ, стих. — А. Амфитеатровъ. Дрогнувшая ночь, ром.—Е. Ляцкій. Любовь и запросы личнаго счастья въ жизни Н. Г. Черны-

шевскаго. Изъ біограф. очерковъ.—Ю. Верховскій. Стихотвореніе.—Г. Плехановъ. Искусство и общественная жизнь.—Шоломъ Алейхемъ. Блуждающія звѣзды, ром. (Оконч.).—Л. Сакулинъ. Русская Икарія.—Г. Дм. Уэльсъ. Бракъ, ром. Перев. К. Жихаревой. (Оконч.).—П. Щеголевъ. Возвращеніе декабриста.—А. Луначарскій. Антей.—К. Крестовъ-Миролюбовъ. Новая болгарская литература. (Оконч.)—Г. Христіанъ. Письмо изъ Рима.—П. Суронскій. На пути къ оскудѣнію.—Н. Клюевъ. Сказка, стих.—Итоги и факты.—Гликбергъ-Черный. Сатиры. I—II.—А. Золотаревъ. Запоздалое признаніе.—Новыя книги.—Хроника заграничной жизни.

„Современный Міръ“. (1912—12). С. Сергѣевъ-Ценскій. Ближній, разск.—А. Оедоровъ. Поэма любви въ пѣсняхъ, стих.—П. Шмелевъ. Стѣна, повѣсть. (Оконч.).—С. Клычковъ. Мельница въ лѣсу, стих.—П. Потапенко. Туманъ, повѣсть. (Оконч.).—С. Клычковъ. Пѣсня о сидняхъ, стих.—Вл. Нарбутъ. Вечеръ сѣнокоса, стих.—А. Бенетъ. Святая любовь, ром. (Оконч.).—Перев. съ англ. А. Даманской.—Л. Войтоловскій. Очерки психологіи коллективизма. (Оконч.).—Ю. Стекловъ. Новѣйшія теченія во французскомъ антисемитизмѣ. (Оконч.).—Н. Рязановъ. К. Марксъ и русскіе люди 40-хъ годовъ. (Оконч.)—Е. Адамовъ. Х. Бенавенте и театръ въ Испаніи. Ст. 2-я.—О. Батюшковъ. Въ походѣ противъ драмы.—Д. Жбанковъ. Смертные приговоры и казни въ 1910—12 гг.—Вл. Вольскій. Неожиданные славянофилы.—А. Павкратовъ. Бѣлошапицы.—Н. Тасинъ. Къ современнымъ настроеніямъ.—Вл. Ладыженскій. Изъ учительской жизни.—Обществ. фельетонъ. І. І. Ларскій. О святителяхъ. П. Демьянъ Бѣдный. Сытые и голодные. (Басни).—Вл. Кравихфельдъ. Литературные отклики. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ ихъ перепискѣ.—Критика и библіографія.—Оглавленіе журнала за 1912 годъ.

„Свободное Воспитаніе“. (1912-13—4). П. Горбуновъ-Посадовъ. По поводу Перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію.—Его же. Изъ задачъ перваго всероссійскаго съѣзда по образованію женщинъ.—А. Зеленко. Бесѣды съ читателемъ. (Семейное или обществ. воспитаніе).—Уголокъ избранныхъ мыслей.—Н. Деттли. Къ вопросу о самоубійствахъ нашей молодежи и реформѣ нашей школы.—С. Левитина. Трудовая школа—школа будущаго.—О. Кайданова и Ф. Глаголевъ. Питаніе школьниковъ.—П. Кингъ. О примѣненіи нѣкоторыхъ принциповъ дѣтскаго сада къ современной педагогикѣ вообще.—А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Бельгія: Институтъ Декроли (школы для нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей).—П. Шнеерсонъ. Дѣтскіе очаги въ Шарлоттенбургѣ. (Берлинъ).—Изъ жизни и дѣятельности просвѣтительныхъ и воспитательныхъ обществъ.—Н. К. Отовсюду.—Изъ писемъ въ редакцію.—Первый всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію. (Перечень докладовъ).—Изъ журналовъ и газетъ.

„Труды и Дни“. (1912—2). А. Бѣлый. О символизмѣ.—А. Блокъ. Отъ Ибсена къ Стриндбергу.—Н. В. Недоброво. Ритмъ, метръ и ихъ взаимоотношеніе.—Его же. Общество ревнителей художественнаго слова.—Э. Метнеръ. Маленькій юбилей одной „странной“ книги.—Вольфингъ. Инвективы на музыкальную современность.—А. Бѣлый. Нѣчто о мистикѣ.—Э. Степпунъ. Къ феноменологіи ландшафта.—О чемъ говорятъ: Cinetator. О „двойной истинѣ“.—Б. Садовскій. Жизнь и поэзія.—Б. Яковенко. О сущности прагматизма.—Чемберленъ. „Моя жизнь“ Вагнера.—Мі—ва. Отвѣтъ эмоціонально-музыкальной эстетики.

„Труды и Дни“. (1912—3). Ю. Верховскій. О символизмѣ Боратынскаго.—К. Эрбергъ. Искусство—вожатый.—Вольфингъ. Инвективы на музыкальную современность.—Югуртъ. Логика и риторика.—М. Сѣдловъ. Кремль.—Cinetator. О чемъ говорятъ. Метафизика.—Статья Р. Демеля. Книга и читатель.—А. Сидоровъ. Въ защиту книги.

„Труды и Дни“. (1912—4-5). Вяч. Ивановъ. Манера, лицо и стиль.—А. Бѣлый. Линія, кругъ, спираль—символизма.—Wagneriana. Э. Метнеръ. Наброски къ комментарію.—Вяч. Ивановъ. Marginalia.—Эллисъ. Мюнхенскія письма.—А. Бѣлый. Круговое движеніе.—Э. Степпунъ. Открытое письмо А. Бѣлому.—Эллисъ. О задачахъ служенія культурѣ.—М. Шагинянъ. С. В. Рахманиновъ.—Вольфингъ. Изъ музыкальнаго дневника.—Orbis. Sic et Non.—Б. Садовскій. О „Синемъ журналѣ“ и „бѣгунахъ“.—В. Оленинъ. Музыка Лемма.

„Украинская Жизнь“. (1912—12). А. Ѳ. Саликовскій. На поворотѣ.—В. Правобережецъ. Политика польскихъ руководящихъ сферъ по отношенію къ Украинѣ.—П. В. Лебединскій. Украинскій языкъ въ судѣ.—К. Арсеньевъ. Юристъ.—В. Обнинскій, кн. С. Д. Урусовъ. Анкета „Украинской жизни“. Отвѣтъ.—А. Л. Масловъ. Украинская народная музыка.—Д. Донцовъ. Point des réveris! (Письмо изъ Галиціи).—С. А. Ефремовъ. На зарѣ возрожденія.—Проф. А. Л. Погодинъ. Необходимость украинской программы.—Что читать? (Къ вопросу объ украинской программѣ для самообразованія).—А. Брамъ. На Украинѣ и внѣ ея.—Библіографія.—Литературная лѣтопись.—Содержаніе украинскихъ журналовъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. библіот. „Юнаго Читателя“.

Этель Тернеръ. Юные австралійцы. 60 к.
Т. Бенгтъ.-Бергу. Въ борьбѣ за жизнь. 40 к.
В. Оксъ. Ла и Джо. Разсказъ. 12 к.
А. Брэмъ. Тундра, ея животный и растительный міръ. 8 к.
Жизнь Стэнли. 35 к.

Изд. т-ва „Просвѣщеніе“.

Н. А. Рубакинъ. Среди опасностей. 75 к.
А. Франсъ. Островъ пингвиновъ. 1 р. 25 к.
В. Гюго. Девяносто третій годъ. Ч. III. 1 р. 25 к.
Д. Маминъ-Сибирякъ. Бурный потокъ. Романъ. 1 р. 50 к.
Его-же. Именинникъ. Ром. 1 р. 50 к.
Э. Альгренъ. Маріанна. Романъ. 1 р.
По Свифту. Гулливеръ въ царствѣ лилипутовъ. 30 коп.

Изд. „Посредникъ".

И. И. Горбунова-Посадова.

И. С. Никитинъ. Ухарь купецъ. $1^1/_2$—3 к.—Тарасъ. 1—2 к.—Пахарь. 1—2 к.—Лѣсъ. 1—2 к. Дѣлежъ. 1—2 к. Портной 1 к.

Л. Н. Толстой. Старикъ и яблони, и др. $^3/_4$ к.—Карма. 2—4 к.—Жемчужина Адальмины. 4 к.—Бесѣда досужихъ людей. $^3/_4$ к. — Смерть Трофима Семеновича. 2—4 к. Н. В. Гоголь. Женитьба.—9 к.— С. Т. Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ. 5 к.—Э. Ожешко. Братскія узы. 4 к.— Е. Яхонтовъ. Хабарда. 2 к.—Прачкина дѣвчонка. 1 к. С. Лагерлефъ. Ингмаровы сыновья. 2 к.—П. Лобчевскій. Въ чужіе люди. $^3/_4$ к.—Маруська. $1^1/_2$—Д. Векдровъ. Безъ кормильца. $^3/_4$—$1^1/_2$ к.— Ѳ. Поступаевъ. Сапоги $^3/_4$ к. — Старый лопарь. Сказка. $^3/_4$—$1^1/_2$ к.

М. Группе. Новое рукодѣліе. Вып. II. 45 к.

Ф. Паркеръ. Сузи и ея братья. 55 к.

Б. Зейфертъ. Какъ самому сдѣлать фотографическій аппаратъ. 12 к.

С. С. Караскевичъ-Ющенко. Очерки и разсказы. Опытъ преподаванія въ двухъ младшихъ классахъ городскихъ школъ. Сост. кружкомъ городск. учительницъ. 25 к.

О. В. Гиршъ-Зимина, Е. Фортунатова, Л. Шлегеръ. Давайте вырѣзать и наклеивать. Вып. I и II по 75 к.

Изд. „Освобожденіе".

П. Миль. По бѣлому свѣту. Разск. 1 р.

Л. Ждановъ. Въ сѣтяхъ питриф. (Два потока.) „Историч. библ". Т. I. 1 р. 50 к.

Изд. т-ва „Знаніе".

С. Гусевъ-Оренбургскій. Разск. Т. IV. 1 р. 25 к.

М. Пришвинъ. Очерки. Т. II. 1 р. 25 к.

А. Н. Вознесенскій. Черное солнце. Разск. 1 р.

А. Энгельмейеръ. Разсказы. Т. I. 1 р. 25 к.

Б. Грн. Юные лучи. Стихи. Ч. I. 1 р. 20 к.

Л. Н. Никоновъ. Практическія занятія по начальному курсу природовѣдѣнія. Изд. „Подв. музея уч. пособ." 2-е. 30 к.

Его-же. Постановка практическихъ занятій по нач. курсу природовѣд. Изд. „Подвижн. муз. уч. пос.". 3-е.

А. Гурьевъ. Отъ скуки. Кн. 1-я. 1 р.

Бюллетени „Дома Пѣсни". № 3. 1912—13 г.

Ю. Д. Филипповъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. 50 к.

И. Я. Блиновъ и М. В. Побѣдимовъ. Законъ и практика по имущ. сдѣлкамъ. 2 р.

О. П. Верховская. Картинки прошлаго. Изъ воспоминан. дѣтства. Изд. Е. Д. Трауцкой. 1 р. 50 к.

А. Сорокинъ. Золото. Монодрама. Изд. „Звѣзда". 10 к.

Его-же. Смертельно раненые. Изд. „Звѣзда". 40 к.

К. М. Гречищевъ. Сифилисъ и венерическія болѣзни въ Томскѣ.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

МАСКИ ежемѣсячный журналъ, посвященный искусству театра. Открыта подписка на 1913 годъ. Издаваемый при ближайшемъ участіи: Леонида Андреева, М. Бонча-Томашевскаго, Ал. Н. Вознесенскаго, Сергѣя Глаголя, Е. Гунста, Ѳ. Коммиссаржевскаго, М. Ликіардопуло, А. Линкъ, М. В. Орлова, Вас. Сахновскаго и Б. О. Шмидтъ. Программа журнала: 1) статьи по общимъ вопросамъ театра, сценич. литерат., критики и жизни сцены. 2) Статьи по вопросамъ театральной техники, декоративн. искусству, искусству пѣнія и танца. 3) Статьи о выдающ. явл. текущей жизни театра въ Россіи и за границей. 4) Обзоръ текущей сценической литературы—русской и иностранной. 5) Лѣтопись театральной жизни въ Россіи и за границей. 6) Фельетонъ. 7) Провинція. 8) Мелочи. 9) Иллюстраціи и портреты. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, К. Арабажинъ, А. Араповъ, Ю. Айхенвальдъ, Александръ Бенуа, А. Блокъ. М. Бончъ-Томашевскій, К. Бравичъ, Ал. Н. Вознесенскій, Волынскій, А. Гидони. Сергѣй Глаголь. Е. Гунъ, Н. Евреиновъ, В. Ермиловъ, Н. Карабановъ, А. Койранскій, Ѳ. Коммиссаржевскій, Е. Ленина. А. Линкъ, М. Ликіардопуло, А. Локтинъ, В. Мейерхольдъ. М. В. Орловъ, Н. А. Поповъ, Максъ Рейнгардтъ, Н. Рерихъ, Вас. Сахновскій, гр. А. Толстой, Е. Чириковъ, В. О. Шмитъ. Содержаніе перваго номера: Леонидъ Андреевъ.—„Профессоръ Сторицынъ". Новая драма. Ѳ. Коммиссаржевскаго—„Фаустъ" на сценѣ. Вас. Сахновскій—„Фаустъ" въ постановкѣ Коммиссаржевскаго. Рерихъ.—О „Перъ Гюнтѣ". Сергѣй Глаголь.—„Перъ Гюнтъ" на сценѣ Художеств. театра. Е. Гунстъ. „Франческа да-Римини и Скупой рыцарь" С. В. Рахманинова. М. Бонча-Томашевскій.—Сцена и зритель. Ал. Н. Вознесенскій.—У корней театра: Арабскій театръ. Н. Евреиновъ. Театральныя инвенціи. За рубежомъ: „Ninon de Lanclos"—М. В. Орлова, статьи Е. Ленинной и М. Ликіардопуло. Театральная хроника, библ. и пр. В. Сѣровъ.—Неизд. портретъ Леонида Андреева (лит.) Н. Рерихъ.—Неизд. рисунки къ „Перъ Гюнтъ" и пр.

Подписная цѣна: Восемь книгъ въ годъ съ доставкой и пересылкой 4 руб. 50 коп., на первые 3 №№ 1912 г. 1 руб. 50 коп. (съ доставкой и пересылкой), отдѣльные №№ 50 коп. (до 1-го января) и 75 коп. послѣ 1-го января.

Подписка принимается: Москва, Б. Молчановка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *М. В. Орловъ.* Редакторы: *Ал. Н. Вознесенскій и М. В. Орловъ.*

Принимается подписка на 1913 г. на грузинскія церковно-общественныя изданія журнала

„ГАНТІАДИ“ и газ. „ШИНАУРИ САКМЕЕБИ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за оба изданія — 8 руб. въ годъ; отдѣльно на журналъ „ГАНТІ-АДИ“ — 5 руб на газету „ШИНАУРИ САКМЕЕБИ“ — 4 руб. Адресъ: г. Кутаисъ, Казаковская, № 17.

Союзъ Потребителей.

11-й годъ изданія. Посвященный интересамъ русской кооперацiи вообще и потребительской въ частности. Выходитъ 36 разъ въ годъ. Открыта подписка на 1913 г. На журналы „Союзъ Потребителей“ и „Объединеніе“, Изданія Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ. Въ „Союзѣ Потребителей“ помѣщаются указанія и совѣты для практическихъ дѣятелей кооперацiи, а также корреспонденцiи съ мѣста изъ жизни потребительныхъ обществъ. Журналъ обращаетъ особенное вниманіе на ознакомленіе своихъ читателей съ положеніемъ и развитіемъ кооперацiи за границей.

Подписная цѣна: за годъ — 3 р., за ½ г. — 1 р. 60 к., 3 мѣсяца — 85 к. Всѣ подписчики „Союза Потребителей“ получаютъ, кромѣ того, 24 №№ популярнаго, кооперативнаго журнала „Объединеніе“. Сброшюрованные экземпляры „Союза Потребителей“ за 1904, 1905, 1906, 1908, 1909, 1910 и 1911 гг. по 2 р. 50 к. съ пересылкой.

ОБЪЕДИНЕНІЕ.

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ. III годъ изданія. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 20 страницъ. Статьи и замѣтки по кооперацiи, вопросамъ рабочей и крестьянской жизни, повѣсти, разсказы, стихотворенія. Изложеніе и содержаніе журнала приноровлено къ пониманію и нуждамъ рабочихъ и крестьянъ, составляющихъ главную массу членовъ въ Потребительныхъ Обществахъ. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздачи членамъ и покупателямъ журнала „Объединеніе“.

Подписная плата при отдѣльной подпискѣ 1 р. 20 к. въ годъ съ пересылкой. Для О-въ, выписывающихъ по одному адресу „Объединеніе“ для безплатной раздачи своимъ членамъ назначена слѣдующая расцѣнка.

При выпискѣ	3	экземл. за годъ	2 р.		
„ „	5	„ „ „	3 „		
„ „	10	„ „ „	6 „		
„ „	15	„ „ „	8 „		
„ „	20	„ „ „	10 „		
„ „	25	„ „ „	12 „		
„ „	30	„ „ „	14 „		
„ „	40	„ „ „	18 „		
„ „	50	„ „ „	22 „		
При выпискѣ	60	экземпл. за г.	26 р.		
„ „	100	„ „ „	35 „		
„ „	150	„ „ „	55 „		
„ „	200	„ „ „	65 „		
„ „	300	„ „ „	90 „		
„ „	400	„ „ „	115 „		
„ „	500	„ „ „	140 „		
„ „	1000	„ „ „	270 „		

Подписная плата, начиная отъ 50 экз., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ года. Подписка принимается: въ конторѣ редакцiи — Москва, Новая Переведеновка, домъ Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ. Кіевъ. Агентура Московскаго Союза. Подолъ, Спасская, № 16. Ростовъ-на-Дону. Агентура Союза. Малый Проспектъ, № 43. Въ лавкахъ Потребительныхъ Обществъ, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.

Редакторъ *В. И. Зельгеймъ.*

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва: Тверская, д. 29, кв. 46.

НОВЫЯ КНИГИ:

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 2 р. 50 к. **П. Моранъ.** Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Цѣна 3 р. **Де-Ремюза.** Мемуары. Т. I Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Цѣна 2 р. **Шуазель-Гуффье.** Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к. **Жераръ де-Нерваль.** Сильвія, Октавія, Изида, Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова Цѣна 1 р. **Ж. К. Гюисманъсъ.** Собр. соч. Т. III. Парижскіе арабески. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. **Н. Русовъ.** Озеро. Романъ въ 2-хъ част. Изданіе второе. Цѣна 1 р. **Н. Русовъ.** „Любовь возвращается“. Романъ. (Выйдетъ въ ноябрѣ). **Ф. М. Клингеръ.** Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. со вступ. статьей и примѣчан. А. Лютера. (Выйдетъ въ ноябрѣ). **Л. Круковская.** П. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 40 к.

Для Народнаго Учителя

открыта подписка на журналъ на 1913 г. Изданія годъ VII. Редакція Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ іюня и іюля, всего 20 разъ въ годъ книжками отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ. Журналъ ставитъ своей задачей: 1) Содѣйствовать обновленію нашей школы на началахъ, диктуемыхъ современной научной педагогикой и запросами русской жизни. 2) Содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Съ этой цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ новыхъ педагогическихъ идей какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, и даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія. Постоянные отдѣлы въ журналѣ: „Изъ школьной жизни за границей", „Школьная практика", „Библіотечная практика", „Библіографія", „Хроника учительскихъ организацій и просвѣтительныхъ обществъ", „Хроника земской дѣятельности по народному образованію", „Изъ писемъ учителей" и „Правительственныя распоряженія". Съ предстоящаго 1913 года журналъ увеличиваетъ свой объемъ, вновь вводя „Обзоръ періодической печати". Въ этомъ отдѣлѣ читатель найдетъ обзоръ помѣщаемыхъ въ лучшихъ журналахъ статей: по психологіи, философіи, логикѣ, педагогикѣ, методикѣ преподаванія, дѣтскому чтенію и вообще по вопросамъ воспитанія и образованія, школьнаго и внѣшкольнаго. Открывая этотъ отдѣлъ, редакція имѣетъ въ виду предоставить читателю возможность быть освѣдомленнымъ обо всемъ, что въ періодической печати появится новаго по вопросамъ воспитанія и обученія. Кромѣ этого значительно будетъ расширенъ отдѣлъ „Библіографіи". Здѣсь будутъ дѣлаться сообщенія о всѣхъ новыхъ книгахъ, могущихъ такъ или иначе интересовать учителя и педагога, въ особенности дѣятеля по народному образованію. Особенное вниманіе будетъ обращено на учебную и дѣтскую литературу. Въ 1913 году въ журналѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены статьи: „Учебники по русск. исторіи для начальн. училищъ", „Учебники по русск. и всеобщ. исторіи для народн. учил. повышеннаго типа" (В. Н. Бочкаревъ), „Несталоцци и его современное значеніе" (Г. К. Веберъ), „Эволюціонизмъ и школа", „Алкоголизмъ, какъ бытовое явленіе", „Обыденное самоотравленіе" (А. О. Малининъ), „Умственное утомленіе", „Наглядность въ обученіи", „Память и запоминаніе" (М. М. Рубинштейнъ), „Этюды по психологіи памяти", „Дѣтскіе идеалы", „Дѣтскіе рисунки, какъ матеріалы для изученія дѣтской психологіи" (П. А. Рыбниковъ), „Воспитаніе воображенія", „Воспитаніе эстетическаго чувства" (П. В. Самсоновъ), „Національныя особенности подвижныхъ игръ и народный учитель" (Н. С. Филитисъ) и др.

Съ увеличеніемъ объема журнала нѣсколько увеличивается и подписная цѣна, а именно: цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. (вмѣстѣ съ „Практической Школьной Энциклопедіей" 6 руб.), на полгода 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго № журнала 20 коп. Подписчикамъ журнала на 1913 годъ предоставлены льготныя условія при пріобрѣтеніи новой книги: „Практическая Школьная Энциклопедія". Годовые подписчики журнала получаютъ „Практическую Школьную Энциклопедію" вмѣсто 3 руб. 50 коп. безъ пересылки за 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Грузинская, д. 32 (телеф. 159-41) а также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Пробный № журнала, подробныя свѣдѣнія и отзывы печати объ „Энциклопедіи" высылаются безплатно.

Голосъ Минувшаго.

Открытта подписка на 1913 г. на новый ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы, издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина и В. П. Семевскаго. Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы, русской и всеобщей. Въ выборѣ темъ и въ характерѣ изложенія журналъ будетъ избѣгать всего, носящаго узко-спеціальный характеръ, и имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ читателей. Программа журнала: I. Историческая беллетристика. II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ. III. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи. IV. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д. V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей. VI. Критика и библіографія. VII. Новости русской и иностранной науки. VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. IX. Хроника. Журналъ будетъ иллюстрированъ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1913 года. До настоящаго времени согласились принять участіе: проф. С. В. Аскеназы, проф. Г. Е. Афанасьевъ, поч. акад. К. К. Арсеньевъ, проф. О. Д. Батюшковъ, П. И. Бирюковъ, поч. акад. И. Д. Боборыкинъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. П. Бочкаревъ, И. Л. Бродскій, В. Я. Брюсовъ, проф. В. П. Бузескулъ, П. И. Бѣлоконскій, прив.-доц. Н. П. Васяленко, А. М. Васютинскій, поч. акад. А. М. Веселовскій, проф. С. А. Венгеровъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Р. Ю. Виппперъ, М. Л. Вишницеръ, Е. Н. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Ч. Вѣтринскій, Г. П. Георгіевскій, М. О. Гершензонъ, С. М. Горяиновъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. Э. Д. Гриммъ, А. Е. Грузинскій, проф. М. С. Грушевскій, акад. М. А. Дьяконовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. Е. Ефименко, проф. В. А. Желѣзновъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, П. П. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, проф. В. С. Иконниковъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. Н. Карѣевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. П. С. Коганъ, Л. С. Козловскій, поч. акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко, проф. С. А. Корфъ, акад. Н. А. Котляревскій, К. С. Кузмвнскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, прив.-доц. П. К. Кульманъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. О. Лернеръ, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, В. Л. Модзалевскій, В. А.

Макотинъ, В. П. Обнинскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. Н. Перцевъ, проф. Д. М. Петрушевскій, пр.-доц. Н. К. Пиксановъ, прив.-доц. В. П. Пичета, М. Н. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, Т. И. Полверъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, проф. М. П. Ростовцевъ, В. А. Розенбергъ, проф. М. Н. Розиковъ прив.-доц. Н. Н. Романовъ, Н. С. Русановъ, П. С. Рябушинъ, проф. А. Н. Савинъ, В. П. Саитовъ, С. Г. Сватиковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. В. В. Сиповскій, В. П Срезневскій, прив.-доц. Б. Н. Сыромятниковъ, проф. М. Н. Сперанскій, проф. Е. В. Тарле, проф. П. Н. Фирсовъ, пр.-доц. С. О. Фортунатовъ, пр.-доц. В. М. Фриче, проф. М. М. Хвостовъ, А. А. Чебышевъ, акад. А. А. Шахматовъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, П. А. Янчукъ и друг. Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ особо.

Условія подписки: на годъ 8 руб., на $^1/_2$ года 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ: 1) Въ конторѣ журнала, Пятницкая, типографія Т-ва И. Д. Сытина; 2) въ Отдѣлѣ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина (Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина); 3) въ конторѣ „Русскаго Слова" (Тверская); 4) во всѣхъ розничныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. Въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина, а также въ книжномъ складѣ „Провинція" С.-Пб., Стремянная, 6). **Адресъ редакціи:** Москва, Знаменка, д. № 15, кв. № 15.

Редакторъ-издатель *С. П. Мельгуновъ.*

„Вѣстникъ Теософіи".

Открыта подписка на 1913 годъ на религіозно-философско-научный журналъ. (Шестой годъ изданія.) „Вѣстникъ Теософіи" возникъ въ отвѣтъ на религіозные запросы духа, которые являются однимъ изъ важнѣйшихъ знаменій нашего времени. Наше время проникнуто тревогой исканія потому, что духъ человѣческій переросъ существующія нормы жизни, что онъ стремится къ инымъ болѣе нравственнымъ отношеніямъ человѣка къ человѣку, требуетъ болѣе широкаго простора для своего выросшаго сознанія и его уже не можетъ удовлетворять ни слѣпая вѣра, ни научное безвѣріе. Возмужалый духъ требуетъ новой оцѣнки своихъ стремленій и идеаловъ, проведенной черезъ строгое сознаніе и черезъ запросы выросшей общественной совѣсти. Удовлетворить эти исканія, отвѣтить на эти запросы можетъ лишь то ученіе, которое способно соединить въ единомъ научно-религіозномъ синтезѣ всѣ стороны—общественныя, научныя и духовныя—жизненнаго творчества. Такимъ синтезомъ является Теософія, перекинувшая мостъ изъ глубины вѣковъ въ раскрывающіяся дали будущаго. Задача нашего журнала освѣтить—по возможности — всѣ области жизни ея свѣтомъ и познакомить русскихъ читателей съ сокровищами ея ученій, которыя раскрываютъ передъ нами духовное творчество всѣхъ вѣковъ и народовъ. Лежащія въ основѣ Теософіи доказательства духовнаго единства всѣхъ міровыхъ религій, изъ котораго вытекаетъ и единство, братство всего человѣчества, и глубокая наука о душѣ, раскрывающая скрытыя свойства сложной природы человѣка, ведутъ къ новому міропониманію и призываютъ всѣхъ къ объединенной работѣ на пользу расширившихся запросовъ жизни. Программа журнала: 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія; 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ; 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей; 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія; 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.; 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ. Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8^0, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, П. Бронникой, А. Дана, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, А. В. Гардеръ, Н. Герветъ, М. Каменской, Е. М. Кузьмина, Е. Лявчакъ, Н. Лихачевой, К. Латынина, П. Мандціарли, В. Молокиной, В. Меркурьевой, Е. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, М. Самохвалова, М. Станюковичъ, Д. Страндена, Н. А. Трофименко, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, Н. П. Эрасси, Эссель и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ. Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайна Доктрина" Е. П. Блаватской (извлеченія), „Путь къ посвященію", А. Безантъ, „Теософія и современныя теченія въ наукѣ и соціологіи", доктора Рудольфа Штейнера, „Ясновидѣніе", Ч. Ледбитера, статьи по сравнительному изученію религій (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др. отдѣламъ.

Цѣна 6 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за $^1/_2$ года—3 р. 50 к., за 3 мѣсяца—2 р. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской—20 к., городского на иногородній и обратно иногороднаго на городской—50 к. Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 р. Подписка для иногородныхъ только черезъ контору Редакціи. Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 ч. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 ч. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1913 года. По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 ч. дня.

Отъ редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, невостребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Журналъ уголовнаго права и процесса,

издаваемый въ С.-Петербургѣ. Второй годъ изданія. Принимается подписка на 1913 годъ при Русской Группѣ Международнаго Союза Криминалистовъ при ближайшемъ участіи: М. Н. Гернета, А. А. Жижиленко, Е. М. Кулишера, П. И. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Н. Н. Полянскаго и М. П. Чубинскаго, и при постоянномъ сотрудничествѣ: М. Л. Гольдштейна, О. О. Грузенберга, Н. В. Даныдова, Л. М. Зайцева, М. М. Исаева, А. Д. Киселева, В. Н. Новикова, А. А. Піонтковскаго, В. Д. Плетнева, П. С. Пороховщикова, Н. Н. Розина, Е. Д. Синицкаго, Г. Б. Сліозберга, Л. Я. Таубера, В. Н. Ширяева и др. **Программа журнала:** I. Вопросы науки уголовного права и процесса вмѣстѣ съ вспомогательными дисциплинами. 1) Уголовная антропологія, 2) уголовная статистика, 3) уголовная политика и соціологія, 4) тюрьмовѣдѣніе, 5) наука уголовной полиціи). II. Текущіе вопросы уголовно-правовой жизни. III. Судебная практика. IV. Хроника русская и иностранная. V. Библіографія. VI. Университеты и юридическія общества. VII. Труды Международнаго Союза Криминалистовъ и его Русской Группы.

Въ 1912 г. въ журналѣ помѣщены статьи: М. Н. Гернета, Елены Г-гъ А. А. Жижиленко, Л. М. Зайцева, Т. О. Зейлигеръ, М. М. Исаева, Е. М. Кулишера, П. И. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Вячеслава Новикова, Н. А. Окунева, С. П. Ордынскаго, В. Д. Плетнева, Н. Н. Полянскаго, П. Н. Розина, В. Б. Станкевича, Статистика, В. Финка, Д. А. Червонецкаго, М. П. Чубинскаго, В. Н. Ширяева, Г. И. Штильмана и др.; положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Сената (Общ. Собр. Угол. Деп. и его отдѣл.) за 1911 г.; отчеты о засѣданіяхъ Спб. Юридическаго Общества; труды Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ; приложеніе—стенографич. отчетъ о засѣданіяхъ IX Общаго собранія Русской Группы Междун. Союза Кримин. (Новымъ подписчикамъ на 1913 г. приложеніе высылается безплатно). „Журналъ Уголовнаго Права и Процесса“ выходитъ четыре раза въ годъ.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., полгода—2 р., отдѣльная книжка—1 р. 25 к. Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ Журнала и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Адресъ конторы: СПБ., Литейный пр., 28. Телеф. 41-61. Адресъ редакціи: СПБ., Дегтярная ул., 22. Телеф. 558-50. Издатель *В. Д. Набоковъ*. Редакторъ *П. И. Зайцевъ*.

Открыта подписка на 1913 годъ

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

24-й годъ изданія.

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

24-й годъ изданія.

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика, **подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, **подъ ред. А. Я. Гуревичъ.** III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библіотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣйшія правит. распоряженія и законодат. постановленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. Алешинцевъ, Х. Д. Алчевская, Ц. П. Балталонъ, проф. П. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Н. Борецкій-Берфельдъ, Н. Бочкаревъ, Э. Вахтерова, В. П. Вахтеровъ, проф. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. Владимірскій, Ч. Вѣтринскій, проф. П. Гревсъ, проф. А. Грунскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Елачичъ, проф. П. Заболотскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, Н. Н. Іорданскій, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. Н. Карѣевъ, В. Келтуяла, чл. Г. Думы Пв. Ключевъ, проф. Н. М. Книповичъ, Н. П. Коробка, проф. П. Лапшинъ, проф. А. Лазурскій, Э. Ф. Лесгафтъ, проф. Т. Локоть, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, проф. А. Музыченко, проф. А. П. Нечаевъ, М. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Оршанскій, А. И. Острогорскій, проф. А. Л. Погодинъ, д-ръ В. Рахмановъ, Б. Райковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. Г. П. Россолимо, Н. А. Рубакинъ, Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, С. П. Сазоновъ, Л. С. Севрюкъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, А. Стаховичъ, чл. Г. Думы І. Титовъ, Н. Томилинъ, М. Тростниковъ, Г. Г. Тумимъ, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, проф. Г. В. Хлопинъ, В. Чарнолускій, В. Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. П. Шохоръ-Троцкій, кн. Д. И. Шаховской, А. Яцимирскій и др.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ. **Подписная цѣна:** въ СПБ. безъ дост. — **семь** р., съ дост. — **7 р. 50** коп., для иногородн.— **восемь** руб.; за границу — **девять** руб. въ годъ. Для **сельскихъ учителей**, выписыв. журналъ за свой счетъ — **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ — **3** р. и къ 1 іюля — 3 руб.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., **уступка въ 15%**. Книжнымъ магазинамъ **за комиссію 5%** съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой **только въ конторѣ редакціи** (СПБ., Лиговская, д. 1). **Редакторъ-издатель Я. Я. ГУРЕВИЧЪ.**

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1913 годъ (двадцать второй годъ изданія). Въ 1913 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ по нижеслѣдующей программѣ: I. Творенія св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (св. Максима Исповѣдника). II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ и общественнымъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи и видныхъ представителей внѣ-школьнаго богословія. III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйшихъ событій изъ Церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ. IV. Хроника академической жизни: отчеты о магистерскихъ диспутахъ, объ ученыхъ юбилеяхъ, о работѣ научныхъ академическихъ обществъ и кружковъ и о различныхъ перемѣнахъ во внѣшней и внутренней жизни нашей Академіи. V. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранной богословско-философской и церковно-исторической литературы. VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдѣльной нумераціей страницъ, труды выдающихся представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ (преднамѣчаются: Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго, и недавно, послѣ многихъ и усиленныхъ разысканій найденное Толкованіе на Апокалипсисъ Архимандрита Ѳеодора (Бухарева),— главный трудъ его жизни). VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 годъ.

Органъ высшей Церковной школы, „Богословскій Вѣстникъ“ самымъ положеніемъ своимъ призывается къ неуклонному служенію методами и орудіями науки, интересамъ св. Церкви Раскрывать нетлѣнныя сокровища Сокровищницы Истины и углублять пониманіе ихъ въ современномъ сознаніи, уяснять вѣчное и непреходящее значеніе церковности, показывать, что она есть не только моментъ и фактъ исторіи, но и непреложное условіе вѣчной жизни—такова прямая, положительная задача этого служенія Церкви. Но положительнзя задача неизбѣжно связывается съ задачею отрицательною,—съ борьбою противъ расхищенія духовнаго достоянія Церкви, съ расчисткою Церковныхъ владѣній отъ всѣхъ чуждыхъ природѣ ея силъ, покушающихся на ея собственность и на самое ея существованіе. Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“ Переводъ Твореній св. Максима Исповѣдника. Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“, подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены пятая и шестая части **ТВОРЕНІЙ ПРЕП. ЕФРЕМА СИРИНА**. Всѣмъ подписчикамъ будетъ разослана безплатно брошюра проф. Д. Ѳ. Голубинскаго.—Руководство къ пасхаліи. Кромѣ того, въ редакціи остается ограниченное количество нижепоименованныхъ изданій, одно изъ которыхъ можетъ быть выслано безплатно, по указанію подписчика. Изданія эти слѣдующія: 1⁰, Проф.-Протоіер. А. В. Горскій,— Слова. 2⁰, Объ Антихристѣ. 3⁰, Св. Левъ, папа Римскій. 4⁰. Указатель къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“, первое десятилѣтіе 1892 г.—1901 г. Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній препод. Ефрема Сирина **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ**. Прим. Безъ пересылки—семь рублей, за границу—десять. Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.) Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб За перемѣну адреса 20 коп. Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30% въ зависимости отъ размѣровъ заказа. Журналъ „Прибавленія къ изданію твореній св. отцовъ въ рускомъ переводѣ“ за имѣющіеся годы высылаются подписчикамъ со скидкоѣ 50% съ цѣнъ каталога. Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губ., въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ **Павелъ Флоренскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЫ:

1) **„ЮНАЯ РОССІЯ“** (Дѣтское чтеніе) ежемѣсячный иллюстрированый журналъ для семьи и школы. ——— **Сорокъ пятый годъ изданія.** Журналъ **ДОПУЩЕНЪ** къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1913 г. журналъ „ЮНЯ РОССІЯ“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр.

Безплатныя приложенія къ журналу „Юная Россія“ на 1913 г.:

I. **Ч. Робертсъ.** Разсказы: 1) Сѣрый атаманъ. 2) Послѣдняя охота Сѣраго 3) Черная дебрь. Переводъ съ англ. В. Гатцука. Съ рисунк. II. Исторія одной жизни (Томасъ Эдисонъ) **Н. Каринцева.** III. Путешествія Н. М. Пржевальскаго, Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. **С. Покровскаго.** IV. Сборникъ избранныхъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, С. Я. Надсона, И. З. Сурикова, К. М. Фофанова, Н. В. Жадовской, В. Л. Величко, С. Д. Дрожжина и друг., подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.**

Цѣна на годъ: 4 руб. 50 коп. безъ перес., 5 руб. съ перес. За границу 7 руб.

2) **„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“,** журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Сорокъ пятый годъ изданія. ☐ **Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 лист.**

Подписная цѣна на оба журнала 6 руб. на годъ съ пересылк., безъ пересылки 5 руб.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.
Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ. Цѣна въ годъ: 1 р. 75 к. безъ пересылки: 2 р. съ перес. За границу 3 руб. —— Книгопродавцамъ уступка 5%.
Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: за страницу 40 руб., за 1/2 страницы—20 руб., за 1/4 страницы—10 руб. за 1/8 страницы—5 руб.
Издательница Е. Н. Тихомирова *Редакторъ Д. И. Тихомировъ.*
При журн. „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжн. складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.
Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

Одесскій Листокъ

ежедневная, общественно-политическая, литературная и коммерческая газета. Открыта подписка на 1913 годъ. Годъ изданія 40-й. 2 раза въ недѣлю—безплатныя иллюстрированныя приложенія. Рисунки дамскихъ модъ. Шахматы и шарады. Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе столичные и мѣстные журналисты и писатели. Въ 1913 году „Одесскій Листокъ“ будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, значительно усиленномъ за послѣднее время. Составъ сотрудниковъ безпрестанно дополняется новыми силами. Подробный справочный отдѣлъ—въ немъ, между прочимъ, помѣщаются списки прибывшихъ въ кассу по уплатѣ наложенныхъ платежей Ю.-З. ж. д. извѣщеній на отправленные грузы. Завѣдуетъ редакціей И. В. Александровскій. Секретаремъ редакціи свыше 30 лѣтъ состоитъ В. Я. Лучинскій.

Подписная цѣна газеты: Въ Одессѣ: съ доставкой на домъ. На полгода—6 руб.; на 3 мѣс.—3 руб. 50 коп.; на 1 мѣс.—1 руб. 20 коп. На города: съ пересылкой по почтѣ. На полгода—7 руб.; на 3 мѣс.—3 руб. 80 коп.; на 1 мѣс.—1 руб. 30 коп.

Допускается разсрочка годовой подписной платы. Въ Одессѣ въ 2 срока: 1 янв.—5 руб. и до 1 іюня—5 руб. Въ Одессѣ въ 3 срока: 1 янв.—4 руб. къ 1 апр.—3 руб. и къ 1 авг.—3 руб. Для иногородныхъ въ 2 срока: 1 янв.—6 руб. и до 1 іюня—6 руб. Для иногородн. въ 3 срока: 1 янв.—4 руб., къ 1 апр.—4 руб. и къ 1 авг.—4 руб. За границу къ иногородней цѣнѣ приплачив. по 1 руб. за каждый мѣс. За перемѣну иногородн. адреса взимается 20 коп. Квитанція на подписку оплачивается гербовымъ сбор. въ 5 коп. за счетъ подписч. Въ розничной продажѣ № газеты 5 коп. Плата за объявленія: впереди текста по 40 коп. за строку нонпареля въ одинъ столбецъ, а позади текста по 20 коп. за печатн. строку нонпареля въ одинъ столбецъ за каждый разъ, на 2 и 3 стр. вверху текста 60 коп. за строку. Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или занятій, печатаются позади текста съ платою ниже таксы. Въ иллюстрированномъ приложеніи 40 коп. за строку въ 4 стран.

Контора газеты: открыта съ 9 час. утра до 7 час. веч. въ Одессѣ, Ланжероновская ул., рядомъ съ Городскимъ театромъ, въ домѣ редактора-издательницы С. М. Навроцкой. Телефонъ: редакціи за № 56, конторы № 28, типографіи № 120. Редакторъ-издательница *С. М. Навроцкая.*

XVI-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ НА** XVI-й годъ изданія.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛІОГРАФІИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

Необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.

Каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ: 1) **Иллюстр. статьи** по вопросамъ литературы, науки и библіографіи. 2) **Литературныя воспоминанія** и біографіи, съ портретами, автографами и пр. 3) **Критическіе очерки** о новыхъ книгахъ и новыхъ теченіяхъ въ литерат. и Россіи и за границею. 4) **Историко-литературныя изслѣдованія.** 5) **Статьи по техникѣ чтенія.** 6) **Обзоръ** текущей литературы русской и иностранной. 7) **Иллюстраціи:** снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библіотечные знаки, карикатуры и пр. и пр. 8) **Хроника** литературнаго міра въ Россіи. 9) **Русскія книжныя новости.** 10) **Вѣсти** Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ. 11) **Россика** (свѣдѣнія о переводахъ на иностран. язык. 12) **Новости** по библіот. дѣлу и библіогр. 13) **Отзывы и рецензіи** о новыхъ книгахъ. 14) **Справки,** касающіяся книгъ. 15) **Ежемѣсячные каталоги** новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣмецк., англ.

Приложенія: Систематическіе каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и спеціальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по литературѣ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка). **1 р.**

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гост. Дв., 18 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курдюмовой (противъ университета).

Жизнь для всѣхъ.

Открыта подписка на 1913 г. IV годъ изданія.

Редакція ставитъ своей задачей облегчить мыслямъ и чувствамъ широкихъ массъ русскаго народа объединиться съ мыслями и чувствами выдающихся представителей человѣчества въ ихъ творчествѣ истины и справедливости. „Жизнь для всѣхъ“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ. Подписчики 1-го изданія получаютъ 12 книжекъ журнала (2000 страницъ убор. печати) съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги и 3 приложенія: Н. А. Рубакинъ—„Исторія земли“; М. Слобожанинъ—„50-лѣтіе земства“ (обширный трудъ, дающій обзоръ дѣятельности земства за 50 лѣтъ); В. А. Поссе—„Исторія царствованія Николая II“. (Исторія царствованій Александра II и Александра III, изданную, какъ приложеніе къ 1912 году, новые подписчики на 1913 годъ могутъ получить за приплату 50 коп.). Цѣна 1-го изданія на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. Подписчики II-го изданія получаютъ тѣ же 12 книжекъ журнала, тѣ же три приложенія и кромѣ того 12 томовъ, въ которые войдутъ: 1) „Жизнь Россіи“. (Подробное описаніе страны и ея населенія.) Въ 1913 году будутъ разосланы томы съ краткимъ описаніемъ всей Россіи и съ подробными описаніями Петербурга (научный, художественн. и общественн. путеводитель). Сибири и Дальняго Востока. 2) Сочиненія Фр. Ницше: „Такъ говорилъ Заратустра“ въ переводѣ Ю. М. Антоновскаго и „Афоризмы“. Къ сочиненіямъ будетъ приложенъ очеркъ „Жизнь и творчество Ницше“. 3) Максъ Штирнеръ. Полный переводъ сочиненія: „Единственный и его собственность“, и очеркъ его жизни и творчества съ критикой его ученія. 4) І. Фихте. Переводъ его популярнаго труда „Назначеніе человѣка“ и очеркъ его жизни и творчества. 5) Л. Н. Толстой. „Путь жизни“. Педагогическія статьи. Разсказы и переводы для дѣтей. „Ученіе Христа“. Очеркъ жизни и творчества Л. Н. Толстого. Цѣна II-го изданія (12 книжекъ журнала и 15 томовъ приложеній) 6 руб. 60 коп. съ доставкой и пересылкой. За приплату 3 р. 60 к. подписчики, какъ I-го, такъ и II-го изданія, получаютъ еще 12 томовъ соч. Л. Н. Толстого (всѣ художественныя произведенія, написанныя послѣ 1880 г. и главнѣйшія религіозно-философскія, въ нынѣшнемъ изданіи съ иллюстраціями. Деньги слѣдуетъ посылать въ С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22, редакціи „Жизнь для всѣхъ“. Въ „Жизни для всѣхъ“ ежегодно печатаются отчеты о доходахъ и расходахъ по изданію. Чистый доходъ издатель обязуется отдавать на культурныя дѣла по указанію подписчиковъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе на ряду съ извѣстными литераторами и ученымъ, народные учителя, земцы, рабочіе и крестьяне. Связь между сотрудниками и подписчиками поддерживается „Товарищеской бесѣдой“ и „Голосами Жизни“. За исполненіе условій подписки принимаетъ на себя отвѣтственность Влад. Александр. Поссе. С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22.

Редакторъ-издатель *В. А. Поссе.*

Народное Образованіе.

Ежемѣсячный педагогическій журналъ. Изданіе Учебнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ. Открыта подписка на 1913 годъ. Годъ изданія XVIII. Въ 1913 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Сунодомъ, программѣ: I. Очерки, разсказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни („Уголки школьной жизни“). II. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. IV. Обозрѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьной практики (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы: примѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). VII. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. IX. Библіографическій листокъ. X. Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библіографическія замѣтки и ноты). Кромѣ книгъ журнала подписчики получатъ въ видѣ отдѣльныхъ приложеній: 1) Школьный календарь на 1913—1914 учебный годъ. 2) Книжки для учительской библіотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и книжки для ученической библіотеки (дѣтскіе разсказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для класснаго пѣнія. 4) Рисунки и снимки съ картинъ. Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами. 5) Учебныя карточки. Въ журналѣ принимаютъ участіе А. П. Анастасіевъ, Н. Н. Бахтинъ, Н. Бочкаревъ, проф. А. А. Бронзовъ, проф. Д. П. Введенскій, проф. А. А. Дмитріевскій, Н. С. Дрентельнъ, К. Д. Дубровскій, К. В. Ельницкій, Я. П. Ковальскій, А. А. Коринфскій, свящ. А. Кулясовъ, Кл. Лукашевичъ, П. Н. Луповъ, А. П. Налимовъ, Н. Новичъ, П. П. Полянскій, М. М. Поповъ-Платоновъ, В. Розенбергъ, Л. Рудневъ, свящ. Е. Сосунцовъ, Н. Тичеръ, В. Федоровъ, проф. В. Шимкевичъ, С. Шохоръ-Троцкій, акад. М. В. Яновскій и многіе другіе. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ допущенъ въ народныя библіотеки и читальни, — равно и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. На международной Выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ 1904 года журн. „Народное Образованіе“ удостоенъ золотой медали.

Подписная цѣна на журналъ **ТРИ РУБЛЯ** за годъ съ пересылкою. Въ виду того, что журналъ „Народное Образованіе“ даетъ ежегодно 2 тома свыше 700 страницъ каждый, кромѣ Календаря и безплатныхъ приложеній, указанная цѣна три рубля является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ пониженіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ. Подписка принимается въ книжной лавкѣ Учебнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ (СПБ., Кабинетская, 13). Иногородніе подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: СПБ. Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. „Народное Образованіе“.

Редакторъ *П. Мироносицкій.*

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4 — 5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“ — по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени“ совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени“ представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ“, необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.“: „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами...“ „Рус. Вѣд.“: „Бюллетени“ довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни“... „Бирж. Вѣд.“: „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями“... „Русск. Школа“: „Бюллетени“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени“ оказываютъ огромную услугу“... „Огни“: „Бюллетени“ завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ“... „Рус. Сл.“: „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года“. При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями“... „Совр. Сл.“: „Бюллетени“ переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... „Голосъ“: „Бюллетени“ отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы“: „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени“ являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ“ и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней“ и пожелать имъ наибольшаго распространенія“.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. Имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени“ за 1910 — 11 и 1911 — 12 г.г. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. **1-е отд. конт.:** Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ“ О. Скирмунта. **2-е отд. конт.:** С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція“.

КАПСЮЛИ МАЙЕ

„ЭВКАЛИПТІЯ"

ВСЯКОЕ ЗАБОЛѢВАНІЕ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ПУТЕЙ,

КАКЪ

БРОНХИТЪ, КАТАРРЪ, КАШЕЛЬ

и особенно изъ хроническія формы подрываютъ здоровье и крайне опасны для легкихъ. Наилучшимъ усовершенствованнымъ средствомъ, быстро и радикально устраняющимъ болѣзни органовъ дыханія, является общепризнанный французскій препаратъ,

строго провѣренный на практикѣ и получившій блестящіе отзывы врачей, какъ лучшее средство для леченія болѣзней дыхательныхъ путей.

Капсюли МАЙЕ тщательно дезинфицируютъ зараженныя и воспаленныя ткани легкихъ и горла, убиваютъ проникающихъ въ нихъ микробовъ, быстро устраняютъ кашель, облегчаютъ выдѣленіе мокроты и превращаютъ воспалительные процессы.

Рекомендуется также врачами при леченіи

ТУБЕРКУЛЕЗА ЛЕГКИХЪ.

Продаются въ аптекахъ и аптекарск. магазин.

Цѣна коробки 1 руб. 50 коп.

Въ виду появившихся поддѣлокъ, требуйте Капсюли МАЙЕ съ аллюминіевой упаковкой, съ таможенной пломбой и красной надписью на бумажной сектѣ „Ф. Мишіоъ".

ГУТТЕАЗЪ

ГЕНРИ ПЕНИ

по признанію лучшихъ спеціалистовъ врачей даетъ наиболѣе радикальные и быстрые результаты при леченіи

ПОДАГРЫ, РЕВМАТИЗМА,

ПОЧЕЧНЫХЪ КАМНЕЙ, МОЧЕВОГО ПЕСКА

и прочихъ болѣзней, связанныхъ съ накопленіемъ въ организмѣ мочевой кислоты.

Гуттеазъ обладаетъ наивысшимъ растворяющимъ дѣйствіемъ на мочевую кислоту, способствуетъ удаленію ея изъ организма и препятствуетъ ея дальнѣйшему отложенію.

Примѣненіе Гуттеаза ведетъ къ разсасыванію подагрическихъ и ревматическихъ опухолей и быстрому растворенію почечныхъ камней и песка.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна коробки **3 руб. 25 коп.**

Главное представительство для Россіи: **Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва,** Срѣтенка, 4, отд. 1/153

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Тел. 88-60 и

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 4, no. 7,9
AP
50
B54
g.4,no.7,9

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED